

S. A. S. La Princesse
Romanovsky-Krassinsky

SOUVENIRS DE LA
KSHESSINSKA
PRIMA-BALLERINA
DU THÉÂTRE IMPÉRIAL
DE ST. PÉTERBOURG

«Librairie Plon»

Paris
1960

ЖЕНЩИНА - МИФ

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ

Воспоминания

Смоленск
«Русич»
1998

УДК 820(73)-31
ББК 85 335.42(4Фра)
К 97

Серия основана в 1995 году
Перевод с французского Л. Папилиной
Редактор М. Ливанова

К 97 Кшесинская М. Воспоминания. / Пер.
с французского Л. Папилиной. — Смоленск,
1998. — 416 с., илл. — («Женщина-миф»).
ISBN 5-88590-862-1
ISBN 83-85840-66-4

Имя Матильды Кшесинской навсегда осталось в истории балета не только из-за романа с последним русским императором Николаем II и многочисленных театральных интриг. Ее искусство покорило зрителей многих стран Европы. Блистательный талант танцовщицы позволил ей войти в узкий круг высшей дореволюционной российской элиты, среди которой были и представители дома Романовых, и знаменитые артисты, и политические деятели. Тернистый путь к славе, частную жизнь членов царской семьи в России и в эмиграции и многое другое Матильда Кшесинская, прожившая почти 100 лет, подробно описывает в своих воспоминаниях.

ББК 85.335.42(4Фра)

ISBN 5-88590-862-1
ISBN 83-85840-66-4

© by Matylda Krzesińska, 1960
© Перевод. Л. Папилина, 1997
© Составление серии. «Русич», 1998
© Оформление. А. Барило, 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мои воспоминания были написаны два года назад, но в силу не зависящих от меня печальных обстоятельств опубликовать их тогда не удалось.

Когда я закончила свои записки, сестра великого князя Дмитрия Павловича, Мария Павловна, которой я рассказала об этой работе, захотела их прочесть. Воспоминания ее заинтересовали, и она предложила заняться их изданием, а также переводом на английский язык, который великая княгиня знала в совершенстве. Она также выразила желание написать предисловие — и в знак дружеского расположения, и чтобы лишний раз подчеркнуть (как сказала она сама), что меня не считают чужой в семье.

В течение целого года мы с ней работали над последней редакцией рукописи, и великая княгиня уже приступила к ее переводу, но пошатнувшееся здоровье не позволило ей продолжить работу. Сейчас ее уже нет среди нас. Она умерла в декабре 1958 года и была похоронена рядом со своим братом Дмитрием в семейном склепе в имении ее сына, графа Бернадотта. Само имение находится в Майнау, в Германии.

Свои воспоминания я писала в тесном сотрудничестве с великим князем Андреем, моим мужем. Без

его помощи мне, возможно, не удалось бы их закончить.

В последние годы жизни силы начали его покидать, и мы не смогли заняться изданием моей книги. Кроме того, в 1956 году я во второй раз сломала ногу и в течение шести месяцев была прикована к постели. Осенью того же года Господу было угодно призвать к себе Андрея, а я была убита горем и не могла что-либо предпринять.

Вот почему я стала заниматься изданием своих воспоминаний лишь через несколько лет после этих событий.

Княгиня Мария Романова-Красинская
Париж, июнь 1959 года.

ВОСПОМИНАНИЯ

1. СЕМЕЙНЫЕ ПРЕДАНИЯ

Когда мы были детьми, отец часто рассказывал об истории нашего рода, происходившего от графов Красинских. Начиная с XVIII века семейное предание передавалось из уст в уста, от отца сыну. Однако никому не пришло в голову записать его сразу же, со слов отца, не упуская ни одной подробности. Только сейчас, с помощью брата и сестры, мне удалось частично восстановить рассказ отца в том виде, в котором он услышал его от своего деда.

Мы с огромным интересом слушали повествование об истории наших предков, ведь она определила и наши судьбы: в результате событий, происшедших за полтора века до нашего рождения, возникла театральная династия Кшесинских, последними представителями которой являемся мы с братом и члены его семьи.

События, о которых рассказывал отец, произошли в Польше в первой половине XVIII века. Мой прапрадед унаследовал после смерти своего отца, графа Красинского, огромное состояние, а его единственному младшему брату досталась лишь небольшая часть. Вскоре после этого прапрадед овдовел, а затем от тоски по любимой жене умер и сам, оставив моего прадеда Войцеха на попечение преданного гувернера-француза. Осиротевший двенадцатилет-

ний мальчик унаследовал несметные богатства и огромное поместье графов Красинских.

Его дядя по отцовской линии, считавший себя несправедливо обделенным, хотел завладеть богатством Красинских и решил избавиться от Войцеха с помощью наемных убийц. Однако один из убийц, терзаемый угрызениями совести, во всем признался гувернеру Войцеха, а тот решил, что спасти мальчика можно, лишь немедленно покинув Польшу. Наскоро улаковав самые необходимые вещи и кое-какие документы, стараясь не привлекать к себе внимания, в 1748 году француз уехал вместе с воспитанником во Францию. Там он оставил мальчика у своих родных, имевших дом в окрестностях Парижа, в Нейи. Из предосторожности француз записал Войцеха под фамилией Кшесинский, которую носили его родственники по женской линии.

После смерти гувернера Войцех остался жить в Париже и в 1763 году женился на польской эмигрантке Анне Земковской. В 1770 году у них родился сын Ян. Когда мой прадед узнал, что опасность ему больше не угрожает, он вернулся с сыном в Варшаву. Однако родина встретила его неприветливо. Так как в течение пятидесяти лет о Войцехе не было никаких известий, дядя объявил его умершим, а сам стал владельцем всего состояния графов Красинских. Все попытки прадеда вернуть украденное ни к чему не привели, так как оказалось, что при подготовке к бегству гувернер в спешке не взял с собой необходимых бумаг. В самой же Польше многие архивы, находившиеся в основном в костелах, сгорели во время войн и внутренних конфликтов. Те документы, которые все же остались у прадеда, он держал в специальной шкатулке. Впоследствии он доверил ее моему деду Яну. «Береги ее, как зеницу ока, после моей смерти она откроет тебе дорогу в лучшее будущее», —

часто говорил дедушка моему отцу. Но из-за собственного легкомыслия отец не сумел этого сделать. Один из родственников уговорил отца отдать шкатулку ему на хранение, а потом так и не вернул. Никто не знает, что стало со шкатулкой и куда она исчезла. Единственной вещью, оставшейся после моего отца и подтверждавшей его высокое происхождение, был перстень с печаткой, изображавшей герб графов Красинских. Этот перстень называли «Вороном». Его описание есть в польском гербовнике: «На голубом фоне изображена серебряная подкова, увенчанная золотым крестом, на котором сидит черный ворон с золотым перстнем в клюве. На щите изображена графская корона, шлем и дворянская корона, на которой сидит такой же ворон».

Отец прекрасно помнил, как ребенком ездил вместе с моим дедом во дворец графов Красинских, где дед каждый месяц получал какую-то сумму. Это также является косвенным доказательством его происхождения.

В 1798 году, вскоре после возвращения в Варшаву, мой дедушка женился на Фелициате-Петронеле Дереговской. У них родилось трое детей: мой дядя Станислав в 1800 году, тетя Матильда и мой отец Феликс в 1821 году.

С раннего детства наш дед отличался незаурядными музыкальными способностями и стал скрипачом-виртуозом. Говорят, что он концертировал с самим Никколо Паганини. В молодости у деда был прекрасный тенор, и он исполнял ведущие партии в варшавской Опере, за что получил прозвище «Соловей», а польский король называл его «мой соловушка». Однако впоследствии голос у него пропал, и он перешел в драматический театр и стал знаменитым

актером. Дед дожил до ста шести лет и умер в результате несчастного случая: угорел. В некрологе было написано, что Ян Кшесинский обладал великолепным голосом необыкновенно мягкого и красивого тембра. Там также признавалось, что он был выдающимся актером польского театра и с одинаковым успехом играл как трагические, так и комические роли.

Мой отец с восьми лет обучался хореографии под руководством балетмейстера Мориса Пиона. Сначала он пробовал себя в классическом репертуаре, но потом увлекся характерными танцами и комическими ролями и впоследствии исполнял только их.

В 1835 году, когда отцу было четырнадцать лет, он впервые выступал в Калише перед царем Николаем I. Под Калишем проводились грандиозные военные парады в честь короля Пруссии Фридриха-Вильгельма III. В связи с этими торжествами там построили театр и вызвали из Варшавы самых лучших артистов, в том числе и моего отца.

Встреча двух монархов в Калише была выдающимся политическим событием, и поэтому царь Николай I хотел обставить ее как можно торжественнее. Помимо маневров и военных парадов, в Калише проводились балы, спектакли и пышные приемы. Отец любил рассказывать нам о празднествах, которые сыграли решающую роль в его дальнейшей театральной карьере.

Царь Николай I несколько раз посещал Варшаву и очень любил польские народные танцы, особенно мазурку. В Петербурге их еще не знали, и поэтому в 1851 году царь решил пригласить из Варшавы пять танцовщиков и пять танцовщиц, исполнявших мазурку. Среди них был и мой отец.

К несчастью, во время постановки в Варшаве балета «Катажина» он случайно повредил руку. Трав-

ма была настолько серьезной, что он мог потерять кисть. Однако до ампутации дело не дошло, руку удалось вылечить, но принять участие в первом выступлении в Петербурге ему не удалось. Он приехал позже других и выступал на сцене Александринского театра в «Сельском празднике» 30 января 1853 года.

Отец танцевал краковяк, мазурку и *ра де троис со* Снетковой 1-й и Паркачевой.

С тех пор отец поселился в Петербурге и прожил там до самой своей смерти.

На сцене Мариинского театра моему отцу неизменно сопутствовал успех, а его исполнение мазурки считалось безупречным. Его ценили даже больше, чем знаменитого варшавского танцовщика Попела.

Александр Плещеев, который видел моего отца в зените славы, написал о нем такие слова: «Трудно представить себе более самозабвенное и темпераментное исполнение этого народного танца, полного грации и огня. Кшесинскому удалось придать ему своеобразное и неповторимое достоинство и благородство. С легкой руки Кшесинского, а правильнее сказать, с его легкой ноги, началось триумфальное шествие мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского берут уроки мазурки, которая стала одним из самых распространенных в России танцев».

Император Николай I, который вообще очень интересовался балетом, так полюбил мазурку, что когда 11 июля 1851 года, в день именин великой княгини Ольги Николаевны, в Петергофе должно было состояться гала-представление под открытым небом, он появился на сцене во время генеральной репетиции и выразил желание, чтобы на празднике непременно танцевали мазурку. Оказалось, что артисты не взяли с собой польских национальных костюмов,

и царь разрешил им выступать в костюмах неаполитанских рыбаков. К счастью, у капельмейстера А. Лядова были с собой ноты. Об этом событии упоминает генерал Александр Федорович Гейрот в своей книге «Описание Петергофа».

2. ДЕТСТВО

Д

етство мое было счастливым и радостным. Наши родители очень любили своих детей. Безграничная любовь и забота о нас позволили им создать удивительную атмосферу, которая навсегда останется для меня самым дорогим воспоминанием о тех годах.

Моя мать закончила Императорское Театральное училище и в течение двух лет выступала в балете. Однако вскоре она вышла замуж и оставила сцену. Первым мужем матери был артист балетной труппы Леде, француз.

Овдовев, она снова вышла замуж, теперь уже за моего отца. От этих двух браков родилось тринадцать детей, из которых самой младшей, тринадцатой, была я.

Я появилась на свет 19 августа по старому стилю (1 сентября — по новому) в 1872 году в местечке Лигово, которое находилось в тринадцати верстах от Петербурга. Здесь мои родители снимали дачу, чтобы проводить лето вдали от шумного и пыльного города. На даче детям была предоставлена полная свобода, и они могли целыми днями играть на свежем воздухе.

Наша семья выезжала на дачу в течение двух

лет. Недалеко от дома, где я родилась, находился знаменитый «Красный трактир», в котором в июне 1762 года останавливалась Екатерина II. Тогда, надев мундир Преображенского полка, она стала во главе двух гвардейских полков, а 23 июня ее провозгласили императрицей.

Я была любимицей отца. Чувствуя мою тягу к театру и видя врожденный талант танцовщицы, он надеялся, что я продолжу славную семейную традицию и добьюсь успеха на сцене, где блистал его отец и он сам. Уже в три года я безумно любила танцы, и отец, желая доставить мне удовольствие, брал меня с собой в Большой театр, где ставились оперы и балеты. Мне очень нравилось ездить туда вместе с отцом. Во время одного из таких посещений произошел случай, так крепко засевший в моей памяти, что и сейчас я помню все до мельчайших подробностей, как будто это произошло только вчера.

Отец тогда взял меня в Большой театр на балет «Конек-Горбунок» и устроил в одной из закулисных лож, предназначенных для артистов.

«Конек-Горбунок», поставленный впервые Сен-Леоном 3 декабря 1864 года в бенефис Муравьевой, был очень красивым спектаклем, вполне доступным пониманию даже такой маленькой девочки, которая только начинала приобщаться к театру, но уже успела полюбить его всей душой. Отец исполнял мимическую роль Хана, одну из лучших в его репертуаре. Ему удалось создать незабываемый сценический образ. Усадив меня в кресло, отец ушел в свою уборную, чтобы подготовиться к выходу на сцену.

Я осталась одна. Вся прелесть артистических лож заключается в том, что они находятся над сценой, и оттуда можно было не только следить за представлением, но и наблюдать за сменой декораций во время антрактов. Разумеется, меня все это очень заинтересовало. Никогда не забуду, с каким востор-

гом я смотрела спектакль, с каким вниманием наблюдала за танцами и игрой отца, как удивлялась красочному оформлению и световым эффектам на сцене. День неожиданно сменялся ночью с ярким месяцем на небе, а потом вдруг начинал дуть сильный ветер, и разражалась настоящая буря. Все это казалось мне сказочно прекрасным, таинственным и необыкновенно увлекательным.

Когда представление закончилось, я стала терпеливо ждать отца, зная, что ему нужно переодеться после выступления. Потом он обычно приходил за мной, и мы вместе шли домой. Однако, видя, что никто за мной не идет, я потихоньку слезла с кресла и спряталась за ним так, чтобы меня не было видно, надеясь просидеть в театре до вечернего спектакля, который должен был начаться через пару часов.

Из своего укрытия я могла наблюдать, как расставляются новые декорации для вечернего представления. Ах, как мне было интересно!

А в это время отец, сняв грим и переодевшись, преспокойно отправился домой; он был так доволен спектаклем, что позабыл обо всем на свете, в том числе и обо мне. Увидев его, мать испуганно спросила: «А где же Маля? Что ты с ней сделал?»

— Господи! — с ужасом воскликнул отец. — Я совсем о ней забыл и оставил в театре... — И он побежал за мной.

А я прекрасно устроилась за креслом и с замиранием сердца следила за тем, что происходит на сцене. Услышав шаги отца, я быстро нырнула под сиденье в надежде, что он меня не заметит. К сожалению, мне это не удалось, и отец благополучно доставил меня домой, к огромной радости матери.

Теперь Большого театра в Петербурге уже нет. Его разрушили еще в прошлом веке, а на его месте построили Консерваторию, при которой был театр. С Большим театром связаны мои первые театраль-

ные впечатления, именно там родилась моя любовь к сцене. Мое первое выступление тоже состоялось здесь. Здесь же, но уже в помещении театра при Консерватории, прошло и мое последнее выступление в России.

У моих родителей было четверо детей, из которых один умер в младенческом возрасте. Трое из оставшихся в живых пошли на сцену. Моя старшая сестра Юлия была очень красива и великолепно исполняла характерные танцы; она выступала под именем Кшесинской 1-й. Ее считали гордостью театра и всегда давали лучшие роли. Мой брат Юзеф был очень талантлив и считался ведущим танцовщиком. Красотой он пошел в отца: такой же высокий, статный и так же, как и отец, влюбленный в свое искусство, которое было для него превыше всего на свете.

За свою долгую жизнь мне довелось повидать много прекрасных мастеров, и все же, когда я снова возвращаюсь к мыслям об отце, мне кажется, что, несмотря на все перемены, которые произошли в балетной технике и взглядах на этот вид искусства, такие артисты, как мой отец и Виржиния Дзукки, и сейчас имели бы столь же громкий успех. Их по-прежнему считали бы выдающимися и ставили в пример тем, кто, играя на сцене, не живет на ней и не переживает всей душой за своих героев.

В связи с шестидесятилетием артистической деятельности моего отца в день 8 февраля 1898 года газеты писали, что невозможно перечислить не только все сыгранные им роли, но даже названия балетов, в которых он выступал: «Менялись балетмейстеры и балерины, уходили и приходили руководители театра, режиссеры и дирижеры, и только он по-прежнему оставался на своем посту, несравненный и поистине незаменимый».

Разумеется, за свою долгую артистическую карьеру отец танцевал в великом множестве балетов,

но ближе всего ему были те, в которых он выступал вместе со мной. Это «Пахита», «Дочь фараона», «Эсмеральда». Для меня его игра была основным источником вдохновения. Рядом с ним я чувствовала себя не артисткой на сцене, а героиней, в которую я вдохнула жизнь.

Никто не танцевал мазурку так, как это делал мой отец, который вкладывал в этот танец весь свой темперамент. Отец научил меня мазурке, и она стала неотъемлемой частью меня самой. Любители балета долго помнили небывалый успех моего отца, который исполнял мазурку в спектакле «Которая из трех», где также танцевали Мария Петипа, Лядова 2-я и Кошева. Критики подчеркивали, что за всю сценическую жизнь отца ему не нашлось равных в исполнении мазурки. Именно благодаря ему мазурка вошла в моду в Петербурге и Москве, где до этого ее не танцевали ни в балете, ни на балах, ни при дворе.

3. ЖИЗНЬ В ДОМЕ

Мой отец не был богат, но выступлениями на сцене и уроками зарабатывал достаточно, чтобы мы ни в чем не нуждались. Мы снимали просторные апартаменты в самом фешенебельном районе города. У нас всегда была большая гостиная, где отец проводил занятия, которые я так любила. Из салона слышались звуки вальса или мазурки, а я, тогда совсем еще ребенок, приплясывала, как умела, в такт музыке.

Когда у отца было время, свободное от театра и уроков, он любил что-нибудь мастерить. Но и в этом «малом искусстве» он достиг таких же высот, как и в

искусстве большом, став подлинным виртуозом. Помню, что как-то раз он сделал аквариум очень сложной конструкции с замысловатыми украшениями из камней на дне. Но настоящим его шедевром стал макет Большого театра в Петербурге. Отец не упустил ни одной, даже самой мелкой детали. Декорации поднимались и опускались, как в настоящем театре, действовало настоящее сценическое освещение с маленькими масляными лампочками, а с помощью специальной рукоятки можно было производить смену декораций. Он также создал декорации для одного из балетов. После смерти отца мы подарили этот макет Театральному музею Алексея Бахрушина в Москве.

Я передала туда и свой первый польский костюм, который сшила, когда мне было четыре года. Он был таким маленьким, что казался игрушечным. Я подарила музею и свои детские балетные туфельки, в которых выступала на сцене Большого театра в балете «Конек-Горбунок». Я появлялась, когда действие происходило в подводном царстве, и должна была вынуть перстень из пасти кита. Перстень мне выдавали перед спектаклем, и я сама клала его в пасть кита, чтобы потом достать оттуда во время представления. Это было в самом конце спектакля, но из боязни опоздать я приходила за час до начала, чтобы успеть взять перстень и парик.

Отец мой был человеком общительным и обо-жал принимать гостей. В этом деле он тоже был настоящим мастером. Вершины кулинарного таланта он демонстрировал на Пасху и Рождество. Тогда на столе появлялись различные традиционные блюда, так как все традиции и обычаи соблюдались в нашем доме очень строго. Думаю, что гостеприимство я унаследовала от отца. Я тоже всю жизнь любила принимать гостей и, как говорят, всегда умела создать хорошее настроение и приятную обстановку.

На Пасху отец сам пек куличи, надевая при этом большой фартук, и всегда месил тесто в новой деревянной квашне. Согласно традиции, пекли двенадцать куличей — по числу апостолов. На пасхальный стол ставили сделанного из сладкого масла барашка с хоругвью. В Страстную субботу приглашали ксендза, чтобы он освятил пасхальный стол.

Сочельник отмечали очень красиво в тесном семейном кругу. Кроме членов семьи, приглашались только самые близкие друзья. Помню, что в сочельник к нам приходил Рац, губернёр моего брата Юза.

Родители придерживались римско-католического вероисповедания, а Сочельник праздновали по старинному обычаю. Есть нельзя было до шести часов вечера, до первой звезды. Во время ужина, который был главным событием этого дня, в полной мере проявлялись кулинарные способности отца. Считалось, что на столе должно быть тринадцать постных блюд, каждое из которых имело свое символическое значение. Однако со временем их количество уменьшилось до семи. В числе обязательных рыбных блюд был судак по-польски, а также жареная рыба. Затем подавали два вида рыбного супа в двух супницах, которые ставили рядом с матерью, и она разливала супы. В одной супнице была уха по-русски, а в другой — по-польски, со сметаной. Польскую уху я очень любила и до сих пор вспоминаю с большим удовольствием, но за стенами родительского дома я ее больше никогда не пробовала. Рецепт этой ухи был поварским секретом моего отца. После ужина зажигали елку, под которую клали подарки.

Этот обычай я соблюдала всю свою жизнь, и по сей день для меня нет большего удовольствия, чем зажечь елку и раздать подарки.

4. ЖИЗНЬ В ИМЕНИИ

Я очень любила проводить лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге. Отец купил это имение у генерала Хаусмана. На высоком берегу речки Орлинки стоял роскошный двухэтажный деревянный дом, из окон которого открывался вид на окрестные поля и долины. Отец обустроил дом по-своему, обшил досками и перекрасил стены. Но главным новшеством стала большая столовая, так как прежняя была слишком мала для нашей многочисленной семьи и постоянно приезжавших гостей. От старой столовой отказались, а вместо нее отец устроил новую, просторную и светлую, с огромным столом, за которым всем хватало места.

На протекавшей внизу речке Орлинке, прямо напротив нашего дома, оборудовали пляж с купальней. Недалеко от дома находился большой огород и фруктовый сад, а за садом начинался старый густой лес, куда я часто ходила по грибы. В имении был большой скотный двор и птичник. На широких лугах косили великолепную траву для скота. Дети очень любили это время. Перед началом сенокоса готовилось традиционное угощение для косарей. Отношения с местными крестьянами сложились отличные. Крестьяне уважали отца за его доброжелательность и справедливость и переносили свои симпатии на меня. Благодаря бережливости и дальновидности отца дела шли прекрасно, и везде царили согласие и порядок. И хотя жили мы экономно, во всем чувствовался достаток. В детстве я обычно проводила лето в имении и пережила там много прекрасных дней.

На полях и в усадьбе руководил отец, а домом управляла мать, и делала она это замечательно, без лишних трат, но с большой любовью. Особой роскоши не было, но нам всего хватало с лихвой. Кухарку, которая великолепно готовила, и горничную Машу мы привозили из города, а для помощи в буфетной и на кухне нанимали крестьянок.

В лавках окрестных деревень можно было купить все, что душе угодно. А если чего-то и не доставало, отец привозил нам из города все, что мы просили, в огромной кожаной суме. Когда отец возвращался из города, мы, дети, тут же окружали его со всех сторон, чтобы посмотреть, что же скрывается в загадочных коробках и пакетах.

День в имении начинался очень рано. Отец вставал в пять утра, чтобы окинуть хозяйским глазом свои владения и убедиться, что все идет так, как ему хочется. Мы вставали немного позже и шли пить утренний кофе. Во время сбора грибов я вставала на рассвете, чтобы успеть сбегать в лес до утреннего кофе. Собирать грибы было моим любимым занятием, но я страшно боялась пауков и, отправляясь в лес, всегда брала с собой палку, чтобы по пути сбивать паутину. Однажды, увидев под деревом большой красивый гриб, я бросилась к нему, совершенно забыв о мерах предосторожности, и тут же ощутила на лице паутину. Ужаснее всего было то, что огромный жирный паук уселся мне прямо на нос. Перепугавшись до смерти, я бросила корзину с грибами и, не разбирая дороги, с плачем и криком бросилась бежать к дому. Мне даже не хватило смелости сбросить паука.

Кофе пили в восемь утра, и чего только не было на нашем столе: молочные продукты домашнего приготовления, домашние булочки, песочные пирожные, всевозможные конфитюры. У нас в семье очень любили поесть. В час дня подавали обед из несколь-

ких блюд. Весь день мы бегали по саду, обедаясь фруктами и ягодами, а в пять вечера стол снова ломился от яств. Простокваша, топленое молоко, густая сметана, выпечка — все это мы поглощали с завидным аппетитом, устав за день от игр и беготни. В девять вечера был ужин, состоявший из двух горячих и холодных блюд. К ним добавлялись домашние маринады и соленья, ветчина, копченый сиг и различные лакомства, привезенные отцом из города. Одним словом, всего и не перечислишь.

Спать мы ложились рано, как и принято в деревне. При таком образе жизни трудно было не растолстеть, и в начале учебного года мой учитель Лев Иванов сделал мне выговор в присутствии всего класса. На первой же репетиции он показал на меня и громко сказал: «Жаль, что такая талантливая артистка так сильно располнела».

Самым веселым летним праздником был мой день рождения 19 августа. Отец всегда старался сделать его особенно торжественным. Благодаря заботам и стараниям отца об этом событии помнили не только в окрестных деревнях, но и в соседних имениях и на дачах.

Утром приходили крестьяне с семьями, поздравляли меня с днем рождения и приносили подарки: корзинку со свежими яйцами или ягодами, творог, грибы, сметану или вышитые крестиком полотенца. Я очень радовалась этим подаркам. Крестьянские дети играли с нами каждый день, а по воскресеньям для них готовилось угощение.

К нам постоянно приезжали гости, особенно много их было по субботам и воскресеньям. А в день моего рождения приезжали родные и друзья из города и соседних имений.

Размещали гостей во всех комнатах, а когда не хватало места, то и в сарае на сеновале. Помню, что как-то из озорства мы стащили лестницу, и один из

гостей, решивший отдохнуть на чердаке после бурно проведенного дня, не знал, как ему оттуда спуститься.

Вечером около дома вспыхивала иллюминация и начинался великолепный фейерверк, который всегда устраивал мой отец. Со всей округи к нам сходились люди, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Невозможно перечислить все таланты моего отца. Помимо прочего, он еще был и прекрасным пиротехником. Особо удачные узоры в небе сопровождались восторженными возгласами.

В один из дней моего рождения из соседнего имения к нам даже приехала компания всадников, внеся разнообразие в наш веселый праздник.

Разумеется, в этот день был праздничный ужин, и непременно подавали шведский пунш, который отец делал по одному лишь ему известному рецепту. Он всегда придумывал разнообразные сюрпризы, чтобы доставить мне как можно больше радости. Однажды он повесил под потолком венок из живых цветов, который во время ужина опустился прямо мне на голову. В следующий раз, когда ему захотелось повторить этот трюк, венок опустили по ошибке на голову моего несколько туповатого соседа по столу, что вызвало общий смех.

Четырнадцатилетней девочкой я стала кокетничать с молодым англичанином Макферсоном. Я не была в него влюблена, но мне нравилось флиртовать с красивым и элегантным юношей. В день моего рождения он приехал к нам со своей невестой, и это больно задело меня. Такого оскорбления я стерпеть не могла и решила отомстить. Выждав подходящий момент, когда все собрались за столом и англичанин сел рядом с ней, я, как бы случайно, завела разговор о том, что люблю рано утром, еще до утреннего кофе, ходить в лес за грибами.

Я с воодушевлением описывала прелести ранней прогулки в надежде, что рыбка попадет на крю-

чок. Ждать пришлось недолго. Макферсон любезно попросил разрешения меня сопровождать. Бросив взгляд на его спутницу, я секунду помолчала, а потом сказала, что не возражаю, если он получит на это ее разрешение. Это было сказано в присутствии всех гостей, и ей не оставалось ничего другого, как согласиться. На следующее утро мы с Макферсоном чуть свет отправились в лес за грибами. Он подарил мне прелестное портмоне из слоновой кости, украшенное незабудками. Подобный подарок как нельзя лучше подходил такой девушке, как я. Со сбором грибов в то утро у меня не ладилось, а под конец прогулки вообще создало впечатление, что англичанин напрочь забыл о своей невесте. После этого я стала получать от него любовные письма и цветы. Но очень скоро это развлечение мне надоело. И все же его свадьба с этой девушкой расстроилась. Это был первый грех, который я взяла на душу.

5. ИМПЕРАТОРСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ

За Александринским театром, со стороны служебного входа, пролегалла широкая, но короткая Театральная улица, которая вела к дому Чернышова. Строгий ансамбль зданий желто-белого цвета, построенных в петербургском стиле ампира, делал этот уголок одним из самых красивых в городе. На Театральной улице не было жилых домов. Справа от Александринского театра располагалось министерство, в ведомстве которого находилась театральная цензура, а слева тянулся длинный великолепный

фасад Императорского Театрального училища, украшенный барельефами.

Александринский театр со своими знаменитыми конями на крыше был обращен в сторону Невского проспекта. На Театральной улице всегда царила тишина, и только время от времени из широких ворот училища выезжала закрытая карета, в которой будущие балерины отправлялись на репетиции и выступления.

Независимо от времени года и расстояния, воспитанниц возили в этих огромных, старомодных, всегда закрытых каретах, которые, естественно, возбуждали любопытство и желание увидеть тех, кто находится внутри.

Оба театральные училища, как петербургское, так и московское, подчинялись министерству Императорского двора и находились в ведении дирекции Императорских театров.

Каждую осень в театральное училище принимали детей в возрасте от девяти до одиннадцати лет. Все дети проходили медицинское обследование и проверку на наличие хореографических способностей. Отбор был очень строгим и придирчивым, и принималась только часть желающих там учиться. Всего насчитывалось от шестидесяти до семидесяти девочек и сорок-пятьдесят мальчиков. Ученики и ученицы находились на полном содержании у государства и отпускались домой только на летние каникулы. Во время учебы они иногда выступали на сцене.

После окончания, в возрасте семнадцати-восемнадцати лет, выпускников распределяли по труппам Императорских театров, где они работали в штате в течение двадцати лет, а потом уходили на пенсию или продолжали работать, но уже по контракту. На балетном отделении обучали не только танцам, но и общеобразовательным предметам, как в обычных

школах. Программа, рассчитанная на пять лет, изучалась здесь в течение семи лет.

Правда, в Москве и Петербурге существовали две отдельные труппы и два разных училища, но так как оба они подчинялись министерству двора и руководил ими директор Императорских театров, они все же представляли собой единое целое. Артисты московских и петербургских театров выступали в обеих столицах.

В соответствии с установленными правилами все воспитанники балетного отделения должны были жить в стенах училища, однако некоторым все же разрешалось оставаться дома. В числе счастливых оказалась и я с братом и сестрой. Обычно родители хлопотали о том, чтобы их детей зачислили в интернат, так как обучение тогда было бесплатным. Но мои родители были против того, чтобы дети находились вне семьи. Им хотелось, чтобы мы были всегда рядом с ними, поэтому они сами занимались нашим образованием. Мать и отец не хотели, чтобы мы утратили связь с домом, так как считали, что самое главное — это воспитание в семье. Разумеется, такое решение требовало от нас дополнительных усилий. После занятий нас ожидали ежедневные уроки дома. Но мы были очень счастливы, что могли жить в кругу семьи.

Первой в училище поступила моя сестра Юлия, которая была на пять лет старше меня, потом брат Юз — он был старше на четыре года. Осенью 1880 года, в возрасте восьми лет, туда приняли и меня.

Императорское Театральное училище в Санкт-Петербурге размещалось в огромном казенном здании на Театральной улице. Оно занимало оба этажа длинного двухэтажного дома. Первый, или бельэтаж, был отдан ученикам-мальчикам, а на втором жили девочки. На каждом этаже были свои залы для занятий, классы и спальни, очень высокие и с огромны-

ми окнами. На первом этаже находился прекрасно оборудованный театр, в котором было только два ряда стульев.

Здесь ставились выпускные спектакли, которые впоследствии показывались на сцене Михайловского театра.

День, когда на сцене этого театра шел выпускной спектакль с моим участием, предопределил всю мою дальнейшую судьбу.

В первые годы учебы в Императорском Театральном училище моим учителем был Лев Иванович Иванов, прекрасный балетмейстер, автор несравненной хореографии второго акта «Лебединого озера» и «Щелкунчика» Чайковского. Всем надолго запомнился его знаменитый чардаш, поставленный на музыку Листа.

Лев Иванович сам аккомпанировал на скрипке, которую, как я подозревала, он любил гораздо больше нас, своих учеников. Его талант не получил полного развития, и он не сумел сделать всего того, что мог бы при других обстоятельствах. Отчасти это произошло по причине его врожденной лени, но дело не только в ней. Главный балетмейстер Петипа всегда и все исправлял, он мог взять балет Иванова и без особого труда выдать за собственное произведение. Иванов преподавал вводный курс, представлявший собой что-то вроде балетной азбуки, которая никак не могла меня заинтересовать, ибо всему этому я уже научилась дома. Иногда мне казалось, что Иванов не любит свою работу. Ленивым и монотонным голосом он говорил нам: «Plies!» или «Прошу вывернуть колени!» Однако он никогда ничего не исправлял и никого не оставлял после уроков, даже если движения выполнялись неверно.

Значительно позже, когда я уже была балериной, а Иванов стал бывать у меня в доме, я обнаружила,

что он питает страсть не только к скрипке. Как это часто бывает среди артистов, он любил хорошо поесть. Разворачивая салфетку, он обычно приговаривал: «Ну вот, сейчас поедим».

В классе Льва Ивановича я проучилась три года. Когда мне исполнилось тринадцать лет, я перешла в класс балерины Екатерины Вазем, где разучивались гораздо более сложные движения. Занятия начинались с перекладки, а потом переходили на *adagio* и *allegro*. Па, которые мы разучивали, были не слишком сложными: *attitudes*, арабески, прыжки, шаг на пуантах, *pas de bourree*, *sauts de basque* — основные па, которые сохранились до сих пор. Екатерина Вазем зорко следила за своими ученицами, задерживала их после занятий, если считала, что движения были неправильными или лишенными грации. Ко мне она относилась благожелательно и только иногда с улыбкой напоминала: «Кшесинская, не морщи, пожалуйста, лоб, а то состаришься раньше времени». И все же мне казалось, что и в этом классе не было творческой атмосферы, так как и эти движения и па я давно уже изучила, и они не представляли для меня особого интереса и не могли увлечь.

В пятнадцать лет я перешла в класс Христиана Иогансона, чьи уроки мне сразу же пришлись по душе. Я продолжала работать с ним и позже, уже став артисткой. Иогансон, швед по национальности, успел обрусеть за время жизни в Петербурге. Он был не только учителем, но и вдохновенным творцом-романтиком. Будучи человеком умным и очень наблюдательным, он делал весьма меткие замечания, оказавшие большое влияние на наше артистическое развитие. Каждое движение имело у него определенное значение и выражало какую-либо мысль или настроение. Именно этому он и старался нас научить.

Из зала для репетиций, находившегося на втором этаже рядом с кабинетом инспектора и классом, широкий коридор вел в красивую маленькую церковь, залитую солнечным светом. Ярко блестели оклады икон, подаренных училищу артистами. Ученицы в длинных форменных платьях с короткими белыми пелеринами, с прилизанными волосами, туго заплетенными в косы, в сопровождении классных дам поднимались по широкой лестнице и шли по коридору к церкви. Церковь находилась на втором этаже, где занимались и жили мальчики. Она была расположена прямо над театром. В субботу отправлялось вечернее богослужение, а по воскресеньям служили и обедню.

Все контакты между мальчиками и девочками были строго запрещены, и требовалась незаурядная ловкость и изобретательность, чтобы обменяться записочками или хотя бы улыбками. Во время репетиций и уроков танца классные дамы зорко следили за тем, чтобы между мальчиками и девочками не было никаких многозначительных взглядов и условных жестов. И все же нам каким-то образом всегда удавалось переброситься словом и пофлиртовать. Это давно стало традицией, и у каждой из нас был приятель, с которым мы могли пококетничать. Такая игра доставляла нам огромное удовольствие. Наши мимолетные романы и увлечения были совсем еще детскими. Однако, несмотря на все запреты и строгий, почти монастырский уклад жизни, бывали случаи, когда возникшая между учениками симпатия перерастала в настоящую любовь.

Класс делился на две половины: с левой стороны сидели воспитанницы, или «пепиньерки», а с правой — приходящие ученицы, или «экстернистки». Я была приходящей, но по особому разрешению ди-

рекции в виде исключения пользовалась правами воспитанницы и сидела вместе с ними с левой стороны.

Учеба давалась мне легко, так как я много занималась дома. Все уроки у меня были сделаны. В классе я сидела тихо, как мышка, хотя по характеру была подвижной и озорной. Однако классные дамы хвалили меня за прилежание и ставили всем в пример.

Я была прирожденной кокеткой, и в связи с этим мне вспоминается одна история. У нас был молодой и симпатичный учитель географии по фамилии Павловский. В те дни, когда у нас были его уроки, я одевалась с особой тщательностью, на случай, если он вызовет меня к доске. У Павловского была привычка спрашивать всех по очереди, и вызванные к доске ученицы были уверены, что на следующем уроке их не спросят и часто ничего не учили. Я всегда готовилась к каждому уроку. Как-то раз я пришла в училище в зимних ботинках на шнурках и в клетчатых чулках. В прошлый раз меня вызывали к доске, и я была уверена, что сегодня выходить мне не придется.

Павловский вызвал Степанову, но та почему-то не подготовилась. Недовольный учитель обратился к классу: «Уверен, что Кшесинская прекрасно знает урок и ответит его без единой ошибки, хотя сегодня не ее очередь выходить к доске». Он попросил меня подойти к карте. Я встала и смущенно сказала, что урок знаю, но хотела бы ответить с места, не выходя к доске. Павловский удивленно посмотрел на меня, не понимая, в чем дело. Однако я была примерной ученицей, и, вопреки всем правилам, мне разрешили остаться за партой. Я бойко рассказала заданное и, довольная собой, села. После урока Павловский подошел ко мне и спросил, почему я не захотела выйти к доске. Я смутилась: мне было стыдно сказать правду. Но, в конце концов, призналась, что на мне были

толстые зимние чулки и ботинки и что все бы это увидели. Павловский выслушал меня с серьезным видом, а потом мило улыбнулся, вероятно, поняв истинную причину моего странного поведения.

6. ПЕРВОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

В первый год после поступления в училище, 30 августа 1881 года, я в первый раз вышла на сцену Большого театра в балете «Дон-Кихот». Мы танцевали вместе со старшей воспитанницей Андерсон, которая, несмотря на разницу в возрасте, была такого же роста, как и я. Мы выступали в ролях двух марионеток, которых великан водил на шнурочках. Танец исполнялся на пуантах. Я не испытывала никакого страха и была очень счастлива.

С малых лет мы были приучены к сцене, участвовали в балетных спектаклях сами и присматривались к тому, как танцуют балерины. Чем старше и опытнее мы становились, тем легче нам было оценить мастерство той или иной танцовщицы, отметить все ее достоинства и недостатки и составить о ней собственное мнение, сравнить их мастерство и понять, на каком уровне находится наше.

За время моей учебы балет в Петербурге начал приходить в упадок. Балерины старшего поколения, такие, как Соколова, Вазем и Горшенкова, больше не могли служить нам примером, и моя любовь к танцу стала угасать. Я уже получала небольшие роли, что должно было повысить мой интерес к балету, однако у меня не вызывало доверия то, что делалось в училище, и потому занятия не приносили мне желаемого

удовлетворения. Я даже стала сомневаться в правильности выбранного пути. Не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая судьба, если бы на сцене не появилась Виржиния Дзукки. В то время она была уже далеко не молода, но ее выдающийся талант находился в полном расцвете. Эта балерина произвела на меня огромное и незабываемое впечатление. После выступлений Дзукки мне казалось, что только сейчас я поняла, как нужно танцевать, чтобы получить право называть себя актрисой. У Дзукки была необычная и очень экспрессивная мимика. Каждому па классического танца она придавала неповторимое очарование и красоту, которые заставляли весь зал замирать от восторга.

Танец Дзукки был и оставался для меня вершиной балетного искусства. Благодаря ей я поняла, что в искусстве виртуозная техника должна быть лишь средством выражения, а не целью.

У нее были удивительно выразительные руки и плечи. С детским восторгом я следила за ее движениями, и мне все время хотелось их повторить. Уже будучи балериной и получив роль Эсмеральды, я черпала вдохновение в воспоминаниях об исполненном драматизма танце Дзукки. Она была моим кумиром и наставницей в моих ранних, еще по-детски наивных поисках собственного пути в искусстве. Я всегда была преданной почитательницей блистательного таланта Дзукки и останусь ей благодарна до конца своих дней.

Дзукки знала, что я ее боготворю. Очень долго я хранила заспиртованный в банке цветов, который она мне подарила. К сожалению, впоследствии мне пришлось оставить его в России. Образ Дзукки так глубоко запал мне в душу, что, репетируя новые роли, в которых некогда блистала эта балерина, я все время видела перед глазами ее танец. С момента ее появления в Петербурге я стала усиленно заниматься в

надежде когда-нибудь стать такой же великой танцовщицей, как она.

Еще до окончания училища я прочно обосновалась на сцене и могла блеснуть на выпускном экзамене, на котором должна была присутствовать вся царская семья во главе с Александром III. Этот экзамен сыграл решающую роль во всей моей дальнейшей жизни.

7. ВЫПУСКНОЙ ЭКЗАМЕН

Он был венцом нашей учебы и работы и навсегда остался в моей памяти. Перед нами открывались двери для дальнейшей карьеры. Лучшим ученикам давалось право самим выбрать танец для выпускного экзамена. Я остановила свой выбор на *ra de deux* из балета «Тщетная предосторожность», которое исполнялось под мелодию неаполитанской песни «Звезда надежды». Незадолго до экзамена в нем блистала Дзукки с Павлом Андреевичем Гердтом. Их выступление прошло с огромным успехом, а Дзукки прямо на сцене поцеловала Гердта, и это событие было отмечено во всех рецензиях. Они показали изумительный по выразительности танец, полный утонченного кокетства. Мне приготовили голубой костюм, украшенный букетиком ландышей. Моим партнером был Рахманов, тоже ученик выпускного класса.

Руководство всегда относилось ко мне хорошо и даже выделяло среди других, однако на выпускном экзамене в присутствии Его Императорского Вели-

чества нужно было представить одну из воспитанниц-пансионерок, а не приходящую ученицу, какой я являлась. Лучшими в училище были Рыхлакова, классическая танцовщица с виртуозной техникой, и Скорсюк, характерная балерина, танец которой отличался оригинальностью и живым темпераментом.

Помимо балетной труппы, в представлении принимала участие и драматическая.

И вот, наконец, наступил долгожданный день 23 марта 1890 года. Стоя на сцене за опущенным занавесом, мы страшно волновались: сегодня нас увидит царская семья! Как же сильно бились наши сердца!

Представление удалось на славу. Каждая из нас считала делом чести поддержать высокий престиж училища. По аплодисментам трудно было судить, кто выступил удачнее других, так как аплодировали всем одинаково, чтобы никого не обидеть.

После выступления нас всех собрали в большом репетиционном зале, куда пришло все руководство, классные дамы, учителя, а также служащие дирекции Императорских театров во главе с Иваном Александровичем Всевожским. Ученики и ученицы балетного и драматического отделений были в костюмах, в которых они выступали на сцене

Из зала было видно, как из театра вышла царская семья и направилась в нашу сторону. Впереди виднелась величественная фигура Александра III, который вел под руку улыбающуюся императрицу Марию Федоровну. За ними шел совсем еще молодой наследник престола Николай Александрович и четверо братьев императора: великий князь Владимир Александрович с супругой, великой княгиней Марией Павловной, великий князь Алексей Александрович, генерал-адмирал, великий князь Сергей Александрович со своей красавицей-супругой Елизаветой Федоровной и великий князь Павел Александрович

с молодой женой, великой княгиней Александрой Георгиевной, которая в то время ждала своего первого ребенка, дочь Марию Павловну, родившуюся в апреле 1890 года, а также генерал-фельдмаршал, великий князь Михаил Николаевич с четырьмя сыновьями.

Согласно традиции, сначала представляли воспитанниц-пансионерок, а потом приходящих учениц. Однако, войдя в зал, император звучным голосом спросил: «А где же Кшесинская?»

Я стояла в стороне, и такое нарушение общественных правил для меня было полной неожиданностью. Начальница и классные дамы совсем растерялись, так как они собирались представить императору двух отличниц, Рыхлакову и Скорсюк. Однако вместо них пришлось вывести меня. Я сделала глубокий реверанс, а император протянул мне руку со словами: «Мадемуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета».

Я снова сделала глубокий реверанс и поклялась в душе стараться изо всех сил, чтобы стать достойной милостивой похвалы императора. Затем, как и полагалось по этикету, я поцеловала руку императрице.

Я была настолько ошеломлена, что с трудом понимала, что происходит вокруг. Слова императора звучали в ушах как приказ. Стать красой и гордостью русского балета — вот какая мысль завладела мной. Не обмануть доверие государя и отдать этому все свои силы... Это стало для меня смыслом жизни.

Когда все по очереди были представлены императору и императрице, одарившим всех учениц вниманием и добрыми словами, мы перешли в столовую воспитанниц-пансионерок, где для торжественного ужина были накрыты три стола.

Когда мы вошли в столовую, государь снова обратился ко мне:

— Мадемуазель, где ваше место за столом?

— Ваше Величество, у меня нет своего места, так как я приходящая ученица.

Государь император сел во главе одного из длинных столов. По его правую руку сидела воспитанница, которая должна была прочесть перед ужином молитву, а слева должна была сесть другая девушка. Однако государь попросил ее подвинуться и сказал мне:

— Прошу сесть рядом со мной.

Наследнику престола он указал на место возле меня и с улыбкой добавил:

— Только не слишком-то флиртуйте!

Перед каждым прибором стояла обычная белая кружка. Наследник престола посмотрел на нее и, обращаясь ко мне, спросил:

— Наверняка дома вы не пьете из таких кружек?

Эти простые, ничего не значащие слова врезались мне в память. Так начался мой разговор с наследником престола. Не помню, о чем мы говорили, но я сразу же в него влюбилась. Даже сейчас я ясно вижу его прекрасные голубые глаза, его взгляд, проникающий в душу. Он перестал быть для меня наследником престола, об этом я совсем забыла и сидела, словно во сне.

В дневнике Николая II есть запись от 23 марта 1890 года, связанная с тем вечером: «Мы поехали на представление в Театральное училище. Нам показали небольшую пьесу и балет. Очень хорошо. Потом был ужин с воспитанницами». Так много лет спустя я узнала о его впечатлениях о нашей первой встрече.

Посидев немного с нами, государь перешел за другой стол, а его место занял великий князь Михаил Николаевич. Потом к нам по очереди подсаживались старшие члены царского семейства, чтобы

никого не обделить своей благосклонностью и вниманием.

Когда мы прощались с наследником престола, просидевшим весь ужин рядом со мной, мы смотрели друг на друга совсем иначе, чем в начале вечера. В наших сердцах уже начало зарождаться настоящее чувство, хотя тогда мы оба еще об этом и не догадывались.

Какая же я была счастливая, когда вернулась домой! Как радостно было видеть гордых моим успехом родных! Всю ночь я не могла сомкнуть глаз и, охваченная радостным возбуждением, мысленно возвращалась к событиям минувшего вечера.

На следующее утро мне нужно было рано встать и ехать в училище. У нас был маленький кабриолет, запряженный пони, которых мы в шутку прозвали «крысами Карабосс», феи из «Спящей красавицы». Когда я проезжала по улицам, мне казалось, что все люди смотрят только на меня, что я уже стала знаменитой, и все об этом знают.

Два дня спустя я шла вместе с сестрой по Большой Морской улице, и когда мы уже подходили к Дворцовой площади, нас неожиданно обогнал экипаж наследника престола. Увидев меня, он оглянулся и долго на меня смотрел.

Какая неожиданная и радостная встреча!

В другой раз, когда я шла по Невскому проспекту и проходила мимо Аничкова дворца, где в то время была резиденция императора Александра III, я снова увидела наследника престола. Он вместе с сестрой Ксенией Александровной стоял в саду на пригорке и из-за высокой стены, окружавшей дворец, наблюдал за проезжавшими по улице экипажами. Это была еще одна неожиданная и радостная встреча.

Шестого мая, в день рождения наследника престола, я украсила свою комнату маленькими флаж-

ками. Конечно, это было ребячество, но в тот день весь город был украшен флагами.

После этого я еще пару раз случайно виделась с наследником престола на улице.

Вскоре после выпускного представления, но еще до официального окончания училища я дебютировала на сцене в бенефисе Папкова. Это было 22 апреля 1890 года. На сей раз я танцевала уже не с воспитанником балетного отделения, а с опытным артистом Николаем Легатом, и это придавало мне уверенности в себе.

Известный критик Александр Плещеев писал в связи с моим дебютом: «Гвоздем программы бенефиса г. Папкова стали дебюты трех юных дочерей из многочисленного семейства Терпсихоры — мадемуазель Кшесинской, Скорсюк и Рыхлаковой. Мадемуазель Кшесинская в *ра de deux* из «Тщетной предосторожности» произвела самое благоприятное впечатление. Полная грации, прелестная, с радостной детской улыбкой, она проявила недюжинные хореографические способности и мастерство зрелой балерины. У мадемуазель Кшесинской крепкие пуанты, на которых она отважно исполняет модные двойные пируэты. И, наконец, меня поразила удивительная точность движений молоденькой дебютантки и ее прекрасный стиль. Очень удачным партнером Кшесинской оказался господин Легат. *Ра de deux* пользовалось огромным успехом, несмотря на то, что не так давно его исполняли г-жа Дзукки и г-н Гердт».

Вскоре я выступила в дивертисменте, и Александр Плещеев вновь меня похвалил:

«Снова блеснула мадемуазель Кшесинская. За несколько лет до дебюта она еще совсем маленькой девочкой выступала в «Пахите» знаменитого исполнителя мазурки, и уже тогда ареопаг знатоков балета

предсказал ей блестящее будущее. Особое внимание обратил на нее А. Гринев, и, как оказалось, он был совершенно прав».

Гринев был мужем Екатерины Вазем и большим любителем балета. Когда танцевала его жена, он поражал публику энтузиазмом и громкими криками: «Браво, Катька!»

Известный критик Скалковский, говоря о моих дебютах, сравнивал меня с Виржинией Дзукки. Он очень высоко ценил мое искусство и все время писал об этом в своих рецензиях.

Несмотря на все радости и переживания, нужно было готовиться к выпускным экзаменам. Танец я репетировала весь день в училище, а ночью, когда все спали, приходилось заниматься общеобразовательными предметами. Была весна со знаменитыми петербургскими белыми ночами, и мне хватало чашки крепкого кофе, чтобы учеба шла легко и быстро.

Я закончила училище с отличием и в награду получила собрание сочинений Тургенева. Тогда мне казалось, что во всем мире нет человека счастливее меня. Мне было семнадцать с половиной лет...

После окончания училища я уехала вместе с родными в имение. Впереди меня ждали спектакли в Красном Селе, где я должна была выступать во время маневров на полигоне. В Красное Село меня прежде всего влекла надежда встретиться с наследником престола, который в том году проходил службу в гусарском полку и поэтому должен был оставаться на полигоне все лето, а значит, и присутствовать на спектаклях.

8. МОЙ ПЕРВЫЙ СЕЗОН В КРАСНОМ СЕЛЕ

В Красном Селе, которое находилось в двадцати четырех верстах от Санкт-Петербурга по Балтийской железной дороге, с давних пор существовал летний полигон, где проводились учебные стрельбы и маневры.

В шестидесятых годах прошлого века, когда великий князь Николай Николаевич-старший был командующим войсками Санкт-Петербургского военного округа, а во время войны с Турцией в 1877 — 1878 годах — главнокомандующим Дунайского фронта, — в Красном Селе был построен деревянный театр, чтобы офицеры могли отдохнуть и развлечься во время летних маневров. В июле и первой половине августа, когда великий князь находился на полигоне, спектакли в театре давались два раза в неделю. Сначала всегда показывали какую-нибудь веселую пьесу, а потом балетный дивертисмент.

После окончания училища 1 июня 1890 года меня включили в балетную труппу Императорских театров, и поэтому я была должна принимать участие в спектаклях, которые ставились в Красном Селе.

По сложившейся традиции, последнее представление в Красном Селе заканчивалось «Адским галопом», в котором принимали участие все артисты, выступавшие в тот вечер. Но едва мы приступили к репетиции, как вдруг в театре неожиданно появился великий князь Николай Николаевич-старший, который уже давно находился на заслуженном отдыхе. В молодые годы он был страстно влюблен в балерину Числову; у них родились двое сыновей, носивших отчество «Николаевич» и ныне служивших в лейб-гвардии Кавалерийско-гренадерском полку. Кроме

них, у великого князя и Числовой были еще две дочери; одна из них, настоящая красавица, вышла замуж за князя Кантакузена.

Когда много лет спустя приступили к ремонту театра и поставили строительные леса, в одной из женских головок, изображенных на настенном медальоне, узнали Числову. Под медальоном даже имелась подпись, которую издали не было видно.

Великий князь очень любил моего отца и балетмейстера Льва Ивановича Иванова и обращался к ним на «ты». Они тоже часто его навещали.

Во время репетиции «Галопа» великий князь, сидевший в царской ложе, вдруг остановил артистов и стал доказывать Иванову, что тот неправильно ведет «Галоп». Иванов настаивал на своем, и тогда великий князь вдруг выскочил на сцену и стал сам показывать, как это нужно делать.

Открытие сезона должно было состояться в день, когда главнокомандующий, великий князь Владимир Александрович, любимый брат императора Александра III, проводил на полигоне смотр.

Тот день я ждала с замиранием сердца, надеясь увидеться с наследником престола и, возможно, даже поговорить с ним во время антракта. Это было мое самое заветное желание. Согласно установившейся традиции, император и великие князья приходили во время антракта на сцену и разговаривали с артистами.

Мечта моя сбылась! Наследник престола пришел на сцену в день не только первого, но и всех последующих спектаклей. Мы подолгу с ним разговаривали, никого не замечая вокруг. Еще со времен представления в училище я мечтала только о том, чтобы снова с ним увидеться, взглянуть на него хотя бы мельком, пусть даже издали. И вот теперь, когда мы могли разговаривать и смотреть друг другу в глаза, я чувствовала себя на седьмом небе.

В первый сезон в Красном Селе мне не давали сольных партий, и я танцевала в кордебалете вместе с другими, а моя уборная находилась на втором этаже. Один только раз, когда мне доверили исполнение сольного танца, я получила хорошую уборную внизу. Ее окна выходили на парадный вход, и я имела возможность, стоя у окна, беседовать с молодыми великими князьями и наследником престола.

Однажды вечером, перед балетным дивертисментом, я выбежала на сцену и едва не столкнулась с императором. Однако я успела вовремя остановиться и отвесить низкий поклон. Император добродушно усмехнулся и сказал: «Наверняка вы с кем-нибудь кокетничали».

Если смотреть со сцены, то император с семейством занимал левую ложу. Когда мест не хватало, члены императорской фамилии садились в первом ряду. Сам император всегда сидел в ложе у самой сцены, между двумя колоннами.

Счастливые летние дни, наполненные ничем не омраченной радостью и надеждой, пролетели очень быстро.

Император возвратился с полигона в Петергоф, где он всегда проводил конец лета. А я уже совсем потеряла надежду увидеться с наследником престола, так как он собирался в девятимесячное кругосветное путешествие. Как же мне тогда было тоскливо и одиноко!

Я полюбила наследника престола с первой нашей встречи. Во время летнего сезона, когда мы могли часто видеться и разговаривать, это чувство захлестнуло меня целиком и переполнило мою душу. Ни о чем другом я думать просто не могла. Мне казалось, что даже если он меня и не любит, то все же чувствует ко мне какое-то влечение. Невольно я предавалась самым безумным и несбыточным мечтам. Нам так ни разу и не удалось поговорить наедине, и по-

этому я не могла узнать, как же он ко мне относится. Об этом я узнала уже потом, когда мы с ним сблизились.

Теперь, когда с той счастливой поры прошло шестьдесят лет, мне предоставилась возможность прочесть дневники императора, изданные после переворота. В них были и записи, относящиеся к тому незабываемому лету в Красном Селе, когда он еще был наследником престола и нам никак не удавалось уединиться. Сердце меня не обмануло. Наследник престола действительно был мною увлечен.

Вот отрывки из его дневника 1890 года, касающиеся периода маневров: «10 июля, вторник. Был в театре, ходил на сцену. 17 июля, вторник. Кшесинская 2-я определенно мне нравится. 30 июля, понедельник. Беседовал через окно с малюткой Кшесинской. 31 июля, вторник. После вечернего чая в последний раз поехал в Красносельский театр. Попрощался с Кшесинской. 1 августа, среда. В 12 часов состоялось освящение знамен. Стоял у театра, предаваясь воспоминаниям».

Эти строки были написаны в те прекрасные летние дни.

Тем же летом я как-то раз отправилась в Петергоф, чтобы навестить Марусю Пуаре. Целый день я надеялась встретиться на прогулке с наследником престола, но надеждам моим не суждено было сбыться.

Одним из сослуживцев наследника престола по полку был гусар Евгений Волков. Ему предстояло сопровождать наследника во время кругосветного путешествия. В то время у Волкова была связь с балериной Татьяной Николаевой. От нее я узнала, что наследник престола говорил Волкову о своем желании увидеться со мной перед отъездом. Он хотел, чтобы Волков устроил эту встречу. Но я тогда жила с родными, а наследник престола постоянно

ходил с охраной, и наше свидание, разумеется, не могло состояться. Как-то раз наследник престола попросил меня через Волкова прислать свою фотографию. Но на последнем снимке я выглядела просто ужасно, а другого у меня тогда не было, поэтому я не смогла исполнить его просьбу.

Наконец настал печальный день его отъезда.

23 октября (5 ноября) 1890 года наследник престола выехал из Гатчины вместе со своим братом, великим князем Георгием Александровичем. Они направились в Афины. Осмотрев город, они сели на крейсер «Память Азова». В дороге их сопровождал греческий принц.

Я читала все последние газеты, чтобы следить за путешествием наследника престола, и всегда знала, где он находится в данный момент. До тех пор я никогда не рисовала, но теперь вдруг взялась за карандаш. Мне удалось скопировать гравюру с портретом наследника, а потом сделать набросок с его фотографии, где он был снят в мундире морского офицера. Однако мне так и не удалось закончить этот портрет.

Потом наследник престола должен был посетить Каир, Бомбей, Калькутту, Цейлон, Сингапур, Сайгон, Нагасаки и Киото. 29 апреля (11 мая) 1891 года он прибыл в Оцу, где на него было совершено покушение. Какой-то японский фанатик ударил его мечом по голове, и только благодаря быстроте реакции греческого принца, который вовремя подставил трость, рана оказалась не смертельной. Однако шрам остался у наследника на всю жизнь, и он впоследствии сам говорил, что его мучают сильные головные боли. Мы сразу же узнали о покушении, но оставались в неведении относительно подробностей. Поначалу никто не мог сказать, в каком состоянии находится наследник престола. Легко представить, как потряс-

ла меня эта новость, и как я была счастлива, когда, наконец, пришли более отрадные известия.

Император приказал сыну прервать поездку по Японии и вернуться домой. Обратный путь, который проходил через Дальний Восток и всю Сибирь, наследник престола проделал верхом.

Он вернулся 4 (16) августа 1891 года и сразу отправился в Красное Село, где развлекались император и императрица. Вечером того же дня он уже был в театре, и наконец-то мы встретились после долгой разлуки. Но счастье было коротким. Вскоре он вместе с родными уехал в Данию и вернулся в Петербург только в конце года.

9. НА ИМПЕРАТОРСКОЙ СЦЕНЕ

Во время своего первого сезона на императорской сцене я еще не танцевала основных балетных партий, однако мне давали роли, в которых можно было блеснуть. В балете «Спящая красавица» у меня было несколько выходов. В первом акте я исполняла партию доброй феи Кандиды, во втором — партию маркизы, а в последнем — танец Красной Шапочки с Серым Волком, который особенно нравился наследнику престола. Кроме того, как и другие молодые танцовщицы, я принимала участие во всех оперных постановках, включавших танцевальные номера. В общей сложности это составляло 22 балета и 21 оперу. Именно так было записано в «Ежегоднике Императорских театров» за 1890 — 1891 годы.

После окончания училища мы с сестрой по-прежнему жили вместе с родными и могли бывать толь-

ко у близких знакомых, да и то лишь в чьем-нибудь сопровождении. Однако мы придумали свои способы обмануть бдительность родителей. Когда хотелось куда-нибудь пойти и развлечься, а уверенности в том, что нам это позволят, не было, мы говорили родителям, что приглашены друзьями или родственниками, к которым нам разрешалось ходить. Если нужно было ехать в вечерних платьях, то мы надевали пальто и только потом шли прощаться с родителями. По возвращении мы быстро снимали вечерние туалеты и, облачившись в ночные сорочки, желали родным спокойной ночи. Одним словом, ситуация была похожа на ту, что разыгрывалась в балете «Тщетная предосторожность». Все это казалось таким захватывающим, а таинственность только придавала особую прелесть нашим похождениям. И все же это были обычные невинные забавы юности.

Мне очень хотелось освоить технику итальянской школы танца, которая покорила публику, и я стала брать уроки у маэстро Энрико Чекетти. Одновременно я продолжала посещать занятия Христиана Петровича Иогансона, которого очень ценила и любила. Однако его очень задело то, что я хожу к учителю-итальянцу. Как-то раз, когда я после занятий с Чекетти опоздала на урок Иогансона, старичок подошел ко мне и спокойно при всех сказал: «Если вам не нравится у меня заниматься, то можете вообще сюда не приходить». Мне стало очень стыдно, и я отказалась от уроков Чекетти, а над итальянской техникой стала работать самостоятельно.

Когда после завершения сезона 1890-1891 года я получила отпуск, мой крестный Стракач в награду за окончание училища пригласил меня съездить с ним за границу. Он был владельцем большого магазина белья в Санкт-Петербурге, известного под названием «Артур». Крестный меня очень любил и прекрасно организовал путешествие. Мы начали с Биарри-

ца, а оттуда проследовали в Лурд, чтобы помолиться чудотворной иконе Божьей матери. Впоследствии мне несколько раз приходилось бывать рядом с Лурдом, и всякий раз я туда заезжала. В Лурде мы купили иконы и сувениры. Потом мы отправились в Рим, а затем в Милан, где посетили знаменитый театр «Ла Скала». В Италии мы повидали много интересных мест, а закончили свое путешествие в Париже, где у крестного были дела. После захватывающей и радостной поездки мы вернулись в Санкт-Петербург как раз перед наступлением зимнего театрального сезона.

10. СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

После возвращения наследника престола из Дании осенью 1891 года я с ним виделась всего однажды, да и то случайно, на улице. Еще раз мне удалось это сделать во время репетиции оперы, в которой выступала красавица-шведка Сандерсон. На спектакле присутствовали государь император и вся царская семья. Это было 4 января 1892 года.

Император с наследником престола сидели в первом ряду, а императрица и великие княгини — в царской ложе. Я сидела в одной из лож того самого бельэтажа, где находилась царская семья. Во время спектакля я вышла в коридор и, спускаясь вниз, встретила на лестнице с наследником престола, который поднимался в царскую ложу. Мы не могли остановиться и поговорить, так как вокруг было много народу. Но я была рада уже и тому, что увидела его так близко.

Я любила ежедневно совершать прогулки в кабриолете с кучером. На набережной мы часто встречались с наследником престола, который выезжал на прогулку в это же самое время. Но мы виделись только издали. Как-то раз у меня вскочил ячмень на глазу и огромный чирей на ноге. Несмотря на это, я продолжала ездить на прогулки, закрыв глаз повязкой. Однако из-за сильного ветра состояние глаза ухудшилось настолько, что мне все же пришлось провести несколько дней дома. Возможно, наследник престола заметил повязку, а потом и мое отсутствие.

В доме родителей у нас с сестрой были собственные апартаменты, состоящие из маленькой спальни и обставленной с большим вкусом гостиной. Наша спальня находилась рядом со спальней отца, а соединявшая их дверь была заставлена туалетным столиком.

Однажды вечером сестра куда-то вышла, и я сидела в полном одиночестве. Глаз все еще болел. Вдруг в прихожей раздался звонок, и я услышала, как горничная пошла открывать дверь. Через минуту она доложила о приходе гусара Волкова, которого я просила проводить в гостиную. Одна дверь вела в прихожую, а вторая — в гостиную. И вот в эту-то дверь вошел не гусар Волков, а наследник престола собственной персоной!

Я не поверила своим глазам, вернее, одному здоровому глазу, так как на втором была повязка.

Этот визит был настоящим чудом, и я чувствовала себя на седьмом небе от счастья. Наследник престола пробыл у меня недолго, но мы наконец-то оказались наедине и могли спокойно поговорить. Как долго я мечтала о встрече с ним, а она произошла так внезапно... На всю оставшуюся жизнь я сохранила в памяти волшебный вечер нашего первого свидания наедине.

На следующий день я получила от него записку:

Надеюсь, что глазок и ножка заживают... Я хожу как угорелый. Постараюсь приехать как можно скорее. Ники.

Это была первая записка от него. Она произвела на меня огромное впечатление. Я и сама была как угорелая.

Потом он часто мне писал. В одном из писем он обратился ко мне со словами Германна из знаменитой арии в «Пиковой даме»: «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой». Он очень любил мою роль в этой опере, где в первом акте была сцена, в которой я танцевала в костюме пастушки и в белом парике.

В другом письме он вспомнил о любви Андрия к польской панне из «Тараса Бульбы» Гоголя. Ради нее Андрий забыл обо всем на свете: об отце, о друзьях и даже о родине. Я не сразу поняла смысл слов наследника престола: «Вспомни, что сделал Андрий, полюбивший польскую красавицу».

Его первую записку я перечитывала сотни раз и выучила наизусть, а все письма хранила, как самое драгоценное сокровище.

После первого визита Ники стал бывать у меня часто. Потом начали приходиться и «Михайловичи» — так мы называли сыновей великого князя Михаила Николаевича: Георгия, Александра и Сергея. Мы очень славно проводили вечера. «Михайловичи» пели грузинские песни, которым научились на Кавказе, где их отец был наместником почти двадцать лет. Сестра тоже часто оставалась с нами. Так как я жила вместе с родителями, то, естественно, не могла ничего особенного предложить своим гостям. Правда, иногда мне удавалось подать им шампанское.

Как-то раз Ники захотел исполнить мой танец Красной Шапочки из «Спящей красавицы». Он где-то отыскал корзинку и, повязав голову платочком,

станцевал в полутемной гостиной партию и Красной Шапочки, и Серого Волка.

Ники часто приносил мне подарки, которые я поначалу не хотела принимать. Однако, видя, что это его очень огорчает, я изменила свое решение. Подарки, хотя и небольшие, были очень красивыми. В первый раз он преподнес мне золотой браслет с сапфиром и двумя крупными бриллиантами. На браслете были выгравированы две особенно дорогие и памятные мне даты — год нашей первой встречи в училище и год его первого визита ко мне: 1890 — 1892.

Однажды, когда наследник престола был у меня в гостях, у парадного входа кто-то позвонил. Горничная сказала, что приехал губернатор Петербурга, который должен видеть наследника престола. Наследник вышел в прихожую, а когда вернулся, то сообщил, что его ожидает император, которому доложили, что сын покинул дворец. Губернатор счел своим долгом уведомить об этом наследника престола, который тут же отправился к отцу, в Аничков дворец.

Каждое воскресенье я бывала в Михайловском манеже на конных состязаниях. Моя ложа находилась прямо напротив царской. Наследник престола каждый раз присылал мне в ложу цветы, которые приносили два гусара из его полка — князь Петр Павлович Голицын, которого в шутку звали «Пикой Голицыным», и Пепа Котляревский. Их называли моими «адъютантами», а они меня — «своим ангелом». После скачек я возвращалась в кабриолете тихой Караванной улицей, которая вела к Аничкову дворцу, в надежде, что меня обгонит наследник престола, и я смогу еще раз на него посмотреть.

Двадцать пятого марта, на Благовещение, я присутствовала на параде кавалерийского полка по случаю полкового торжества. Я сидела в одной из лож для зрителей в конце манежа. Когда император со

свитой проводил смотр полка, следовавший за ним наследник престола пристально посмотрел на меня. Его взгляд был полон любви, и я тоже не могла оторвать от него глаз.

Как-то раз наследник престола засиделся у меня почти до утра. Тогда он рассказал, что собирается за границу, чтобы встретиться с принцессой Алисой Гессенской, которую ему хотели сосватать. Потом мы еще много раз говорили на предмет его женитьбы и неизбежности нашей разлуки. Наследник престола привозил свой дневник, который вел довольно регулярно. Он зачитывал фрагменты, в которых говорилось о его переживаниях и чувствах ко мне и к принцессе Алисе. Вне всякого сомнения, он был мною очарован и очень дорожил нашими встречами. Я нисколько не сомневаюсь в том, что он очень любил меня. Сначала он относился к принцессе довольно равнодушно и рассматривал помолвку и свадьбу как неизбежность. Однако он не скрывал от меня, что из всех предложенных партий ему больше всего подходит Алиса. Она все больше и больше нравилась наследнику, который решил сделать ее своей избранницей, если родители дадут на это согласие.

Могут быть разные суждения по поводу той роли, которую впоследствии сыграла императрица. Однако должна сказать, что в ее лице наследник приобрел супругу с исключительными душевными качествами и достоинствами. Она без колебаний приняла православную веру и нелегкие обязанности императрицы. В тяжкие дни испытаний и в заточении она была ему верной подругой и опорой. Вместе с императором она достойно встретила смерть.

Весть о его помолвке стала для меня первым в жизни ударом. Узнав о ней, я словно окаменела от горя и до самого утра не сомкнула глаз. Последующие дни прошли, как во сне. Я не знала, что теперь

будет, и неизвестность нависла надо мной кошмаром. Тогда мне казалось, что я сойду с ума от горя.

Однако поездка наследника престола закончилась ничем, и он быстро вернулся. В этот раз принцесса Алиса не согласилась сменить вероисповедание, что было решающим условием брака. К моей великой радости, до помолвки дело не дошло.

По возвращении в Петербург наследник престола снова стал бывать у меня. Он казался очень веселым и довольным. Я чувствовала, что его влечет ко мне и что он нисколько не переживает по поводу неудавшейся помолвки, а наоборот, очень рад этому. Я была безгранично счастлива, что он снова вернулся ко мне.

Закончился зимний театральный сезон, наступило лето. Я с родителями готовилась к отъезду в Красницы, а он — в Красное Село. Мы оба мечтали о встречах в Красносельском театре. Начало летнего сезона было многообещающим, и действительно, то лето стало для меня самым счастливым.

11. СЕЗОН В КРАСНОМ СЕЛЕ

Репетиции спектаклей летнего сезона в Красном Селе проходили в Театральном училище, и мы с сестрой ездили из имения в город, иногда оставаясь на пару дней в нашей городской квартире. Едва успев войти, я сразу же бросалась к фортепьяно. Там складывали почту, и каждый раз я находила письмо от наследника престола.

Прислуга оставалась на лето в городе, и поэтому

мы прекрасно могли поесть в своем доме и даже пригласить гостей. К нам приходил будущий муж сестры, барон Цедделер, гусары князь Голицын и Котляревский, а также Володя Свечин, которого я знала еще студентом-юристом. Теперь он служил в Преображенском полку вместе с наследником престола, которого очень любил и которому старался во всем подражать. Он носил точно такую же бородку, ездил в кабриолете с рослым кучером, забрасывал за спину башлык и даже старался держать руки скрещенными спереди, как это делал наследник престола. Он был действительно похож на него и страшно радовался, когда ему по ошибке оказывали почести. Летом Володя Свечин жил в Сергиеве, около Стрельны, где у него была собственная дача. Время от времени он давал прекрасные обеды и приглашал нас с сестрой, которой очень симпатизировал.

В дни спектаклей артисты приезжали по Балтийской железной дороге в Красное Село и встречались за завтраком в ресторане напротив театра.

В том сезоне мне, наконец, выделили прекрасную уборную на первом этаже. Два ее окна выходили на императорский подъезд. Я постаралась сделать ее элегантной и уютной, заказала мебель из светлого дерева и красивые обои. Здесь всегда стояли свежие цветы. Из мебели в уборной была кушетка, туалетный столик и стулья.

Великий князь Владимир Александрович любил бывать на репетициях, которые начинались в три часа дня. Он приходил ко мне в уборную, чтобы просто поболтать. Я ему нравилась, и он шутливо сетовал, что слишком стар. Он подарил мне свою фотографию с надписью: «Будь здорова, душечка». До конца своих дней он оставался мне верным другом.

Тем летом наследник престола стал часто навещать меня на репетиции. Я знала, в котором часу он придет, и всегда ждала у окна, откуда могла увидеть

его еще издали, когда он только появлялся на дорожке парка, ведущей из дворца в театр.

Он ловко спрыгивал с коня и шел прямо в мою уборную, где оставался до начала репетиции. Здесь он чувствовал себя свободно, как дома, и мы могли без помех разговаривать наедине.

Во время репетиции наследник престола сидел в царской ложе между колоннами, которая находилась на одном уровне со сценой. Он требовал, чтобы я садилась на край ложи, опираясь ногами на сцену. Когда репетировали другие артисты, мы могли спокойно поговорить. Обычно он оставался до окончания репетиции, а потом ехал во дворец обедать.

Вечером, когда приближалось время приезда императора и императрицы, все артисты становились у окон, из которых был виден царский подъезд. При появлении кареты, запряженной тройкой лошадей, с казаком на козлах, все кланялись. Император отвечал на приветствие, подносил руку к козырьку фуражки, а царица одаривала нас своей чарующей улыбкой. Вслед за ними ехала карета наследника престола. На всех трех этажах здания были открыты окна, и все стояли возле них до тех пор, пока император с женой и сыном не входили в театр.

Во время антрактов ко мне в уборную приходили не только младшие великие князья, но и старшие — Владимир Александрович и Алексей Александрович. Навещал меня также датский принц Христиан, брат императрицы, будущий король и великий герцог Мекленбург-Шверинский, муж великой княгини Анастасии Михайловны. Это был исключительно приятный человек, с которым мы очень подружились. Многие навещали меня в артистической уборной, особенно во время последнего антракта, перед началом балета. Потом все шли на сцену, где собирались артисты балета, уже одетые в костюмы для дивертисмента.

Однажды мы договорились с наследником престола, что после спектакля он поедет во дворец, на ужин к императору, а потом в своем экипаже вернется ко мне в театр, и мы отправимся к барону Цедделеру, который жил в своем павильоне в Преображенском полку. Туда же должна была приехать и моя сестра. Мы с наследником престола условились, что я буду его ждать в парке рядом с театром. В театре уже погасили свет, и в парке было темно и пусто. Идти туда одна я побоялась. Чтобы чувствовать себя более уверенно, я взяла с собой театрального контролера. Вскоре послышался звон колокольчиков резвой тройки и показались огни экипажа, а через минуту и сам наследник престола уже был у театра. Ночь была чудесной, и мы решили прокатиться перед ужином по Красному Селу. Мы пронеслись вихрем по безлюдным улицам, а затем отправились на ужин. Барон Цедделер жил в одном павильоне со своим сослуживцем по полку Шлиттером, который в тот вечер оказался без дамы. Сестра была увлечена Цедделером, а я — наследником престола. Шлиттеру не за кем было поухаживать, и он в шутку называл себя пятым колесом в телеге. Ужин прошел очень весело. Наследник престола просидел с нами до утра и не хотел возвращаться домой. Это был чудесный и незабываемый вечер!

Последнее представление, как всегда, закончилось великолепным галопом. Однако тоска сжимала мне горло, а на глаза наворачивались слезы при мысли о том, что после окончания летнего сезона мы с наследником престола уже не сможем так свободно встречаться.

После маневров он уехал с государем императором в Данию, и я стала получать от него трогательные и нежные письма.

Нас все сильнее тянуло друг к другу, и я стала подумывать о том, чтобы подыскать себе подходящее отдельное жилье. О дальнейших встречах у моих родных не могло быть и речи. Правда, наследник престола со свойственной ему деликатностью не говорил об этом напрямик, но я чувствовала, что наши желания совпадают.

Вот только как сказать об этом родителям? Я знала, что причину им боль, когда сообщу о своем намерении покинуть отчий дом, и меня это очень огорчало. Ведь мы так любили друг друга, и я всегда чувствовала их заботу и поддержку. Я надеялась, что мать как женщина поймет меня, и даже была в этом уверена. Как оказалось, я не ошиблась. Но как сказать обо всем отцу? Он был человеком строгих принципов, и я знала, что мое решение станет для него ударом, принимая во внимание обстоятельства, при которых я покидала родной дом. Я понимала, что поступаю с родителями жестоко и что делать так не следует, но... Но я безумно любила Ники и думала только о нем, о моем счастье, пускай и кратковременном.

Даже сейчас при воспоминании о том вечере, когда я решила пойти к отцу, я словно переживаю все заново. Отец сидел в своем кабинете за письменным столом. Я подошла к двери, но так и не смогла войти. Не знаю, сколько бы еще я так простояла, но меня выручила сестра. Она вошла в кабинет и все рассказала отцу. Он всегда был человеком сдержанным, но я видела его боль и страдания. Он внимательно меня выслушал и только спросил, отдаю ли я себе отчет в том, что никогда не смогу выйти замуж за наследника престола и что скоро нам неизбежно придется расстаться.

Я ответила, что все прекрасно понимаю, но люблю Ники всем сердцем и не желаю думать о том, что ждет меня впереди, а просто хочу познать счастье, пусть и недолгое, раз уж такова моя судьба.

Отец согласился, но с условием, что сестра будет жить со мной. Это решение далось ему с большим трудом. Мне было больно сознавать, что я поступаю с ним так жестоко, и немного грустно при мысли о том, что вскоре придется покинуть родное гнездо. Однако с моей души свалился камень, и самые тяжкие минуты были уже позади. Я стала мечтать о новой самостоятельной жизни.

Я нашла прелестный маленький особняк на Английском проспекте в доме № 18, принадлежавшем Римскому-Корсакову. Этот особняк построил великий князь Константин Николаевич для балерины Кузнецовой, с которой находился в любовной связи. Говорили, что великий князь боялся покушений, и поэтому в его кабинете на втором этаже были сделаны железные ставни, а в стене замурован негоряемый сейф для хранения драгоценностей и документов.

Особняк был двухэтажный, прекрасно обустроенный, с вместительным погребом. За домом находился небольшой сад, окруженный высокой стеной. В глубине виднелись хозяйственные постройки, конюшня и сарай. А дальше, вплоть до самого парка великого князя Алексея Александровича, простирался все тот же сад.

При переезде я переделала только спальню на втором этаже, а все остальное осталось прежним. Электричества тогда еще не было, и дом освещался керосиновыми лампами разных форм и размеров.

Теперь я ждала возвращения наследника престола уже у себя дома.

12. НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Новый сезон начался чудесно. С наследником престола мы встречались у меня, на Английском проспекте. Теперь я могла его принимать, когда хотела. В театре дела тоже шли прекрасно, и я должна была танцевать ведущие партии в лучших балетах. Теперь я чувствовала себя настоящей балериной, а не исполнительницей эпизодических ролей.

В доме все было готово к визитам наследника престола. Правда, я еще не наняла кухарку, и обеды и ужины приходилось приносить из ближайших ресторанов. Однако это нисколько не омрачало нашего радостного настроения.

Я решила отпраздновать новоселье, ознаменовавшее начало самостоятельной жизни, и по этому случаю все гости явились с подарками. Наследник престола подарил мне восемь золотых рюмок для водки, украшенных драгоценными камнями.

В этом доме я провела много счастливых дней. Ники всегда приходил вечером к ужину, так как днем он был очень занят. Иногда вместе с ним приезжали его молодые дяди, великие князья Георгий, Александр и Сергей — те самые «Михайловичи». Бывал у меня и граф Андрей Шувалов с балериной Верой Легат, на которой он впоследствии женился, а также тенор Мариинской оперы Николай Фигнер, которого очень любил наследник престола.

После ужина «Михайловичи» обычно пели грузинские песни, а мы играли в баккара, делая небольшие ставки. Всем было очень весело.

После новоселья наследник престола подарил мне свою фотографию с надписью: «Моей дорогой пани». Так он меня называл.

Я всегда знала, когда придет наследник престола, и ждала, стоя у окна. Еще издали я слышала стук копыт его великолепного скакуна, и когда он замолкал, это означало, что конь, как вкопанный, остановился прямо у подъезда.

Мне очень хотелось получить заглавную роль в балете «Эсмеральда», в котором с таким блеском выступала Дзукки. Я обратилась с просьбой к нашему знаменитому и всемогущему балетмейстеру Петипа.

Он всегда говорил по-русски, хотя знал язык очень скверно, несмотря на долгие годы, прожитые в России. Петипа имел обыкновение ко всем обращаться на «ты». Он всюду ходил со своим неизменным клетчатым пледом, напевая на ходу. У него на каждый день был готов сценарий, и на репетициях он никогда не импровизировал. Даже не глядя на нас, он просто показывал танцевальные движения, приговаривая на невообразимом русском: «Ты на меня, я на тебя, ты на мой, я на твой». Причем для большей ясности при слове «я» он тыкал себя пальцем в грудь. Приглашая артиста приблизиться из глубины сцены, Петипа кричал: «Твой на мой!» Мы все привыкли к его тарабарщине и понимали, о чем идет речь.

Выслушав мою просьбу насчет роли Эсмеральды, он спросил: «А ты любить?» Я радостно ответила, что влюблена, на что он снова спросил: «А ты страдать?» Вопрос показался мне странным, и я, не задумываясь, ответила: «Разумеется, нет».

И тогда Петипа сказал мне слова, которые я впоследствии очень часто вспоминала. В переводе на русский язык они означали следующее: «Только познав страдания любви, можно в полной мере понять и достойно исполнить роль Эсмеральды». С какой горечью я потом воскрешала в памяти его слова, уже

выстрадав право станцевать Эсмеральду, ставшую моей лучшей ролью...

Во время театрального сезона 1892-1893 года я исполнила свою первую главную партию в балете «Калкабрино» в постановке Мариуса Петипа. Либретто написал Модест Чайковский, а музыку — Минкус, неутомимый творец балетных партитур того времени.

Перед этим важным выступлением я долго репетировала с Чекетти, желая овладеть виртуозной техникой, которую демонстрировали на русской сцене итальянские танцовщицы. Итальянская техника танца отличается быстрыми и отточенными движениями, тогда как в русской и французской балетной школах преобладают легкость, лиризм и выразительность, которые проявляются даже в самых бравурных, рассчитанных на внешний эффект па.

Я танцевала в «Калкабрино» 1 ноября 1892 года, заменив Карлотту Брианца, которая неожиданно покинула нашу сцену. Я исполнила свою партию в итальянском стиле и лишь спустя некоторое время снова вернулась к русской балетной технике, в полной мере оценив ее достоинства и красоту. Я имела большой успех, который нашел отражение в статьях критиков и похвалах любителей балета, осыпавших меня множеством комплиментов.

Плещеев так отозвался о моем первом появлении в ведущей партии: «Ее танец проникнут очарованием молодости и свидетельствует о большом таланте и решительном характере. Давно ли появилась мадемуазель Кшесинская 2-я на сцене и давно ли мы обсуждали ее дебют? И вот теперь она отважилась выступить вместо самой госпожи Брианца. Смелость прелестной танцовщицы вызывает восхищение. Она безупречно исполнила двойные пово-

роты и удивила знатоков балета своим *gest-en-tournant* в вариации ко второму акту. Несмотря на трудности, связанные с техникой, мадемуазель Кшесинская великолепно исполнила все танцы, в которых блистала итальянская балерина. Несомненно, мэтр Чекетти сыграл огромную роль в успехе молодой танцовщицы. Мадемуазель Кшесинская это понимает и поэтому расцеловала Чекетти на глазах у публики».

Другой балетный критик писал о моем выступлении так: «Несмотря на то, что танцы, поставленные специально для Карлотты Брианца, изобилуют сложнейшими элементами, которые можно назвать последним словом балетной техники, молодая балерина превосходно справилась с поставленной задачей и произвела самое благоприятное впечатление на публику. Многочисленные зрители, переполнявшие Мариинский театр, устроили мадемуазель Кшесинской 2-й настоящую овацию. Большая сцена в первом акте, труднейшее адажио во втором акте и, наконец, многочисленные вариации были исполнены юной балериной с настоящим артистизмом и вдохновением и с таким высоким и безупречным мастерством, которого трудно было ожидать от недавней выпускницы Театрального училища. Своим ошеломляющим успехом мадемуазель Кшесинская обязана как нашей несравненной балетной школе, так и своему теперешнему учителю Чекетти. Хочется еще раз подчеркнуть, что ее дебют в главной роли нужно считать значительным событием в истории нашего балета».

Обе эти статьи вошли в «Критико-биографическую монографию», изданную в 1900 году по случаю десятилетия моей работы на сцене.

Хвалебные рецензии на мое выступление появились также и за границей, в парижском журнале «Le Monde Artiste».

«Новая «звезда», мадемуазель Кшесинская, дебютировавшая в качестве прима-балерины, великолепно

но себя зарекомендовала. Этот успех обрадовал русских, так как она является воспитанницей русской балетной школы и позаимствовала у итальянцев только элементы, необходимые для модернизации классического танца. Молодая прима-балерина обладает всеми достоинствами: очаровательной внешностью, безупречной техникой, отточенным мастерством и идеальной легкостью. Нужно лишь немного поработать над мимикой, и из нее получится настоящая артистка».

Меня особенно радовало то, что критики подчеркивали мои успехи в постижении технических секретов танца, которые до сих пор считались достоинством только итальянских балерин.

Восемнадцатого ноября 1892 года в связи с пятидесятилетием постановки «Спящей красавицы» должно было состояться торжественное награждение П. И. Чайковского лавровым венком.

В этом спектакле я исполняла роль одной из фей.

Когда Чайковский приехал в театр, я проводила его на сцену и во время оваций улучила момент, чтобы сбегать за кулисы и пообщаться с великими князьями и наследником престола, которые пришли ко мне. Я немного задержалась и не присутствовала на сцене во время чествования композитора и увенчания его лаврами. Это событие описал потом в своей статье Юрий Бахрушин, основываясь на записях в моем дневнике, который остался в России. Статья вошла в книгу «Чайковский и театр».

О Чайковском я много слышала от отца. Когда впервые ставили «Спящую красавицу», Чайковский часто приходил на репетиции, садился за рояль и аккомпанировал.

Четвертого января 1893 года я танцевала в «Щелкунчике», где исполняла роль Сахарной феи вместо

итальянской балерины Дель'Эра. У меня было великолепное *pa de deux*.

Однако самым значительным для меня событием стало выступление в роли Авроры в «Спящей красавице», которое состоялось 17 января 1893 года. Тогда я услышала в свой адрес много комплиментов, но самой ценной похвалой для меня стал отзыв самого Чайковского. Он пришел в мою уборную и после нескольких хвалебных слов выразил желание написать для меня балет. К несчастью, он умер от холеры в том же 1893 году. Это случилось 25 октября.

Зимой, во время прогулки по городу, со мной произошел несчастный случай. Как-то раз великий князь Александр Михайлович, служивший тогда в Гвардейском экипаже, сказал мне, что такого-то числа, в такой-то час будет проходить по набережной со своей ротой и оркестром. В назначенное время я отправилась туда в своих саних вместе с Ольгой Преображенской, с которой я в ту пору была очень дружна. Мы обогнали роту, которую возглавлял великий князь, и в этот момент неожиданно грянул оркестр. Моя лошадь испугалась и понесла, кучер не смог с ней справиться, и сани перевернулись, но, к счастью, опрокинулись не в сторону лестницы с гранитными колоннами, о которые я могла разбить себе голову, а на проезжую часть дороги.

Ольга, или, как мы все ее называли, Оляша, вывалилась из саней первой, а я запуталась в овчинном тулупе. В конце концов, я тоже упала в снег и при этом сильно ушибла руку.

Наступило лето, и я заметила, что наследник престола становится все более задумчивым и замкнутым. Я даже решила, что речь снова идет об отъезде в связи с его предполагаемой женитьбой на принцессе Алисе Гессенской, которую все считали самой подходящей для него партией.

Я особенно встревожилась, когда наследника

престола отослали в Лондон на свадьбу его кузена герцога Йоркского, будущего короля Англии, с герцогиней Марией. Свадьба состоялась 24 июня (6 июля) 1893 года. Я была уверена, что наследник престола снова встретится с принцессой Алисой, которая в то время гостила у королевы Виктории. Но и на сей раз вопрос о помолвке не был решен.

На лето я хотела поселиться в Красном Селе или его окрестностях, чтобы почаще видеться с наследником престола. Я даже подыскала себе прелестный домик на берегу Дудерховского озера, который меня полностью устраивал. Наследник престола ничего не имел против, но дал мне понять, что если я поселюсь так близко от него, это может послужить поводом для непристойных пересудов. Тогда я решила снять дачу в Койерове. Это был большой дом времен Екатерины II. Он имел необычный вид. Говорили, что, проезжая через лес, Екатерина II решила построить здесь дом для себя. На вопрос о том, каким он должен быть, императрица сняла шляпу-треуголку с одного из дворян и сказала: «Вот вам и проект». Архитектор, которому поручили работу, в точности исполнил высочайшее повеление и придал зданию форму треугольника. Сразу же за воротами находилась просторная площадка, а в глубине стоял особняк с колоннами и высокими лестницами. С правой стороны площадки располагалось несколько летних флигелей, которые были построены уже в более позднее время. Выступающий угол дома выходил окнами на заброшенный парк, тянувшийся до самого Волконского шоссе, которое вело из Красного Села в Петербург.

Днем здесь было хорошо и приятно, но вечером, и особенно ночью, человека начинал охватывать страх. Дом стоял в глухом лесу, довольно далеко от ближайшего населенного пункта Лигово. У нас с сестрой были отдельные спальни, но после наступле-

ния темноты она приходила ко мне, так как тоже боялась. Однажды ночью, в первые дни пребывания на новом месте, мы услышали подозрительный шорох за окном, как будто кто-то пытался его открыть. Мы молчали, чтобы не испугать друг друга еще больше. Не выдержав, сестра спросила, слышу ли я какую-то возню под окном. Я ответила, что слышу, и мы обе задрожали от страха. Мы с ужасом ждали, что вот откроется окно и к нам в спальню ворвутся разбойники... Однако, в конце концов, мы обе уснули и проснулись только утром, когда в окна спальни весело светило солнышко.

Осмотрев окно, мы обнаружили, что это шумели колышущиеся на ветру ветви деревьев, которые росли совсем рядом со стеной. И все же после этого случая мы решили, что лакей с женой теперь будут спать в соседней комнате. До этого они располагались в другом конце дома, и в случае несчастья наших криков никто бы не услышал. У нас еще была кухарка, которая выбрала себе комнату на втором этаже, где никто больше не жил.

То лето было для меня очень грустным. Наследник престола только два раза приезжал ко мне из Красного Села. В первый раз он предупредил меня заранее, и я его ждала. Однако во второй раз он появился неожиданно и не застал меня дома, так как я была на репетиции в Красносельском театре. Вероятно, ему было сложно отлучиться с полигона.

Вскоре начались спектакли, но безоблачной радости, которую я испытывала в прошлом году, уже не было. Сердце мое сжималось от горького предчувствия и ожидания чего-то ужасного...

Потом наследник престола снова уехал с государем императором. 10 августа 1893 года они отправились в Либаву, а затем в Данию. Вернулись они уже поздней осенью, 8 октября 1893 года.

13. ГОДЫ 1893—1894

Зимний сезон открылся, как обычно, в первых числах октября. В моем репертуаре было уже три балета, а 20 января 1894 года я танцевала еще и в «Пахите», балете в трех актах (либретто Мазийера и Фешера на музыку Дельдевезе и Минкуса, постановка Фредерика и Петипа). На сцене я чувствовала себя прекрасно, чего нельзя было сказать о моей личной жизни. Мое сердце сжималось от боли в ожидании неуклонно надвигавшейся беды.

12 января 1894 года было объявлено о помолвке великой княгини Ксении Александровны с великим князем Алексеем Михайловичем. Этого события все давно ждали. Государь император и императрица способствовали их союзу. Мы отпраздновали это событие у меня дома. Приехали наследник престола и барон Цедделер. Мы пили шампанское прямо на полу, в спальне у моей сестры.

Потом состоялась другая помолвка, которую я уже не отмечала, так как она мне не принесла ничего, кроме горя и разочарования.

7 апреля 1894 года было объявлено о помолвке наследника престола с Алисой, принцессой Гессен-Дармштадской. Я давно знала, что рано или поздно это должно произойти, но все же горе мое было беспредельным.

В начале года стали ходить тревожные слухи о состоянии здоровья императора. В Москву для консультации вызвали светило в области медицины, профессора Захарьина.

Никто точно не знал, как далеко зашла болезнь государя, но все чувствовали: над ним нависла угроза. Я знала, что в связи с ухудшением здоровья госу-

даря помолвка наследника престола с принцессой Алисой будет ускорена, несмотря на то, что император и императрица были против этого брака. Причины, которыми они руководствовались, неизвестны до сих пор. Однако другой подходящей невесты не нашлось, и они были вынуждены, хоть и с неохотой, дать согласие на свадьбу.

Наследник трона получил благословение родителей, когда 2 (14) апреля 1894 года поехал в Кобург, на свадьбу принца Эрнста Гессенского с принцессой из Сакс-Кобургской династии Викторией-Мелитой, ставшей впоследствии великой княгиней Викторией Федоровной. (В 1905 году она повторно вышла замуж — за великого князя Кирилла.) Свадьба состоялась 7 (19) апреля в Кобурге, куда съехалось множество родственников. Прибыла королева Виктория с двумя внучками, герцогинями Викторией и Мод, германский император Вильгельм II, великая княгиня Мария Александровна, великий князь Владимир Александрович с великой княгиней Марией Павловной и многие другие.

По приезду в Кобург наследник престола снова сделал предложение, но принцесса Алиса медлила с ответом и дала согласие под нажимом родных только на третий день.

После возвращения из Кобурга наследник престола больше ко мне не приходил, но мы продолжали переписываться. Я обратилась к нему с последней просьбой о том, чтобы он позволил мне по-прежнему обращаться к нему на «ты» и рассчитывать на него в случае необходимости.

На это письмо наследник престола ответил мне необычайно трогательным посланием, которое я запомнила на всю жизнь: «Как бы ни сложилась моя дальнейшая судьба, встреча с тобой навсегда останется для меня самым прекрасным воспоминанием

молодости». Дальше он заверял меня, что я могу в любое время обращаться прямо к нему и говорить «ты». И действительно, сколько бы раз я к нему ни обращалась впоследствии, он не отказал мне ни в одной из просьб.

После возвращения из Кобурга и помолвки наследник престола попросил меня о прощальном свидании. Мы условились встретиться на Волконском шоссе, у стоявшего на обочине сарая с сеном.

Я приехала из города в своем экипаже, а он — верхом, прямо с полигона. И, как всегда бывает в таких случаях, когда нужно очень многое сказать другу другу, к горлу подступил комок, и мы говорили совсем не то, что хотели. Очень многое так и осталось невысказанным. Да и о чем можно вести речь на прощание, если знаешь, что уже ничего нельзя изменить...

Когда Ники уехал на полигон, я еще долго стояла у сарая и смотрела ему вслед, пока он не скрылся из виду. А он все оглядывался и оглядывался... Я не плакала, но сердце мое разрывалось от горя, и по мере того, как он удалялся, на душе у меня становилось все тяжелее.

Я вернулась в город, в свой пустой и осиротевший дом. Мне казалось, что жизнь кончилась, и впереди не будет ничего, кроме боли и горечи.

Я знала, что есть люди, которые будут мне сочувствовать, но найдутся и такие, которые только поражаются моему горю. Я не хотела ничьей жалости, а к встрече с недоброжелателями нужно было достойно подготовиться и собраться с мыслями. Но эти мысли пришли уже потом, а пока было только немое отчаяние и безграничная тоска по моему Ники, которого я навеки потеряла. Не могу передать того, что я

чувствовала, представляя его с невестой. Закончилась счастливая весна моей молодости, начиналась новая суровая жизнь, в которую я вступала с так рано разбитым сердцем.

На лето я снова сняла второй этаж дачи в Стрельне и поселилась там вместе с сестрой, полностью отгородившись от внешнего мира. У меня не было ни сил, ни желания с кем-либо встречаться. Хотелось только одного — чтобы все оставили меня в покое.

И все же я взяла себя в руки, так как нужно было выступать в Красном Селе. Я чувствовала, что должна появляться на сцене и хотя бы издали видеть своего любимого Ники. Я танцевала в небольшом балете «Наяда и рыбак», поставленном по либретто Перро на музыку Пуни. Принимала участие и в других балетах, но уже не помню, в каких. А еще я видела его... Каким же грустным и невыносимо тяжким стал для меня этот сезон!

Летом, 28 июля, по случаю свадьбы великой княгини Ксении Александровны с великим князем Александром Михайловичем должен был состояться гала-концерт в дворцовом театре в Петергофе. В связи с этим Мариус Петипа подготовил одноактный балет «Пробуждение Флоры», в котором я исполняла главную партию.

Театр в Петергофе был создан на месте бывшего манежа во времена царствования Елизаветы Петровны в 1745 году. Затем его перестраивали в 1857 году. Перед гала-концертом был сделан капитальный ремонт театра, его расширили за счет пристройки и провели электричество. Здание было великолепно отреставрировано.

Из зарубежных гостей на свадьбу прибыли королева Греции Ольга, принцесса Уэльская Александра (ставшая впоследствии королевой Англии) со сво-

ими дочерьми Викторией и Мод, которые были подругами детства наследника престола, а также датский принц Христиан, брат императрицы.

Помимо балета «Пробуждение Флоры», в тот вечер давали второй акт оперы «Ромео и Юлия» с Николаем Фигнером и его женой Медеей.

Тот, кто ни разу не видел гала-представлений в России, не может себе представить всю роскошь и великолепие, с которыми министерство Императорского двора организовывало развлечения такого рода.

После свадьбы молодая пара направилась в загородный дворец в Ропше, где местные жители приветствовали ее так шумно, что испугали коней, которые понесли, и новобрачные очутились в канаве. К счастью, все отделались легким испугом.

Это торжество было последним в летнем сезоне, а затем я возвратилась в Стрельну.

В своем несчастье я не была одинока. Рядом находился и оказывал поддержку великий князь Сергей Михайлович. Мы подружились с того самого дня, когда наследник престола приехал с ним ко мне в первый раз. Я никогда не испытывала к нему того чувства, которое можно было бы сравнить с моей любовью к Ники, однако своим теплым отношением и преданностью он завоевал мое сердце, и я искренне его полюбила. Он оставался моим верным другом в течение всей жизни, как в счастливые годы, так и во время революции, в дни тяжелых невзгод. Много лет спустя я узнала, что Ники просил Сергея опекать меня и обращаться лично к нему, если потребуется.

Ники прекрасно понимал, что меня ждут нелегкие времена и суровые испытания и что без поддержки с его стороны я могу стать жертвой всевозможных интриг. А он не хотел, чтобы я страдала по его вине. Всю жизнь я чувствовала на себе его заботу,

много раз он оказывал мне неоценимую помощь, когда меня стремились унижить или уничтожить.

Трогательным свидетельством внимания со стороны Ники было высказанное им пожелание, чтобы я осталась жить в доме, где мы оба были так счастливы. Ники купил его и подарил мне.

Тем летом я часто ходила гулять по тенистым аллеям парка вокруг великолепного дворца великого князя Константина Николаевича в Стрельне. Парк простирался от дворца до самого берега моря. От частных владений дворец и парк отделяли широкие каналы. Как-то во время прогулки я обнаружила прелестную дачу с большим садом. Дача была большой, но неухоженной, однако мне понравилось место, где она располагалась. На воротах висела табличка с надписью «Продается», и я решила все как следует рассмотреть. Видя, что дом пришелся мне по душе, великий князь Сергей Михайлович купил его на мое имя, и уже в следующем году я провела там все лето.

Это доставило мне огромную радость, так как с детских лет я привыкла проводить лето за городом. Дом был обставлен старомодно, но удобно, и я сразу же начала наводить порядок. В саду тоже было много работы.

На зиму я вернулась в Петербург, в свой маленький опустевший дом. Но теперь он уже был моим собственным.

14. ГОДЫ 1894—1895

Состояние здоровья государя императора вызывало опасения, но, по мнению большинства, серьезной угрозы не было. Как обычно, он присутствовал на полигоне, наблюдая за маневрами, а потом вместе с семьей отправился на охоту в Скерневице, куда для него вызвали на консультацию знаменитого немецкого профессора Лейдена. Профессор подтвердил, что император страдает воспалением почек, и было решено, что он сразу же отправится в Крым — в надежде, что благоприятный климат и спокойный образ жизни дадут желаемые результаты. Однако улучшения не наступило, и состояние императора ухудшилось настолько, что в Крым вызвали его ближайших родственников. В последнюю минуту туда отправили и невесту наследника престола, принцессу Алису, которая приехала за несколько дней до смерти государя. Он умер 20 октября 1894 года на пятидесятом году жизни и четырнадцатом — своего замечательного царствования. Императора оплакивала вся Россия. За время своего недолгого правления ему удалось укрепить величие и мощь России, поднять ее до невероятно высокого уровня развития и обеспечить мирную жизнь ее народу, за что тот прозвал своего государя «ангелом мира». Я была в большом горе, так как всегда преклонялась перед государем императором, а те несколько слов, которые он мне сказал во время выпускного спектакля, произвели на меня неизгладимое впечатление и остались в памяти навсегда.

На следующий день после смерти императора Александра III, в день вступления на престол императора Николая II, принцесса Алиса приняла православие и стала называться великой княгиней Александ-

рой Федоровной. Затем останки покойного императора перевезли из Ливадии в Санкт-Петербург, в Петропавловскую крепость, где в течение нескольких дней стоял открытый гроб, к которому допускали людей, чтобы они могли проститься с усопшим.

Через неделю после погребения в Зимнем дворце состоялось бракосочетание императора Николая II, и в связи с этим событием траур был отложен на год.

Приезд невесты императора в Россию и свадьба, которые должны были стать радостными событиями, совпали с днями всеобщей скорби, и многие считали это дурным предзнаменованием.

То, что я чувствовала в этот день, может понять лишь тот, кому, как и мне, суждено было полюбить всем сердцем. Я пережила нечеловеческие страдания, час за часом представляя себе события во дворце, стараясь заглушить чувство ревности и смотреть на ту, которая отняла у меня Ники, как на императрицу и государыню, раз уж она стала его супругой. Мне пришлось собрать все силы, чтобы не сломаться под бременем обрушившегося на меня горя и достойно принять все, что было предначертано судьбой... Я заперлась у себя в доме, а моим единственным развлечением стали санные прогулки по городу, во время которых я встречалась с самыми близкими знакомыми.

В январе 1895 года я поехала в Монте-Карло по приглашению Рауля Гюнсбурга. Меня сопровождал брат Юзеф, а также Ольга Преображенская, Бекефи и Кякшт. Позднее в одном из российских журналов я наткнулась на отчет о тех выступлениях:

«Весной 1895 года Европа впервые получила возможность увидеть мадемуазель Кшесинскую 2-ю. Импресарио Рауль Гюнсбург пригласил ее в театр

«Казино». Публика была в полном восторге. Бурю аплодисментов вызвало исполнение мадемуазель Кшесинской характерных танцев. Зарубежные газеты и журналы с восхищением писали о нашей прелестной танцовщице. Очарованный ее талантом известный французский критик Франсуа Сарси посвятил ей статью в «Le Temps».

После возвращения из Монте-Карло я выступила в первом акте балета «Калкабрино», в «Спящей красавице» и «Пробуждении Флоры». Однако сезон прошел довольно бесцветно, так как двор еще пребывал в трауре.

Весной того же года я познакомилась с обаятельнейшим человеком, Стасом Поклевским, бывшим в то время первым секретарем нашего посольства в Лондоне и большим другом принца Уэльского, будущего короля Эдуарда IV. Потом он служил русским послом в Румынии. Стас все время посылал мне цветы, а однажды подарил чучело медведя, которого он сам добыл на охоте. Этот зверь стал украшением моей прихожей. Потом я получила в подарок от Поклевского механическое пианино, в которое закладывались бумажные рулоны с нотами, а клавиши приводились в действие с помощью рычага. Инструмент так мне понравился, что в первый день я играла на нем без перерыва, а ночью не могла сомкнуть глаз из-за боли в руке.

В июне я поехала вместе с отцом, Бекефи и Легатом в Варшаву. В своей книге «Наш балет» Александр Плещеев так оценивает наше выступление: «Мазурка в исполнении Феликса Ивановича и его дочери вызвала бурю аплодисментов и дождь из цветов. Варшавские газеты писали о них только в превосходной степени. Наши артисты четырежды выступали в Варшаве и всегда при переполненных залах, несмотря на прекрасную летнюю погоду. Мадемуазель Кшесинская покорила публику классическими

танцами, которых там уже давно не видели. Феликс Кшесинский рассказывал мне, что встретился в Варшаве со многими танцовщицами, выступавшими с ним в молодые годы. Эти сгорбленные старушки не могли поверить, что перед ними тот самый Кшесинский, такой же статный и подтянутый и по-прежнему выступающий на сцене».

В Варшаве мне был оказан такой прием, какого я не видала даже в Санкт-Петербурге. Впоследствии, когда бы я туда ни приезжала, мои выступления пользовались неизменным успехом, а варшавские критики не скупались на самые высокие похвалы.

Лето 1895 года я провела уже на собственной даче в Стрельне, которую кое-как привела в порядок, а спальню переделала заново. Стены теперь были обиты ситцем, а мебель я заказала у Мельцера. Она считалась лучшей в Петербурге. Мне также удалось отремонтировать маленький круглый будуар, который я обставила мебелью от Бюхнера, сделанной из светлого дерева.

Лето прошло необычайно тихо и спокойно. По причине траура при дворе представлений в Красном Селе не было. Кроме того, я заболела и, воспользовавшись трауром, отложила свои выступления на конец ноября.

Великий князь Сергей Михайлович изо всех сил старался меня развлечь и хоть чем-нибудь порадовать. Он ни в чем мне не отказывал и даже пытался угадать мои желания. Однако ни великий князь, ни кто-то другой не могли заменить мне моего Ники. На людях я старалась выглядеть веселой и беззаботной, но, оставшись одна, снова и снова переживала тяжкую утрату первой любви.

Наши беседы с наследником престола и то доверие, которое он мне оказывал, делясь своими мысля-

ми и переживаниями, навсегда останутся для меня самыми дорогими воспоминаниями.

У Ники было сильно развито чувство чести и достоинства. Он никогда не позволял забыть о дистанции, отделявшей его от всех остальных. Он был человеком высокообразованным, прекрасно знал языки и имел исключительную память, особенно на людей и на прочитанные книги.

По натуре он был добрым и непосредственным и неизменно очаровывал окружающих своей улыбкой и взглядом голубых глаз, которые покоряли абсолютно всех.

Одной из самых поразительных черт его характера была способность управлять своими эмоциями и скрывать от других глубокие переживания. Даже в самые трагические моменты жизни он сохранял внешнее спокойствие.

Мне было совершенно ясно, что наследнику престола чего-то не достает для успешного царствования. Нет, нельзя сказать, что он был слабыхарактерным. И все же он не мог заставить людей подчиниться своей воле. Его первые побуждения почти всегда бывали верны по сути, но настоять на своем он не умел и слишком часто шел на уступки. Я не раз ему говорила, что он не рожден для царствования и не способен исполнить роль, отведенную ему волей судьбы. Разумеется, я никогда не высказывалась относительно того, что он должен отречься от престола. Такая мысль даже не приходила мне в голову.

Он был мистиком и прирожденным фаталистом и всегда верил в свое предназначение. Поэтому-то он даже после отречения не решился покинуть Россию.

15. ГОДЫ 1895—1896

Мне не хотелось выходить на сцену, репетировала я мало и танцевала без всякого удовольствия. Я выступала в старых ролях в «Коппелии» и «Спящей красавице», а 5 ноября открыла сезон балетом «Пахита». В то время в Петербурге выступала славившаяся своей виртуозной техникой итальянская танцовщица Леньяни. Она получала ведущие партии в лучших спектаклях, и ей отдавали предпочтение перед нами. В Санкт-Петербурге она выступала в «Золушке» и впервые в России исполнила 32 фуэте, которые впоследствии включили в «Лебединое озеро». Леньяни пользовалась огромным успехом. Сезон 1895-1896 года прошел для меня безрадостно. Душевные раны никак не хотели заживать, и воспоминания все время тревожили сердце. Я постоянно изводила себя мыслями о семейной жизни Ники. Приближались торжества по случаю коронации, назначенной на май 1896 года. Приготовления шли полным ходом, и на императорской сцене распределялись роли в предстоящем гала-представлении. По случаю такого исключительного события обе труппы объединились. Правда, в Москве была собственная труппа, но ее решили дополнить артистами из Петербурга, и я попала в их число. Я должна была танцевать в «Пробуждении Флоры». Речь шла об обычных спектаклях. Мне не дали роли в гала-представлении, для которого был выбран новый балет Дриго «Жемчужины». Репетиции уже начались, а главную роль получила Леньяни. Остальные партии распределили между другими танцовщицами. А ведь я к тому времени была уже сложившейся балериной с серьезным репертуаром. Я сочла случившееся

за оскорбление перед лицом всей труппы, что было для меня совершенно невыносимо, и обратилась к великому князю Владимиру Александровичу, так как больше мне не у кого было искать поддержки, а он всегда хорошо относился ко мне. Я чувствовала, что только он один готов защитить меня и понять, как больно меня ранили, не допустив к участию в гала-представлении. Что именно предпринял великий князь, я не знаю, но результат был налицо. Дирекция Императорских театров получила распоряжение сверху, гласившее, что я должна участвовать в гала-представлении.

Честь моя была спасена, и я чувствовала себя счастливой, так как знала, что это сделал для меня Ники. Без его ведома и согласия дирекция никогда бы не изменила своего прежнего решения. После женитьбы и двухлетней разлуки Ники исполнил мою просьбу и встал на мою защиту. Теперь я уже не сомневалась в том, что наша связь не была для него минутным увлечением и что в его благородном сердце для меня всю жизнь оставался уголок.

Затем пришло распоряжение двора. Балет «Жемчужины» был уже полностью готов, а все роли распределены. Чтобы как-то ввести меня в состав исполнителей, Дриго пришлось дополнительно написать музыку, а Петипа — поставить специально для меня *ра de deux*, в котором я танцевала Желтую Жемчужину, так как роли Белой, Черной и Розовой Жемчужин были уже отданы другим балеринам.

Торжества по случаю коронации проходили в атмосфере всеобщей радости. Я тоже старалась подавить боль и тоску и принимала у себя в номере друзей, пытаясь казаться беззаботной и веселой. Но все это делалось напоказ, а на сердце у меня было все так же тяжело. Во время коронации я испытала нечеловеческие мучения, когда рядом с трибуной, на

которой я сидела, прошел Ники с супругой. Они оба были в коронах и порфирах, под роскошными балдахинами.

Во время коронации я жила в гостинице «Дрезден». Однажды я кого-то угощала обедом и опоздала на репетицию балета «Пробуждение Флоры». Все артисты во главе с Петипа были уже в сборе и ждали меня, чтобы начать. Разумеется, я извинилась перед Петипа за опоздание, но не назвала его истинной причины. Петипа ответил, что лично он не в обиде, а вот остальные... Он сделал широкий жест в сторону танцоров, и мне стало очень неловко перед коллегами. С того дня я никогда не опаздывала на репетиции и даже старалась приходить на час раньше.

Торжества по случаю коронации начинались въездом монарха в Москву. Император прибыл туда 6(18) мая и, согласно традиции, поселился до коронации не в самой Москве, а в загородном Петровском дворце, находившемся в пяти с половиной верстах от Кремля.

Торжественный въезд в город состоялся 9(21) мая.

Из окон гостиницы мне было все прекрасно видно. Вдоль всего маршрута выстроились солдаты. Торжественный въезд начался в два часа, а закончился в четыре.

Он был очень пышным и многолюдным. Кроме гвардейских кавалерийских частей, в нем участвовали представители находившихся под властью России азиатских народов, одетые в национальные костюмы, а также делегации казачьих войск, знатные дворяне во главе с предводителем московского дворянства. Все они ехали верхом. Затем показались придворный оркестр и царская охотничья свита в парадных ливреях, царский стремянной и ловчий.

Далее, также верхом, двигались придворные, а все остальные расположились в открытых экипажах.

Наконец, появился император на белом коне, подкованном серебряными подковами с серебряными же гвоздями. (Эти подковы и гвозди впоследствии хранились в сокровищнице Оружейной палаты в Кремле.) За императором следовали члены императорской семьи и знатные иностранные гости, прибывшие в Москву на коронацию.

Первой ехала вдовствующая императрица Мария Федоровна с великой княгиней Ольгой Александровной. Они сидели в роскошной позолоченной карете, запряженной восьмеркой белых лошадей и украшенной короной. На лошадях восседали два маленьких пажа. В следующей карете ехала сама императрица Александра Федоровна, а за ней, тоже в позолоченных экипажах, — великие княгини.

Погода стояла чудесная и как нельзя лучше подходила для торжественного въезда.

В дни коронации вся Москва была расцвечена иллюминацией. В девять часов вечера, когда император с императрицей вышли на балкон дворца со стороны Замоскворечья, императрице вручили букет цветов на золотом подносе, в который был встроен электровыключатель. Когда она взяла поднос, сработал контакт, подававший сигнал центральной электростанции в Кремле. Первой вспыхнула тысячами огней колокольня Ивана Великого, а потом засияла и вся Москва. Я хотела поехать и посмотреть на это чудесное зрелище, но мне пришлось отказаться от своей затеи из-за людских толп, переполнявших улицы. И все же мне удалось увидеть самые красивые световые узоры на фасаде Кремлевского дворца.

После коронации император с императрицей отправились к великому князю Сергею Александровичу, в его подмосковное имение Ильинское, которое

он получил в наследство от своей матери, императрицы Марии Александровны. Туда же пригласили пятерых офицеров-преображенцев, которые служили вместе с императором, когда тот еще был наследником престола, а великий князь — командиром полка. Среди них были барон Цедделер, Александр Этгер и Шлиттер. Имена остальных я не помню.

После гала-представления я выступала в Москве в обычных спектаклях и пользовалась огромным успехом. Мне дарили много букетов, а как-то раз даже принесли серебряную корзину с цветами.

После окончания коронационных московских празднеств я вернулась в Петербург и стала потихоньку приходить в себя. Я снова танцевала во время сезона в Красном Селе, который оказался веселее и интереснее предыдущего. В то лето в красносельских балетах принимала участие очаровательная москвичка Джура. Когда спектакли шли каждый день, мы ночевали в своих театральных уборных, чтобы не возвращаться на дачу или в город. После представления мы шли в ресторан напротив театра. Как-то раз с нами остались на ужин великие князья Кирилл и Борис, сыновья великого князя Владимира, который часто навещал меня в Москве во время коронации. После ужина мы все вернулись в театр и танцевали на сцене, а великий князь Борис спустился в оркестровую яму и стал дирижировать воображаемым оркестром. Великий князь Кирилл только что получил офицерское звание, и теперь его называли флигель-адъютантом. Должна признать, что он был необыкновенно хорош собой.

Все лето я прожила в Стрельне, радуясь своим владениям, которые день ото дня становились все краше.

16. ГОДЫ 1896—1897

Сезон 1896-1897 года я начала 4 сентября в Михайловском театре, где впервые выступала в балете на музыку Гертеля «Тщетная предосторожность» (либретто Доберваля). Балет был в трех актах и четырех картинах. Над хореографией работали Мариус Петипа и Лев Иванов. До сих пор я танцевала в Красном Селе только первый акт этого балета. Роль Лизы мне очень подходила, и я выходила на сцену с большим удовольствием. Плещеев писал обо мне так: «Мадемуазель Кшесинская 2-я старательно готовилась к роли и исполнила ее с большой изобретательностью. Мгновенный переход от слез к радости, проказы и капризы Лизы, ее страх перед матерью — все это было показано очень убедительно и произвело самое благоприятное впечатление. Что касается техники танца в «Тщетной предосторожности», то мадемуазель Кшесинская была одинаково хороша как в наполовину характерных фрагментах, так и в классическом *ra de deux*, которое исполняла вместе с господином Кякштом. Особой удачей стало адажио, а последняя сцена вызвала гром аплодисментов».

Этот балет стал одним из самых моих любимых.

25 сентября я в первый раз предстала перед публикой в балете «Млада» в новой постановке Петипа. В связи с этим Александр Плещеев отметил: «Мадемуазель Кшесинская 2-я снискала большой успех в роли Млады. Адажио в третьем акте и вариации на пуантах, изобилующие двойными пируэтами, были исполнены безупречно. То же самое можно сказать о танце балерины в третьей картине: вариации под аккомпанемент арфы были встречены с восторгом».

8 декабря 1896 года состоялся бенефис Мариуса Петипа по случаю пятидесятилетия его деятельности на императорской сцене. По этому поводу был показан новый спектакль-феерия «Синяя Борода» в трех актах и семи картинах на музыку Петра Шенка. Постановку осуществил сам бенефициант. Я исполняла партию Венеры в последнем акте, который сам Петипа назвал «астрономическим балетом». По словам Плещеева, я там была «хореографическим десертом»: «Наблюдать такое действо — настоящее наслаждение для любителей и знатоков балета. Мадемуазель Кшесинская танцует артистично, на удивление точно, правильно и вдохновенно. Танец искрит и играет, словно шампанское. Она живет на сцене и увлекает зрителей».

После первой картины третьего акта подняли занавес, а мы с Леняни вывели к публике Мариуса Петипа. Ему преподнесли венки, после чего делегации выступили с поздравительными речами в его честь.

В предыдущем сезоне работа меня не увлекала, я предпочитала совсем не заниматься и танцевала хуже, чем следовало. Но теперь я решила взять себя в руки и стала упорно трудиться, чтобы быть в хорошей форме и порадовать императора, если он приедет в театр.

В сезоне 1896-1897 года император с императрицей присутствовали на балетных спектаклях почти каждое воскресенье. Однако дирекция всегда ставила мои выступления на среду, когда императора в театре не было. Сначала я думала, что это случайное совпадение, но потом убедилась, что так поступают умышленно. Мне это показалось несправедливым и обидным. Наконец, через пару недель дирекция

изменила мое расписание. В воскресенье я должна была танцевать в «Спящей красавице».

Я была уверена, что император непременно придет на это представление. Но потом мне сообщили — ведь среди артистов новости распространяются с молниеносной быстротой, — что директор Императорских театров предложил государю посетить в воскресенье Михайловский театр и посмотреть французскую пьесу, которую он пропустил в прошлую субботу. Мне было совершенно ясно, что директор прилагал все усилия, чтобы император не увидел меня на сцене, и поэтому уговаривал его поехать в другой театр. Это было уже слишком! И тогда я впервые воспользовалась позволением императора обратиться к нему лично. Я написала обо всём, что происходит в театре, и сообщила, что в сложившейся ситуации не считаю для себя возможным продолжать выступления на императорской сцене. Письмо было отдано Его Величеству в собственные руки великим князем Сергеем Михайловичем. Ответа я не получила и поэтому не знала, какое решение принял государь: поедет ли он в Михайловский театр или предпочтет посмотреть балет.

Наступило воскресенье, и артисты, не скрывая своего разочарования, начали недовольно ворчать, что император и в самом деле не бывает в театре, когда танцует Кшесинская, и что из-за нее они лишены удовольствия лицезреть государя. В тот вечер царская ложа пустовала. Директор и все руководство были в Михайловском театре, ожидая приезда государя императора. Грустное настроение передалось даже публике, и воскресный праздник был испорчен. Все указывало на то, что император предпочел Михайловский театр, и, как мне ни было тяжело, приходилось начинать спектакль. Оркестранты уже заняли свои места и стали настраивать инструменты.

Ждали только последнего сигнала, чтобы поднять занавес. Но вдруг в зале поднялся шум и послышались возгласы: «Император приехал!» Трудно передать мою радость, когда я поняла, что государь откликнулся на мою просьбу. Его присутствие сразу же мобилизовало всю труппу. Представление прошло замечательно, и все артисты работали с полной отдачей. После спектакля я сказала коллегам, что знала о приезде государя, но... умышленно молчала. Мои враги, еще недавно праздновавшие победу, сразу же повесили носы.

Прежде чем мне стали давать роли в больших балетах, я станцевала множество партий в одноактных постановках, таких как «Сильфиды» (в старой редакции), «Проказы Амура», «Ацис и Галатя» и «Привал кавалерии». Потом, с моего согласия, их передали другим танцовщицам. Еще до получения звания балерины мне начали доверять ведущие партии во всех значительных спектаклях. В балете «Король Кандаул» я исполняла танец трех граций, и мои вариации пользовались огромным успехом у зрителей. Однажды во время их исполнения я поскользнулась и упала, но, несмотря на это, мне удалось попасть в такт и закончить выступление. Публика обезумела от восторга. Впоследствии в этом балете выступала приглашенная из Москвы танцовщица Нелидова, а я танцевала в последнем акте па Дианы. Александр Плещеев писал об этом следующее: «Огромный успех сопутствовал нашей балерине мадемуазель Кшесинской 2-й. После безупречного исполнения па Дианы, в котором господа Кякшт и Легат были ее достойными партнерами, зрители устроили ей настоящую овацию. Танцевала она превосходно. Особенно понравились вариации из балета «Прекрасная жемчужина».

Потом я получила главную роль в балете «Король Кандаул». В ней было много драматизма, осо-

бенно в сцене безумия, и я имела возможность показать свои мимические способности.

В том сезоне великие князя Михаил Николаевич, Владимир Александрович, а также Алексей и Павел Александровичи продемонстрировали трогательное свидетельство своей симпатии ко мне, подарив брошь в виде перстня, усыпанного бриллиантами и украшенного четырьмя крупными сапфирами. К футляру была прикреплена карточка с именами великих князей.

Мне доверили исполнение двух первых актов балета «Спящая красавица» на гала-представлении по случаю приезда в Москву императора Австрии Франца-Иосифа. Спектакль состоялся 16 апреля 1897 года в Мариинском театре.

Летом того же года, когда я жила у себя в Стрельне, Ники через великого князя Сергея Михайловича дал мне знать, что в такой-то день, в таком-то часу будет проезжать верхом вместе с императрицей мимо моей дачи. Он просил, чтобы в это время я была в саду. Я выбрала скамейку, которую нельзя было не заметить со стороны дороги. В назначенный день и час Ники проследовал с императрицей мимо моей дачи и, разумеется, прекрасно меня видел. Они двигались не спеша, и я отвесила им низкий поклон, который был любезно принят. Этот случай свидетельствует о том, что Ники отнюдь не скрывал своего отношения ко мне, если открыто выказал свою симпатию, да еще в такой утонченной форме. Я продолжала его любить, и то, что он обо мне не забыл, было для меня большим утешением.

Тем летом я очень увлеклась ездой на велосипеде. Больше всего мне нравилось кататься по нижней аллее, ведущей из Стрельны в Петергоф. Аллея проходила через Михайловку, имение великого князя Михаила Николаевича, и Знаменку, принадлежавшую великому князю Николаю Николаевичу. В

Михайловке я часто встречалась с великим князем Михаилом Николаевичем, любившим прогуливаться по парку. Он всегда меня останавливал, и мы мило беседовали. Великий князь просил, чтобы я проехала «восьмеркой», но это не всегда удавалось. В Михайловке я также часто встречала великого князя Георгия Михайловича, с которым была очень дружна. Он обычно ждал меня в беседке, где мы могли спокойно поговорить.

Тем летом я приняла участие в трех гала-представлениях: в честь короля Сиама, немецкого кайзера и президента Французской республики Феликса Фора.

На первом, данном 23 июня 1897 года в Петербурге в честь короля Сиама, я танцевала два первых акта из балета «Коппелия». По этому случаю были сделаны новые декорации и костюмы.

Второе представление, самое пышное из трех, имело место 28 июля по случаю приезда германского императора Вильгельма II. Однако оно состоялось не в театре, а на острове Ольги. Места для зрителей спускались амфитеатром к озеру, сцену построили на сваях, выступавших прямо из воды, а оркестр располагался в огромном железном «ящике», установленном ниже ее уровня. На сцене были только боковые декорации, а вместо задних открывалась панорама холмов. Рядом со сценой насыпали маленький искусственный островок со скалами и гротом, в котором я должна была находиться еще до начала действия. В тот вечер показывали одноактный балет «Приключения Пелиаса» в постановке Петипа на музыку Делиба и Минкуса. Гостей переправили на остров в шляпках. Все вокруг было освещено ярким электрическим светом и представляло собой фантастическое зрелище. Затем медленно открывался грот. Я стояла на зеркале, двигавшемся

к сцене. Создавалось впечатление, что я ступаю по водной глади.

После представления в павильонах и на отдаленных холмах включили иллюминацию. Благодаря прекрасной погоде торжество удалось на славу. С утра начинал моросить дождь, и на всякий случай устроители сделали все необходимое, чтобы в последнюю минуту перенести спектакль в помещение театра, где ждали сигнала столяры, электротехники и машинисты. Все были очень признательны дирекции Императорских театров, так как представление было организовано великолепно, с большим вкусом и пышностью. Трудная работа по подготовке этого зрелища длилась два месяца. Скольких усилий стоила одна только установка электрического освещения!

После представления настроение у всех нас было отличное, и мы еще долго развлекались в Петергофе, где весело провели остаток вечера в кругу друзей, приехавших на праздник.

Через пару дней после спектакля меня вызвал директор Всевожский и от имени кайзера передал приглашение выступить в следующем сезоне в Берлине. Я была очень польщена таким почетным предложением, но приглашения не приняла, так как предпочитала остаться в Петербурге. По правде говоря, я никогда не стремилась гастролировать за границей, особенно если нужно было надолго уезжать из дома, который я очень любила. Иногда я все же танцевала за пределами России, но не слишком часто.

Третье и последнее представление, данное в честь президента Французской республики Феликса Фора, состоялось 11 августа, но на сей раз уже в театре. Сначала я танцевала под аккомпанемент хора и двух оркестров полонез и мазурку из второго акта оперы «Жизнь за царя», а затем выступила в балете «Сон в

летнюю ночь» на музыку Мендельсона-Бартольди и Минкуса.

Все лето я, как обычно, провела на своей даче, ухаживая за цветами и собирая грибы.

17. ГОДЫ 1897—1898

Я начала сезон 10 сентября 1897 года балетом «Спящая красавица», однако из-за серьезной болезни Пьерины Леньяни почти до конца года вынуждена была везти на себе весь репертуар. Александр Плещеев отмечал: «В связи с тяжелой болезнью мадемуазель Леньяни мадемуазель Кшесинской 2-й пришлось выносить на своих плечах, а правильнее сказать, на ногах, весь репертуар. Успех молодой балерины, совершившей за короткое время такой стремительный прогресс, был ошеломляющим. Ее танцы, выдержанные в благородном классическом стиле, являются образцом настоящего искусства. Особенно хороша балерина в «Пахите», «Младе» и «Тщетной предосторожности».

21 сентября я танцевала «Младу» при переполненном зале, а 9 ноября выступала в новом балете «Дочь микадо» в постановке Лангхаммера на музыку барона В. Врангеля. Лангхаммер был режиссером немецкой труппы в Михайловском театре, но в балете не разбирался. «Дочь микадо» не имела успеха и вскоре исчезла с афиш.

8 февраля 1898 года состоялся бенефис моего отца, посвященный шестидесятилетию его артистической карьеры в Варшаве и Петербурге. Это было

чудесное представление, а когда отец появился на сцене, публика устроила ему овацию.

В тот вечер я танцевала в обновленном втором акте «Фьяметты» Сен-Леона. Этот балет я очень любила. Ники тоже. Даже в своем дневнике он оставил запись о дне, когда я танцевала «Фьяметту». Затем я выступила в третьем акте балета «Синяя Борода», где мы с отцом исполнили мазурку Контского. Она встретила столь бурный прием, что нам пришлось повторить ее на «бис».

Плещеев описал это событие так: «Мазурка — это своего рода пантомима, в которой старик бодрится и подкручивает ус, а затем дает понять, что ему нелегко быть поклонником молоденькой красавицы. Однако потом он вихрем несется по сцене, вызывая восторг всего зала. Красиво, с достоинством и благородством и вместе с тем очень темпераментно исполняет Кшесинский свой народный танец. Мадемуазель Кшесинская 2-я танцевала самозабвенно и прекрасно. Сама она была прелестна в великолепном национальном костюме».

Чествование отца началось после балета «Привал кавалерии». По традиции эта церемония проходила при поднятом занавесе. Балетмейстер Петипа выразил отцу благодарность от имени всей балетной труппы, а Иванов, Гердт и Облаков вручили поздравительный адрес и бриллиантовую лиру. Баритоны Яковлев и Чернов были делегированы оперной труппой. Яковлев обратился к отцу с приветственной речью и преподнес ему венок. Драматическую труппу представляли г-жа Глинская, г-н Медведев и г-н Корвин-Круковский, который сердечно поздравил юбиляра. От имени французских артистов выступил мсье Вальбель, вручивший отцу венок от своих коллег. Он также вспомнил о его громких успехах в Варшаве, Париже и Петербурге. Из оркестра все

время подавали коробки и пакеты с подарками, а сундук с серебром оказался таким тяжелым, что едва не лишил жизни дирижера Дриго. К счастью, ему вовремя пришли на помощь.

Через неделю, 15 февраля, в заключительной части балетного представления с небольшими изменениями были повторены бенефисные номера отца. Из «Синей Бороды» убрали мазурку, заменив ее старинной чаконей, в которой, по словам Плещеева, «мадемуазель Кшесинская была такой воздушной».

О моем исполнении роли Фьяметты в тот вечер Плещеев отозвался так: «Второй акт «Фьяметты» оказался намного удачнее по сравнению с первым выступлением. Мадемуазель Кшесинская танцевала превосходно, особенно «Колыбельную». В этот раз талантливая балерина гораздо лучше исполнила «Застольную», за что была награждена долгими аплодисментами. На прощание балерине устроили овацию при выходе из театра, где ее экипаж забросали цветами».

19 апреля я снова танцевала во втором акте «Фьяметты» в сборном спектакле.

Летом я не была занята в спектаклях в Красном Селе и отдыхала у себя на даче. Я выступила только один раз в гала-представлении, состоявшемся 18 июля 1898 года в Петергофе по случаю визита короля Румынии — танцевала в балете «Жемчужины», поставленном 17 мая 1896 года в Москве в честь коронации. Но теперь я уже исполняла ведущую партию Белой Жемчужины вместо Ленъяни. Действие вновь происходило не в театре, а на острове Ольги, как и в прошлом году во время визита кайзера. Погода также была отличной, и представление прошло очень успешно.

Летом моими придворными пажами на даче в

Стрельне были князь Никита Трубецкой, князь Дмитрий Джамбакуриани-Орбелиани и Борис Хартман, которые остались моими друзьями на долгие годы.

8 августа 1898 года все трое получили офицерское звание. Двое из них, князь Никита Трубецкой и князь Орбелиани, вместо того чтобы отправиться в город на пирушку к друзьям, приехали ко мне в Стрельну, и я угощала их ужином. Они провели у меня весь вечер и остались ночевать. Я послала им в комнату шампанское, чтобы они могли ночью еще раз отметить свое повышение.

С той поры прошло полвека, и 8 августа 1948 года я получила трогательное письмо от князя Никиты Трубецкого, в котором он вспоминает те давние события.

Вот отрывок из него:

Пету-Клармар, 8(21) августа 1948 г.

Дорогая Малюня!

Сейчас девять вечера, а мы с Любонькой сидим и предаемся воспоминаниям. Я ей рассказываю, как пятьдесят лет назад в это же время мы с ныне покойным Митей Орбелиани (Джамбой) сидели за твоим великолепным столом в прелестной Стрельне и замечательно праздновали наше с ним повышение. Спать мы отправились поздно, а на следующий день вместо чая пили теплое розовое шампанское. Как это все далеко от нас и как свежо в памяти!.. Спасибо тебе за полувековую дружбу. Целую ручки, а Люба шлет привет и обнимает.

Всегда твой Никита.

Князь Трубецкой, или просто Никита, как его все называли, служил в Нижегородском драгунском полку, а потом стал адъютантом великого князя Николая Михайловича. Он женился на нашей танцовщи-

це Любе Егоровой. Сейчас они оба живут в Париже. У жены Никиты там своя студия, где она с большим успехом преподает искусство танца. С Никитой я вижу довольно часто, так как он любит приезжать к нам к завтраку.

Князь Орбелиани сначала служил в Псковском полку, так как ему не хватало гвардейских отличий. Однако потом он получил назначение в лейб-гвардии кавалерийский полк, куда его и перевели через год. Так как у офицеров Псковского полка были розовые околыши на фуражках, мы в шутку звали Митю Орбелиани «розовой обезьянкой». Потом он был адъютантом великого князя Михаила Николаевича, а после его смерти стал адъютантом великого князя Александра Михайловича. Его сестра, княгиня Софья, была фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Несмотря на парализованные ноги, она до последнего дня жила в Александровском дворце и умерла незадолго до революции.

Третий мой приятель, Борис Георгиевич (а может, Егорович) Хартман получил назначение в лейб-гвардии кавалерийский полк и сделал блестящую карьеру. Во время войны он командовал кавалерийским полком, а после революции поселился в Бельгии. Много лет я его почти не видела, но незадолго до смерти он был проездом в Париже, где мы и встретились в последний раз. Он был женат на младшей дочери князя Белосельского, Марии Константиновне. Во время переворота оба они, как и я, находились в Кисловодске. В последние годы жизни у нее отнялись ноги. Когда мы убегали из Кисловодска, она уже не могла передвигаться самостоятельно, и ее увезли в телеге. Однако даже в самые тяжелые моменты она не теряла мужества — ни под проливным дождем, ни под артобстрелом. Умерла она в Бельгии в 1931 году.

18. ГОДЫ 1898—1899

После долгого и заслуженного отдыха я выступила 20 сентября в «Спящей красавице».

Вот так откликнулся на этот спектакль Плещеев: «Мадемуазель Кшесинская 2-я, как обычно, танцевала в «Спящей красавице» с большим успехом. С присущим ей очарованием и воздушной легкостью артистка исполнила свои вариации, которые, однако, не повторила на «бис», несмотря на просьбы зрителей. Мадемуазель Кшесинская 2-я имеет много достоинств, которые отличают ее от остальных танцовщиц. Ее танец — это сама жизнь, наполненная огнем и радостью. От одного ее появления и улыбки на сцене становится светло. Улыбка не покидает ее лица даже тогда, когда ее ноги выписывают такие узоры, которые, если и не являются риском для жизни, то по крайней мере могут привести к вывиху. Хореографические задачи, которые решает балерина, даже и не снились танцовщицам во времена Дидло. «Спящая красавица» шла при переполненном зале. Мадемуазель Кшесинской преподнесли множество цветов».

Наконец я получила роль в великолепном, специально для меня восстановленном балете на музыку Пуни «Дочь фараона», в котором могла продемонстрировать как мимические, так и хореографические возможности. Это был мой второй любимый спектакль после «Тщетной предосторожности».

Постановку «Дочери фараона» в четырех актах и девяти картинах, с прологом и эпилогом, осуществили Сен-Жорж и Петипа.

Впервые я выступила в этом балете 21 октября 1898 года на прощальном бенефисе госпожи

А. Иогансон. В связи с этим Александр Плещеев писал: «В течение всего представления балерина не уходит со сцены. Мимический рассказ Аспиччии чередуется с танцами, поставленными талантливым балетмейстером с учетом современной техники, гораздо более сложной, чем во времена Росатти. Мимическая повесть, наполненная драматизмом, выглядит в исполнении мадемуазель Кшесинской 2-й очень трогательно. Она не переигрывает, а инстинктивно соблюдает во всем чувство меры. Мадемуазель Кшесинская обладает природным, или, как его назвал один известный литератор, наивным очарованием. Все сцены она исполняет с большим чувством: так, в бедной хижине рыбака она с помощью выразительных жестов и мимики очень живо «рассказывает» о преследовании. Все это создает впечатление естественности. Еще в большей степени удалась мадемуазель Кшесинской сцена мольбы о помиловании для своего любимого, за которой следует всплеск радости, когда отец отвечает согласием на просьбу Аспиччии и соглашается на ее брак с Та-Хором в заключительной картине балета. В ее движениях нет реализма и выразительности Виржинии Дзукки, которая была, скорее, драматической актрисой, нежели танцовщицей, но они дышат поэзией и грацией.

Во всех танцах талантливая балерина была безупречна, начиная с повторенных на «бис» в первом акте вариаций в *grand pas de chasseuses* и *grand pas d'action* и кончая вариацией в восточном стиле и вариацией на пуантах в *pas de la vision*. На удивление удачно продемонстрировала она оригинальную вариацию в восточном стиле, в которой проявила горделивое достоинство и утонченное кокетство, отличающее женщин Востока. Идеальные по композиции вариации на пуантах из второй картины третьего акта отличались подлинным мастерством. Нельзя не вспомнить об оригинальных и живописных костю-

мах балерины, которые очень ей идут. Успех мадемуазель Кшесинской в этой сложной и значительной роли вполне очевиден и заслужен. С этим согласны как любители балета, так и критики. Успех мадемуазель Кшесинской окончательно убедил меня в том, что она является лучшей русской балериной нашего времени. За три года, минувших с момента выхода в свет первого издания моей книги, ей удалось всесторонне развить и усовершенствовать свой прекрасный талант. Сейчас она стала настолько выдающейся балериной, что с ней не могут не считаться иностранные танцовщицы. После выступления мадемуазель Кшесинскую забросали цветами».

Мой отец, несмотря на то, что ему уже было почти 77 лет, предстал перед публикой в роли короля Нубии. Он выходил на сцену во главе процессии под звуки триумфального марша. Его величественная поступь, казавшаяся на первый взгляд такой простой, на самом деле была чрезвычайно трудна с точки зрения техники. Когда много лет спустя князь Сергей Михайлович Волконский посетил мою парижскую студию и у нас зашла речь о Жаке-Эмиле Далькрозе, он вспомнил о том выступлении отца и назвал его образцом исполнения сложных ритмичных движений.

Летом 1898 года я ездила в Варшаву вместе с Кякштом и Бекефи, где была восторженно принята зрителями и прессой — так же, как и в первый свой приезд. Мне очень нравилось танцевать в Варшаве: у меня там было много друзей, и мы славно проводили время. Знакомые и поклонники всячески старались продемонстрировать мне свою любовь. Когда я просыпалась утром, моя комната утопала в цветах, которые к этому часу уже успевали прислать почитатели. Каждый день после репетиции я устраивала

в гостинице завтрак. Кухня там была просто великолепная.

На время Великого поста, когда спектаклей не было, я отправилась в свою любимую Италию вместе с крестной, мадам Поль-Мари, которая вообще много путешествовала и была отличной компаньонкой. Мы старались переезжать из города в город ночью, чтобы не тратить времени зря и посвятить день осмотру достопримечательностей. Я никогда не упускала возможности лишний раз побывать проездом в Варшаве, где проводила весь вечер, а потом ночным поездом отправлялась в Ченстохов, чтобы успеть к четырем утра на совершавшееся под звуки органа открытие взорам собравшихся чудотворного образа Божьей матери, почитаемого во всей Польше. С самого детства я была очень набожной и сохранила свою веру и по сей день. Как-то раз, вернувшись из монастыря в гостиницу, где для меня был оставлен номер, я обнаружила множество цветов, присланных поклонниками из Варшавы. Каково же было мое изумление, когда при отъезде я встретила на вокзале Божевского, молодого и красивого поляка, который был в меня влюблен и даже мечтал на мне жениться. Он проводил меня до самой границы. При возвращении из-за границы я тоже всегда ехала через Варшаву и хотя бы ненадолго здесь задерживалась, чтобы как следует развлечься.

После окончания сезона 1898-1899 года ушел со своего поста директор Императорских театров Иван Александрович Всевожский. Он занимал эту должность без малого двадцать лет, с 1881 года, всегда демонстрируя превосходное знание дела, увлеченность и незаурядные способности. За время его работы опера и балет достигли необыкновенно высокого художественного уровня. Почти все либретто

опер и балетов вышли из-под его пера или были написаны по его рекомендациям. Он великолепно моделировал костюмы, декорации делались тоже под его руководством.

Во времена Всевожского я училась в Театральном училище, закончила его и начала свою артистическую карьеру. Надо отдать Ивану Александровичу должное: лучшего директора трудно было себе представить.

Среди всех балетов, поставленных за время его пребывания на этом посту, настоящим шедевром стала «Спящая красавица». В этом балете-феерии Всевожский хотел поразить зрителей прекрасной музыкой Чайковского в сочетании с необыкновенно роскошным сценическим оформлением. Он сам сочинил либретто и сделал эскизы костюмов. Хореографическую редакцию осуществил Петипа.

После Всевожского директором Императорских театров был назначен князь Сергей Михайлович Волконский, человек всесторонне образованный и прекрасный музыкант. Он замечательно играл на фортепьяно, был превосходным актером и часто принимал участие в любительских спектаклях. Все ценители искусства с радостью приняли весть о его назначении на должность директора Императорских театров. Я тоже была в их числе, хотя в то время еще мало его знала. Однако князь Волконский казался мне человеком приятным, что подтвердилось впоследствии в годы эмиграции, когда мы познакомились ближе. Князь всегда был элегантно одет и имел безукоризненные, но вместе с тем не вычурные манеры.

19. ГОДЫ 1899—1900

Осенью 1899 года, живя на даче в Стрельне, я как-то выбралась в город, чтобы посмотреть первое выступление итальянской танцовщицы Генриетты Гримальди в роли Сванильды в балете «Коппелия». Дирекция Императорских театров пригласила ее на несколько спектаклей. В моем репертуаре этой партии уже не было, так как я передала ее Ольге Преображенской.

В конце первого акта, во время исполнения вариации на пуантах, с Гримальди что-то случилось, и она со слезами на глазах покинула сцену. Как только опустился занавес, режиссер г-н Аистов прибежал в мою ложу и стал умолять меня выступить, причем немедленно, так как Гримальди повредила ногу и танцевать не могла. Естественно, я отказалась от подобного экспромта, так как у меня не было с собой ни костюма, ни грима, а кроме того, я давно не появлялась в этой роли и вообще не репетировала с начала лета. Одним словом, я совершенно не была готова к выходу. Однако, видя отчаяние режиссера и желая избавить дирекцию от хлопот, связанных с отменой спектакля, я в конце концов согласилась заменить Гримальди, хотя и очень боялась.

А вот и рецензия на тот спектакль: «Несмотря на то, что мадемуазель Кшесинская давно не выступала в этой роли и была вынуждена выйти на сцену без подготовки, лишь в самом начале можно было заметить в ее движениях некоторую неуверенность. Однако она быстро пришла в себя и всю сцену с куклой провела превосходно с точки зрения как техники танца, так и мимики, без каких-либо ошибок и недочетов. Все это служит неоспоримым доказатель-

ством огромного таланта мадемуазель Кшесинской. Нет нужды говорить, что публика устроила артистке бурную овацию. На следующий день дирекция Императорских театров выразила глубокую признательность Матильде Кшесинской за ее отзывчивость, позволившую закончить представление».

В начале сезона я репетировала балет «Эсмеральда». Наконец-то мне дали эту роль! Постановку возобновили специально для меня. Князь Волконский часто приходил на репетиции и внимательно следил за подготовкой спектакля. Князь всегда был очень мил и любезен со мной, и мне казалось, что отношения между нами сложатся наилучшим образом. Вероятно, сразу после вступления в должность директора его предупредили, что со мной будет нелегко, на что он ответил, что отдает себе в этом отчет и не собирается потакать моим капризам. К сожалению, князь не принял во внимание той ответственности, которая ложится на ведущих артистов, выносящих на своих плечах весь репертуар. Вскоре это привело к первому конфликту, которого легко можно было избежать.

Несмотря на то, что я выручила дирекцию, выйдя вместо Гримальди во время спектакля, за что получила благодарность от князя Волконского, он решил отдать все той же Гримальди «Тщетную предосторожность». Узнав об этом, я поехала к нему и попросила, чтобы он этого не делал. Я должна была выступить в этом балете осенью, а спектакли из репертуара балерины не полагалось отдавать другим танцовщицам без ее согласия. Несмотря на то, что моя просьба была высказана в самой любезной и уважительной форме, я получила отказ. Естественно, смириться с этим я не могла и приняла соответствующие меры. Через несколько дней директор получил от министра Императорского двора указание оставить ба-

лет за мной. Снова мне помог Ники, хотя он и находился в то время в Дармштадте. Князь Волконский был по-прежнему мил и любезен, как будто между нами ничего не произошло.

Почти одновременно с князем Волконским в дирекции Императорских театров получил место служащего по особым поручениям Сергей Павлович Дягилев, человек необычайно талантливый и предприимчивый. Мы с ним были ровесниками. Он сразу же мне понравился своим живым умом и эрудицией. Дягилев тоже относился ко мне с симпатией. У него была великолепная шевелюра с седой прядью на лбу, из-за чего его прозвали «шиншилой». Когда он появлялся в директорской ложе во время моего исполнения сложных вариаций из «Эсмеральды», танцовщицы на сцене начинали тихонько напевать:

*В ложе появилась
Вредная шиншилла,
И боюсь я очень,
Чтоб меня не сбила.*

Дягилев почти всегда провожал меня домой после спектакля, и мы с ним вели очень интересные беседы. Странно, но я всегда пользовалась успехом у определенной категории мужчин, от которых этого можно было меньше всего ожидать. Тем более, что я совсем не была похожа на мальчика. Вспоминаю один случай. Я была в Александринском театре на бенефисе Марии Александровны Потоцкой, но, не дождавшись конца представления, поехала в Мариинский театр, где в тот вечер шла опера «Фауст» и где, как я знала, должен был присутствовать Дягилев. Как обычно, он сидел во втором ряду на своем служебном месте. Рядом находилось кресло барона В. Кусова, которого я попросила уступить мне место. Перед самым концом спектакля я тихонько села

рядом с Дягилевым. Каково же было его изумление, когда, случайно повернув голову, он увидел вместо барона меня...

В феврале 1900 года, в первую зиму своего директорства, князь Волконский устроил в роскошных служебных апартаментах прием в честь знаменитого итальянского драматического актера Томмазо Сальвини. Сальвини приехал в Петербург и по особому разрешению несколько раз выступил в Александринском театре в трагедии «Отелло» с нашей драматической труппой. Несмотря на то, что Сальвини произносил текст по-итальянски, а партнеры отвечали ему по-русски, своей великолепной игрой он заворожил зал, и уже никто не обращал внимания на то, что спектакль идет на двух разных языках.

На прием в честь Сальвини князь Волконский пригласил много знаменитостей из высших кругов общества, а также ведущих артистов Императорских театров. В их числе оказалась и я. Присутствовали также и некоторые члены царской фамилии. Вечер удался на славу, и о нем много писали и говорили.

Выступая, я всегда хотела знать, что в зале находится кто-то, кому я очень нравлюсь. Это меня вдохновляло. Едва появившись из-за кулис, нужно сразу же завоевать зал и дать понять зрителям, что ты находишься здесь только ради них. От этого момента зависит успех всего представления. Обо мне говорили, что никто не мог выйти на сцену и мгновенно завладеть вниманием публики так, как это удавалось мне.

Это отметил в своей книге «Мариинский театр» и Аким Вольнский, известный балетный критик. О его словах вспомнил недавно г-н Адамович в своей лекции «Балет до Дягилева», прочитанной в Париже 17 января 1952 года. Он приводит в ней мнение Вольнского: «На первое место следует поставить

М. Кшесинскую, которая в течение четверти века была идеальным воплощением величайшей балерины Императорского балета — прима-балериной вне всякой конкуренции, или *prima ballerina assoluta*. Эта танцовщица обладала великолепной техникой и была наделена редким даром сразу покорять публику». По мнению Вольнского, настоящая артистка отличается тем, что «при появлении на сцене она все вокруг затмевает своим блеском, и в этом никто не мог соперничать с Кшесинской».

«Насколько я помню, — замечал Адамович, — Айседора Дункан пишет о Кшесинской и ее выходе на сцену то же самое. Действительно, Кшесинская была необыкновенной, и по зрительному залу, напряженно ее ожидавшему, всегда пробегала дрожь нетерпения. Балет «Эсмеральда», в котором блистала Дзукки, вероятно, был любимым балетом Кшесинской, и, по словам одного из очевидцев, компетентного русского критика, ни одной из танцовщиц, выступающих в этой роли, не удалось превзойти Кшесинскую и вытеснить из памяти созданный ею образ».

В том сезоне, когда я так часто выступала в «Дочери фараона», мне попался на глаза гусар Николай Николаевич Скалон, удивительно симпатичный молодой человек, которого многие попросту называли «Баба Скалон». У него была связь с графиней Н., о чем было известно всему городу. Я призвала на помощь все свое кокетство, чтобы заставить Скалона влюбиться в меня и, в конце концов, добилась своего. Гусары, как и другие гвардейцы, абонировали ложу на балетах, и Скалон стал появляться на всех моих выступлениях. Он приезжал перед началом спектакля, чтобы не пропустить моего выхода. Он стал частым гостем у меня в Стрельне. Когда летом я ездила к родным в Красницы, Скалон сопровождал меня поездом до станции Сиверской, а потом снова при-

езжал за мной, чтобы проводить до города. Он был очень веселый и милый, и все относились к нему с симпатией. Никто и не предполагал, что он умрет от тяжелой болезни, от которой страдал уже в то время. Он скончался в молодом возрасте от прогрессивного паралича. Я присутствовала на его похоронах и положила на гроб букетик фиалок. Потом я получила трогательное письмо от его брата, благодарившего меня за этот поступок. В память о нем мне остался подарок — миниатюрные часики для ношения в петлице. Снаружи виднелся только крошечный циферблат, обрамленный бриллиантами, а самого механизма не было видно.

После «Дочери фараона» я получила главную роль в балете «Эсмеральда», о которой мечтала уже очень давно. Теперь, после того, как я узнала любовь и страдание, можно было смело браться за исполнение этой партии. Разумеется, я помнила слова Пети-па, говорившего, что я смогу танцевать Эсмеральду, лишь изведав муки и радости любви. Но тогда я была слишком молода и не поняла смысла его слов.

Я начала готовиться к роли Эсмеральды еще в то время, когда Виржиния Дзукки танцевала на сцене Мариинского театра, и запомнила все ее жесты и мимику. Теперь я на собственном опыте узнала, что чувствовала бедная Эсмеральда, а кроме того, при подготовке мне очень помогли ценные советы Пети-па.

Премьера «Эсмеральды» состоялась 21 ноября 1899 года. Мне сопутствовал успех, и я была уверена, что справилась с трудной задачей и сумела сделать Эсмеральду такой, какой хотела и какой ее себе представляла. Пока я выступала на сцене, ни одна танцовщица не получила этой роли. В моем юбилейном альбоме сохранилась рецензия на тот спектакль:

«Говоря о таланте мадемуазель Кшесинской,

нельзя не упомянуть о ее выступлении в роли Эсмеральды 21 ноября 1899 года, на бенефисе Н. С. Аистова. Во всех предыдущих спектаклях, где нам довелось видеть балерину, Кшесинская-танцовщица заслоняла Кшесинскую-актрису; в «Эсмеральде» же, где драматические сцены тесно переплетаются с танцами, а мимика имеет первостепенное значение, Матильда Феликсовна великолепно справляется со своей ролью. С большой достоверностью и выразительностью показывает она тончайшие движения души, покоряя зрителей своей игрой. Она просто неподражаема в сцене ревности, когда Эсмеральда танцует перед соперницей, а также в сцене, где ее ведут на казнь. Данные фрагменты наполнены потрясающим драматизмом, и в них особенно ясно видно, насколько серьезно и ответственно отнеслась балерина к трактовке этого образа. Техника танца в этом балете (впрочем, как и во всех остальных) не вызывает никаких нареканий, балерина танцует с большим чувством и темпераментом. Наш балет должен гордиться тем, что к началу XX века он переживает период расцвета благодаря отечественным талантам, для которых зарубежные танцовщицы уже не являются идеалом».

В сцене ревности, когда я вижу Феба с невестой и должна исполнить перед своей соперницей *ra de deux*, я выражаю всю полноту отчаяния в финальной коде, изображая подстреленную птицу. В этот момент танцовщица, выступавшая в роли невесты Феба, довольно громко сказала: «Она не выворачивает колени». Это замечание было не только обидным, но и глупым. Оно свидетельствует об отношении некоторых танцовщиц к технике. Я никогда не относилась к балеринам, до отупения отрабатывающим приемы и движения, начисто забывая при этом об актерской игре. Безусловно, там, где отсутствует мимика, все внимание устремлено на технику танца, но

в сценах, исполненных драматизма, можно и забыть о коленях, однако пренебречь игрой ни в коем случае нельзя. Совершенно ясно, что танцовщица, высказавшая подобное замечание, не имела ни малейшего понятия о драматическом мастерстве актера.

Десятилетний юбилей

Приближался десятилетний юбилей моей работы на императорской сцене. Обычно артистам устраивался бенефис по случаю 20-летия творческой деятельности или при прощании со сценой. Я же захотела отметить 10-летний юбилей, а на это требовалось особое разрешение, поэтому я решила обратиться не к директору Императорских театров, а к министру двора барону Фредериксу, человеку любезному и приятному, который всегда относился ко мне с большой симпатией.

Когда мне назначили аудиенцию, я до мельчайших деталей продумала свой наряд, чтобы произвести на министра самое благоприятное впечатление. Я была молода и, как писали в то время, имела прекрасную фигуру и особый шарм. Идя на аудиенцию, я надела шерстяное облегающее светло-серое платье и треугольную шляпку того же цвета. Возможно, это будет казаться хвастовством, но, взглянув в зеркало, я очень себе понравилась. Довольная собой, я поехала к министру, который принял меня очень любезно и засыпал комплиментами по поводу моего наряда. Все это придало мне решимости в изложении своей просьбы. Министр сразу же любезно согласился передать ее государю императору, так как разрешение на бенефис было в его личной компетенции. Видя, что министр не спешит распрощаться со мной, я рассказала, что только благодаря ему смогла виртуозно исполнить 32 фуэте. Министр посмотрел на меня изумленно, не понимая, каким образом

это могло произойти. Я пояснила, что для исполнения 32 фуэте на одном месте нужно иметь перед глазами какой-нибудь заметный предмет. Министр сидел в партере, в середине ряда, а его ордена сияли даже в полутемном зале. Мое объяснение очень понравилось ему. С любезной улыбкой проводив меня до двери, он еще раз пообещал передать мою просьбу государю и дал понять, что отказа мне не будет. Я вышла от министра очень довольная. Разумеется, я получила разрешение на бенефис и снова была этим обязана моему незабвенному Ники. Для бенефиса я выбрала воскресенье 13 февраля 1900 года. Число «13» всегда было для меня счастливым.

Перед этим днем я выступила в двух спектаклях, состоявшихся в небольшом театре при Эрмитаже, который соединялся подъемным мостом с Зимним дворцом. Этот театр был построен еще во времена Екатерины II в 1783 году на месте дворца, где умер Петр I. Потом там был другой театр, который ликвидировали при реконструкции Зимнего дворца. Сооружение театра при Эрмитаже было доверено архитектору Кваренги. В течение зимнего сезона здесь проходили камерные представления, предназначенные исключительно для императорского двора и приближенных лиц. Молодая императрица захотела придать дворцу больше величия, и поэтому были достроены пышные покои для гостей и подъемный мост.

7 февраля я танцевала в Эрмитажном театре в балете «Времена года» на музыку Глазунова в постановке Петипа, а 10 февраля — в балете Дриго «Арлекинада», также в его редакции. В этом балете было много красивых мелодий и замечательная хореография. Однако как танцовщицу он меня не слишком привлекал, и впоследствии я отдала его другим балеринам.

Наконец 13 февраля 1900 года состоялось пред-

ставление по случаю десятилетнего юбилея моих выступлений на императорской сцене.

В день бенефиса артисты обычно получали подарок от Кабинета Его Императорского Величества, так называемый «царский подарок». Как правило, это была банальная вещица из золота или серебра, иногда украшенная какими-нибудь драгоценными камнями и непременно с царским орлом или короной. Мужчинам, например, всегда посылали золотые часы. Эти подарки являлись предметами искусства. Я боялась, что придется принять нечто такое, что впоследствии мне будет неприятно носить, и поэтому обратилась с просьбой к великому князю Сергею Михайловичу, чтобы он постарался избавить меня от подобных подарков. И действительно, в день бенефиса директор Императорских театров князь Волконский принес в мою артистическую уборную и вручил совсем иной «царский подарок» — великолепную брошь в виде свернувшейся клубком бриллиантовой змеи с крупным сапфировым кабошоном посередине. Впоследствии император попросил великого князя Сергея Михайловича передать мне, что брошь он выбирал вместе с супругой и что змея является символом мудрости.

Бенефис прошел великолепно, и публика устроила мне бурную овацию.

Для этого дня я выбрала два балета, которые танцевала в последний раз в Эрмитаже. Это были «Арлекинада» Дриго и «Времена года» Глазунова. В заключение я выступила в дивертисменте. В балете «Времена года» я танцевала партию Колоса с Фавном — Обуховым и двумя Сатирами — Ширяевым и Горским. Этот номер был восторженно принят залом.

Я получила множество подарков, а 83 человека прислали мне цветы. Было много цветов от великих князей, а также роскошный подарок от великого

князя Сергея Михайловича. Среди даров был альбом, изданный двумя поклонниками, скромно назвавшими себя «А.А.» и «В.О.» Альбом именовался «Критико-биографическая монография» и содержал множество фотографий, 16 фотогравюр, статьи и рецензии о моем творчестве. В следующий раз я получила такой альбом уже за границей и использовала его при написании мемуаров.

Были также доставлены цветы и от губернатора Санкт-Петербурга. Все визитки, припиленные к цветам, я старательно собрала еще в театре, чтобы они не потерялись при перевозке. Забавно выглядели пышные корзины и букеты, погруженные на открытые платформы. Мой дом буквально утопал в цветах.

Из 83 человек, поздравивших меня, я смогла поблагодарить 82, так как на 83-й карточке значилась только фамилия — «Ауэрбах», без указания адреса. У меня был знакомый с такой фамилией, но, как оказалось, цветы прислал не он. Мне так и не удалось выразить признательность незнакомцу.

В юбилейном альбоме была описана сцена моего отъезда из театра после спектакля:

«Балетное представление, наконец, завершилось. Зал опустел, а сами зрители вышли на улицу, однако и не думали расходиться. Поклонники столпились у служебного входа: большей частью это была публика «с галерки», учащаяся молодежь. Здесь можно было увидеть форменные мундиры различных учебных заведений: рядом с серой шинелькой гимназиста мелькали студенческие шинели, и прыщавый студент с презрением посматривал на гимназиста, лихо подкручивающего несуществующий ус, а новоиспеченный интеллигент из купеческой среды бормотал, обращаясь к окружающим: «Что же так долго переодеваются?» Усач с бобровым воротником прикуривал одну папироску от другой, а юноша лет 15—16

нетерпеливо поглядывал на часы. Все эти люди собрались, чтобы достойно проводить своих любимцев, а главным образом, любимиц.

Двери служебного входа открывались все чаще, выпуская переодевшихся артисток. Однако эти «первые ласточки» почти не произвели впечатления на зрителей, потому что толпа ждала не их, артисток кордебалета, а знаменитостей.

Наконец в коридоре появилась сама Матильда Кшесинская. Не успела она выйти на улицу, как вдруг откуда-то появилось кресло, в которое поклонники усадили ее и понесли к экипажу под громкие крики «браво» и «ура».

Попрощавшись с артисткой, зрители стали медленно расходиться. Вот так закончился этот «вечер в театре».

А в моей жизни намечался настоящий переворот.

Через пару дней после юбилейного спектакля я давала у себя в доме обед. Столовая оказалась слишком мала, и чтобы разместить всех гостей, пришлось накрыть стол в гостиной, где было более просторно. Всю гостиную украсили цветами. На обед я пригласила великих князей Кирилла и Бориса Владимировичей, которые и прежде бывали у меня. Вместе с ними приехал и их третий брат, великий князь Андрей Владимирович. Напротив меня сидел великий князь Кирилл как старший из братьев, по правую руку от себя я посадила великого князя Бориса, а по левую — великого князя Андрея. Великий князь Сергей Михайлович занимал место хозяина во главе стола. Остальные места предназначались для танцовщиц балета, с которыми я дружила, а также для нескольких моих знакомых.

В первый же вечер великий князь Андрей произвел на меня огромное впечатление. Он был на удивление хорош собой и очень робок, что, впрочем,

совсем его не портило — скорее, наоборот. Во время обеда он нечаянно задел рукавом бокал с красным вином, которое вылилось мне на платье. Я ничуть не огорчилась, увидев, что роскошное платье испорчено, и сочла это за добрый знак, суливший мне много счастья в дальнейшей жизни. Я быстро сбегала наверх и переоделась. Вечер прошел чудесно, и мы очень много танцевали. С этого дня в моем сердце проснулось давно забытое чувство, совсем не похожее на мимолетное увлечение...

В том же сезоне я принимала участие в представлении, состоявшемся 27 февраля в Мариинском театре по случаю бенефиса Делорма, актера французской труппы. Впервые показывали пантомиму «С Луны в Японию» по либретто Лопухина, на музыку Кислинского и в постановке Чекетти. В этом спектакле не было ничего заслуживавшего внимания.

После первой встречи с великим князем Андреем мы стали видеться все чаще, и наши отношения быстро переросли в большую любовь.

Я снова начала вести дневник, который совсем забросила после расставания с Ники. Там я рассказывала обо всех своих переживаниях. Не помню, что именно я писала в дневнике, но на его страницах я впервые призналась, что мной овладело чувство, похожее на то, что я испытывала к Ники. Только теперь я была уже не наивной девочкой, а зрелой женщиной, познавшей в своей жизни и боль, и радости. С каждым днем я влюблялась все сильнее.

Летом великий князь Андрей Владимирович стал часто бывать на репетициях в Красносельском театре. Наша знаменитая драматическая актриса Мария Потоцкая, с которой мы были очень дружны, посмеивалась надо мной, говоря: «С каких это пор ты стала проявлять интерес к подросткам?» Действительно, он был младше меня на шесть лет. Потом он начал

посещать мою дачу в Стрельне. Помню те незабываемые вечера, когда в ожидании его визита я прогуливалась при свете луны по парку. Иногда он задерживался и приезжал, когда уже всходило солнце, а с полей доносился запах скошенной травы, который я очень любила. Мне запомнился день 22 июля, именины великой княгини Марии Павловны, матери Андрея. В этот день в Ропше всегда устраивался пикник с музыкой и цыганами. Андрей не мог быть раньше, но пообещал, что если не задержится, то заедет в Стрельну по дороге в Красное Село. Я ждала его с большим волнением, а когда он, наконец, появился, была бесконечно счастлива. Ночь была чудесной, и в течение нескольких часов мы сидели на балконе и разговаривали, слушая пение пробуждающихся птиц и тихий шелест листвы. Мы чувствовали себя как в раю. Та ночь и тот день навсегда остались в нашей памяти, и впоследствии мы каждый год их отмечали.

Летом в Петергофе состоялось гала-представление в честь персидского шаха, на котором показывали третий акт балета «Синяя Борода» и третий акт «Пахиты», в котором танцевала я.

Осенью, после маневров и смотров на полигоне, Андрей получил двухмесячный отпуск, и мы решили встретиться в Биаррице и провести там вместе две недели. Перед этим Андрей поехал в Севастополь, чтобы осмотреть местные достопримечательности. Его пригласила в свое имение Ай-Тодор великая княгиня Ксения Александровна. Из Севастополя он должен был отплыть на корабле в Константинополь, а оттуда через Париж следовать в Биарриц.

Накануне отъезда в Крым Андрей навестил меня в моем городском доме. Я приехала из Стрельны, чтобы провести с ним последний вечер. Как сейчас помню, что вечер был чудесным... Я осталась в горо-

де на ночь, а утром поджидала его экипаж на Невском проспекте. Мой кабриолет ехал очень медленно, чтобы Андрей меня догнал, и мы смогли бы проститься еще раз.

Вскоре я отправилась за границу со своей подругой Маней Рутковской, которую по моей просьбе перевели из Варшавы в Петербург и включили в нашу балетную труппу.

О пребывании в Биаррице у меня остались приятные, но грустные воспоминания. Андрея все время приглашали друзья и знакомые, которым он не мог отказать, и нам не всегда удавалось остаться вдвоем. Я тоже должна была соблюдать осторожность, чтобы избавить Андрея от конфликтов в семье и не дать повода для сплетен. На обратном пути мы задержались в Париже, где провели вместе несколько дней. Однако вскоре мне пришлось возвратиться в Петербург, чтобы успеть на выступления.

Я ревновала Андрея абсолютно ко всем и очень тяжело переживала, что оставила его одного в Париже. Андрей приехал проводить меня на вокзал Гар-де-Норд. Перед отправлением поезда «Норд-экспресс» я в последнюю минуту уговорила его следовать со мной до ближайшей станции Сен-Кантен. До нее было более двух часов езды, и Андрей исполнил мое желание, поехав без билета. Мне кажется, он не испытывал восторга от этого неожиданного путешествия, но я была счастлива, зная, что смогу побыть с ним еще пару часов. Помню, что по мере того, как поезд удалялся от Парижа, где остался Андрей, у меня на душе становилось все тоскливее. Вернувшись домой, я стала считать дни до его приезда.

20. ГОДЫ 1900—1901

В сезоне 1900-1901 года я впервые танцевала в обновленной версии балета «Баядера», для которого были изготовлены новые декорации и костюмы. Балет состоял из четырех актов и семи картин. Музыка написал Минкус, либретто — Худяков, а постановку осуществил Петипа. Премьера имела место 3 декабря 1900 года в бенефис Павла Гердта. Балет был очень красивым, а рецензии на мой счет — чрезвычайно лестными.

Мне нравился этот спектакль, так как, помимо интересных танцев, в нем было множество драматических сцен, что давало мне возможность блеснуть не только виртуозностью техники, но и мимикой.

28 января 1901 года состоялся прощальный бенефис Пьерины Леньяни, которая навсегда покидала нашу сцену. Она была последней итальянской танцовщицей, приглашенной в Императорский театр.

После ее отъезда я получила роли в двух балетах — «Конек-Горбунок» и «Камарго».

Балет «Конек-Горбунок», или «Царь-Девушка», в четырех актах и восьми картинах, был основан на сказке Ершова. Музыка написал Лео Делиб, а хореография принадлежала Сен-Леону. Это был очень впечатляющий спектакль со множеством эффектных танцев. Думаю, если бы его поставили сейчас, он бы снова пользовался успехом. Я давно мечтала в нем станцевать. Мое выступление в «Коньке-Горбунке» критики отметили хвалебными отзывами. Мужские партии танцевали Ширяев и Стуколин.

В тот период ко мне стал проявлять большой интерес великий князь Владимир Александрович, отец Андрея. Он всегда хорошо относился ко мне, но в то время его любезность была особенно очевидной.

После первого представления «Конька-Горбунка» он пригласил меня с сестрой и подружкой Рутковской на ужин в свой любимый ресторан. Рутковская ему очень нравилась, а ее польский акцент забавлял великого князя. Кроме нас, он пригласил также великого князя Сергея Михайловича и барона Цедделера. Ужин удался, все чувствовали себя непринужденно, так как обаятельный хозяин позаботился о своих гостях. Впоследствии такие ужины повторялись довольно часто. Иногда, когда великий князь решал устроить все неожиданно, он присылал ко мне в уборную записку с приглашением. Если же торжество было запланировано заранее, приглашение отправлялось домой. Великий князь стал ко мне приезжать. На Пасху он прислал мне огромный букет ландышей, имевший форму яйца, к которому было прикреплено драгоценное яйцо работы Фаберже.

15 апреля я выступила в «Камарго», втором спектакле, роль в котором мне передали после Ленъяни. Этот балет в трех актах и пяти картинах, в стиле Людовика XV, был поставлен Сен-Жоржем и Петипа. Из-за этого балета произошла стычка между мной и директором Императорских театров князем Волконским. В одном из актов Ленъяни исполняла русский танец в costume времен Людовика XV, то есть в пышных юбках с фижмами. Этот наряд был создан по образцу того, который был на императрице Екатерине II во время бала-маскарада, данного в честь императора Иосифа II. Ленъяни являлась прекрасной танцовщицей, но сценической внешности уделяла гораздо меньше внимания, чем я. Я видела итальянку в этом балете и заметила, что фижмы мешали ей двигаться. Кроме того, казалось очевидным, что, при моем малом росте, я в таком costume не только буду выглядеть уродливо, но и не смогу танцевать так, как мне этого хотелось.

Русский танец полон нюансов, которые и опре-

деляют его красоту. Без них он теряет все своё очарование. Я сказала режиссеру, что надена предназначенный для меня костюм, но без фижм. При таких широких юбках публика ничего не заметит. Я также добавила, что как солистка чувствую себя ответственной за успех балета и прекрасно знаю, что мне подходит. Поэтому нельзя требовать, чтобы я вышла на сцену в уродующих меня фижмах, испортила танец и загубила свою артистическую репутацию. Мое заявление передали директору, но, вероятно, это было сделано в требовательной форме и представлено как ничем не обоснованный каприз прима-балерины. А может быть, директору вообще ничего не сообщили, и он пребывал в полном неведении относительно моей просьбы. Вместо того чтобы уважить ее, мне было в категорической форме приказано надеть фижмы. Все это было похоже на преднамеренные придирки, на желание задеть мое честолюбие. Такая цена показалась мне слишком высокой.

Перед самым началом спектакля ко мне в уборную пришел начальник канцелярии Императорских театров барон Кусов и от имени директора в последний раз приказал мне надеть фижмы. Так как спор о фижмах шел уже давно, весть о нем разнеслась среди зрителей, и все напряженно ждали, чем закончится конфликт. А кончилось все тем, что я вышла на сцену без фижм. Если бы дело не получило огласки, никто из зрителей никогда бы не заметил, есть на мне фижмы или нет.

Не нужно путать фижмы с кринолином или обручами, поддерживающими юбку и расширяющимися книзу. Фижмы представляют собой крошечные плетеные корзиночки, которые закрепляются на бедрах, чтобы приподнять на боках юбку. В фижмах можно без труда исполнять танцы времен Людовика XV, такие, как павана или менуэт, но только не

лихой и задорный русский танец. Одним словом, то, что было хорошо для императрицы Екатерины II, прогуливавшейся по залам Зимнего дворца, совсем не подходило мне. Князь Волконский, будучи человеком с отменным вкусом и прекрасно разбирающимся в балете, должен был сразу это понять.

Когда я на следующее утро приехала в театр на репетицию, на доске для распоряжений директора висел следующий приказ: «Директор Императорских театров налагает на балерину Кшесинскую штраф в размере столько-то рублей за самовольное изменение костюма, предназначенного для нее в балете «Камарго». Штраф был таким маленьким и несоизмеримым с моим жалованием и положением, что мне стало ясно: меня хотели не наказать, а унизить. Естественно, я не могла снести такого оскорбления, и мне не оставалось ничего другого, как обратиться к императору с просьбой, чтобы с меня сняли штраф таким же образом, как и наложили, то есть по распоряжению директора. На следующий день на том же месте, где висел приказ директора о наложении на меня штрафа, появился другой: «Директор Императорских театров приказывает снять штраф, наложенный на балерину Кшесинскую за самовольное изменение костюма, предназначенного для нее в балете «Камарго». При сложившемся положении вещей князь Волконский счел невозможным свое дальнейшее пребывание в должности директора и подал в отставку. Независимое положение князя и его престиж в обществе не позволили ему остаться на этом посту. Он ушел в июне 1901 года, а вместо него директором стал Владимир Теляковский.

И тогда, и сейчас я очень переживала по поводу этого инцидента и ни в чем не винила князя Волконского, которого всегда очень уважала и высоко ценила. А теперь, в эмиграции, и искренне полюбила.

Вне всякого сомнения, он стал жертвой досужих сплетников, моих врагов, которые распускали на мой счет всевозможные слухи. А в таких людях не было недостатка. Не зная меня лично, он вполне мог составить обо мне превратное мнение как об особе, не терпящей возражений, склочной, капризной и недисциплинированной, которой следует преподать хороший урок, коль скоро она осмелилась пренебречь приказом директора.

Если бы он знал меня лучше, вне всякого сомнения, мы разрешили бы этот конфликт совсем по-другому, избавив друг друга от многих неприятностей. Не сомневаюсь, что князь понял бы меня, как это и случилось впоследствии, когда мы откровенно поговорили друг с другом. Как и все артисты Императорских театров, я всегда с должным уважением относилась к распоряжениям руководства и в точности их выполняла. Я никогда не опаздывала на репетиции и всегда приезжала в театр одной из первых. Однако когда задевали мое достоинство, приходилось обороняться всеми возможными способами.

Находясь в эмиграции в Париже, князь Волконский часто приходил ко мне в студию и любил наблюдать, как я работаю с ученицами.

Осенью мы с Андреем решили съездить в Италию, которую он еще не видел. А меня туда влекло, как всегда. Мы договорились встретиться в Венеции.

Я отправилась за границу с женой брата, Симой, из семьи Астафьевых. Она была нашей танцовщицей и при этом совершенно очаровательным существом, веселой и незаменимой попутчицей. Все ей нравилось, и все казалось интересным. Сима всегда и всем была довольна. Сначала мы направились в Париж, где в тот год состоялась Всемирная выстав-

ка. Кроме того, мне там нужно было заказать несколько платьев.

В том году в Париже поставили спектакль по роману Сенкевича «Quo vadis?», который мы все с восторгом читали. Разумеется, мы с Симой поехали в театр. Главную роль — Петрония — играл знаменитый в то время актер Де Макс, очень красивый и элегантный. Сима по уши влюбилась в образ Петронии и все время повторяла: «Петроний, мой Петроний...»

В Венецию мы с Симой приехали около двенадцати ночи. Наши комнаты находились на втором этаже и выходили окнами на Большой канал, по которому тихо скользили черные гондолы. Звучали песни. Я уже бывала в Венеции, и этот город всегда производил на меня огромное впечатление. Сима была потрясена при виде Большого канала и залитых лунным светом башен соборов. Действительно, это было великолепное зрелище. Мы уже собирались лечь спать, но гондольеры продолжали распевать какой-то, вероятно новый, романс. Он доносился буквально со всех лодок, проплывавших мимо. Романс нам очень понравился, но мы никак не могли запомнить слова.

Как и было условлено, мы встретились в Венеции с Андреем, который приехал со своим адъютантом А. Беляевым, человеком очень приятным и симпатичным. Жилось нам здесь очень хорошо.

Мы любили обедать в маленьком ресторанчике «Иль Вapore», где ели итальянские блюда и пили кьянти. Осмотрев все достопримечательности Венеции, мы поехали в Падую, чтобы посетить место захоронения Св. Антония, которому я всегда молилась, когда что-нибудь теряла. И всегда моя пропажа находилась. Рядом со святыней продавались образки, которые нужно было потереть о саркофаг, чтобы

придать им чудодейственную силу. Разумеется, мы все это сделали. Из Падуи мы отправились в Рим, где провели около двух недель и как следует осмотрели город. К счастью, в гостинице нам дали проводника-француза, который был учителем истории, а во время каникул сопровождал туристов. Он великолепно знал историю Рима и все памятники старины. С утра мы ходили в музеи, а днем гуляли по улицам или выезжали за город, чтобы познакомиться с достопримечательностями.

На Аппиевой дороге мы видели часовню, где, согласно преданию, апостолу Петру, выходящему из Рима, явился Христос, и Петр спросил его: «Куда идешь, Господи?» («Quo vadis, Domine?»). Отсюда и название романа Сенкевича. В часовне мы увидели на полу глубокий след: там ступала нога Спасителя.

Влюбленная в Петрония Сима требовала, чтобы ей показали в каком-нибудь музее статую Петрония, так как была уверена, что он является реальной исторической личностью и действительно жил в то время. Ее постигло жестокое разочарование, когда наш проводник объяснил, что Петроний — персонаж, выдуманный Сенкевичем, типичный римлянин эпохи Нерона — не удостоился внимания ваятелей и в музеях его статуи не было. Сима никак не хотела смириться с этим и была уверена, что среди редких скульптур раннего христианства можно найти кого-нибудь, похожего на Петрония, с такой же прической и в такой же тоге.

Увлеченные памятниками древнего Рима, мы переодевались в гостинице римлянками. Естественно, здесь был и Нерон, и кумир Симы — Петроний. Подобные маскарады очень нас забавляли и доставляли много радости.

Однажды в одном из музеев мы увидели маляров, работавших на высокой лестнице под самым потол-

ком. Один из них распевал тот самый романс, который мы слышали в Венеции и который нам так понравился. Однако, несмотря на все старания Симы, узнать название нам так и не удалось. Маляр никак не мог понять, что она говорит, и продолжал петь, не прерывая работы. В конце концов, мы так и ушли ни с чем.

На обратном пути из Рима мы решили посетить Ассизи, Перуджу, Флоренцию, Пизу и Геную.

Ассизи и Перуджа находятся недалеко друг от друга, и нам нужно было сначала поехать в Перуджу и остановиться в первоклассной гостинице, а оттуда отправиться в Ассизи. Но в результате какого-то недоразумения или ошибки, допущенной еще в римской гостинице, нас сразу повезли в Ассизи, где уже были зарезервированы комнаты и заказаны экипажи.

Из Рима мы выехали вечерним поездом и на вокзале в Ассизи вышли уже затемно. Поначалу мы решили, что это не Ассизи, а какой-то маленький полустанок, так как наш вагон находился в конце состава и мы ничего не видели, кроме мелькавших вдали огоньков. Сима обрадовалась, увидев их, так как мы решили, что поезд остановился в чистом поле. Она крикнула кондуктору: «Свет!», желая сказать, что видит огоньки, на что кондуктор ответил: «Керосин», что звучит по-итальянски как «petrol». А Симе слышалось, что кондуктор произнес: «Петроний». Вероятно, кондуктор хотел объяснить, что станция освещается керосиновыми лампами. У вокзала нас ждали два экипажа — один для нас, а второй — для багажа и прислуги. Мы думали, что вокзал находится в городе и мы поедем по освещенным улицам, но вокруг была кромешная темнота. Мы двигались по пустынному шоссе и поблизости не видели не то что города, но хотя бы маленького домика у дороги.

Мы не знали, куда едем, и всем было как-то не по себе. Сима пугала нас разбойниками, и вдруг из темноты выехали всадники в длинных плащах и с карабинами за спиной. Мы думали, что сейчас нас оберут до нитки. Но когда всадники подъехали ближе, мы, к своей радости, увидели, что это конные карабинеры, которых выслали нам навстречу из Ассизи для дальнейшего сопровождения. Дело в том, что в Риме Андрея постоянно охранял агент полиции. Он делал это незаметно, притворяясь, что гуляет по городу для собственного удовольствия. Однако уже на вокзале, перед отходом поезда, он подошел к Андрею, представился и пожелал счастливого пути. Разумеется, он знал, куда мы едем, и предупредил местных карабинеров, чтобы те встретили нас на пустынном шоссе и проводили до города. Проехав половину пути, мы увидели огни Ассизи, до которого добрались без приключений. Однако там нас ждало страшное разочарование. Гостиница была маленькой и грязной, белье несвежим, а кроме того, повсюду разгуливали клопы. Разбитые и усталые, рассерженные тем, что проделали долгий путь только ради того, чтобы оказаться в таком клоповнике, мы вытащили свои пледы и, не раздеваясь, кое-как дождались утра. Выглянув утром в окно, выходящее на городскую площадь, мы надеялись насладиться видом собора. К огромному нашему удивлению, мы обнаружили под окнами пятьдесят карабинеров под предводительством лихого командира. Вскоре Андрею доложили, что командир просит разрешения представиться ему. Андрей его принял, и тот сообщил, что прислан для нашей охраны и будет сопровождать нас в прогулке по городу, а потом проводит до Перуджи. Мы охотно воспользовались этим любезным предложением.

Командир карабинеров следовал за нами во время экскурсии в собор Св. Франциска Ассизского,

основоположника монашеского ордена францисканцев. В соборе находился гроб святого. Рядом с собором располагался женский монастырь, основанный Св. Кларой, сподвижницей Св. Франциска. Из Ассизи мы отправились в Перуджу и с большим удовольствием расположились в красивой и чистой гостинице. Затем мы поехали во Флоренцию и Пизу с ее падающей башней. Оттуда мы направились в Геную, где задержались чуть дольше, чем предполагали, чтобы осмотреть город. В саду рядом с нашей гостиницей жила посаженная на привязь маленькая и добродушная обезьянка. Мы все кормили ее орехами, но как-то раз она непонятно почему укусила меня за палец.

Гуляя по Генуе, мы с Симой наткнулись на нотный магазин и решили поискать ноты песни, которую слышали в Венеции. Мы обратились к молодому продавцу, пытаюсь объяснить, что нам нужно, но он не понимал по-французски. Тогда Сима уселась за рояль и стала одним пальцем наигрывать запомнившуюся мелодию, которую продавец тотчас узнал: «Так это же «О мое солнце»! — радостно крикнул он и тут же нашел ноты. Обрадованные, мы вернулись в гостиницу. Лишь месяц спустя нам удалось выяснить, что именно пели гондольеры в Венеции.

По приезду в Париж я почувствовала себя плохо и вызвала врача. Обследовав меня, доктор сказал, что это начало беременности; по его мнению, срок был около месяца. Это известие очень меня обрадовало, но в то же время и беспокоило, так как я не знала, как вести себя по возвращении в Петербург. Я сразу же со страхом подумала об укусе обезьянки и забеспокоилась, не отразится ли этот случай на внешности ребенка. Ведь говорят, что сильные потрясения оказывают влияние на плод в утробе матери. Пробыв пару дней в Париже, я вернулась домой, где

меня ждало много как радостных, так и очень тяжелых минут...

Приближался трудный сезон, и я не представляла, как смогу его пережить в своем теперешнем положении.

21. ГОДЫ 1901—1902

Наступающий сезон обещал быть очень интересным. В моем репертуаре было много любимых балетов, намечались и новые работы.

В первые месяцы я танцевала в «Эсмеральде», «Дочери фараона», «Спящей красавице», «Коньке-Горбунке» и «Пахите». Я полагала, что смогу выступать до середины февраля, то есть до конца сезона, хотя к тому времени буду уже на пятом месяце беременности.

У меня было много приемов, я давала обеды и ужины. На Рождество я устроила вечер для самых близких друзей и любимых артистов. Согласно традиции, сначала состоялся праздничный обед, а потом в гостиную зажгли елку, и все гости получили от меня подарки. В основном это были вещицы от Фаберже.

Двадцатого января 1902 года я выступила в балете «Дон-Кихот Ламанчский», который был впервые поставлен в Москве балетмейстером Горским. Этот спектакль был показан на прощальном бенефисе Христиана Петровича Иогансона, моего любимого учителя, проработавшего на Императорской сцене более 60 лет. Балет был весьма эффектным и очень выигрывал в новой редакции Горского. Я танцевала

классические вариации с кастаньетами, которыми сама себе аккомпанировала, исполняла при этом множество пируэтов и пользовалась огромным успехом.

Как и предполагалось, я продолжала выходить на сцену до февраля. Чувствовала я себя превосходно. Ни по характеру движений, ни по фигуре не было заметно, что я беременна. Мое последнее свидание с публикой состоялось 10 февраля. Я с большим успехом станцевала в «Дон-Кихоте».

Потом у меня было еще одно выступление 15 февраля, но уже в Эрмитаже. В зимнем сезоне здесь давались представления в период со дня Поклонения волхвов до Великого поста. Иногда устраивали два спектакля в неделю, исключительно для членов царской семьи и особ, приглашенных двором. Показывали короткие балеты и небольшие пьесы. Костюмы и декорации были новыми, а программа исполнялась на высоком художественном уровне. Ее составлял Дягилев.

Перед Великим постом был показан очень зрелищный балет «Ученики господина Дюпре» на музыку Лео Делиба, поставленный Петипа. Я выступала в «Камарго». В первом акте я была одета в прелестный костюм субретки, а во втором — в тунику. Первый ряд, где сидел император с императрицей и члены царской семьи, находился совсем рядом со сценой. Мне нужно было тщательно продумать все движения, чтобы моя располневшая фигура не бросалась в глаза. Изменения были заметны только в профиль.

Этим выступлением я закончила сезон. Танцевать и дальше я не могла, так как была уже на шестом месяце беременности. Тогда я решила передать Анне Павловой свой балет «Баядера». У нас с ней были прекрасные отношения. Анна часто бывала у меня дома, всегда веселая и немного влюбленная в брата Андрея, великого князя Бориса, который назы-

вал ее «ангелом». Со дня окончания училища (1899 год) она сразу же обратила на себя внимание публики и балетных критиков, которые очень высоко оценили ее мастерство. Я видела в ней талант и предсказывала ей большое будущее. Но Петипа ни за что не хотел уступить Павловой «Баядеру», новую постановку которой сделал специально для меня. Мне пришлось его долго упрашивать, и, в конце концов, он согласился. Чтобы помочь Павловой, я, несмотря на свое положение, «прошла» с ней все сцены и показала все движения. Одновременно Павлова репетировала «Баядеру» с Евгенией Павловной Соколовой, которая танцевала в этом балете до меня.

В интервью, данном журналистам после спектакля, Павлова назвала только имя Соколовой, как будто она одна помогала ей в подготовке роли. Обо мне она даже не упомянула. Я хорошо знала Павлову и была уверена, что она поступила так не по своей воле, а по наущению некоторых лиц, которые хотели таким образом нас поссорить. И все же меня обидела неблагодарность Павловой после всех моих стараний.

Доставляли мне неприятности и другие подруги.

Одна танцовщица, которая впоследствии заняла почетное место в труппе, поначалу ничего из себя не представляла. С первых шагов я ей помогала чем могла и много раз вступалась за нее перед всемогущим Петипа. Она отплатила мне черной неблагодарностью и интригами. Нет сомнений, что она руководствовалась советами одного очень влиятельного в то время журналиста, который на первый взгляд казался приятным человеком, но в действительности был способен на самые низкие поступки.

Еще одна танцовщица вместе со своим мужем также не упускали случая сплести против меня очередную интригу.

Весной 1902 года Театральное училище закон-

чила красавица Тамара Карсавина, очень талантливая и удивительно приятная. На выпускном спектакле не было ни императора с супругой, ни кого-либо из членов царской семьи. Совсем не то, что в 1890 году, когда балетное отделение закончила я. Присутствовал только великий князь Владимир Александрович. После представления он подошел ко мне и выразил пожелание, чтобы я взяла на себя заботу о Карсавиной. Она ему явно очень понравилась.

Я всегда любила великого князя, и его просьба являлась для меня законом, но Карсавина была так красива и талантлива, что не нуждалась в моей протекции. Осенью того же года, когда Тамара Карсавина почти сразу же после окончания училища должна была выступить на сцене в *pas de deux*, я подарила ей один из своих личных костюмов, чтобы она выглядела как можно лучше. Для вставок и дивертисментов я всегда надевала собственные костюмы из дорогих тканей. В балетах я выступала в театральных костюмах, сшитых по эскизам модельеров или по моим рисункам. В то время в моде были голубые и темно-лиловые цвета в различных сочетаниях. Наряд, который я подарила Карсавиной, был выдержан именно в таких тонах. В то время в нашей труппе числилась танцовщица Бакеркина, которую перевели из Москвы после торжеств, посвященных коронации. Она сразу же сошлась с одним пожилым генералом, занимавшим достаточно высокое положение, но очень несимпатичным человеком и страшным циником. Только сейчас, живя в эмиграции, когда со времени тех событий прошло уже полвека, я узнала из мемуаров Карсавиной о том, что сказала Бакеркина по поводу моего подарка. А ведь мы были с ней в хороших отношениях. Она старалась убедить Карсавину в том, что театр — гнездо интриг, и нельзя верить ничьим добрым намерениям. «Как

ты думаешь, зачем Кшесинская подарила тебе свой костюм?» — спросила она у Карсавиной, давая таким образом понять, что я преследовала какие-то тайные цели. Однако Карсавиной очень понравился мой подарок, ее даже смутила такая щедрость. Но Бакеркина продолжала источать яд: «Взгляни на себя! Тканью такого цвета обивают гроб. Из нее не шьют платья для молодых девушек».

Бакеркина была известна в Петербурге тем, что ее приглашали продавать шампанское на благотворительных мероприятиях. Она никого не пропускала мимо своего столика. Доходило даже до того, что она хватала за рукав кого-нибудь из пытавшихся проскользнуть мимо и, невзирая на бедственное финансовое положение своей жертвы, лишала ее последних денег. Сдачи она никогда не давала. Одевалась она незелегантно и безвкусно, но всегда очень опрятно. Собираясь на благотворительный вечер, она обвешивалась блестящими побрякушками, одна из которых непременно болталась у нее на лбу.

Среди моих коллег по сцене выделялась Вера Трефилова. Она была превосходной танцовщицей, упорно работала над техникой и даже ездила для этого в Италию. Во время пребывания там она заметно похудела и стала похожа на Павлову, которая всегда была очень тоненькой.

Как-то раз мы все поехали после спектакля на ужин: Вера Трефилова, влюбленный в нее Петрокино, Гарфельдт, с которым у меня был легкий флирт, а также Виктор Абаза, прекрасно игравший на балалайке. После ужина Вера Трефилова пригласила всех нас на чашечку кофе, сваренного в какой-то совершенно удивительной новой кофеварке, полученной ею в подарок. Поставив на стол эту потрясающую кофеварку, она насыпала туда кофе, налила воды и зажгла спиртовую горелку. Но мы так увлеклись

разговорами и заслушались игрой на балалайке, что совсем забыли о кофеварке — и прежде всего сама хозяйка дома. А в это время вода закипела, и кофеварка взорвалась, обдав нас с ног до головы кофе и кофейной гущей. Однако претензий ни у кого не возникло. Наоборот, это событие вызвало всеобщее веселье. Особенно комично и жалко выглядели залпанные манишки мужчин.

Рождение сына

Приближалось время родов. На даче в Стрельне у меня все уже было подготовлено. Но мой личный докгор, который должен был принимать роды, на тот момент отсутствовал, поэтому нужно было вызвать из Петербурга ассистента профессора Отта, доктора Драницына. Вместе с личным врачом великого князя Михаила Николаевича, Зандером, он помог моему ребенку появиться на свет. Я едва не умерла, так как роды оказались очень тяжелыми. Врачи не знали, кто останется в живых: я или ребенок. К счастью, удалось спасти нас обоих.

У меня родился сын. Это произошло 18 июня 1902 года. Потом я очень долго болела, у меня началась горячка. Однако по природе я была сильной и здоровой, и в результате дело пошло на поправку.

Когда я немного окрепла, пришло время поговорить с великим князем Сергеем Михайловичем. Разговор был очень тяжелым. Он прекрасно знал, что не является отцом ребенка, но так сильно меня любил, что решил, невзирая ни на что, остаться со мной и заботиться обо мне. Он беспокоился о моем будущем, об ожидавших меня невзгодах. Я чувствовала себя виноватой. В конце прошлой зимы он стал ухаживать за одной молодой и красивой великой княгиней, и уже стали поговаривать о свадьбе. Узнав об этом, я попросила его прекратить ухаживание, чтобы

пресечь неприятные сплетни на свой счет. Я так боготворила Андрея, что не думала о вине перед великим князем Сергеем Михайловичем.

Кроме того, передо мной стояла нелегкая задача: какое имя выбрать сыну? Сначала я хотела назвать его Николаем, но по многим причинам не могла этого сделать и даже не имела права так поступать. Наконец, я решила назвать его Владимиром, в честь отца Андрея, который всегда ко мне хорошо относился. Я не сомневалась, что он ничего не будет иметь против. И действительно, он согласился.

Крестины состоялись 23 июня в Стрельне, в тесном семейном кругу. Крестной матерью была моя сестра, а крестным отцом — наш старый друг полковник Сергей Марков, служивший в лейб-гвардии уланском полку Ее Величества. Согласно обычаю я, как мать новорожденного, не присутствовала на крестинах. В тот день великий князь Владимир Александрович подарил маленькому Вове прелестный крестик из темно-зеленого уральского камня на платиновой цепочке. К сожалению, этот ценный подарок остался в моем доме в Петербурге.

Летом, когда я уже стала вставать, меня навестил великий князь Владимир Александрович. Я была очень слаба и приняла его, лежа на кушетке, с моим сыночком на руках. Великий князь склонился передо мной и нежно погладил по голове... Он прекрасно чувствовал и понимал, что творилось в моем сердце и как мне тяжело. Его посещение оказало мне огромную моральную поддержку. Я сразу воспрянула духом и успокоилась.

Я быстро восстановила силы и уже через два месяца смогла выступить в Петербурге на представлении по случаю бракосочетания великой княгини Елены, сестры Андрея, с греческим принцем. Бракосочетание состоялось 16 августа 1902 года в Царском Селе, а гала-представление — 19 августа. Я танцева-

ла в одном акте балета «Дон-Кихот». После родов я сильно располнела и долго не решалась выйти на сцену, но директор Императорских театров Теляковский меня уговорил.

Разумеется, в этом году я за границу не поехала. Осенью Андрей должен был поступать в Александровскую военно-юридическую академию и все лето готовился к этому. Естественно, он тоже никуда не поехал.

Моя сестра Юлия, проработавшая на императорской сцене 20 лет, сама ушла на пенсию. Вскоре она должна была выйти замуж за барона Цедделера и уехала к нему. Освободившуюся комнату, находившуюся рядом с моей спальней, я стала приводить в порядок, чтобы поместить там сына.

Свадьба сестры состоялась 11 (24) декабря 1902 года. После свадьбы барон Александр Логинович Цедделер оставил службу в Преображенском полку и стал чиновником при кабинете министра связи. Он умер в Кап-д'Эль 5 (18) ноября 1924 года в возрасте 56 лет.

22. ГОДЫ 1902—1903

В зимнем сезоне я танцевала в новом одноактном балете «Кукла-предсказательница» в постановке братьев Сергея и Михаила Легатов, на музыку Байера и по либретто Хасрайтера и Гаула. Декорации представляли из себя магазин игрушек в «Пассаже». Действие происходит в 30-х годах XIX века. За окнами магазина виднелся Невский проспект, по которому прогуливалась публика в костюмах того

времени. Премьера состоялась 16 февраля 1903 года; это был последний спектакль перед Великим постом.

Зимой к нам из Москвы приехал знаменитый тенор Собинов. Как-то раз он навестил меня, и я пригласила его на обед. Перед обедом он попросил, чтобы я показала ему сына, и мы поднялись наверх, в детскую. В это время няня укладывала Вову спать и держала его на руках. Вова посмотрел на нас сонными глазками, а Собинову вдруг захотелось спеть ему «Колыбельную» на стихи Лермонтова и музыку Александра Гречанинова:

*Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо светит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою.
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.*

У Собинова был дивный бархатный голос, которым он владел как истинный гений — так, что у меня на глаза наворачивались слезы.

«Когда Вова подрастет, расскажите, как Собинов пел ему колыбельную», — попросил он, закончив петь.

Впоследствии я часто рассказывала Вове о том вечере, чтобы мальчику это запомнилось.

В начале года я получила очень лестное приглашение на шестинедельные гастроли в Вене во время православного Великого поста, когда театры у нас закрыты. Я должна была танцевать в «Коппелии» и в новом для меня балете «Эксельсиор» в постановке одного венского балетмейстера. С точки зрения техники спектакль был очень сложным.

В середине февраля, когда начался Великий пост, я поехала в Вену, взяв с собой горничную и костюмершу. Вместе со мной отправился мой постоян-

ный партнер Николай Легат, подруга Ольга Боркенхаген и Люба Егорова, которая во время поездки репетировала с Легатом. Я тоже брала уроки у Легата, так как считала, что итальянская школа Чекетти лишает танец легкости и грациозности, которые мне так хотелось сохранить.

Мы все остановились в отеле «Империял», который раньше был дворцом. Комнаты здесь оказались большими и неудобными, со старой мебелью, которая осталась еще с тех времен. Мой номер состоял из огромной гостиной и спальни, дверь из которой вела в номер Ольги Боркенхаген и Любы Егоровой. Горничная и костюмерша расположились на этом же этаже.

В тот день, когда я впервые приехала на репетицию в театр, местная труппа горячо приветствовала меня. Я была очень тронута таким приемом, и с первой же минуты у меня сложились самые дружеские отношения с новыми коллегами. Это в значительной мере помогло мне добиться успеха в Вене.

На первом представлении я танцевала в «Коппелии». Публика приняла меня так же сердечно, как и артисты.

Следующим балетом, в котором я выступала, был «Эксельсиор». Я вставила в него вальс-каприз Рубинштейна, который исполнила с Легатом.

Прошло несколько спектаклей, ставших для меня подлинным триумфом, и артисты очень сожалели, что престарелый император Франц-Иосиф не увидит меня на сцене, так как после смерти сына Рудольфа, а потом и императрицы Елизаветы он уже 15 лет не посещает театр. Легко представить всеобщее изумление и радость, когда перед самым началом балета «Эксельсиор» прошел слух, что император приедет на представление. За долгие годы все уже потеряли надежду когда-либо лицезреть его в зале. И действительно, за пару минут до поднятия занавеса импера-

тор появился в ложе. Об этом событии говорила вся Вена.

Император долго мне аплодировал, а публика устроила настоящую овацию. Артисты были вне себя от радости и после спектакля благодарили меня, так как не сомневались в том, что император, которого многие даже не видели, появился в театре только ради меня. По этому поводу мне устроили еще одну овацию.

Перед отъездом труппа преподнесла мне памятную медаль.

Среди моря цветов один дар был мне особенно дорог: вазон с трилистником, у которого было четыре лепестка — на счастье. Его подарил мне один молодой студент, истратив свои и без того скромные средства. Я была очень тронута и забрала этот вазон с собой в Россию. Летом он стоял у меня на даче в гостиной. На зиму все цветы перенесли в оранжерею, там же поставили и мой трилистник. На следующий год, приехав в Стрельну, я спросила, где же мой трилистник. Садовник вместо ответа показал на дорожку, ведущую к морю. К своему удивлению, я обнаружила, что по обе стороны дорожки растут отводки от моего венского чудо-растения.

В Вене я получила телеграмму от великого князя Владимира Александровича, который сообщил, что будет в городе проездом и пригласил меня на утренний кофе. Он остановился в одном отеле со мной. Я была очень тронута и с радостью ждала встречи. В назначенный час прибыл великий князь, и его камердинер доложил, что он ждет меня в своих апартаментах. Принял он меня очень сердечно, и мы откровенно поговорили. Великий князь приехал в Вену всего на один день и не мог присутствовать на моем выступлении.

В отеле я устроила прием для журналистов, которые с таким восторгом описывали мое выступле-

ние в Вене. Я также пригласила нескольких артистов венского балета.

В одно время со мной в Вене находился Юрий Беляев, театральный критик и фельетонист газеты «Новое время». Это был человек умный и талантливый, прекрасный собеседник. Кроме того, он замечательно рассказывал анекдоты. Он был большим моим другом, и я его очень любила. Почти все время мы проводили вместе, но он уехал из Вены раньше меня.

Меня пригласили на большой бал, где я много танцевала и привлекла к себе всеобщее внимание. Мне очень хотелось закружиться в венском вальсе, но я никак не могла решиться. Жительницы Вены делали это так превосходно, что я боялась выглядеть хуже их.

Здесь, в Вене, я впервые увидела на сцене Айседору Дункан и была восхищена ее искусством. Она танцевала босиком и очень много работала над техникой, которая у нее, действительно, была великолепной. В некоторых позах она удивительно напоминала античную статую. Ее венский вальс, исполненный в красной тунике, настолько меня потряс, что я вскочила на кресло и стала во весь голос скандировать ее имя.

При отъезде из Вены я сначала отправила на вокзал горничную с моим багажом. Милая и преданная мне эстонка Соня была замечательной горничной. Она меня боготворила и теперь непременно хотела отвезти и мой чемоданчик с украшениями, опасаясь, что я в суете забуду о нем. Разумеется, так и случилось. Несмотря на уговоры Сони, я взяла чемоданчик с собой и поставила его в экипаже под сиденье извозчика. На вокзале меня поджидала толпа провожатых, и я совсем забыла о драгоценностях, пока носильщики выносили мои вещи. Когда я опомнилась, чемоданчика уже не было, и все бросились на

его поиски. В конце концов, его нашли в вагоне, в моем купе. Разрумянившаяся Соня торжественно держала его в руках. Не доверяя мне, она дождалась моего приезда на вокзал, а как только я приехала, тайком вынесла чемоданчик из экипажа и побежала с ним в вагон. И — о чудо! — я сохранила его до сих пор. Правда, теперь он пуст.

Во время пребывания в Вене я получила приглашение выступить в Америке на очень выгодных условиях. Я была первой балериной, которой сделали такое предложение. Но высокий гонорар совсем меня не привлекал, так как я ни за что на свете не хотела больше находиться в разлуке с сыном и Андреем. Я бережно хранила письмо с приглашением, но оно осталось в России и, возможно, находится в Театральном музее имени Бахрушина в Москве.

По возвращении из Вены, вскоре после Пасхи, директор Императорских театров уговорил меня выступить в Москве, чтобы заменить в балете «Дон-Кихот» заболевшую балерину Роставлеву. Перед поездкой я дрожала от страха, опасаясь, что не понравлюсь москвичам, хотя в Петербурге этот спектакль, в котором я танцевала, шел в постановке московского балетмейстера Горского. И только вариации из первого акта я исполняла в более быстром темпе. Московские артисты встретили меня прекрасно. Меня сразу же предупредили о том, что дирижер очень упрям, все делает по-своему, а потому у меня будут большие трудности с согласованием темпа вариаций. Мобилизовав весь свой дипломатический талант, я подошла к нему так, что он сразу же согласился на мою просьбу и изменил темп.

В Петербурге меня всегда встречали аплодисментами, и я к этому привыкла. Когда я вышла на сцену в Москве, меня поразила тишина, царившая в зале. Но зато после адажио мне рукоплескали все зрители, а когда я исполнила вариации, зал дрожал от ап-

лодисментов. Как же я была счастлива в тот момент! Мне удалось покорить московскую публику.

Моя жизнь дома складывалась очень счастливо. У меня был сын, которого я боготворила, я любила Андрея, и он отвечал мне взаимностью. В них обоих заключался для меня весь мир. Сергей вел себя на удивление трогательно. Вову он любил, как собственного ребенка, а меня постоянно баловал. Он всегда был готов встать на мою защиту, а возможностей для этого имел больше, чем кто бы то ни было. При его посредничестве я могла, в случае необходимости, обратиться к Ники.

Великий князь Владимир Александрович теперь стал часто бывать у меня в доме и вечерами любил играть в «тетку», которая в то время была в большой моде. Я получала от него прелестные подарки: иногда это была какая-нибудь безделушка, а в другой раз — две великолепные вазы из коллекции графа Воронцова. На Пасху он всегда присылал мне букет ландышей в форме пасхального яйца, к которому было прикреплено драгоценное яйцо работы Фаберже. А однажды он прислал мне браслет с сапфиром.

В день своего рождения, 10 апреля, великий князь Владимир Александрович ужинал у меня вместе с сыновьями, великими князьями Борисом и Андреем. Мне казалось, что он бывает у меня, чтобы предотвратить возможные стычки между Андреем и Сергеем Михайловичем. Однако причиной его частых визитов было совсем не это. Просто он ко мне очень привязался и ему нравилось бывать у меня дома... Как-то раз он сказал, что очень дорожит моим добрым отношением и верит в мою искренность. Ему всегда казалось, что люди видят в нем только великого князя, а не человека.

Летом 1903 года великий князь иногда приходил ко мне пешком из Петергофа вместе со своим адъютантом, бароном В. Кнопрингом. Вова уже исполнился год, но он все еще не ходил, и его приносили на руках, чтобы показать великому князю. Ходить Вова начал поздно. Волос у него на голове было очень мало, но мне почему-то захотелось собрать их в пучок и завязать голубым бантиком. Великий князь клал руку Вова на голову и всегда при этом приговаривал: «Голова совсем как у меня».

Великий князь любил присылать мне ноты новых произведений для постановки танцев. Как-то раз я получила от него ноты чаконы, которая по его желанию была поставлена на сцене, а потом в упрощенном варианте стала модным танцем.

В том году я попросила Ники подарить мне свою фотографию. Как же велика была моя радость, когда на присланном снимке я прочла надпись: «Ники, 1903 г.», а не «Николай», как он обычно подписывал фотографии.

23. ГОДЫ 1903–1904

В театре я имела все, что хотела. Мне по-прежнему сопутствовал успех, а зрители на моих выступлениях устраивали овацию. Однако появилось несколько человек, стремившихся сорвать мои выступления. Когда мне аплодировали, из зала вдруг раздавался какой-то глухой ропот, а иногда и свист. Нужно было иметь большую силу воли, чтобы с улыбкой на лице продержаться до конца представления.

Мне было очень больно и обидно, тем более что я хорошо знала, кто за всем этим стоит.

Именно в это время мне удалось добиться повышения жалования балерин с 5000 рублей до 8000 рублей в год, что по тем временам было значительной суммой. Для меня жалование не имело большого значения, и я заботилась о коллегах, для которых такое повышение было серьезным подспорьем. Однако ни одна из них мне не сказала даже «спасибо».

Атмосфера недоброжелательности так меня угнетала и настолько мне надоела, что я все чаще стала подумывать о том, чтобы оставить сцену и уйти подальше от этой мерзости.

Отец, всей душой преданный искусству, был очень огорчен моим решением покинуть сцену и всячески пытался меня отговорить, но, в конце концов, согласился с моими доводами. Тогда я попросила разрешения на прощальный бенефис и, получив согласие, сразу же назначила день — 4 февраля 1904 года. Я хотела закончить сезон.

В ту осень юнкера из Артиллерийского училища пригласили меня на свой традиционный бал. Я приняла приглашение, но предупредила, что смогу приехать только после окончания балета «Спящая красавица», в котором я была в этот день занята. В училище юнкера сначала провели меня по всему зданию, а затем мы пошли в зал. Однако здесь танцевали самые модные современные танцы, салонное исполнение которых мне было незнакомо, хотя на сцене я исполняла и чакону, и чардаш. Сославшись на усталость, я стала наблюдать за танцующими, а потом и сама начала танцевать с юнкерами. После бала гостеприимные хозяева сердечно попрощались со мной.

7 декабря я выступала в Москве на бенефисе Гримальди в балете «Тщетная предосторожность».

Моим партнером был Николай Легат. Пользуясь случаем, я пригласила на свой прощальный бенефис уже пожилого Гельцера и попросила его выступить в той же роли Марселины, матери Лизы. Он любезно согласился и блистательно исполнил эту женскую роль.

В опубликованном дневнике императора за 21 января 1904 года я прочитала: «Пообедали вдвоем. Поехал в театр. Давали «Спящую красавицу». Великолепная — давно не видел. Домой приехал в 11.45».

Из этой записи следует, что император обедал с супругой, а в театр поехал один. Однако что скрывалось за словом «великолепная», я тогда не знала. На счастье, в «Ежегоднике Императорских театров», где публиковали репертуары всех сезонов, я вычитала, что в тот день, 21 января 1904 года, в среду, я танцевала в «Спящей красавице». Теперь сомнений уже не было: император поехал в театр, чтобы увидеть именно меня в этом балете, который он так любил. В том сезоне я выступала в «Спящей красавице» всего один раз.

Разве могла я думать, что в тот раз Ники, вернувшись в Зимний дворец из Мариинского театра, сядет один в своем огромном кабинете и, как всегда перед сном, опишет свои впечатления от прошедшего дня? Так он поступал во времена нашей счастливой молодости. Разве могла я представить, что он будет вспоминать обо мне? Хотя он и не упомянул имени, но «великолепная» и «давно не видел» могли относиться только ко мне.

А он? Мог ли он подумать в тот вечер, что дорогие для меня страницы его дневника попадут ко мне в руки лишь спустя полвека, когда его самого давно уже не будет на этом свете?

Эти бесценные для меня слова еще раз подтвердили, что Ники никогда обо мне не забывал.

Много лет прошло с той поры, но когда я прочла запись из дневника императора и узнала, что он ради меня приезжал в театр, то почувствовала радость и большое моральное удовлетворение. Я всегда верила и знала, что наша встреча не была минутным увлечением, и Ники питал ко мне сильное и горячее чувство.

В конце января, перед самым моим бенефисом, началась война с Японией. Однако в первые дни ситуация еще была неясной, и подавленности пока не ощущалось.

Четвертого февраля, как и было намечено, состоялся мой прощальный бенефис. Публика оказала мне самый сердечный прием. Даже недоброжелатели вели себя в этот день тихо, так как им просто не позволили бы никаких выходов. Аплодисменты зрителей и их приветственные возгласы хором говорили об искренней любви ко мне и о признательности.

Для бенефиса я выбрала два первых акта «Тщетной предосторожности», куда вставила *ра де деух*, то самое, в котором дебютировала на сцене в 1890 году, когда еще была ученицей. Легко выполнив 32 фуэте, я повторила их на «бис». В тот вечер в меня вселилась какая-то сверхъестественная сила. В свое время писали, что, кроме Леньяни, это удалось сделать только мне.

Затем я исполнила две картины из первого акта «Лебединого озера», где королева лебедей медленно удаляется на пуантах спиной к залу и поднимается на возвышение, как бы прощаясь с публикой.

Вот так я рассталась со зрителями. Мне было очень тяжело, но поступить по-другому я не могла.

Я получила множество дорогих подарков и цветов. Среди них был золотой лавровый венок, сделанный по моей мерке, чтобы можно было надеть

его на голову. На каждом листике было выгравировано название балета, в котором я танцевала. Балетов в моем репертуаре было очень много, и венок получился пышным.

Молодежь, поджидавшая меня у выхода, в порыве энтузиазма выпрягла коней из моей кареты и потащила ее на себе до самого дома, находившегося недалеко от театра. То же самое произошло некогда с Фанни Элслер.

Сразу же после собственного бенефиса я поехала в Москву, чтобы 6 февраля принять участие в бенефисе Кати Гельцер. Я танцевала адажио с Михаилом Легатом и вариации из «Баядеры». Москвичи устроили мне горячий и сердечный прием, как они умеют это делать. При возвращении в Петербург для меня был зарезервирован спальный вагон, прицепленный к скорому поезду. В этом вагоне ехали также любители балета, прибывшие на бенефис Кати Гельцер. Я заказала для всех ужин, а Юлия Седова помогла мне исполнить обязанности хозяйки. Мы веселились всю ночь, и дорога показалась мне короткой. По возвращении в Петербург меня ожидал торжественный обед, который устраивали в мою честь поклонники. Я приготовила речь и очень нервничала, так как не имела звучного голоса, необходимого для публичных выступлений. Кроме того, я провела бессонную ночь. Однако речь удалась, и я осталась довольна собой. Мы все снова развлекались до утра. Во время обеда мне вручили золотой венец от зрителей и возложили его мне на голову.

Тридцатого июля у императора родился долгожданный сын, наследник престола царевич Алексей. В августейшей семье воцарилась радость — так же как и во всей России.

Лето я провела у себя в Стрельне, в тишине и покое. Потом, будучи в эмиграции, я читала дневники императора, изданные после переворота. Там я наткнулась на запись, сделанную 24 августа 1904 года: «Совершили долгую прогулку верхом вместе с Мишей. Были в Стрельне».

Нет сомнения, что он проезжал мимо моей дачи, и я уверена, что Ники снова захотелось увидеть меня. Может быть, он рассчитывал, что я буду в саду. Но узнала я об этом только сейчас...

Он был так близко, и я могла бы выйти и снова увидеть его, а может быть, и поговорить с ним. Даже сейчас при этой мысли у меня на глаза наворачиваются слезы.

Когда император должен был возвращаться из Красного Села в Петергоф, Андрей звонил мне по телефону, и я выходила на пригорок у моста, по которому проезжал царский экипаж. Полиция, охранявшая дорогу, не позволяла никому подходить близко к дороге. Но меня полицейские узнавали и даже спрашивали, выехал ли уже император, так как я это точно знала от Андрея. Если я была у моста, это означало, что император выехал. В том месте дорога была извилистой и двигаться быстро было нельзя. Когда император подъезжал ближе, его лицо всегда было повернуто в мою сторону, а рука приложена к козырьку фуражки. До сих пор помню его прекрасные глаза, глядящие на меня.

24. ГОДЫ 1904—1906

После прощального бенефиса я не выступала почти до конца 1904 года и не имела на то ни малейшего желания. Однако перед началом сезона 1904-1905 года директор Императорских театров Теляковский обратился ко мне с просьбой вернуться на сцену. После моего ухода интриги, приписываемые мне, не только не утихли, но, наоборот, расцвели пышным цветом. Значит, в них была виновата не я, а кто-то другой.

Я долго не могла решиться вновь переступить порог театра, так как уже свыклась с мыслью, что моя сценическая карьера закончена. И если я уступила настойчивым уговорам директора, то только потому, что вместе с ним меня просил об этом наш танцовщик Ширяев. У него был бенефис, и он попросил меня выступить в балете «Брахма», постановка которого была возобновлена по этому случаю. Я танцевала в этом балете, вспоминая образ, созданный Виржинией Дзукки. Бенефис Ширяева состоялся 12 декабря 1904 года.

Большинство артистов нашей балетной труппы радовалось моему возвращению — разумеется, за исключением небольшой группы недоброжелателей. Я была безгранично счастлива, что снова выступаю на сцене, однако вернуться на постоянную работу, как предлагал директор, я отказалась, согласившись выступать на гастролях, не подписывая никаких контрактов. Мне хотелось быть полностью свободной и танцевать только то, что мне нравится. Я объяснила директору, что контракт для меня не имеет значения, так как, даже подписав, я разорвала бы его при необходимости. Итак, я возвратилась, чтобы участво-

вать только в гастрольных выступлениях, и так было до конца моей артистической карьеры. Правда, я пообещала директору, что всегда буду к его услугам, если, конечно, смогу. Мне поверили на слово.

Девятого января состоялась демонстрация Гапона. В тот день был чей-то бенефис, и я вместе с родственниками сидела в ложе. Обстановка была очень напряженной, и еще до окончания спектакля я развезла родственников по домам. Вечером Вера Трефилова устраивала ужин, на который я была приглашена. Нетрудно представить, как бы она себя чувствовала, если бы к ней никто не пришел. В городе было беспокойно, повсюду ходили военные патрули, выходить из дома не было никакого удовольствия. И все же я поехала на ужин и благополучно вернулась домой. Потом мы встретили Гапона в Монте-Карло, где он в обществе своего охранника играл в рулетку. Во всяком случае, говорили, что он этим занимается.

После моего первого выступления в Москве в 1903 году, а потом и участия в бенефисе Кати Гельцер, меня все чаще стали приглашать в этот город. Я танцевала на бенефисе Гримальди, а также на благотворительном представлении в пользу старых артистов. Как-то раз я отправилась на гастроли в Москву совсем больная и с высокой температурой. Врач опасался за меня, так как стоял сильный мороз, а у меня было очень воспаленное горло. Однако мне не хотелось подводить московских коллег, и, несмотря ни на что, я поехала. Когда я вышла на сцену, у меня все двоилось перед глазами, но никто не заметил моего состояния, а в конце представления я чувствовала себя уже совсем хорошо. Своими поездками в Москву я оказывала услугу коллегам, однако должна признаться, что московские гастроли и мне всегда приносили глубокое удовлетворение.

Я побывала вместе с отцом в Варшаве, где мы выступили в балете «Эсмеральда». Отец, как обычно, исполнял роль синдика Клода Фролло. Остальные артисты были из местной труппы.

Летом, 3 июля 1905 года, отец умер в своем имении Красницы в возрасте 83 лет. Несмотря на преклонный возраст, он мог бы еще танцевать пару лет, если бы не несчастный случай, происшедший с ним примерно за год до этого. Во время смены декораций в антракте «Спящей красавицы» он был на сцене, и его забыли предупредить о том, что люк будет открыт, а декорации поднимут. Отец провалился в люк, который внезапно открылся у него под ногами, но сумел удержаться на локтях. Он почти не ушибся, однако врачи решили, что из-за пережитого шока ему необходимо соблюдать постельный режим. Такая резкая перемена образа жизни сильно повлияла на его здоровье. Всю свою долгую жизнь отец был очень активным и деятельным, и вдруг его обрекли на полный покой. Вынести такое ему оказалось не под силу. Правда, он стал быстро поправляться, но врачи по-прежнему настаивали на малоподвижном образе жизни. Отец решительно воспротивился этому, заявив, что не намерен в старости расставаться с тем, к чему привык. К следующему сезону он настолько окреп, что смог вернуться на сцену и весной 1905 года, за несколько месяцев до смерти, браво отплясывал со мной мазурку — в свои 83 года. Вероятно, это настоящий феномен, единственный случай во всей истории балета.

За общей суетой я не смогла сразу же исполнить последнюю волю отца и перевезти его в Варшаву, чтобы похоронить в семейном склепе. Его забальзамированное тело, доставленное в Санкт-Петербург, временно находилось в костеле Св. Станислава. Как только все утряслось, я перевезла его в Варшаву. Отец

пожелал, чтобы в фамильном склепе покоился и прах его матери, погребенной на католическом кладбище на Выборгской стороне. Получив разрешение от властей, я поехала на кладбище и присутствовала при вскрытии ее гроба. Все, что от нее осталось, мы переложили в маленький детский гробик.

Перед отправкой в Варшаву тела отца отслужили заупокойную службу. На крышке гроба было окошечко, и мы могли в последний раз посмотреть на любимое лицо, которое прекрасно сохранилось.

Варшава помнила отца и устроила ему пышные и торжественные проводы в последний путь. Дорога от вокзала до Повонзовского кладбища проходила через пригород, и ничто не помешало траурной процессии. Над нашим семейным склепом я поставила застекленную часовню. Туда же были перенесены и останки моей бабушки. Еще раньше тут был похоронен дед, знаменитый тенор и драматический актер.

Смерть отца была для меня огромной и болезненной потерей. Вместе с ней для меня оборвалась столь дорогая связь с детством, когда я, благодаря отцу, влюбленному в сцену, всей душой полюбила свое искусство. Теперь же, после того, как он отошел в мир иной, театр на некоторое время как бы отделился от меня.

После исполнения последней воли отца я уехала за границу и провела там всю зиму 1905-1906 года.

Осенью 1905 года я вместе с сыном отправилась на юг Франции в Канны, где остановилась в загородном отеле «Дю Парк». При мне были только няня и горничная. Андрей приехал раньше и до моего приезда жил в Ницце. Потом я вызвала из Петербурга Мишу Александрова. Миша был сыном танцовщицы Александровой и князя Долгорукого, брата княгини Юрьевской. Мишу никогда не покидало чув-

ство юмора, даже если у него были неприятности. В компании он был незаменим, и все его обожали.

Отель находился в огромном парке и до моего приезда стоял пустым, что было не совсем приятно. Здесь царила мертвая тишина. Уже была поздняя осень, и темнело рано. Вове было всего три года, и его рано укладывали спать. Няня и горничная спускались обедать в столовую для прислуги, а я оставалась совершенно одна. Моя столовая находилась в узкой комнате с высокими деревянными панелями из дуба. Во время обеда я сидела спиной к балкону, перед глазами у меня была дверь, ведущая в коридор, а слева — дверь в комнату Вовы. Справа, рядом с балконом, находилась дверь в спальню. Напротив, по другую сторону коридора, была комната горничной. Во время обеда я заметила, что на деревянной панели постепенно проступает лицо моего отца. Мне стало не по себе. Поначалу я решила, что это всего лишь игра воображения, и стала смотреть в другую сторону. Однако меня тянуло вновь взглянуть на деревянную панель. И снова мне показалось, что я вижу лицо отца. Так, словно в кошмаре, прошла вся ночь. Несмотря на то, что в комнате горел ночник, мне все время казалось, что вот-вот в дверях спальни появится тень отца. На следующий день приехал Миша Александров. За обедом я попросила его сесть слева от меня — так, чтобы взгляд его падал на то самое странное место. Потом я спросила, что он видит, и Миша, секунду подумав, ответил, что отчетливо видит лицо моего отца. Потом приехал Андрей, который тоже разглядел в причудливых линиях на панели черты моего отца. Я провела в спальне еще одну ночь, но теперь вместе со мной осталась горничная. Потом мы сменили комнаты на другие, хотя и в этом же коридоре. У меня было предчувствие, что это дурной знак и что меня ждет какое-то семейное горе.

Действительно, вскоре я получила сообщение из Петербурга о том, что у моего брата в театре был конфликт, и его уволили под нажимом начальника канцелярии Императорских театров Крупенского, который его не любил. Потом по моей просьбе с братом снова заключили контракт. Той же осенью из Петербурга пришло печальное известие: Сергей Легат покончил с собой. Это был очень порядочный человек, красивый и на редкость талантливый артист. Вместе с братом Николаем они рисовали замечательные карикатуры, из которых составилась целый альбом. С Сергеем Легатом я танцевала многие танцы, он был прекрасным партнером.

В отеле мы прожили недолго, так как решили снять маленькую виллу, принадлежащую отелю и находившуюся здесь же, в парке. Я вызвала из Петербурга своего лакея Василия и повара, француза Дени. Они должны были привезти моего любимого пуделя Таракашку. До приезда слуг мы столовались в отеле, но иногда, ради забавы, сами готовили обеды, и каждый стряпал что хотел. В кухне постоянно стоял смех, потому что у нас все время были сюрпризы. Как-то раз Андрей стал хвалиться, что сможет сделать великолепный беф-строганов. Однако для этого нужно было купить первосортное мясо, и мы отправились в мясную лавку. В мясе мы совершенно не разбирались, но, в конце концов, нашли-таки самый красивый, по нашему мнению, кусок и поехали домой. Андрей с видом заправского повара принялся за дело. К его удивлению, мясо, которое при жарении должно было потемнеть, стало почему-то светлым. Оказалось, что мы купили телятину, но блюдо получилось очень вкусным. Мы назвали его «телятиной по-строгановски».

После приезда повара и лакея началась нормальная жизнь. Кормили нас вкусно и сытно.

На Рождество я устраивала для Вовы елку и пригласила маленькую внучку Рокфеллера, которая жила в нашем отеле и часто играла с Вовой на песке у моря. Она подарила Вове вязаные домашние туфли. К сожалению, впоследствии мы потеряли ее из вида и больше не встречались.

По причине моего траура мы мало где бывали и только иногда ездили в Монте-Карло. Тогда не было машин, и на дорогу уходило много времени. Зато Миша Александров носился повсюду и приносил нам разные новости.

Весной 1906 года Андрея неожиданно вызвали в Петербург, хотя до конца отпуска было еще далеко. Вскоре после его отъезда я тоже вернулась домой.

25. ГОДЫ 1906—1907

После моего возвращения из-за границы осенью 1906 года был заложен первый камень в фундамент моего нового дома. Мысль о строительстве просторного и комфортабельного дома появилась у меня после рождения сына. В старом я могла выделить ему только одну комнату, которой было вполне достаточно, пока Вова был маленьким. Но мне хотелось устроить все так, чтобы он, став взрослым, по-прежнему мог жить вместе со мной, не испытывая никаких неудобств. Кроме того, мой старый дом требовал капитального ремонта, который не оплачивался; перестройка тоже казалась бессмысленной, так как дом был очень старым и ветхим. По мнению архитектора, было бы проще и дешевле разобрать

его и на этом месте построить другой, современный. Но мне хотелось, чтобы новый дом находился в более фешенебельном районе города, подальше от дымящих заводских труб, которых в последние годы на Английском проспекте появилось очень много.

Мне было очень тяжело расставаться со старым домом, который подарил Ники. С ним были связаны мои самые дорогие воспоминания, здесь я пережила много счастливых дней. И все же оставаться и дальше там, где все напоминало о Ники, было еще трудней.

Из множества предложений я остановила свой выбор на небольшом земельном участке на углу Кронверкского проспекта и Большой Дворянской, где выстроился ряд маленьких деревянных домиков. Это место мне понравилось. Земельный участок находился в лучшей части города, вдали от заводов и фабрик, а его площадь позволяла не только построить большой и просторный особняк, но и разбить при нем чудесный сад.

Я заказала проект известному на весь Петербург архитектору Александру фон Гаугену и ему же поручила строительство. Мы вместе обсудили расположение комнат, которое должно было соответствовать моим требованиям и образу жизни.

Интерьер некоторых помещений я разработала сама. В оформлении большой гостиной преобладал русский ампир, а малая угловая была задумана в духе Людовика XVI. В обустройстве остальных комнат я положила на вкус архитектора, выбирая из его предложений то, что мне больше нравилось. Спальня и гардеробная были выдержаны в английском стиле, с белой мебелью и обитыми ситцем стенами. В отделке некоторых комнат, в том числе еще одной спальни и соседней с ней гостиной, отчетливо ощущался модерн.

Всю стильную мебель и ту, что должна была стоять в моих комнатах и комнатах сына, я заказала у известного на весь Петербург Мельцера, а обстановку помещений для прислуги и хозяйственных — у крупной фирмы Платонова.

Предметы из бронзы, предназначенные для гостиных в стиле ампир и Людовика XVI, такие, как люстры, бра, канделябры, дверные ручки, замки и засовы, а также диваны и материалы для обивки мебели мне привезли из Парижа. Стены в гостиной были обиты желтым шелком.

Я торопила архитектора, так как хотела поскорее въехать в новый дом.

Перед Рождеством 1907 года я, наконец, смогла это сделать и была очень довольна, что живу теперь в просторном и по-настоящему комфортабельном доме. Свой старый я продала Александру Георгиевичу Романову.

Новый особняк оказался на редкость удачным, архитектор в точности выполнил все мои пожелания.

Больше всего я гордилась той частью, которую отвели для прислуги. Обычно туда никто не заходил. Во время строительства я уделила особое внимание именно этим помещениям и любила похвалиться ими перед гостями. Я была уверена, что нельзя требовать от прислуги хорошей работы, если она живет в плохих условиях. А так бывало очень часто.

У моей прислуги были светлые красивые комнаты, скромно, но удобно обставленные. Столовая была общей. Там же находился большой шкаф, в котором каждому отводилось свое отделение, запиравшееся на ключ, где прислуга могла хранить свои личные вещи.

Предметом моей особой гордости стала шикарно обставленная кухня. Я часто приводила сюда го-

стей, чтобы они могли ею полюбоваться. В доме был холодильник и специальная холодная кладовая для сухих продуктов. Благодаря этому у нас всегда было столько запасов, что при необходимости я могла дать обед экспромтом.

Гардеробные тоже были очень удобными. Одна из них находилась наверху, и там в дубовых шкафах висели мои платья. Другая располагалась внизу и предназначалась для моих театральных костюмов и всего, что к ним прилагалось: балетных туфелек, париков, головных уборов и т. д. Каждый из четырех огромных шкафов был снабжен полным перечнем всего, что там хранилось. Дубликат перечня оставался у меня. Благодаря этому я всегда могла кого-нибудь послать за нужной вещью. А это случалось часто, когда я жила на даче и выступала в Красном Селе. Нужно было только сообщить прислуге номер шкафа и вещи, которую мне необходимо было получить.

В связи с этим мне вспоминается одна забавная история. Уезжая на дачу, я оставила дом под присмотром сторожа Денисова, старого солдата, Георгиевского кавалера, человека безгранично преданного мне и честного. Однако при всех его многочисленных достоинствах у него был один существенный недостаток: он любил выпить. Чтобы избавиться от этой вредной привычки, он записался в общество трезвости, при вступлении в которое каждый давал клятву принимать спиртное не чаще одного раза в год.

Как-то раз мне понадобился костюм, за которым я послала свою приятельницу Ольгу Боркенхаген. Она жила у меня, и сторож ее прекрасно знал. Когда она приехала, Денисов дежурил у входа, но открыть дверь не захотел, так как в этот день уже выпил и боялся впустить в дом кого-либо, кроме хозяйки. «Опасался, как бы чего не вышло», — объяснял он

потом свое поведение. Разумеется, войти в дом моей приятельнице он не позволил.

У меня, конечно, был погреб с прекрасными винами, которые с любовью выбирал и закупал Андрей. Погреб был устроен так, чтобы после спектакля я могла пригласить сюда гостей, ценителей отборных вин: здесь они выбирали их себе по каталогу. В погребе стоял большой шкаф с бокалами и рюмками для различных сортов вин. Ужины в погребе, среди бутылок с вином, были очень оригинальными и проходили весело. Там было выпито немало хорошего вина.

Во дворике за домом находилась прачечная, сарай для экипажа и гараж для автомобиля, а также хлев для коровы, которую перевезли с дачи в город, чтобы сын всегда мог пить свежее молоко. За коровой ухаживала коровница Катя. В хлеву держали и жирную свинью, любимицу Вовы. Еще у нас в доме жила козочка, выступавшая со мной в «Эсмеральде». Ее нужно было приучить ходить за мной по сцене, и поэтому кормила ее я сама. Я брала козочку в театр, чтобы она привыкла к сцене и звукам музыки. Козочка так прижилась в доме, что мы ее сфотографировали в гостиной, когда она сидела у меня на коленях. У меня также был любимый фокстерьер Джиби, мой неразлучный друг.

Проходя мимо сада, можно было видеть, как там прогуливаются козочка, свинья и фокстерьер.

Вскоре после переезда в новый дом меня навестила Лина Кавальери. Это была необыкновенно красивая женщина, к тому же на редкость приятная в общении. Ей, конечно, захотелось посмотреть на Вову, которому тогда было около шести лет. Он очень любил плюшевые игрушки, которых у него в комнате было великое множество. В основном это были обезьяны, а себя Вова называл «обезьяньим королем». Я часто вспоминала случай в Генуе, когда меня,

ожидавшую ребенка, укусила обезьянка. Я очень боялась, чтобы это не отразилось на ребенке. Однако если это и произошло, то в очень мягкой форме. Мы с Линой Кавальери поднялись наверх, в комнату Вовы. Он был совсем маленьким, но его поразила красота Кавальери, а когда она спросила, хочет ли Вова получить в подарок ее фотографию, мой сын попросил, чтобы на этой фотографии были хорошо видны ее дивные глаза. Именно такой снимок она и прислала: создавалось впечатление, что запечатленная на нем женщина смотрит на нас из окна. Лина Кавальери произвела на Вову такое сильное впечатление, что он решил сделать ее командиром своего «обезьяньего полка». Это была самая высокая должность, которую он мог ей дать в игрушечном обезьяньем королевстве.

Выступление Айседоры Дункан в Петербурге повлияло на творчество молодого танцовщика Михаила Фокина, ставшего впоследствии знаменитым балетмейстером, стремившимся модернизировать классический балет. Он восстал против застывших поз со сплетенными над головой руками и стал искать в рамках классической техники возможность свободного выражения чувств. Ему удалось найти нужные формы и краски для своего балета «Эвника», действие которого происходило во времена Римской империи. Фокин ходил в Эрмитаж и всматривался в изображенные на античных вазах танцевальные движения. Он изучал искусство Греции и Рима. И в результате постановка балета «Эвника», основанного на сюжете романа Сенкевича «Quo vadis?», на музыку А. Щербачева стала выдающимся событием, вызвавшим настоящую бурю. Любители классического балета были взбудоражены, а поклонники новых веяний задыхались от восторга. Старые знато-

ки балета обвиняли Фокина в подражании Айседоре Дункан и в ненавистном для них «дунканизме». Молодежь же, наоборот, приветствовала новаторские тенденции, оживляющие традиционные каноны классического танца, которые Фокин вовсе не собирался уничтожать.

Я очень горжусь тем, что с самого начала была на стороне Фокина и считала гениальными его начинания. А гений всегда вызывает восхищение. Я сразу же его поддержала и до конца осталась ему верна. Я выступала в главной роли на премьере балета «Эвника», состоявшейся 10 января 1906 года. Состав исполнителей был первоклассным. Павел Гердт перевоплотился в Петрония с присущим ему совершенством. Анна Павлова великолепно танцевала партию Антиной, архитектора Клавдия сыграл знаменитый мим Булгаков, несравненный характерный танцовщик Александр Ширяев выступил в роли греческого раба, а феноменальный Леонтьев — чернокожего раба. К сожалению, этот артист очень рано умер.

Я танцевала Эвнику с огромным подъемом и вдохновением. Но самым важным было то, что новые идеи Фокина, впервые представленные в этом незабываемом спектакле, снискали симпатии публики. Десятого февраля 1907 года спектакль столь же успешно был показан во второй раз. Горячие споры продолжались еще очень долго, как в самом театре, так и в театральной колонке редактора «Ежегодника Императорских театров» барона Н. Дризена, а также в других изданиях. Мариус Петипа, безраздельно властвовавший на балетной сцене с середины XIX века и подчинивший себе даже такого знаменитого балетмейстера, как Лев Иванович Иванов, почувствовал, что его власть пошатнулась, и решил выступить против Фокина. Он собрал вокруг себя танцовщиков старшего поколения и небольшое ко-

личество талантливой молодежи. Но Фокина поддерживали и зрители, и артисты, а в такой ситуации постановка «Эвники» должна была оказать влияние на стиль классического балета.

Фокин очень меня любил и ценил. Мы вместе выступали в Москве на бенефисе Кати Гельцер 21 января 1907 года в балете «Тщетная предосторожность». Наша дружба длилась долгие годы, сначала в России, а потом и в эмиграции, вплоть до самой смерти Фокина в 1942 году.

Я всегда поддерживала Фокина, несмотря на то, что в его балетах не хватало сольных партий, которые могли бы вызвать восторг публики. На спектаклях в постановке Фокина зрители видели некоторых артистов только во время антрактов.

26. ГОДЫ 1907—1908

В том сезоне я впервые танцевала с Вацлавом Нижинским, который весной 1907 года закончил наше балетное отделение. Мы танцевали в Мариинском театре «Ноктюрн» Шопена, а потом исполнили его же в Москве. Во время своего выпускного спектакля Нижинский произвел на меня огромное впечатление, и уже тогда я увидела в нем своего партнера на ближайшие годы.

26 декабря 1907 года на бенефисе кордебалета Николай Легат поставил новый балет в пяти актах «Аленький цветочек», созданный композитором Ф. Хартманом. Сюжет был заимствован из сказки Сергея Аксакова, а либретто написал П. Мажецкий.

Однако спектакль не имел успеха и вскоре сошел со сцены.

Зимой, в разгар сезона, в Санкт-Петербург приехал директор парижской Оперы господин Бруссан. Теляковский пригласил его в свою директорскую ложу в воскресенье, когда я танцевала «Эсмеральду». В дни моих выступлений в этом балете я не любила, чтобы посетители приходили ко мне в театральную уборную. Я долго вживалась в образ своей героини и никого не хотела принимать. Однако в тот вечер, когда Теляковский привел ко мне Бруссана, я сделала для него исключение. Господин Бруссан с истинно французской галантностью наговорил мне множество комплиментов по поводу моего исполнения роли Эсмеральды, а напоследок от имени дирекции парижской Оперы попросил принять приглашение на несколько выступлений в будущем весеннем сезоне в Париже. Мне предложили танцевать в балетах «Коппелия» и «Корриган», в которых так блистала Росита Маури. Выбор партнера был предоставлен мне. Разумеется, я приняла это лестное предложение. Андрей дал в своем дворце торжественный обед в честь господина Бруссана, который был очень польщен оказанной ему честью.

Сначала я собиралась пригласить в качестве партнера Вацлава Нижинского, который на своем выпускном спектакле поразил меня не только великолепными прыжками, но прежде всего огромным талантом. Я хотела представить его в Париже, но он заболел, и я решила танцевать с моим постоянным партнером Николаем Легатом, рассчитывая выступить с Нижинским летом в Царском Селе. Если бы не болезнь Нижинского, Париж узнал бы его на два года раньше, еще до появления в «Русском балете» Дягилева, и тогда, возможно, все сложилось бы для него совсем иначе.

Я выехала в Париж после Пасхи, в понедельник 21 апреля (4 мая). Со мной был и Вова с няней, моя коллега по сцене Клавдия Куличевская, горничная, лакей и костюмерша, которая должна была помогать мне одеваться перед спектаклем и, в случае необходимости, чинить мои костюмы. В том же вагоне ехал великий князь Павел Александрович и его дочь, великая княгиня Мария Павловна со своим супругом, шведским герцогом Вильгельмом, с которым они только что поженились.

Увидев меня, великий князь сразу же любезно со мной поздоровался, а потом пришел в мое купе, чтобы побеседовать. Он был очень рад этой встрече. Мы разговаривали о том, о сем, и он рассказал мне о свадьбе дочери, состоявшейся накануне. Потом он предложил нас познакомить и сказал, что приведет дочь ко мне в купе.

Я ответила, что буду счастлива, если меня представят великой княгине, но будет лучше, если я пойду к ней. Однако великий князь заявил, что все это ненужные церемонии, и попросил меня немного подождать. Я вернулась в свое купе, а через несколько минут туда пришла великая княгиня с супругом. Я впервые видела ее так близко и была счастлива с ней поговорить. С первой же минуты отношения между нами сложились как нельзя лучше, а когда я стала женой Андрея, они перешли в крепкую и искреннюю дружбу. Великая княгиня была частым гостем у нас в доме.

Несмотря на то, что великая княгиня только что вышла замуж, она совсем не походила на новобрачную. В ней не чувствовалось ни радости, ни веселья. Наоборот, она казалась грустной и озабоченной. Ее супруг был некрасивым, высоким и сутулым мужчиной с огромными, торчащими в стороны усами. Он был немногословен и тоже не выглядел счастливым. Разумеется, я не знала, в чем дело, но мне ста-

ло очень жаль великую княгиню, которая совершала свадебное путешествие в таком грустном настроении. На следующий день молодые покинули нас в Берлине и отправились в Швецию, а великий князь Павел Александрович поехал с нами в Париж.

Еще в России Вова заболел. С ним это часто случалось в дороге. Великий князь Павел Александрович проявил к нам большое участие и приказал дать телеграмму на ближайшую станцию, чтобы нас там встретил врач. Я была очень тронута и благодарна великому князю за заботу о моем сыне. К счастью, все закончилось хорошо, и мы доехали вместе без каких-либо осложнений.

Так как я предполагала пробыть в Париже около двух месяцев, мне захотелось снять меблированное жилье и самой заняться хозяйством. Я это делала из-за Вовы, который плохо переносил пищу, подаваемую в отелях. Тем более что нельзя было проверить, что именно они там для него готовят. Я устроилась на улице Вийяре-де-Жуа в уютной и удобной квартире, где было все необходимое. Клавдия Куличевская поселилась вместе со мной.

В то время балет в Париже находился на крайне низком уровне. Зрители могли видеть лишь отдельные номера в конце оперного действия. Сценические редакции балетов были откровенно неинтересными. Я не любила «Коппелию», в которой должна была выступать, хотя Плещеев в своей книге «Наш балет» хвалил меня именно за эту роль. В «Корригане» я танцевала впервые и готовилась к выходу на сцену под руководством знаменитой в то время Роситы Маури. Как и в «Коппелии», в этом балете у меня не было ярких сольных партий, где я могла бы блеснуть. Мои выступления пользовались большим успехом, и все же он не был таким громким, каким мог бы стать, если бы я сама выбрала балет. Дирекция парижской Оперы не организовала рекламу, что,

естественно, тоже сказало. И все же сразу по окончании гастролей я была приглашена на следующий год. За свое первое выступление в парижской Опере я получила от французского правительства серебряную пальмовую ветвь Академии.

В этом же парижском сезоне Николай Бенардаки, богатый грек из России, женатый на красавице Марии Павловой, урожденной Лайбрюк, устроил великолепное представление в своей резиденции, где была сцена и зрительный зал, как в театре. Я танцевала с Легатом «НоктюРН» Шопена. В этот вечер там выступали Шаляпин и Смирнов. Великий князь Павел Александрович прибыл с супругой, носившей в то время титул графини Гогенфельсен. После представления был великолепный ужин, во время которого хозяин дома произнес очень остроумную речь.

Тогда же, когда я выступала в Париже, Дягилев организовал здесь первый русский оперный сезон. Я была на премьере «Бориса Годунова» с Шаляпиным в главной роли. До конца жизни не забуду этого спектакля. Невозможно описать то, что творилось в зале. Зрители, очарованные пением и игрой Шаляпина, обезумели от восторга. Когда по ходу действия Годунову почудился призрак царевича Димитрия, наши соседи стали толкать друг друга локтями и показывать на сцену: «Смотрите, вон там, в углу!» — как будто там действительно появилось что-то таинственное. Вот так играл Шаляпин, который умел настолько загипнотизировать зал, что всем и в самом деле казалось, что перед ними призрак, привидевшийся Годунову. Нас, русских, больше всего удивило то, что обычно сдержанная парижская публика, которую очень трудно расшевелить, в тот вечер устроила артистам такую овацию, которую и по сей день вспоминают как явление из ряда вон выходящее.

С Сергеем Дягилевым мы встречались почти ежедневно. Он был счастлив, что его первый сезон

проходит успешно, а русская музыка снискала себе такую популярность.

Известная на весь Париж и жившая там постоянно княгиня Лобанова-Рытова пригласила нас с Андреем и Федора Шаляпина на завтрак в «Кафе де Пари».

По окончании сезона мы с Андреем и Вовой поехали в Остенде, чтобы немного отдохнуть, а главное, чтобы Вова окреп у моря. В начале июня мы вернулись в Россию.

К этому времени Вацлав Нижинский уже совсем выздоровел, и мы могли приступить к репетициям балета, который должны были показать в Красном Селе еще в прошлом сезоне. Я хотела осуществить свое давнишнее намерение помочь этому выдающемуся таланту занять подобающее ему место на сцене. Я чувствовала, что его ждет великое будущее. Именно тогда и началась его карьера мировой знаменитости.

Во время выступлений в Красном Селе я убедилась, что Нижинский не только великолепный танцовщик, но и обаятельный молодой человек, и решила приглашать его на выступления при любой возможности.

С большим удовольствием и моральным удовлетворением хочу отметить, что Вацлав Нижинский очень ценил то, что я сделала для него в начале его творческого пути, и до конца своих дней был мне за это благодарен. В знак симпатии он подарил мне красивую икону, сделанную из перламутра, в серебряном окладе. Такой выбор свидетельствует о благородстве души. Я повесила икону у себя в спальне. Специальная подсветка еще больше подчеркивала ее изящную и тонкую отделку. Среди множества ценных вещей, которые я потеряла во время революции, была и эта икона. Ее мне особенно жаль, так как это была память о прекрасных днях моей артистичес-

кой жизни, а также о добром и благородном человеке, который преждевременно ушел со сцены, хотя мог бы еще столько сделать для искусства.

Впоследствии я часто выступала с Нижинским в Петербурге и Москве, куда мы ездили на всевозможные бенефисы.

27. ГОДЫ 1908—1909

Когда Анна Павлова еще была в Петербурге, мне пришла в голову мысль о том, что все лучшие балерины могли бы вместе станцевать *grand pas* в балете «Пахита». Его всегда исполняла балерина с второстепенными солистками, но на сей раз одновременно должны были выступить Павлова, Карсавина, Преображенская, Трефилова и другие знаменитые танцовщицы. Это было выдающееся представление, и выход каждой артистки сопровождался бурными аплодисментами. Обычно сольную партию танцевала одна балерина, но я попросила, чтобы в тот вечер каждая из них показала себя во всем блеске. Это должно было придать выступлению особую яркость. Однако все оказалось не так просто. Одна из приглашенных, желая затмить остальных, собрала клаку из своих приятелей, хотя сама не была талантливее других исполнительниц. Все это поняли, и ей было неловко.

После спектакля я устроила ужин для балерин, любезно принявших мое предложение и танцевавших вместе со мной *grand pas*. На ужин были приглашены только дамы, а мужчины не имели права приближаться к столу до конца трапезы. Я заказала

круглый стол, чтобы не возникало хлопот с рассаживанием гостей. Стол стоял посередине зала и привлекал всеобщее внимание. Когда подали кофе, мужчинам было разрешено подойти к нам, и я всех угостила шампанским. Один из присутствующих поклонников взял тарелку и стал собирать серебряные и медные монеты, не объясняя, зачем он это делает. Однако вскоре все стало ясно: я получила от него в подарок серебряную тарелку работы Фаберже, к которой были припаяны все собранные монеты с надписью в память об устроенном ужине.

Дягилев, с триумфом закончивший свой сезон русской оперы в Париже, решил на следующий год, помимо оперного, организовать и сезон балета. В связи с этим он обратился ко мне и предложил принять участие в его предприятии. Дягилева прежде всего интересовал вопрос о покровительстве и государственной субсидии. Он собирался обратиться к великому князю Владимиру Александровичу с просьбой взять под свой высочайший патронаж будущий балетный сезон. Зная, что я нахожусь в хороших отношениях с великим князем, он надеялся на мое посредничество в этом деле. Относительно получения субсидии в 25000 рублей Дягилев тоже рассчитывал на мою помощь.

Пока шли предварительные переговоры с Дягилевым, 4 (17) февраля великий князь Владимир Александрович внезапно скончался, хотя он был еще сравнительно молод, ему не исполнилось и 62 лет... Его смерть потрясла меня еще и потому, что от Андрея я знала: буквально накануне, 2 февраля, в праздник Сретенья, они были вместе на исповеди в Малой церкви Зимнего дворца. Ничто тогда не предвещало кончины великого князя. В его лице я потеряла близкого друга, которого просто боготворила. Сколько раз в трудные моменты жизни он брал меня под свою защиту, оказывал моральную поддержку... На

последней пластинке, которую он мне прислал, как бы предчувствуя скорый уход, был «Грустный вальс» Сибелиуса. Я даже не успела ее прослушать. Много слез я пролила в те горестные для нас с Андреем дни.

Когда перебирали бумаги покойного, на его столе нашли мои письма, которые его супруга Мария Павловна любезно вернула мне на память о великом князе.

Естественно, из-за смерти великого князя вопрос о его покровительстве отпал сам собой. Дягилев попытался найти другого влиятельного патрона, но это ему не удалось. Остался открытым и вопрос о субсидии. Правда, еще до печальных событий я приложила к этому некоторые усилия, но дело так и не было решено, и Дягилев не получил ответа.

При дальнейшем обсуждении с Дягилевым вопросов, касающихся предстоящего сезона, я заметила, что его отношение ко мне резко изменилось, несмотря на то, что мы были давними друзьями. При распределении балетных партий он решил назначить Павлову на роль Жизели, в которой она была неподражаема и пользовалась заслуженным успехом. Мне же он предложил второстепенную роль в балете «Павильон Армиды», в котором я не могла продемонстрировать всех своих возможностей и рассчитывать на признание парижской публики. Несмотря на мои настойчивые просьбы, Дягилев не хотел уступать. При таких обстоятельствах я не могла принять его предложение и отказалась от участия в его «Русском сезоне» в Париже.

Совершенно очевидно, что после этого я уже не собиралась хлопотать о выделении субсидии для выступлений, в которых не буду участвовать. Я попросила, чтобы моему ходатайству не давали хода. В результате Дягилев, как ни старался, ничего не получил. Сергей Лифарь, описывая этот случай в своей

книге «Дягилев», полностью оправдал мой поступок, считая, что Дягилев поступил со мной очень несправедливо.

При сложившихся обстоятельствах я воспользовалась приглашением от парижской Оперы. В прошлый раз я не дала окончательного ответа, а теперь решила согласиться.

Мой второй парижский сезон проходил совсем по-другому. В столице меня уже знали, создали соответствующую рекламу, я была хорошо знакома с дирижером Оперы и всей труппой. Словом, я вернулась в привычное окружение и чувствовала себя как дома. Вот почему я решила любой ценой вставить в балет «Корриган», в котором снова должна была выступать, свою сольную партию, чтобы добиться желаемого успеха и навсегда закрепить свою репутацию на парижской сцене.

Но сделать это было нелегко. По установленным в Опере правилам, в балете не допускалось использование музыки другого композитора, а я хотела включить в балет «Корриган» свою сольную партию из «Дочери фараона» Цезаря Пуни. Чтобы осуществить задуманное, нужно было дожидаться подходящего случая, который, к счастью, не замедлил представиться.

Я уже не помню, кто устроил пикник под Парижем для балетной труппы Оперы, куда были приглашены оба директора — Мессажер и Бруссан. Я тоже была приглашена. У меня сложились очень хорошие отношения со всеми артистами, но с Аидой Бони я подружилась больше всех. Мы с ней ехали на пикник в машине Мессажера. Аида, зная о моем намерении, посоветовала обратиться непосредственно к Мессажеру, но на обратном пути, когда он будет в более благодушном настроении. Она сказала мне, что установленные правила строго выполняются, но с

разрешения директора могут сделать исключение. На обратном пути Мессажер был в прекрасном расположении духа. Он уселся между мной и Бони, которая щипала меня за руку у него за спиной, давая понять, что настал подходящий момент для разговора. Я начала с жалоб на то, что устаю повторять на репетиции одно и то же и что мне нечем блеснуть перед зрителями. Мессажер поинтересовался, почему я не включила в спектакль какой-нибудь сольный номер, а я ответила, что это можно сделать только с его разрешения. Выдержав паузу, я добавила, что если получу его согласие, то уже завтра начну репетировать. Мессажер сразу же ответил «да». Довольная и счастливая, я уже на следующий день принесла ноты и стала танцевать сольную партию в балете «Корриган». Мне сопутствовал огромный успех и даже пришлось дважды повторить свой номер на «бис», что считалось здесь выдающимся событием.

После последнего спектакля в Опере я вручила всем артистам бонбоньерки и маленькие сувениры — миниатюрные вазочки от Галле. Как и в Вене, я получила в подарок от труппы памятную медаль с изображением здания Оперы.

На время пребывания в Париже я взяла напрокат маленький автомобиль, который водил очень симпатичный молодой шофер. Желая отблагодарить его за работу, я как-то раз дала ему билет на свое выступление. Подойдя к автомобилю после спектакля, я увидела, что он весь украшен цветами. Таким образом мой шофер выразил свою признательность. У меня есть фотография, где я сижу в автомобиле в Булонском лесу, на фоне небольшого замка Багатель.

В том сезоне в Опере состоялся благотворительный концерт в пользу жертв землетрясения в южных департаментах Франции. Его организовал парижский Синдикат печати. Программу этого концерта мне недавно кто-то подарил.

В концерте участвовали несколько музыкантов, а отдельная его часть была посвящена русскому балету и состояла из трех номеров. Первым было *ра де деу* Павловой и Мордкина, вторым — мазурка в исполнении Васильевой и Миши Александрова, третьим — мое *ра де деу* с Николаем Легатом. Такой порядок полностью соответствовал моему положению артистки, входящей в состав балетной труппы Оперы. Я имела право выступать последней. Перед самым началом кто-то пустил слух, что Павлова еще не готова, и мне предложили танцевать первой, чтобы не задерживать представление. Эта просьба исходила не от дирекции Оперы и не от самой Павловой. Однако Павлову сопровождал ее будущий муж Дандре, а также Безобразов, от которых я вытерпела в Петербурге столько зла, что сразу поняла, кто все это подстроил. Я прекрасно знала подобные закулисные интриги и не попала на эту удочку. Разумеется, я не согласилась на изменение очередности выступлений. Оказалось, что Павлова готова, и представление началось в соответствии с программой. Этот незначительный инцидент подтвердил, что даже вдали от Петербурга нападки на меня не прекращались.

Как видно из афиши того вечера, в самом начале представления я выступала с балетной труппой Оперы в «Арлезианке» Бизе с Аидой Бони и Лобштейн. В фарандоле участвовали все артисты, а оркестром дирижировал сам Мессажер.

В Опере меня считали членом труппы, и публика тоже принимала меня как свою.

Дягилев в конце года организовал свой парижский сезон оперы и балета в театре Шатле, и Вацлаву Нижинскому сопутствовал там огромный успех. До сих пор классический танцовщик стоял на несколько ступеней ниже балерины, и его роль сводилась к поддержкам партнерши и выполнению довольно

простых па, во время которых балерина могла передохнуть перед сложным номером. Нижинский придал классическому мужскому танцу совершенно новый стиль и направленность. Он стал исполнять не второстепенные, а основные па и мог пользоваться успехом независимо от балерины. Это было настоящей революцией в балете, положившей начало новой эры в истории мужского танца.

Тамара Карсавина покорила Париж своей красотой, грацией и танцем, завоевав у французской публики даже большую популярность, чем талантливая Павлова. Справедливости ради следует заметить, что Карсавина была удивительно хороша во всех балетах того сезона.

Мадам Жюльетт Адам, известная танцовщица, занимавшая особое место в артистическом и литературном мире, устроила в предместье Парижа завтрак, на который была приглашена и я. У меня есть фотография, запечатлевшая нас вместе сидящими в саду.

Всю свою жизнь я любила строить. Разумеется, дом в Петербурге был самым большим и интересным архитектурным «объектом» в моей биографии, но были и другие, поменьше. В Стрельне я построила прелестный домик для моей электростанции, с квартирой для электротехника и его семьи. До тех пор во всей Стрельне не было электричества (даже во дворце), и моя дача стала первым и единственным домом с электрическим освещением. Все вокруг мне завидовали, а некоторые даже обращались с просьбой подключиться к моей электростанции, но мне едва хватало ее мощности для собственных нужд. Электрическое освещение тогда было новинкой, и оно не только делало мою дачу более комфортабельной, но и придавало ей особую привлекательность.

Потом, в 1911 году, моими усилиями в Стрельне появился еще один домик, о котором стоит сказать несколько слов. Когда моему сыну было 12 лет, он часто сетовал на то, что редко видит меня из-за постоянных репетиций. Чтобы его утешить, я пообещала, что все деньги, заработанные за этот сезон, я потрачу на специальный домик для него в саду. Так я и поступила. На все гонорары я построила детский домик с двумя комнатами, гостиной и столовой, с полной сервировкой, серебром и бельем. Вова был безумно рад, когда стал осматривать домик, огороженный деревянным забором с калиткой. Однако я заметила, что после осмотра комнат и всего, что там было, Вова как-то приуныл и, казалось, что-то ищет. Наконец он спросил, где находится туалет. Я ответила, что дача совсем рядом и он может сбегать туда, но если ему очень хочется, то я еще немного потанцую, чтобы хватило денег на постройку туалета. Однако осуществить этот план не удалось — началась война.

Кроме того, я должна была заняться сооружением более печальных объектов. В Варшаве над надгробиями отца и деда я попросила воздвигнуть небольшую застекленную часовню, а после смерти матери в 1912 году на кладбище Сергиевского монастыря в память о ней поднялась каменная часовня с коваными дверями из бронзы, которые сделал Хлебников. Изнутри часовня была выложена мрамором и украшена мозаикой.

28. ГОДЫ 1909–1910

Сезон 1909-1910 года я начала очень поздно, только 13 декабря, когда выступила на бенефисе кордебалета в балете «Щелкунчик» в роли Сахарной феи.

Незадолго до этого, 29 ноября, в бенефис Ольги Преображенской был показан балет Дриго «Талисман», который возобновил Николай Легат. По всеобщему мнению, хореография Легата была очень удачной, и спектакль благодаря ей во многом выиграл. В этом сезоне, кроме Ольги Преображенской, танцевали Павлова, Карсавина и Трефилова. Несмотря на это, после первого представления ко мне приехал Николай Легат и уговорил взяться за этот балет. Он убеждал меня, говоря, что «Талисман» понравился публике и получил хорошие отзывы, но все же это не был тот прием, на который он рассчитывал. По его мнению, Преображенская недостаточно хорошо вошла в роль, и это портило впечатление. Легат был уверен, что я спасу постановку и буду пользоваться большим успехом, а «Талисман» останется в репертуаре. Одним словом, вопрос стоял так, что если я не соглашусь, то «Талисман» пропадет, а его репутация балетмейстера будет навеки погублена.

Сначала я отказалась от балета, доверенного другой балерине, но, выслушав серьезные аргументы Легата, в конце концов сдалась.

Второе представление «Талисмана» с Преображенской, запланированное на 20 декабря, было отменено. Спектакль состоял из четырех актов, с прологом и эпилогом, моя партия была очень сложна в исполнении, и мне пришлось интенсивно работать на репетициях.

Через месяц, 3 января 1910 года, я с подлинным триумфом выступила в «Талисмани». Коля Легат был

прав — балет действительно остался в репертуаре, а сам он не находил места от радости и не знал, как меня благодарить.

Князь Шервашидзе, который делал эскизы костюмов для балета «Талисман», по моей просьбе и в соответствии с моими указаниями сделал новые наброски, оказавшиеся на удивление удачными. Обычно тюники начинались от лифа, я же предложила сделать лиф более длинным, чтобы тюники начинались ниже, зрительно удлинняя талию. С тех пор это вошло в моду, и прежние тюники остались только в тех случаях, когда они были длинными, как в «Сильфидах».

На сцене я выглядела более высокой, чем на самом деле, а благодаря новому покрою лифа стала казаться еще выше. В наше время не носили таких ужасных тюников, как сейчас, когда танцовщица выставляет напоказ все, чего не следует показывать, так как это неэстетично. При таких куцых тюниках невозможно сделать красивый костюм. Фокин тоже запрещал такие тюники, даже в последние годы.

Мой костюм во втором акте «Талисмана» так понравился Павловой, что она попросила у меня разрешения сшить себе точно такой же. Разумеется, я с радостью согласилась.

Успешная работа над «Талисманом» навела меня на мысль обратиться к князю Шервашидзе и попросить его сделать эскизы новых костюмов к балету «Дочь фараона». Мне хотелось, чтобы по стилю они были больше похожи на египетские, чем это было в предыдущей постановке. Князь Шервашидзе сделал великолепные эскизы, по которым дирекция заказала новые костюмы. Для моего выхода во втором акте он придумал очень красивую диадему, что навело Андрея на мысль заказать мне у Фаберже настоящую, с бриллиантами и сапфирами. Ее можно увидеть на некоторых моих фотографиях.

Я очень любила выступать в «Талисмане». Хотя в этом балете отсутствовали выразительные драматические сцены, но зато были великолепно поставленные Легатом танцы, которые в каждом акте вызывали бурю аплодисментов.

В последнем акте я очень оригинально исполнила коду и на каждом спектакле повторяла ее четыре раза, а в день своего 25-летнего юбилея — даже пять раз.

По общепринятым правилам артисты могли бисировать дважды и более, ограничений не было. Однако когда в царской ложе находился император с супругой, то, если после двукратного исполнения на «бис» публика продолжала аплодировать, артисты смотрели на царскую ложу, ожидая знака от императора или императрицы. Императрица Александра Федоровна любила балет «Талисман» и бывала почти на каждом спектакле. Когда зрители вызывали меня на «бис» в третий раз, я смотрела на царскую ложу, и если императрица кивком головы давала разрешение, я отвешивала глубокий поклон и начинала исполнять коду под несмолкаемую овацию. Великий князь Сергей Михайлович рассказывал мне, что в таких случаях императрица спрашивала, хватит ли у меня сил. На что он отвечал, что если я жду знака Ее Величества, то, следовательно, уверена в своих силах.

Музыка Дриго в этом балете была так прекрасна, что танцевать в нем для меня было настоящим наслаждением. Дриго всегда говорил, что как музыкант высоко ценит мой исключительный слух, благодаря которому ему легко дирижировать. Когда у танцовщицы отсутствовал слух, дирижировать спектаклем было настоящим мучением. Перед каждым представлением Дриго спрашивал: «Как сегодня танцуем?» В зависимости от моего настроения мы договаривались насчет темпа.

Французское посольство по высочайшему решению организовало в Мариинском театре 6 (19) февраля 1910 года благотворительный концерт в пользу жертв наводнения во Франции. Программа была сборной. Я танцевала третий акт балета «Раймонда». В знак признательности французское правительство хотело подарить мне две вазы из северского фарфора, но я обратилась с просьбой наградить меня золотой пальмовой ветвью Академии. Правда, в прошлом году я получила серебряную пальмовую ветвь и в течение четырех лет не имела права претендовать на золотую, но все же мне ее дали. Документ был подписан 7 (20) марта 1910 года министром просвещения Гастоном Думергом, ставшим впоследствии президентом Республики.

Князь Паоло Трубецкой, талантливый скульптор и автор памятника императору Александру III на площади перед Николаевским дворцом в Петербурге, выразил желание сделать мою статуэтку. При моем живом нраве неподвижное сидение в качестве модели было просто невыносимым. У Константина Маковского, который хотел написать мой портрет, я выдержала лишь пару сеансов. После долгих уговоров я все же согласилась позировать. Это было летом, на даче. Князь Паоло Трубецкой начал лепить меня в оранжерее, где было очень светло и, самое главное, не приходилось опасаться, что он испачкает глиной всю комнату. Охваченный азартом князь имел привычку разбрасывать где попало мокрую липкую глину. Он был убежденным вегетарианцем и, не обращая внимания на случаи холеры в городе, продолжал поглощать огромное количество сырых фруктов. Во время сеансов, когда ему приспичивало, он поспешно убегал, а по возвращении заявлял, что нашел у себя признаки холеры. Все это было забавно, но действовало на нервы, так как исчезал он надолго... Поначалу статуэтка, сделанная в половину нату-

ральной величины, была очень похожа на меня и лицом, и позой. После переезда в город князь продолжал работать у меня в доме, тоже в оранжерее. Однако когда начался сезон, я целыми днями была занята на репетициях и не могла позировать, а незаконченную статуэтку поставили в каретный сарай, где ее иногда показывали гостям.

Весной 1910 года на Пасху была чудесная погода. Ко мне пришли гости, и среди них были князь Паоло Трубецкой и Филипп Леде, мой сводный брат от первого брака матери, в жилах которого текла французская и польская кровь. Я его очень любила за живой, непосредственный и непредсказуемый нрав. Он пристал к князю Трубецкому, чтобы тот позволил взглянуть на статуэтку. Князю очень хотелось продемонстрировать свое творение, и мы все отправились в каретный сарай.

Со свойственным ему красноречием Филипп стал расхваливать работу князя, поражаясь удивительному сходству с оригиналом. Все шло хорошо, и князь довольно улыбался. И вдруг мой брат, желая еще больше порадовать автора, выпалил: «Здесь сразу чувствуется рука мастера и огромный талант, не то что в безобразном памятнике Александру III». Некоторое время он продолжал в том же духе. К своему изумлению, я вдруг поняла, что мой брат и не подозревает, что этот памятник тоже делал князь Трубецкой. Я пулей вылетела из каретного сарая, желая где-нибудь спрятаться. Промах брата меня рассмешил, но перед князем я чувствовала себя очень глупо.

Когда статуэтка была закончена, сходство исчезло; у князя так часто случалось. В 1911 году поклонники хотели подарить мне статуэтку по случаю 25-летия моей работы на сцене; но я отказалась от их предложения. Много лет спустя, уже в эмиграции, я

видела эту статуэтку в мастерской князя Трубецкого. Там же была более удачная миниатюрная статуэтка Андрея, которую князь сделал еще в России, в 1910 году.

Своего брата Филиппа я вспоминаю с большой симпатией. Он любил меня как сестру и как артистку и посещал все мои спектакли. Когда во время выступления мне аплодировали и кричали «браво», Филипп старался больше всех. Когда я говорила, что это неудобно, так как мы с ним брат и сестра, он отвечал, что коли я прекрасно танцую, а ему нравится мое искусство, то иного способа выразить свое восхищение нет. В конце концов, я перестала с ним спорить, так как он все равно ничего не хотел слушать.

Для организации запланированного сезона в Париже Дягилеву, как и в прошлом году, нужна была государственная субсидия. Сначала он обратился к графу Владимиру Коковцеву, который был в то время министром финансов. После визита к нему Дягилев отправился к Петру Столыпину, председателю Совета министров, и сразу же дал ему понять, что Коковцев не возражает. Таким образом, Дягилев ввел в заблуждение их обоих, так как они оба были против выделения средств из казны на проект Дягилева. Когда все выяснилось, ему отказали. Тогда он попытался обратиться к императору через супругу великого князя Павла Александровича, которая отправила телеграмму непосредственно на имя государя, что очень его рассердило, и Дягилев получил отказ в резкой форме. Впоследствии Столыпин говорил, что многие дамы звонили ему с просьбой поддержать Дягилева, но ни одной из них не удалось добиться успеха.

К счастью, я не имела никакого отношения к этому делу, а после происшедшей между нами раз-

молвки Дягилев, разумеется, не обратился ко мне за помощью.

Арнольд Гаскелл в своей книге «Дягилев», описывая этот эпизод, так оценил данную ситуацию: «У Дягилева было много врагов, а его методы добывания средств вызвали недовольство в дворцовых кругах. Этого было достаточно, чтобы настроить против себя императора, несмотря на то, что заинтересованные лица руководствовались личными интересами».

В тот год Андрей провел лето в Луге, в офицерском артиллерийском училище. Он жил на прелестной даче в лесу и как-то раз пригласил к себе всю нашу компанию. Со мной поехали сестра с мужем, бароном Цедделером, Готш, полковник Эшапар, Клавдия Куличевская, Троян и Лола Боркенхаген. Мы приехали только к ужину, поиграли немного в покер и разошлись спать. На следующее утро после кофе мы оправившись на прогулку, однако из-за жары вскоре все вернулись в дом и снова взялись за карты. На завтрак нам подали кулебяку и сладости, а на обед — холодный свекольный борщ. Потом мы снова играли в саду в покер, а в двенадцать ночи был ужин. Возвратились мы дневным поездом в понедельник, 31 мая. Мы замечательно провели время. Дача Андрея находилась в прекрасном сосновом бору, на берегу небольшой речки.

В том году исполнилось десять лет со времени нашего знакомства с Андреем, и 22 июня, в тот незабываемый для нас день, я получила от Андрея великолепный подарок: два крупных сапфировых кабошона, обрамленных бриллиантами. Фаберже, у которого были приобретены эти камни, сказал мне по секрету, что сапфиры взяты из знаменитого гарнитура графини Зинаиды Лейхтенберг.

Я очень любила принимать у себя наших знаменитых драматических артистов из Александринского театра — Варвару Стрельскую и Костю Варламова, который был душа-человек. Обедать с ними мне доставляло огромное удовольствие. У них было великолепное чувство юмора, и за столом часто раздавался смех. Как-то раз во время трапезы я обратилась к Стрельской и спросила: «Может, стаканчик водки?» На что она ответила: «Разумеется, один... два... три... четыре, пять, шесть, семь... до бесконечности». Вся соль этой шутки заключалась в интонации и мимике.

Костя Варламов славился гостеприимством, а особенно знаменитыми капустниками, которые организовывал у себя дома. У него был замечательный карла, который подавал на стол. Как-то раз мы всей компанией поехали на велосипедах из Стрельны в Павловское, к Косте на обед. Было очень весело, мы страшно объелись и очень устали. Но хуже всего было то, что после этого сытного обеда нужно было возвращаться домой на велосипедах, а дорога туда и обратно была не менее 50 верст. Иногда Варламов заезжал ко мне в Стрельну, но он всегда был со своим кучером.

Летом того года до нас дошла печальная новость о том, что 2 (15) июня 1910 года в Гурзуфе скончался Мариус Петипа. Он родился в Марселе 11 марта 1822 года и умер на 88-м году жизни.

До появления Фокина вся моя театральная карьера была связана с именем Петипа, который более полувека безраздельно царствовал на балетной сцене. Даже постановки такого известного балетмейстера, как Лев Иванов, должны были получить одобрительный отзыв Петипа. Спектакль Петипа «Дочь фараона», ставший моим любимым, сразу же принес ему успех и известность в России, куда он приехал

по приглашению дирекции Императорских театров 24 мая 1847 года, проработав пару лет в Испании. Я встречалась с ним только в театре. Прекрасно помню его клетчатый плед и постоянное посвистывание. На репетициях он давал нам заранее продуманные указания, в отличие от Фокина, который имел обыкновение импровизировать, даже когда репетиции шли полным ходом. Дружеских связей у меня с Петипа не было — он не бывал у меня дома, а я у него. Однако на протяжении всех долгих лет нашей совместной деятельности на сцене между нами не возникло ни одного конфликта, я не слышала от него ни одного неприятного слова. Он очень высоко ценил меня как танцовщицу, и работалось нам с ним легко. Умер один из выдающихся создателей балета XIX века, имя которого связано с историей русского балетного искусства, а творения сохранили свою красоту и очарование и по сей день. Его смерть стала для меня тяжелым ударом, так как, прощаясь с Петипа, я прощалась со своей молодостью.

29. ГОДЫ 1910—1911

Сезон 1910-1911 года был исключительно веселым, со множеством обедов, ужинов и балов-маскарадов. Я очень любила их и славно развлекалась, интригуя окружающих своей маской с густой вуалью и домино.

В то время моим обожателем был Владимир Лазарев, еще почти мальчик. Из-за его сестры Ирины, ставшей впоследствии графиней Воронцовой-Дашковой, все потеряли голову.

Мое знакомство с Володей, как все его называли, началось очень забавно. Это произошло во время одного из балов-маскарадов в Малом театре, куда я была приглашена и должна была продавать шампанское. В тот вечер на мне был очень красивый наряд: черная облегающая юбка из атласа и верх из белого шифона, окутывавшего в виде шали плечи и талию, открывавшего глубокое декольте и большой ярко-зеленый бант сзади. Этот туалет мне привезли из Парижа. На голове у меня была венецианская сетка из искусственных жемчужин, спадавшая на лоб и украшенная сзади белыми перьями. На шею я надела свое изумрудное кольцо, а к лифу приколола огромную бриллиантовую брошь с крупным изумрудом посередине. Одним словом, у меня были все шансы понравиться присутствующим.

В начале вечера я появилась в черном домино и маске с вуалью, чтобы меня никто не узнал. Сквозь вуаль можно было рассмотреть только мои зубы, когда я улыбалась. А улыбаться я умела.

В качестве объекта розыгрыша я выбрала Володю Лазарева, который очаровал меня своей почти мальчишеской внешностью и веселым нравом. Я примерно знала, кто он такой, и стала возбуждать его интерес к своей особе. Видя, что он уже достаточно заинтригован, я скрылась в толпе и вышла из зала. Переодевшись в вечерний туалет, я вышла в зал и подошла прямо к своему столику, чтобы продавать шампанское, делая вид, что только что приехала. К столику приблизился Володя Лазарев, не принадлежавший к кругу моих знакомых. Разумеется, он меня не узнал. Однако, когда я была в маске, он обратил внимание на мои зубы, которые виднелись сквозь вуаль, и все время повторял: «Ах, какие зубки... какие зубки». Естественно, подавая ему шампанское, я старалась не улыбаться, однако, несмотря на все усилия, не выдержала и рассмеялась, и он сразу же меня

узнал. «Какие зубки!» — закричал он во весь голос и засмеялся. С того дня мы стали большим друзьями, вместе веселились и вместе пережили революцию, вместе убежали из России, а потом снова встретились в эмиграции как старые друзья. В то время, о котором я рассказываю, он жил не в самом Петербурге и лишь время от времени приезжал в город, поэтому на подаренной ему фотографии я написала: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце рвется вдаль». Удивительно то, что Лазарев действительно меня любил, хотя и принадлежал к типу мужчин, от которых этого меньше всего можно было ожидать.

Среди моих многочисленных друзей особое место занимал Михаил Александрович Стахович. Я его очень ценила за остроумие и очаровательные манеры. В то время он был уже не молод, но всегда полон энергии. Он утверждал, что влюбился в меня, как юноша, и считал своей обязанностью каждое воскресенье приезжать в театр, если я выступала. Когда знакомые спрашивали, куда это он так спешит, он отвечал, что к вечерне, добавляя, что для него балет по воскресеньям значит то же, что и вечерняя служба в церкви. Меня забавляло, когда после ужина, устроенного по окончании спектакля, он сопровождал меня в автомобиле до дома. Я высаживала его на Троицком мосту, а он стоял и смотрел вслед удалявшейся машине. До знакомства со мной Стахович не любил балета, но после он все время ходил на балетные спектакли. Как-то раз он прислал мне на сцену цветы с запиской, в которой были первые ноты арии Зибеля из оперы «Фауст»: «Цветы, расскажите ей...»

12 декабря 1910 года на бенефисе Павла Андреевича Гердта, посвященного 50-летию его сценической деятельности, был показан балет «Синяя Борода», в котором я выступала. Мне сделали новый парик с пробором посередине. Он так всем понравился, что

меня уговорили постоянно делать такую прическу. С этого дня я стала причесываться именно так.

Вечера в моем доме были очень веселыми: ко мне приходили в гости Михаил Александрович Стахович, Василий Алексеевич Маклаков, известный адвокат и общественный деятель, Александр Александрович Мосолов, начальник канцелярии министерства Двора, а также Айседора Дункан, с которой я подружилась во время ее последнего пребывания в Петербурге. Она всегда носила греческую тунику, сколотую спереди особым аграфом в античном стиле. Я подарила ей на память очень красивый аграф от Фаберже. После ужина, немного выпив, она делалась очень веселой.

У нас всегда находились темы для разговоров, и мы по-дружески спорили о перспективах нашего искусства. Айседора Дункан была в то время в зените славы и пыталась меня убедить в том, что очень скоро на смену классическому балету придет новая школа танца, основанная на позах, позаимствованных с античных ваз и фресок.

Я ей возражала, утверждая, что ее искания, несомненно, внесли весомый вклад в развитие балета и придали ему особое очарование, однако ни она, ни ее ученицы, а тем более последовательницы, никогда не смогут овладеть нашим танцевальным искусством, тогда как наши танцовщицы, воспитанные на правилах классической школы, смогут исполнить произвольные танцы, так как обладают безупречной техникой. Я говорила, что ей удалось всех обворожить только потому, что она отдает своему делу всю душу и сердце, а также огромный талант. Однако ее последовательницы, лишённые этих достоинств, ничего не добьются и смогут что-то продемонстрировать лишь в одном, очень специфическом виде творчества, так как на большее у них не хватит солидного технического запаса.

Уж если речь зашла об Айседоре Дункан, не могу не вспомнить о знаменитой испанской танцовщице Аргентине, которая исполняла только испанские танцы. Однако, желая достичь в этом жанре совершенства, она каждое утро выполняла все классические упражнения, так как считала, что без классической основы не сможет обрести настоящего мастерства. Это лучшее доказательство моего утверждения, что только классическая школа дает артистам широкие возможности.

Айседора Дункан привела ко мне домой своих маленьких учениц, одетых, как и она сама, в розовые туники, и босоногих. Пришлось разложить на полу гостиной сукно. Они прелестно танцевали, показывая классические позы.

В последний раз я видела Айседору Дункан уже после революции в Ницце незадолго до ее трагической гибели 14 сентября 1927 года, после ее посещения большевистской России. От прежней миниатюрной, филигранной Айседоры ничего не осталось, разве что ее энергия, которая с годами только усилилась.

Зимой того года в Петербург приехала на несколько спектаклей знаменитая Сара Бернар. Кто-то сказал мне, что она хочет купить борзую, но никак не может найти, так как лучшие борзые принадлежат частным лицам и не продаются. Через знакомых мне удалось найти замечательную собаку и перед самым отъездом Бернар доставить ее на вокзал. Потом я узнала, что актриса была в восторге от собаки и даже сфотографировалась вместе с ней. Однако я не получила от нее ни слова благодарности.

Двадцатилетний юбилей

В 1911 году я торжественно отмечала двадцатилетие своей работы на императорской сцене, и по этому случаю мне дали бенефис.

Как и десятилетний юбилей в 1900 году, я решила отпраздновать это событие 13 февраля и тоже в воскресенье.

В тот знаменательный для меня день в театре присутствовал император, обе императрицы и вся царская семья.

Я была очень рада, когда через много лет получила в подарок программу того вечера, которую сама же и заказывала. На титульном листе был помещен мой портрет, что в те времена являлось новшеством. В программе были перечислены балеты, в которых я танцевала, а также имена артистов, принимавших в них участие.

Для начала я выбрала первый акт из балета «Дон-Кихот», действие которого разыгрывается на площади в Барселоне. Он почти полностью состоит из испанских танцев. Моими партнерами были: Петр Гердт в роли Гамаша, богатого дворянина, и Николай Легат в роли цирюльника Базиля.

Затем следовал третий акт балета «Пахита» в постановке Николая Легата. У меня в нем было прекрасное *ra de deux* и сольная партия на музыку А. Кадлеца, тоже в его хореографии. В *grand рах* танцевали Седова, Карсавина, Виль, Егорова, Ваганова и другие солистки.

В заключение был показан второй акт балета «Фьяметта», с которым у меня были связаны такие дорогие воспоминания. В нем я могла блеснуть и испытывала счастье при мысли о том, что меня увидит Ники. Ведущие партии были распределены следующим образом: Фьяметта — я, Амур — Карсавина, Стернгольдт, богатый молодой дворянин — Николай Легат, Марти, его слуга — Стуколин, опекун Стернгольда — Петр Гердт. Больше всего мне нравились две последние сцены: «Колыбельная» и «Застольная».

Во время первого антракта директор Императорских театров Теляковский вручил мне по случаю

юбилея «царский подарок». Это был бриллиантовый орел удлиненной формы, как во времена Николая I, в платиновой оправе и с платиновой цепочкой для ношения на шее. На обратной стороне, где обычно бывает видна оправа, все было закрыто платиновой пластинкой с выгравированным на ней изображением орла, у которого можно было рассмотреть каждое перышко. К орлу был приложен великолепный розовый сапфир, обрамленный бриллиантами. Великий князь Сергей Михайлович, который также пришел ко мне в первом антракте, рассказал, что император интересовался, надену ли я его подарок для выступления на сцене. Разумеется, я надела и танцевала с ним *ra de deux* в «Пахите».

Во время второго антракта, то есть после «Пахиты», при поднятом занавесе прошла торжественная часть юбилея, в которой принимали участие делегации артистов Императорских театров, а также артисты французской труппы.

Был поставлен длинный стол во всю сцену, на котором разложили подарки, а получила я их великое множество. За столом стояли корзины с цветами, напоминая огромный цветник.

Всех подарков я уже не помню, но некоторые запечатлелись в моей памяти.

Помимо «царского подарка» я получила:

— от Андрея — прекрасную бриллиантовую диадему с семью крупными сапфирами. Она была сделана по эскизам князя Шервашидзе, который являлся художником по костюмам балета «Дочь фараона»;

— от великого князя Сергея Михайловича — очень ценный подарок: шкатулку из красного дерева с золотыми оковками работы Фаберже. В шкатулке была целая коллекция желтых бриллиантов, от крошечных до очень крупных;

— от Животовского — большого слона из розового родонита с рубиновыми глазами, сделанного также Фаберже. К слону была приложена оправленная в золото пудреница.

Зрители подарили в складчину прелестный столик в стиле Людовика XVI, работы того же Фаберже, и чайный сервиз. Крышка стола была сделана из зеленого нефрита, а ножки — из красного дерева с серебряной отделкой. Под столом, на полочке, находилась серебряная ваза для пирожных и печенья. Кроме этого, я получила от зрителей украшенные бриллиантами часы в виде шарика на платиновой цепочке, и тоже с бриллиантами. Так как денег было собрано больше, чем стоили эти вещи, в последнюю минуту было куплено десять золотых рюмочек.

Москвичи подарили мне низкую вазу для фруктов, зеркало в серебряной раме в стиле Людовика XV, а также серебряную вазу для цветов. На дне вазы были выгравированы имена всех дарителей.

Мне кажется, что в тот день я получила от Юлии Седовой хрустальную сахарницу в серебряной оправе, также работы Фаберже. После переворота эта сахарница осталась у меня дома в Петербурге, а потом я случайно наткнулась на нее в магазине ювелирных изделий в Кисловодске. Очевидно, ее украли и продали, а потом она переходила из рук в руки, пока не дошла до Кисловодска. Когда я обратилась в милицию и заявила, что сахарница является моей собственностью, мне ее вернули, и она по сей день находится у меня в Париже.

Отчет о моем бенефисе был помещен в «Ежегоднике Императорских театров»: «Тринадцатого февраля 1911 года произошло выдающееся событие: М. Кшесинская отпраздновала 20-летний юбилей своей работы на сцене. Как представительница классического направления в искусстве танца, она не

имеет соперниц на русской сцене, настолько совершенно ее мастерство... М. Кшесинская начинала свою карьеру в то время, когда у нас восхищались искусством иностранных танцовщиц, более или менее знаменитых, таких, как Брианца, Дель'Эра, Леньяни, Замбелли и другие. Мадемуазель Кшесинская, рискнувшая выступить в тех ролях, в которых блистали иностранные танцовщицы, постепенно воцарилась на балетной сцене и проторила путь для других русских балерин. Замбелли стала последней танцовщицей, приглашенной из-за границы. Переняв от итальянской школы виртуозность, а от французской — грацию, мадемуазель Кшесинская преломила их через призму чисто славянской утонченности и добавила к ним великолепную мимику. В результате ей удалось довести до совершенства свое мастерство, которое вот уже 20 лет приводит в изумление любителей балета. И если сегодня, когда произошла переоценка балетного искусства, классические пуанты требуют защиты, то нельзя найти защитницы более горячей, преданной и действенной, чем мадемуазель Кшесинская. Программа талантливой балерины была сборной и состояла из первого акта «Дон-Кихота», третьего акта «Пахиты» и второго акта «Фьяметты». За исключением Фокина, в ней принимали участие все лучшие силы труппы».

18 февраля почитатели устроили в мою честь обед, меню которого я сохранила — как и фотографии всех присутствовавших с указанием их фамилий.

Когда я весной того же года была в Монте-Карло, ко мне приехал Мордкин, чтобы пригласить на совместное выступление в Лондоне во время летнего сезона. Сначала он должен был танцевать с Павловой, но потом они повздорили. Тогда я ему не дала окончательного ответа. Я решила подумать, съездить

в Лондон и уже там принять решение. Оказалось, что предложение Мордкина исходило не от дирекции театра, а лично от него, так как у него было оговорено право выбора партнерши. В связи с этим я могла поступить бестактно по отношению к Павловой и ответила отказом. В то же время Мордкин получил приглашение из Парижа от барона Генри Ротшильда, который предлагал выступить у него в доме. Мордкин ответил, что может приехать со мной, на что Ротшильд согласился и попросил меня назвать сумму гонорара. От гонорара я отказалась. Барон сердечно меня поблагодарил и попросил нас танцевать в его резиденции. Но в результате у меня не хватило времени, нужно было спешить домой, и до выступления дело так и не дошло.

Летом того же года на одном из спектаклей в Красном Селе я с двумя партнерами исполняла «Русскую» в постановке Клавдии Куличевской. В основу танца легли народные мотивы. Сначала я выходила под звуки «По улице мостовой...». Затем в такт мелодии «Подождите, девушки пригожие» на сцену выходил первый партнер — богатый, но некрасивый купец. Под звуки песни «Ой, полным-полна моя коробушка» появлялся второй партнер, изображавший красивого, но бедного парня. Потом мы втроем разыгрывали сцену, в которой богатый купец предлагал мне колечко, а бедный парень — свое сердце. Сцена заканчивалась стилизованным народным танцем «Камаринская». Первым партнером был Стуколин, а вторым — Орлов.

Мой костюм был сделан по эскизам Соломки, большого знатока народного искусства, и получился очень удачным. Триумф «Русской» был несомненным, и зал сотрясался от аплодисментов. Это был исключительный случай, так как в присутствии императора публика, состоявшая в основном из воен-

ных, вела себя очень сдержанно, и вызвать бурную овацию было очень нелегко.

При выходе на сцену мое сердце было готово вырваться из груди. В успехе я не сомневалась и искренне радовалась тому, что буду танцевать в присутствии императора. А когда после «Русской» меня стали вызывать на «бис», счастью моему не было предела.

После спектакля Ники, отъезжая от театра, нё сводил глаз с окна моей артистической уборной, у которого я стояла, как и двадцать лет назад, когда была молоденькой девушкой, а он — наследником престола...

Мой хороший друг Иван Орлов подошел потом к окну и, радуясь всеобщему признанию, сказал: «Браво, Малечка! (На правах давнего приятеля он имел право так ко мне обращаться.) Молодец! Такой успех в присутствии самого императора! Это что-нибудь да значит. Браво!»

Старый друг нашей семьи, барон Готш, который приезжал к моим родителям, когда я была еще ребенком, лето всегда проводил в Петергофе и время от времени давал великолепные обеды. Он умел их организовывать, и ему это всегда удавалось. Однажды он пригласил меня на обед, и мы с Ниной Нестеровской решили сыграть с гостями шутку. Переодевшись матросами, мы спрятали волосы под шапки и стали ждать приезда гостей в комнате наверху. Мы договорились, что когда все соберутся, Готш крикнет: «Эй, вы там — Петя, Ваня, куда вы все подевались? Все вас ждут!» Веселые и смеющиеся, мы сбегали вниз, одетые в матросскую форму, что произвело на всех огромное впечатление, особенно на господ, испытывавших склонность к мальчикам. А таких среди гостей было немало.

День моего рождения в Стрельне

В день своего рождения, 19 августа, я почти всегда устраивала у себя на даче пышные приемы. Этот день напоминал мне о счастливом детстве, проведенном в имении родителей, окружавших меня любовью и нежностью. Мне хотелось, чтобы и другие радовались в мой праздник, поэтому я старалась сделать его приятным для всех.

Однажды в этот день у меня собрались мои любимые артисты балета, мы все переоделись в маскарадные костюмы и под музыку разыгрывали различные сценки. Разумеется, все было заранее отрепетировано. Тогда же ко мне приехали великие князья Кирилл и Борис.

Но самым удачным стал день рождения в 1911 году. Тогда было много сюрпризов и развлечений.

В связи с этим событием я заказала огромную афишу, наподобие тех, что развешивают летом по случаю различных торжеств, чтобы привлечь внимание публики. На афише крупными буквами было написано, что на торжестве любезно согласились выступить танцовщицы Императорских театров: Павлова, Кшесинская, Преображенская и Гельцер. После представления, как сообщалось, будет дан ужин в ресторане «У Фелисьена», затем последует великолепный фейерверк от Серебрякова. По окончании торжеств на станцию Стрельна подадут специальный поезд для гостей, желающих вернуться в Петербург. В самом низу крупными буквами было написано, что продавать шампанское любезно согласилась мадемуазель Бакеркина. За два дня до торжества эти афиши были развешаны по моему саду.

Из всей программы только два пункта соответствовали действительности: фейерверк от Серебрякова и специальный поезд. Все остальное было шуткой.

Сцену мы устроили на балконе, а вместо боковых кулис поставили садовые растения. На заднем плане специально для этого случая была нарисована декорация. Все было сделано как полагается: освещенная электричеством рампа и, конечно же, занавес. Артисты выходили на сцену через окно моей спальни. Со всем этим было много хлопот и суеты. Готовиться пришлось тоже очень долго.

Кшесинскую, то есть меня, играл барон фон Готш. Он танцевал мою «Русскую» в женском сарафане и великолепно мне подражал. Этот номер мы отрепетировали с ним в совершенстве. Барон так вошел в роль, что весь день пролежал на диване в дамском шлафроке и ел бутерброды с икрой.

Павлову в «Жизели» представлял Миша Александров, который так же, как и она, порхал по всей сцене. Одетый в тюник, он был бесподобен.

В роли Преображенской появился все тот же барон Готш, исполнивший сольную партию в ее стиле, пародируя все жесты, характерные для этой балерины. Эта роль ему тоже удалась на славу.

Катей Гельцер была Нина Нестеровская, выступившая с вариациями из балета «Дон-Кихот». Она в течение всего дня попивала коньячок, объясняя всем, что делает это «для куража», и, похоже, немного перебрала.

Последний номер показали Клавдия Куличевская и Неслуховская, а их партнером был офицер лейб-гвардии кавалерийского полка Воеводский.

Бакеркину, торгующую шампанским, изображала я.

В тот вечер ужин подали под открытым небом, на дамбе, у самого берега моря. Поэтому его и называли «У Фелисьена» по аналогии со знаменитым рестораном. Дорожка от дома до дамбы была освещена фонарями, а на столиках стояли специальные садовые фонарики и свечи.

Однако вся программа едва не была сорвана из-за торжественного обеда, неожиданно устроенного в Петергофе по случаю приезда сербского царя Петра I. Этот визит был связан с бракосочетанием князя Ивана Константиновича и сербской принцессы Елены, которое должно было состояться через несколько дней. На этом обеде должны были присутствовать все великие князья: Борис и Андрей Владимировичи, Дмитрий Павлович, Сергей Михайлович, а также князь Гавриил Константинович.

На мое счастье, обед не продлился долго, и все приехали ко мне лишь с небольшим опозданием, что нисколько не нарушило планов на вечер.

Как обычно бывало на даче, я встречала гостей в летнем платье. Однако когда все съехались, я побежала наверх под предлогом желания в последний раз все проверить. Я быстро переоделась в вечерний туалет, приколов, где только можно, всевозможные брошки. Именно так делала Бакеркина. Одну побрякушку я, конечно же, повесила на лоб. Затем быстро надела перчатки до локтей, спустилась вниз и села за столик, стоявший рядом с дверью на балкон, где находилась сцена. Как только я уселась, гостей пригласили в «театр» на представление. Впереди процессии шел великий князь Борис Владимирович. Подражая манерам и голосу Бакеркиной, я вручила ему программу вечера. Великий князь, прекрасно знавший Бакеркину, сразу же понял, кого я изображаю, и рассмеялся во весь голос, что сразу же придавало нашему мероприятию шуточный настрой. Когда все заняли места, Борис Владимирович стал топтать ногами и кричать: «Занавес! Занавес!» Так делает парижская публика, когда спектакль задерживается.

После представления все отправились на ужин, поданный «У Фелисьена», то есть на дамбе. Ужин удался на славу, а великолепная панорама только усиливала очарование: с одной стороны виднелись огни

Петербурга, с другой — Кронштадта, а напротив светился ночной Лахти.

В заключение, как и говорилось в афише, состоялся фейерверк от Серебрякова.

Празднество продолжалось до самого утра, а на рассвете специальный поезд отвез домой гостей, приехавших из города. Между прочим, мне это обошлось всего в 55 рублей.

Киевская трагедия

Вскоре после моего дня рождения, 27 августа, Андрей поехал со своим полком в Киев, на большие маи евры.

По этому случаю в Киев прибыли председатель Совета министров Петр Столыпин и министр финансов граф Владимир Коковцев, а также значительная часть императорской свиты. Первые дни прошли на маневрах, проводившихся недалеко от города, а также были посвящены осмотру достопримечательностей. На 3 сентября было запланировано гала-представление в городском театре. Утром из полиции поступили тревожные сведения о том, что в Киев приехали террористы и возникла опасность попытки покушения, если их до этого не удастся арестовать. Однако все усилия полиции оказались тщетными, и среди охраны императора нарастало беспокойство. Самые серьезные опасения у полиции вызывал переезд императора от дворца до театра, так как все знали, по какой дороге он проследует. Однако все обошлось благополучно. Во время второго антракта императору подали чай в маленькой комнате рядом с ложей. Императрица в театр не приехала, и на представлении присутствовали только старшие великие князья. Вдруг в зале раздался страшный грохот, а за ним — громкие крики. Не понимая, что происходит, император спросил: «Может, обвалилась ложа?»

Никто не понял причины переполоха. Однако когда все бросились к царской ложе, то увидели, что рядом с ней, в первом ряду партера, стоит, выпрямившись, Столыпин, одетый в белый летний сюртук, и прижимает к груди руку, а между пальцами струится кровь. При виде государя Столыпин поднял руку, жестом прося его покинуть ложу, а затем перекрестился. Стоявшие рядом люди окружили Столыпина, чтобы поддержать его, так как он слабел на глазах. Его лицо стало мертвенно-бледным, и через мгновение он упал в кресло. Потом, как рассказывал Андрей, было трудно понять, что происходит. Все кричали, а некоторые куда-то бежали. Офицеры с обнаженными пашками за кем-то гнались и, нагнав у выхода, пытались зарубить.

Как оказалось, схватили и сильно потрепали Богрова, убийцу Столыпина. Это он сообщил полиции о приезде террористов в Киев. До недавнего времени он был полицейским агентом, но его уволили, а перед торжествами в Киеве снова взяли «на работу». Полиция сбилась с ног в поисках террористов, не подозревая, что один из них находится в ее рядах. Богров попросил впустить его в театр под предлогом того, что он знает, как выглядят преступники, и обещает, что если кто-то из них появится, то будет немедленно сдан полиции. Ему дали пройти в зал и не обращали на него внимания. Спокойно, без всяких помех, он подошел к Столыпину и выстрелил в него в упор, а потом так же спокойно направился к выходу, где и был схвачен.

Столыпина отвезли в частную клинику, где врачи, осмотрев рану, стали бороться за его жизнь. Через пять дней, 8 (21) сентября, Столыпин умер.

Весть о покушении на Столыпина дошла да Петербурга на следующий день утром. Я невольно стала размышлять о фатальном невезении, преследовавшем моего бедного Ники. Удары обрушивались на

него один за другим. Он рано потерял отца, а его свадьба состоялась в дни траура. Коронация была омрачена трагедией на Ходыньском поле. Потом он потерял своего лучшего министра иностранных дел графа Лобанова-Ростовского, который умер вскоре после назначения. И вот теперь он потерял лучшего из министров, который подавил революцию 1905 года. Тогда нам и в голову не приходило, что самого государя ждет страшная участь.

Когда вспыхнула революция 1917 года, многие считали, что если бы был жив Столыпин, он, возможно, сумел бы ее остановить.

30. ЛОНДОНСКИЙ СЕЗОН. ОКТАБРЬ—НОЯБРЬ 1911 ГОДА

Через два года после нашей размолвки Дягилев, по-видимому, пришел к выводу, что для него гораздо лучше и выгоднее помириться со мной, нежели продолжать никому не нужный спор. Он решил восстановить нашу давнишнюю дружбу.

Примирение состоялось в 1911 году. Дягилев предложил выступить у него в Лондоне, в театре «Ковент-Гарден», а в 1912 году — в Вене, Будапеште и Монте-Карло.

Арнольд Гаскелл, беспристрастный наблюдатель и летописец истории балета, дает следующую оценку случившемуся:

«Наконец-то Кшесинская и Дягилев, две самые выдающиеся индивидуальности в России, помирились. Между ними часто происходили стычки, временами они были союзниками, а порой — непримиримыми

врагами. И все же они уважали друг друга и имели одну общую черту: оба были незлопамятными. В 1925 году Дягилев представил меня ей со словами: «Вот достойный меня противник». Эта фраза в полной мере отражает суть их отношений. Кшесинская была в России всемогущей и могла получить в Мариинском театре все, чего хотела. И все же многие авторы, дав волю своей фантазии, написали о ней столько ерунды, сколько ни о ком другом. Ей приписывались все скандалы, происходившие в то время, а она не прилагала никаких усилий, чтобы опровергнуть эти слухи. Отличительной чертой этой женщины было удивительное обаяние, остроумие и ум. По натуре непредсказуемая, она имела характер воина, но на сцене и нужно быть воином. Самым большим ее недостатком было то, что она всегда выходила из схватки победителем. Если раньше они и были с Дягилевым на ножах, то сейчас от их прежней вражды не осталось и следа».

Мы условились с Дягилевым, что я буду танцевать в Лондоне «Карнавал», два акта «Лебединого озера», а также *ра де деу* из «Спящей красавицы». Моим партнером должен был выступить Вацлав Нижинский.

Со мной в Лондон поехал мой сын с гувернанткой-англичанкой мисс Митчелл и доктором Милком, так как Вова обычно заболел во время дороги; нас также сопровождал мой старый друг Готш, а еще горничная и костюмерша. Вместе с нами был и Андрей.

На Варшавском вокзале я, как всегда, в последнюю минуту обнаружила, что забыла сумочку со всеми ключами от багажа. Я сразу же послала домой машину и попросила начальника вокзала задержать отправление поезда, на что тот любезно согласился. Десять минут прошли, а машина все еще не вернулась. Ждать дольше было нельзя, так как начальник

станции опасался, что дальнейшая задержка нарушит весь график движения поездов. Мы не дождались приезда машины, и я уехала без ключей.

У нас были прямые билеты до Лондона. В своем вагоне мы доезжали до Кале, а оттуда должны были проследовать пароходом до Дувра и оттуда отправиться в Лондон. Однако в Германии нам сообщили, что где-то по дороге в Кале произошло крушение, и поезд простоят до тех пор, пока не будет отремонтирован путь. Узнав, что нам нужно в Лондон к назначенному сроку, железнодорожники предложили отправить наш вагон в Остенде, а оттуда можно было добраться до Дувра. Все пассажиры согласились, и нас отправили в Остенде, куда мы прибыли вечером. Пароход отходил около полуночи, и нужно было ждать целых четыре часа. Мы решили пойти в ближайшую гостиницу, пообедать и немного отдохнуть вместо того, чтобы сидеть на холодном и темном вокзале.

Казалось, что в то время года жизнь в Остенде замерла: все лучшие отели были закрыты, погода стояла ужасная, а с моря дул штормовой ветер, и дождь лил, как из ведра. Нам пришлось добираться до гостиницы пешком, по полутемным улицам. Мы шли гуськом, а порывистый ветер сбивал нас с ног, особенно когда дорога проходила по берегу моря. Хватаясь за фонарные столбы, мы пытались удержаться на ногах. Бедный Готш, страшно боявшийся волн, все время испуганно спрашивал, сможет ли корабль в таких условиях выйти в море. И действительно, на палубу было страшно ступить, но я не могла перенести отъезд, так как на следующий день должна была оказаться в Лондоне. Несмотря на шторм, корабль отошел от причала. Чтобы немного отдохнуть, я прилегла в каюте. Вову уложили спать, и мы не обращали внимания на качку, хотя потом нам сказали, что она

была очень сильной. Несчастный Готш терпел адские муки. Андрей уговорил его пойти в ресторан что-нибудь перекусить и запить красным вином. Но через минуту Готш встал из-за стола и исчез. Потом Андрей нашел его на верхней палубе. Одетый в пижаму, он сидел в кресле, а матрос пытался привести его в чувство, обрызгивая водой из ведра. Зрелище было презабавное, но только не для бедняги Готша.

В Лондоне во время таможенного досмотра у меня попросили ключи от багажа. Я объяснила таможеннику, что забыла ключи в России, но за ними уже послали, и они должны вот-вот прибыть. Все шло к тому, чтобы оставить багаж в камере хранения на таможне и ждать, пока привезут ключи, но меня это не устраивало, так как под угрозой срыва оказывалось выступление у Дягилева. Можно было, конечно, взломать замки на сундуках, но такой вариант мне тоже не нравился. Таможенники спросили, что я везу. Я представилась и сказала, что меня, солистку русского Императорского театра, Дягилев пригласил танцевать в театре «Ковент-Гарден», в чем можно было убедиться, взглянув на расклеенные по всему городу афиши. Мое имя было написано огромными буквами. Я также сообщила, что в сундуках находятся костюмы и все необходимое для выступления и что там нет ничего запретного — ни сигарет, ни спиртного. Таможенники отошли в сторону и стали совещаться между собой. Затем один из них сделал мелом пометку, означавшую, что мой багаж прошел досмотр. Я была тронута такой любезностью и доверием.

В Лондоне мы все остановились в отеле «Савой», где жили Дягилев и Нижинский. Вову поместили в большую комнату рядом с моей спальней, за его комнатой находилась моя гостиная, а за ней — апартаменты Андрея и салон.

Доктор Милк сопровождал Вову до Лондона, но через два-три дня ему нужно было вернуться в Россию. Разумеется, как только он уехал, Вова сильно простудился, и первое время мы не знали, что делать. Великий князь Михаил Михайлович, к которому Андрей обратился за советом, порекомендовал своего детского врача и обещал нам позвонить ему и попросить осмотреть Вову. Доктор оказался симпатичным человеком и очень знающим специалистом. Выписав Вове необходимое лекарство, он стал часто его навещать и следить за ходом болезни. Он посоветовал нанять сиделку, которая бы присматривала за Вовой и выполняла предписания врача. Присланная доктором сиделка блестяще справлялась со своими обязанностями и прекрасно ухаживала за Вовой. Но однажды она меня не на шутку перепугала, когда настежь раскрыла окно в комнате Вовы, не обращая внимания на его болезнь. Видя мое беспокойство, она объяснила, что это совсем не опасно. Наоборот, она стала убеждать меня в том, что вылечить простуду можно только открывая окна при любой погоде. Она оказалась права. С тех пор Вова перестал простужаться.

Лондонская жизнь сразу покорила меня своей элегантностью: дамы всегда приходили на обед в вечерних туалетах, а мужчины — во фраках. Даже Вова считал, что должен переодеться к обеду. За неимением фрака он подвешивал сзади салфетку, которая, по его мнению, заменяла полы фрака, и в таком виде садился за стол. Чтобы доставить ему удовольствие, я заказала детский фрак, который он потом с гордостью надевал перед выходом к столу.

Дягилев посоветовал мне выступить на первом представлении с Вацлавом Нижинским в *ra de deux* из «Спящей красавицы». Я его очень любила, но для

первого появления в незнакомом городе, перед новой публикой предпочла бы для себя что-нибудь более эффектное. Однако, в конце концов, я пришла к выводу, что Дягилев лучше знает Лондон, и согласилась с ним. Он сам выбрал для меня очень красивый костюм бледно-голубого цвета с сиреневым оттенком, а потом мы вместе решили, какие надеть украшения.

Перед отъездом в Лондон мой большой друг Агтон Фаберже, сын знаменитого ювелира, посоветовал мне не брать драгоценности с собой в дорогу, а доверить перевозку его фирме, которая доставит их в свой лондонский магазин, где они будут храниться до моего приезда. В таком случае фирма полностью за все отвечала. Так я и поступила. Были составлены два экземпляра списка, один для меня, а второй — для фирмы Фаберже. По приезде в Лондон я договорилась с Фаберже, что драгоценности останутся на хранении в его магазине, а я буду накануне, чтобы никто не подслушал, сообщать номера украшений, которые мне понадобятся вечером. В назначенный час являлся специальный агент от Фаберже и приносил необходимые украшения в мою театральную уборную, где и оставался, охраняя их до конца спектакля, так как в это время все находились на сцене и для воровства было самое подходящее время. После представления агент увозил все в магазин и клал в сейф. В отеле «Савой» дирекция в первый же день предупредила меня, что не может гарантировать сохранность драгоценностей — и тех, что были со мной, и остававшихся в номере. Меня попросили сдавать их дирекции, которая для этих целей держала сейф.

Как-то раз, собираясь на обед, который давали в отеле, я надела очень дорогую диадему, доставленную агентом от Фаберже. Вероятно, он предупредил об этом администрацию отеля, так как перед самым обедом ко мне подошел директор и заявил,

что опасается за сохранность диадемы, а поэтому принял соответствующие меры: двое полицейских, одетых во фраки, будут сидеть за соседним столиком и охранять меня, чему я не должна удивляться. И действительно, весь вечер двое элегантных англичан ходили за мной по пятам, но делали это так незаметно, что непосвященный не смог бы отличить их от остальных гостей.

Мое первое выступление прошло успешно, но не так, как я мечтала. Скорее, это была дань прима-балерине Императорского театра. Дягилев пытался убедить меня в том, что успех был огромным, но я осталась при своем мнении.

В сложившейся ситуации я хотела вставить во вторую картину «Лебединого озера», в сцену бала, свою классическую вариацию на музыку Кадлеца. Я была уверена, что она даст мне возможность предстать перед публикой в надлежащем виде и завоевать заслуженное и настоящее признание. Дягилев был полностью со мной согласен. В Лондоне он не показывал всего «Лебединого озера», а взял только две картины из этого балета — сцену с лебедями и сцену бала. В сцене с лебедями, в адажио, есть соло на скрипке — так же, как и в моих вариациях. В России, в Мариинском театре, оба соло всегда исполнял знаменитый скрипач Ауэр, профессор Консерватории. Мне очень хотелось, чтобы во время моего первого выступления в Лондоне адажио и соло на балу исполнял хороший скрипач.

На мое счастье, в то время в Лондоне гастролировал русский скрипач Миша Эльман, ученик профессора Ауэра. Он тогда был в зените славы. Я подала Дягилеву мысль пригласить Мишу Эльмана на мое первое выступление. Дягилев пришел в восторг и сразу же начал с ним переговоры, а я взяла на себя все связанные с этим расходы.

Миша Эльман сразу же согласился сыграть для меня, хотя в тот день давал концерт в Альберт-Холле.

Адажио мы репетировали вместе со всеми в театре, а мою сольную партию — у меня в отеле. Нужно было отработать ее до мельчайших деталей. Мише Эльману пришлось изучить все мои движения, чтобы он ориентировался на меня, а не я на него. Для такого великолепного музыканта, как он, именно в этом и заключалась основная трудность. Ему пришлось играть не так, как он хотел, а так, как я танцую. Естественно, Миша Эльман очень нервничал во время репетиций. Как-то раз Андрей обратился к нему со словами: «Наверное, с точки зрения техники такая музыка для вас суший пустяк, правда?» На что Миша ответил: «Мне было бы легче сыграть действительно сложную вещь. Ведь я должен следить за каждым ее движением и за темпом, чтобы не подвести балерину, которая танцует под аккомпанемент моей скрипки».

В день спектакля Миша Эльман сумел договориться о том, чтобы антракт в его концерте совпал с моим выступлением. Он приехал на такси, а затем успел на свое второе отделение. Это был редкий случай, когда артист выступал в один вечер в двух разных местах.

Танцевать под звуки такой изумительной скрипки было настоящим наслаждением. Правда, Миша Эльман впервые аккомпанировал танцовщице, однако сделал он это виртуозно, не хуже своего учителя Ауэра. Адажио в сцене с лебедями было великолепным и вызвало овацию, а сольная партия под аккомпанемент принесла мне настоящий триумф, о котором я мечтала и на который рассчитывала, желая покорить лондонскую публику и укрепить свою репутацию. Зал неистово рукоплескал, и я была счастлива.

Однако все это имело непредвиденные последствия и доставило Дягилеву несколько неприятных минут. Оказалось, что мой успех задел самолюбие Нижинского, который даже не допускал мысли о том, что во время представления, где участвовал он, кто еще мог стяжать себе лавры. Он устроил Дягилеву сцену ревности и пригрозил, что не станет больше со мной выступать. Говорили даже, что он в гневе разорвал на себе костюм. Но у Дягилева был редкий дар не только провоцировать скандалы, но и улаживать конфликты куда более серьезные, чем в данном случае. Ко всеобщему удовольствию, это дело затихло. Одна русская артистка, входившая в состав группы и выделявшаяся в Петербурге лишь тем, что страшно мне докучала, хотя я всегда относилась к ней доброжелательно, заявила, что я заслужила аплодисменты лишь потому, что мне аккомпанирует Миша Эльман. Однако когда на следующем спектакле я танцевала уже без Эльмана и снова с огромным успехом, ей пришлось замолчать.

Во всех книгах, описывающих мое лондонское выступление с Мишей Эльманом, появились домыслы: считали, что та пара минут, в течение которых звучала его скрипка, обошлась мне очень дорого и что он заломил невероятно высокую цену. Однако фактически мне это ничего не стоило, кроме небольшого подарка. Он не взял за свое выступление ни копейки, но, воспользовавшись случаем, попросил Андрея помочь ему с организацией концертов в Москве и Петербурге. Миша учился в Консерватории в Санкт-Петербурге в классе профессора Ауэра. Он родился в России и был российским подданным, но после выезда за границу не имел права вернуться на родину без особого разрешения министерства внутренних дел. В то время еврею получить такое разрешение было просто невысказано. Андрей обе-

щал ему свое покровительство сразу по возвращении в Россию. В результате стараний Андрея и переговоров, которые он вел в разных инстанциях, Миша, в конце концов, разрешение получил, но хлопот с этим было много. Миша с успехом выступил в Дворянском собрании, где он и его учитель Ауэр дали великолепный концерт. Вместе они представляли собой очень трогательное зрелище.

Как-то раз, когда не было репетиций, мы с Дягилевым решили осмотреть резиденцию английских королей — Виндзорский замок, один из самых интересных исторических памятников в Англии. Разумеется, к нам сразу же присоединились Нижинский и ведущие солисты труппы. Сколько нас было и кто присутствовал, я уже не помню. Однако когда мы собрались на перроне, начальник станции заявил, что мы не поместимся в поезде, и предложил прицепить дополнительный вагон для всей нашей компании. Приехав в Виндзор, мы отыскивали несколько шарабанов и отправились в город и парк. Напоследок нам захотелось осмотреть дворец, но оказалось, что он закрыт для посетителей. Мы позавтракали в маленькой гостинице, окна которой выходили на узенькую улочку напротив дворца. В его окнах можно было рассмотреть гвардейцев в красных мундирах. Вдруг начался дождь, и они подставили под его струи свои головы в меховых шапках — как нам потом объяснили, чтобы освежиться. Наши прелестные танцовщицы не упустили случая пококетничать и стали посылать гвардейцам воздушные поцелуи, чем доставили им большое удовольствие.

Мы с Андреем устроили завтрак для всей труппы в наших апартаментах в отеле «Савой». В отеле был русский повар, и мы решили заказать наши национальные блюда, начиная с блинов с икрой, по которым мы, живя за границей, очень соскучились.

Разумеется, была и водка, без которой блины потеряли бы всю свою прелесть. Завтрак удался, и все были сыты и довольны.

Потом мы устроили обед для Дягилева, Нижинского, Бакста, Бенуа и нескольких солистов балета. Мы также пригласили знаменитого музыканта и композитора Рейнальда Хана. Обед прошел в общем зале, дамы явились в вечерних туалетах, а мужчины — во фраках, как и положено. В то время обеды в «Савое» считались очень изысканными, здесь собирался высший свет Лондона, дамы были в великолепных платьях с дорогими украшениями.

По давно сложившейся традиции рестораны в Англии закрываются в двенадцать ночи, а ровно за полчаса до этого гасят свет, предупреждая гостей, что скоро нужно покинуть помещение. Иногда разрешалось остаться в ресторане после полуночи, но в этом случае со столиков убирались рюмки с вином. Метрдотель подошел ко мне и предложил, если мы пожелаем, перенести ужин в отдельный салон, где можно продолжить нашу беседу, а самое главное, пить хоть до утра. При этом он мне объяснил, что как гости отеля мы имеем право снять для себя салон, а уж в нем можно чувствовать себя как дома. Последовав его совету, мы около полуночи перешли в салон, куда принесли все бутылки с шампанским, и мы пиروвали до самого утра.

Я стала просить Рейнальда Хана что-нибудь нам спеть. Он великолепно подражал всем инструментам и голосам и исполнял самые разные песни. Однако под каким-то предлогом он решительно отказался. Сидевший рядом со мной Дягилев шепнул, что причина отказа совсем не та, которую назвал Хан. Все дело в том, что он не любит петь, если в комнате находится несимпатичный ему человек. О ком шла речь на сей раз, мы не могли догадаться, и Дягилев посоветовал не настаивать и подождать. Через ка-

кое-то время некоторые гости стали прощаться, и после отъезда одной пары Рейнальд Хан заметно оживился и уже без просьбы уселся за рояль и запел. А делал он это бесподобно. Этот вечер был одним из самых удачных, так как на него собрались очень приятные и талантливые люди.

Я покидала Лондон с чувством полного удовлетворения. Я добилась здесь настоящего признания, к моей великой радости, отношения с Дягилевым снова складывались как нельзя лучше, и впереди меня ждали выступления в Вене и Будапеште, а весной и в Монте-Карло. Таким представлялось мне ближайшее будущее.

31. ГОДЫ 1911—1912

После окончания сезона в Лондоне я вернулась домой, в Петербург, чтобы отпраздновать здесь Рождество и Новый год, а также подготовиться к выступлениям.

В том сезоне в Александринском театре был чей-то бенефис, и меня включили в составе делегации, вручавшей бенефициантке венок и поздравительный адрес от имени балетной труппы. Я тщательно продумала свой туалет, так как торжественная часть проходила при поднятом занавесе. Я выбрала белое платье с воротом под горло, которое очень мне шло, а на шею надела свои великолепные сапфиры. Разумеется, выглядела я весьма элегантно. Император и вся царская семья присутствовали в тот вечер в театре. После спектакля государь подошел к великому князю Сергею Михайловичу и сказал: «Сегодня Маля

была чертовски хороша». Я любила Андрея, но в тот вечер после слов Его Величества прошлое вновь ожило в моей душе, и, предавшись воспоминаниям, я снова переживала минуты ушедшего счастья и боли. Так бывало всегда, когда он оказывал мне знаки внимания.

12 января 1912 года на прощальном бенефисе Медеи Фигнер в честь 25-летия ее работы на императорской сцене в театре давали оперу «Кармен». Медея Фигнер попросила, чтобы я выступила в испанских танцах. Мы были в очень хороших отношениях, и я не хотела ей отказывать. Однако такой шаг был очень рискованным. Правда, в молодые годы я исполняла испанские танцы с большим успехом, но, честно говоря, нас учили не настоящим испанским танцам, а их балетной стилизации. Михаил Фокин ввел в балет испанский танец, гораздо более приближенный к подлинно народному. Борис Романов, в совершенстве овладевший искусством испанского танца, уговорил меня дать согласие и обещал подготовить к участию в спектакле. Мы стали интенсивно работать. Дирекция пожелала, чтобы у меня по этому случаю был новый костюм, который заказали у Головина. Он сделал эскизы, по которым были переделаны костюмы к этой опере. Новый костюм мне принесли на примерку за день до выступления. Он был сшит из великолепной парчи и богато украшен, но совершенно не подходил для меня. Выглядела я в нем просто безобразно. Головин переусердствовал и совсем не принял во внимание ни мой рост, ни фигуру, а главное, специфические движения танца, который я должна была исполнять. Я была в полном отчаянии. Мне не хотелось обидеть директора, который приказал сшить новый костюм, и Головина, который его моделировал. Отчаяние мое достигло предела, когда я узнала, что в тот день в театре ожидали

приезда государя. Мысль о том, что мне придется выступать перед ним в таком виде, приводила меня в ужас. Я была готова пойти на что угодно, только бы не выходить в этом уродливом костюме, и молила Бога, чтобы он сотворил чудо, так как только оно могло меня спасти. И чудо свершилось. Выйдя из своей уборной в коридор, я вдруг увидела одну из наших артисток балета, Нину Неслуховскую, одетую в изумительное ярко-зеленое испанское платье с широкой юбкой, отделанной черными кружевами, и таким же лифом с большим декольте, к которому был приколот красный цветок. Такой же цветок украшал и прическу. Она должна была танцевать на заднем плане. Я бросилась к ней, умоляя уступить свой костюм в обмен на мой. Нина Неслуховская бывала у меня в Стрельне и участвовала в моих праздниках. Отношения у нас были очень хорошие. Она сразу же согласилась, а я тут же бросилась на поиски Головина, чтобы он дал согласие на замену костюма, мотивируя это тем, что мое облачение мешает движениям из-за слишком длинных рукавов и тяжелых украшений. Он не возражал, и я побежала переодеваться, а Неслуховская была в восторге от того, что сможет выступить в моем, таком внешне эффектном костюме. Счастливая и довольная, я выбежала на сцену. Теперь я чувствовала себя свободно и могла танцевать так, как мне хотелось. Успех был огромный, а Бориса Романова я привела в полный восторг. Впоследствии в опере «Пророк», которую давали в бенефис хора или оркестра (я уже точно не помню), он предусмотрел для меня театральные вставные номера. Всю сольную партию я танцевала на пальцах, с муфтой в руке, как ходят в холода, и добилась большого успеха.

Как-то зимой мы с двумя подругами, Анной Николаевной Остроградской и Луизой Александровной

Лихачевой, по сцене Борхардт, решили пригласить своих партнеров на ужин в ресторан «У Кубата», чтобы отблагодарить их за все обеды, что они для нас устраивали. Каждая должна была пригласить трех мужчин, чтобы за столом было двенадцать человек. Ужин заказали в отдельном кабинете.

В тот же вечер я выступала в театре Консерватории в роли Фенеллии в опере «Немая из Портики», поставленной по инициативе частного лица. Я делала это с согласия дирекции за очень высокий гонорар. Во время одного из антрактов ко мне в уборную пришел великий князь Дмитрий Павлович и спросил о моих планах после спектакля. Я рассказала об ужине, на который мы, дамы, пригласили своих партнеров. Дмитрий Павлович, конечно же, тоже захотел получить приглашение. Что же мне оставалось делать? Нас было ровно двенадцать человек, а с ним становилось уже тринадцать. Многие не любят это число, но отказывать ему я не хотела, тем более что его общество было всем приятно. Нужно было срочно пригласить еще одного человека, но найти кого-нибудь, кто не обиделся бы на столь запоздалый призыв, оказалось не так-то легко. В конце концов, мой выбор пал на молодого и симпатичного офицера Дейча, которого наше предложение наверняка обрадовало бы. Великий князь, который видел Дейча в театре, взял на себя заботу передать ему приглашение. Вот так нас и собралось 14 человек. Меню было оговорено заранее, а выбор вин мы предоставили приглашенным господам.

Костя Молостов, самый решительный из гостей, попросил карту вин и поинтересовался у официанта их ценами, поясняя окружающим, что раз уж платить не ему, то нужно воспользоваться случаем и заказать самые дорогие напитки. Ужин прошел великолепно, тем более что сама идея была очень оригинальной: ведь все расходы взяли на себя дамы!

Я редко соглашалась на выступления в частных домах, а если и решалась, то лишь в тех случаях, когда иначе поступить было нельзя и когда вечер отвечал моим вкусам. Насколько я помню, за всю мою театральную карьеру таких выступлений было только три. Если бы я принимала подобные предложения, то от приглашений не было бы отбоя, а отказ стал бы поводом для обиды. Здесь нужно было действовать очень продуманно и осмотрительно.

Однажды я танцевала в доме хороших знакомых, уже не помню, у кого именно. Вместе с братом и Орловым мы с большим успехом исполнили танец апашей.

В другой раз я принимала участие в вечере, устроенном Анной Николаевной Остроградской, муж которой был депутатом Государственной Думы от партии октябристов. Они жили на Стремянной улице в доме № 13 и устраивали замечательные приемы, всегда подбирая хорошую компанию. Анну Николаевну я очень ценила за веселый нрав, ум и особый шарм. Она всегда была душой общества и умела создать нужное настроение и развлечь гостей. Желая сделать ей приятный сюрприз, я решила станцевать на одном из приемов «Русскую» вместе с двумя своими партнерами. Мы договорились, что они приедут к Остроградским и будут меня ждать, запершись в комнате, а я появлюсь в вечернем платье, чтобы Анна Николаевна ничего не заподозрила. В разгар вечера я незаметно выскользнула из гостиной и быстро переоделась, когда все было готово. Один из приглашенных, мой хороший знакомый, попросил гостей освободить место посреди гостиной. Потом вбежала я с партнерами, и мы исполнили «Русскую», чего не ожидали ни гости, ни хозяйка. Такое проявление симпатии растрогало Анну Николаевну до слез.

В третий раз я танцевала у Николая Павловича Карабчевского, известного адвоката, занимавшегося

уголовными делами. Кроме того, Карабчевский был литератором и музыкантом. Как-то раз он сочинил небольшую музыкальную поэму, содержание которой должна была передать балерина под аккомпанемент женского вокального трио. Он обратился ко мне с просьбой исполнить эту роль. Его идея пришла мне по душе, и я согласилась, тем более что по этому случаю соорудили настоящую сцену, что давало возможность выступить в нормальных условиях и при хорошем освещении. Карабчевский также пригласил трех певиц из императорской оперы: Черкасскую, Николаеву и Збруеву. Они стояли за перегородкой, находившейся на сцене, украшенной цветами. Я надела для выступления полупрозрачный розовый костюм и под их пение передавала содержание поэмы с помощью движений. Это было очень красиво, и танцевала я с удовольствием. Карабчевский пришел в такой восторг, что прибежал ко мне в уборную и, целуя мне руку, воскликнул: «Матильда Феликсовна, убейте кого-нибудь, чтобы я мог вас защищать! Не сомневайтесь, суд вас оправдает!» Я его любезно поблагодарила и сказала, что убивать никого не собираюсь. Тогда ни он, ни я и не предполагали, что наступит день, когда я действительно буду нуждаться в его защите и узнаю истинную цену его обещаниям, которые сразу же обратились в прах.

После представления подали ужин за маленькими столиками, что создавало очаровательную интимную обстановку. Он был замечательным, как всегда, и вечер прошел удачно. Во время ужина хозяин дома с присутщим ему талантом произнес блестящую речь, в которой выразил благодарность артистам, любезно согласившимся принять участие в постановке его музыкальной поэмы. На мою долю выпало больше всего комплиментов и благодарностей.

В феврале я отправилась в Вену, где должна была снова выступить в труппе Дягилева, как мы условились раньше. Когда я приехала, все уже были в сборе. Вместе со мной приехала Нина Нестеровская.

В Вене я встретила нескольких старых знакомых, которых знала еще с 1903 года, и прекрасно провела время в их обществе. Из Вены вся труппа отправилась в Будапешт, где я впервые танцевала «Видение розы» вместе с Нижинским. В Будапеште мы устроили веселый ужин и наслушались венгерской музыки, особенно рапсодий. Желая порадовать артистов, я их всех пригласила в театр на интересное представление и закупила целый ряд лож. Такое количество молоденьких танцовщиц привлекло внимание публики, и все смотрели на нас, как на какое-то чудо.

Мне хотелось вернуться домой на свои именины, 1 (14) марта, на день Св. Матильды. Я имела обыкновение проводить его у себя, да и сыну было бы обидно, если бы меня не оказалось рядом. Нина тоже спешила домой, так как ее именины были за день до моих. Однако, чтобы успеть в срок, нужно было отказаться от последнего спектакля, обидев тем самым Дягилева. В конце концов, я рискнула обратиться к нему с просьбой. Дягилеву моя затея не слишком понравилась, но он отнесся к ней с пониманием. Кроме того, я вскоре должна была приехать к нему в Монте-Карло.

Я рассчитывала попасть домой за день до именин, но, проснувшись ночью, обнаружила, что поезд стоит на месте. Я сразу же поняла, что что-то произошло, и мои опасения подтвердились. Кондуктор сказал, что перед нами состав сошел с рельс. Уже во второй раз я столкнулась с железнодорожной катастрофой. Впервые это произошло по пути в Лондон,

в 1911 году. Мы добрались до Варшавы с таким опозданием, что я не успела на скорый поезд, на котором собиралась доехать до Петербурга. Я хотела заказать дополнительный поезд, но варшавская линия была так перегружена, что об этом не могло быть и речи. Поневоле пришлось заночевать в Варшаве. Воспользовавшись случаем, я решила купить подарок для Нины и нашла очень красивый портсигар с голубой эмалью. Помню, что Нина его сохранила и показывала мне уже в Париже. На свои именины я успела, но приехала не накануне, как собиралась, а в тот же день. Мы весело провели вечер, празднуя сразу двое именин: мои и Нинины.

После короткого пребывания в Петербурге я снова должна была уезжать, чтобы успеть в Монте-Карло до начала спектаклей Дягилева в театре «Казино».

Я выехала из России 17 марта. Вова впервые отправился в дорогу с собственным паспортом. Его сопровождал гувернер Ричард Александрович Высоцкий, которого мы недавно приняли на службу. Я пригласила и Нину Нестеровскую, которой устроила выступление у Дягилева. Правда, за них ей не платили, так как труппа уже была полностью укомплектована.

Раньше Вову вписывали в мой паспорт, но теперь, когда ему было почти десять лет, я обратилась к государю императору с просьбой дать сыну нашу родовую фамилию «Красинский». Император сразу же откликнулся и даровал Вове звание потомственного дворянина. Ведомство губернатора выдало ему паспорт, а привез его к нам в дом наш старый приятель, полицмейстер, полковник, а впоследствии генерал Галле.

Вместе с нами следовал великий князь Сергей Михайлович. Тем же поездом ехал и его брат, великий князь Николай Михайлович, который был страстным игроком в рулетку и ежегодно посещал Монте-

Карло, чтобы попытаться счастья. В начале пути Николай Михайлович был милым и разговорчивым, но по мере приближения к Монте-Карло становился все угрюмее, полностью погрузившись в раздумья о предстоящей игре. Под конец он сделался совершенно невыносимым, никого не узнавал и очень резко реагировал, когда кто-нибудь обращался к нему с вопросом, прерывая ход его мыслей и подсчетов.

В дороге Вова серьезно заболел: возможно, что-то съел в вагоне-ресторане и отравился. Во всяком случае, нам так сначала показалось. В тот раз я не взяла с собой врача. Мы ехали прямо до Канн, где намеревались провести последние дни Страстной недели и Пасху, а потом отправиться в Монте-Карло. Мы бросились на поиски педиатра, но в Каннах такого специалиста не было, и пришлось вызвать двух лучших местных докторов. К сожалению, они не слишком разбирались в детских болезнях и не смогли определить, чем страдал Вова. Правда, сразу же по прибытии в Канны я срочной телеграммой вызвала из Петербурга доктора фон Газе, который всегда лечил Вову. Вскоре я получила ответ, что он выехал, но на дорогу могло уйти четыре дня. В ожидании его приезда я привезла из Ниццы отдохнувшего там очень известного швейцарского педиатра Эльсница. Официально он не имел права практиковать в чужой стране, поэтому его визит ко мне был окутан тайной, чтобы о нем не узнали каннские врачи. Французские медики меня перепугали, сказав, что попробуют последнее средство, но не ручаются за результат. При этом они держали меня в полном неведении относительно диагноза. Доктор Эльсниц меня успокоил, сказав, что у Вовы воспаление толстого кишечника, и поручился за успешный исход лечения.

Я послала гувернера Вовы на границу с Италией, в Вентимилью, где он должен был встретить Федора Федоровича фон Газе. Гувернеру нужно было опи-

сать ему ход болезни, чтобы доктор мог все обдумать в дороге, еще до приезда в Канны. Выслушав Высоцкого, доктор уже в поезде сказал, что у Вовы, вне всякого сомнения, воспаление толстого кишечника, скорее всего, в острой форме, вызванное отравлением. Он также предположил, что Вову лечат неправильно. После приезда доктора фон Газе Вова стал быстро поправляться. Однако до его полного выздоровления я и думать не могла о переезде в Монте-Карло.

Чтобы не подводить Дягилева, я отправлялась на спектакли в Монте-Карло поездом, а ночью возвращалась на машине в Канны. В день спектакля Дягилев всегда переживал, приеду я или нет, и по два раза на день справлялся по телефону о здоровье Вовы. Он прекрасно знал, что в случае ухудшения я бы не поехала на спектакль. Мне было очень тяжело ездить из Канн в Монте-Карло, а потом выступать на сцене, и все же я не пропустила ни одного выступления и ни разу не подвела Дягилева. Одному Богу известно, чего мне это стоило. Как только Вова окреп, я сразу же перебралась в Монте-Карло, где мы остановились в «Отель де Пари». Там же остановилась и Нина, занявшая комнату рядом с моей.

Выступая в том сезоне у Дягилева, я пользовалась огромным успехом, особенно во второй картине «Лебединого озера», в сцене на балу. Включенную в балет сольную партию, которую я танцевала в Лондоне, каждый раз приходилось исполнять на «бис». После представления, когда я приходила в казино, все посетители дружно меня приветствовали. По такому случаю я надевала лучшее платье и соответствующие украшения. Туда же часто приходила одна итальянская графиня, имени которой я не помню. В вечернем туалете она была очень похожа на меня не только фигурой, но и ростом, и даже лицом и

прической. Почти все обратили на это внимание: ее друзья показывали на меня, а мои — на нее. Нас обеих это очень забавляло, и вскоре мы стали раскланиваться, а потом нас представили друг другу.

После последнего «Лебединого озера» нам пришлось его повторить по просьбе зрителей. Дягилев был в полном восторге. Наше примирение принесло плоды, и мы оба радовались, что снова работаем вместе и дружба наша не прервалась.

Находясь в Монте-Карло, я решила подыскать себе виллу, чтобы не жить в отеле. Мне посоветовали посмотреть виллу в Кап-д'Эль, куда мы и отправились всей компанией в экипажах. Осмотрев несколько вилл, я остановила свой выбор на особняке «Морла», принадлежавшем графине Морла. Вилла была уютной и прекрасно обставленной, и я сразу же сняла ее на весну следующего, 1913 года.

По окончании сезона в Монте-Карло я вернулась домой и все лето провела у себя на даче в Стрельне.

Во время сезона в Красном Селе я ездила туда не только в дни своих выступлений, но и в другие, чтобы присутствовать на спектаклях и встречаться со знакомыми. У Андрея была прелестная дача у самого Стрельнинского шоссе, перед въездом в Красное Село. Он жил здесь во время маневров. После представлений он часто устраивал ужины и угощал нас раками, которых мы все обожали. На этих ужинах бывали великие князья Борис Владимирович и Дмитрий Павлович, а я приглашала молодых танцовщиц, с которыми подружилась и которых потом увозила к себе на дачу. Борис Владимирович очень интересовался пожарами, и когда видел зарево, сразу же ехал туда, чтобы выяснить, что случилось. Как-то раз после ужина нам не удалось его удержать и пришлось ехать с ним до Лигова, но, к счастью, там ничего серьезного не произошло.

После смерти отца имение Красницы около станции Сиверской было продано Генриху Федоровичу Витгенштейну, а для матери я сняла на лето дачу в Стрельне, чтобы она была рядом со мной. В августе у мамы случился третий инсульт, после которого наступил почти полный паралич. Это стало для нас тяжелым ударом. Она была не только любящей матерью, но также другом, советчицей и утешительницей для всех. Вова, будучи совсем маленьким, любил у нее бывать. Она умела обращаться с детьми, и Вова клялся, что нигде, даже дома, не ел таких вкусных блюд, как у бабушки, которая готовила все, что он любил.

Та осень была для меня очень тяжелой. Меня сильно тревожило состояние матери, а кроме того, серьезно заболел Андрей. Весь август у него был бронхит, и в какой-то момент даже возникло подозрение на чахотку. Пришлось срочно отправить его на всю зиму в Крым.

Мне пришлось выбирать между двумя дорогими сердцу людьми и решать, что делать: остаться с матерью и отпустить Андрея одного или последовать с ним, но оставить мать. Врачи, к которым я обратилась за советом, утверждали, что состояние матери не вызывает опасений и она еще может прожить очень долго. Мне сказали, чтобы я спокойно ехала в Крым, ведь в случае необходимости можно за два дня вернуться домой.

Андрей отправился в Крым 4 сентября по приглашению великого князя Николая Николаевича и остановился в его имении Чаир, в доме для свиты. Он поехал туда вместе со своим адъютантом Федором Федоровичем фон Кубе и целым штатом камердинеров, лакеев и поваров, а также захватил с собой два автомобиля. Устроившись на месте, он снял для меня прекрасную дачу в Новом Мисхоре, предупредив, од-

нако, что в Крыму невозможно найти кухарку и прислугу. Поэтому он посоветовал мне последовать его примеру и взять всех с собой.

Мне пришлось закупить весь спальный вагон, уплатив полную стоимость билетов. Людей со мной ехало много: горничная, камердинер Вовы и два его гувернера, Щедрин и Пфлюгер, мой лакей и два повара. Всего нас было девять человек, а по приезде мы нашли еще одного работника для кухни. Он оказался таким милым, что мы потом забрали его в Петербург.

Это был мой первый приезд в Крым, который очень мне понравился своим исключительно благоприятным климатом и богатой растительностью. На юге Франции растительность выглядит бедной и какой-то ненатуральной, несмотря на огромные усилия, прилагаемые по уходу за ней. А здесь, казалось, все растет само собой.

Я постоянно ездила к Андрею и часто бывала у него на обедах и проводила вечера. Он потихоньку поправлялся, но все еще очень быстро уставал и поэтому не мог, да и не хотел никого принимать. Как-то во время прогулки на автомобиле он заехал на нашу виллу, чтобы посмотреть, как мы живем. Однако вечером он не выходил из дома.

Недалеко от нас, почти у Байдарского перевала, находилось одно из самых больших и красивых поместий в Крыму — Форос, — принадлежавшее Ушкову, которого я прекрасно знала. Он был женат на красавице Милуше, ставшей впоследствии графиней Воронцовой-Дашковой.

Ушков, хотя и находился в то время в Петербурге, откуда-то узнал, что я в Крыму, и поручил своему управляющему пригласить меня осмотреть поместье, а потом подать завтрак. Управляющий передал мне распоряжение хозяина и пригласил в Форос в любое удобное для меня время. Я с радостью приняла предложение и поехала туда с Мишей Александровым.

В поместье я встретила двух знакомых уланов, которые там жили. Форос действительно заслуживал внимания. Мы все обошли, а потом управляющий подал нам отменный завтрак и крымские вина.

Несмотря на то, что моя дача в Новом Мисхоре была очень старой и вместо электричества ее освещали керосиновые лампы, место, в котором она находилась, оказалось удивительно живописным, а сам дом — уютным и с большим садом. Рядом был теннисный корт, где мог играть Вова. Жили мы очень скромно и тихо, знакомых поблизости почти не было, и я могла наслаждаться прогулками по сказочно прекрасным окрестностям и любоваться изумительным видом на море. Воспользовавшись случаем, я побывала в Ливадии и посмотрела старый дворец, в котором жил и умер император Александр III. Я видела комнату, где он скончался, апартаменты императрицы Марии Федоровны, а также покои моего дорогого Ники. Он приезжал сюда ребенком, а потом и взрослым, пока совсем молодым не вступил на престол. Ему тогда было двадцать шесть лет.

В начале ноября я получила тревожные вести о здоровье мамы и срочно выехала в Петербург. Вскоре после моего отъезда, примерно 20 ноября, Андрей отправился в только что открывшийся санаторий в Райхенхалле, около Монако. Туда ему посоветовал поехать врач, считавший, что горный воздух будет для него более полезным, чем морской климат Крыма.

В Петербурге я застала мать в очень тяжелом состоянии. Когда я уезжала, мне казалось, что мама не реагирует на то, что происходит вокруг. Она ничего не сказала по поводу моего отъезда в Крым. Но я никогда не забуду, как, увидев меня после разлуки, мама с укором произнесла: «Маля, ты совсем обо мне забыла». С болью в сердце я поняла, что мама все

чувствовала и очень переживала, что меня нет рядом. В последние дни жизни мамы я почти не отходила от нее и лишь ненадолго уходила из дома, а на ночь мы оставались около нее вместе с сестрой, чувствуя приближение конца. Мама не мучилась перед смертью и отошла в мир иной 22 ноября 1912 года. Эту скорбную весть я сразу сообщила Андрею в Райхенхалл.

Тело мамы забальзамировали и после торжественного заупокойного богослужения в костеле нашего прихода на Торговой улице перевезли в Сергиевский монастырь около Стрельны. Здесь, с разрешения архимандрита Сергия, сменившего престарелого и больного игумена, гроб поместили в одной из монастырских церквей до тех пор, пока не будет построена часовня и склеп на монастырском кладбище. Архимандрита Сергия я хорошо знала, так как часто бывала в монастыре и навещала его в келье. Он угощал меня чаем и великолепным монастырским хлебом, а как-то раз даже подарил мне пару белых голубей.

В память о матери и в знак благодарности архимандриту Сергию мне хотелось сделать пожертвование в пользу монастыря. Я решила заказать одеяние для торжественных богослужений и выбрала для этого лиловую парчу с очень красивым узором. Всякий раз, когда я приходила на поминальную службу по маме, священник облачался в это одеяние.

После такой тяжелой утраты у меня не было ни сил, ни желания выступить на сцене, и я решила на время прекратить артистическую деятельность.

Андрей Левинсон в своей статье «Балет» в связи с этим писал: «Мы смеем надеяться, что балерина покинула императорскую сцену лишь на короткое время: ее уход был бы невозполнимой утратой для нашей балетной труппы».

32. ГОДЫ 1912–1913

Несмотря на принятое решение не выходить на сцену в связи с трауром, у меня не хватило совести отказать артистам кордебалета, которые упрашивали меня сделать исключение и выступить на их бенефисе в балете «Конек-Горбунок» в обновленной постановке Горского. Мой отказ мог повлиять на сбор от спектакля, что повредило бы нашим танцовщицам. Бенефис состоялся 10 декабря 1912 года. В последнем акте «Конька-Горбунка» я танцевала «Русскую» на музыку Чайковского. Исполняла я ее на пуантах. Начало «Русской» очень грустное, и во время исполнения танца у меня на глаза наворачивались слезы. Я чувствовала, что моя печаль передается зрителям. Последняя часть более ритмичная, но тоже с ноткой грусти. Вот так я и простилась с публикой.

Рождество и Новый год я встретила дома с Вовой, а в январе 1913 года выбралась на пару недель в Санкт-Мориц, куда переехал Андрей после десяти роковых дней, проведенных в Райхенхалле. Почти сразу по приезде туда он заболел острым бронхитом. Почувствовав улучшение, он сразу же отправился в Монако, к великой княгине Марии Павловне, которая прибыла проверить, в каких условиях живет ее сын. Великая княгиня вызвала из Парижа на консультацию профессора Робена, ее постоянного врача. Она усомнилась в достоинствах зимнего курорта Райхенхалл. Профессор Робен подтвердил, что у Андрея наблюдаются остаточные явления после бронхита, и Райхенхалл ему совершенно не подходит. Он посоветовал Андрею провести всю зиму в Санкт-Морице. Андрей рассказывал, что врачи, являвшиеся одновременно и директорами санатория, пришли в

отчаяние, узнав об его решении остаться в Монако. Это был их первый зимний сезон, на который они возлагали большие надежды, а присутствие Андрея служило хорошей рекламой. Он был их первым и пока единственным пациентом. Директор лично приехал в Монако и попытался убедить великую княгиню не переводить Андрея в Санкт-Мориц, но та была непреклонна, тем более что присутствовавший во время их разговора профессор Робен настаивал на переезде.

Андрей встретил меня на вокзале в Санкт-Морице. Он приехал на санях, запряженных парой лошадей с бубенчиками, на которых мы и отправились в отель «Кульм», где он остановился и заказал номер для меня. Санкт-Мориц сразу же меня очаровал. Здесь все было покрыто толстым слоем снега, а солнце светило и грело, как летом. Просто сказочное место! Все ходили в разноцветных фуфайках и шалах, радовавших глаз. У нас с Андреем были великолепные комнаты, которые составляли как бы отдельные апартаменты с видом на каток и открывавшуюся вдали долину.

Прежде всего мы отправились в магазины, чтобы купить для меня зимнюю одежду: специальные ботинки для ходьбы по снегу, фуфайки, шали, а также вязаные шерстяные шапочки и варежки.

Утром, но не раньше одиннадцати, Андрей шел на каток. Раньше было слишком холодно, и он ждал, пока солнце выйдет из-за гор. В первые дни я присматривалась к тому, как он катается на коньках, а потом стала учиться и сама. Однако времени для этого было слишком мало. Когда светило солнце, на катке было жарко — 20 градусов выше нуля по Цельсию, а в тени — всего восемь. В этом можно было убедиться, посмотрев на термометры, один из которых висел на солнечной стороне, а другой — на теневой.

Потом мы заказывали сани с бубенцами, запряженные парой лошадей, и объезжали окрестности. Мест для прогулок было очень много, одно красивее другого, так как здесь находятся великолепные сосновые леса, горы и долины, покрытые снегом и залитые теплыми лучами солнца. Навстречу нам попадались такие же сани, в которых катались такие же веселые и смеющиеся люди.

Главная улица имела забавный вид: все несли в руках санки или тащили их за собой. Люди направлялись в горы, чтобы потом спуститься на санках вниз; одежда на них была яркая, всех цветов радуги.

Домой нужно было возвращаться до захода солнца, зимой — не позднее пяти вечера, так как потом сильно примораживало. Завтракали и обедали мы в общем ресторане, находившемся в нашей половине отеля. У некоторых были отдельные столовые. Когда мы сильно уставали, то обедали в своих апартаментах, а кухня в отеле была отменная.

При Андрее находился его адъютант Федор Федорович фон Кубе и личный врач Георгий Георгиевич Маак, который незадолго до меня приехал из России. Как говорил Андрей, фон Кубе был так разочарован медиками из Райхенхалла, которые довели своего пациента до острого бронхита, что дал телеграмму Зандеру в Петербург. В свое время тот лечил Андрея в Стрельне. Фон Кубе попросил его прислать в Санкт-Мориц врача, который постоянно находился бы при Андрее. Зандер сразу же ответил, что нашел подходящего доктора с ежемесячным гонораром в 300 рублей. Эта сумма была вполне приемлемой. Приехавший врач оказался не только замечательным специалистом, но и прекрасным человеком, чья судьба долгие годы была связана с нашей.

Остаться в Санкт-Морице дольше я не могла, нужно было возвращаться домой, где по мне соскучился сын. Кроме того, я должна была выступить в

гала-представлении по случаю 300-летия дома Романовых.

Зимой в Петербург на гастроли приехала Анна Павлова. Нас по-прежнему связывали дружеские отношения, несмотря на то, что многие пытались нас поссорить. Как-то раз Павлова навестила меня, и у нас зашла речь о ценностях, являвшихся собственностью отдельных лиц. Она попросила показать ей мои драгоценности, и мы пошли наверх, в мою спальню, где в углу стоял специальный шкафчик, в котором я их хранила. Она смотрела на них и восхищалась, так как у меня действительно было много исключительно ценных и красивых вещей. Среди них был прелестный карандаш из платины, украшенный бриллиантами и рубинами. Когда-то я купила его для подарка и теперь подарила на память Павловой.

В том сезоне я не выступала, не считая бенефиса кордебалета в декабре, и все мои спектакли убрали из репертуара. Павловой предложили танцевать в моем балете «Дочь фараона». Но она была опытной балериной и понимала, что он ей не подходит. Разумеется, провалить она его не могла, но и рассчитывать на большой успех тоже было нельзя. Она очень хотела, чтобы я увидела ее в роли Аспиччии.

По причине траура я не бывала в зрительном зале, но согласилась посмотреть из-за кулис. Павлова проявила трогательную заботу, поставив для меня кресло и приготовив коробку конфет. Танцевала она эту партию хорошо, но особых лавров не снискала.

На февраль было назначено гала-представление по случаю 300-летия дома Романовых. Мне предложили выступить в опере «Жизнь за царя», где во втором акте исполняли знаменитую мазурку. Я не могла отказаться от участия, когда в зале присутствовали только лица, получившие приглашения от Императорского двора. В день юбилея на представлении присутствовал император с обеими императрицами,

вся царская семья и многие сановные лица. В тот день в последнем акте на сцене появился царь Михаил Федорович, роль которого исполнял Собинов, заменивший неожиданно заболевшего Шаляпина.

В начале марта я отправилась с Вовой в Кап-д'Эль, где уже сняла виллу «Морла». Андрей приехал туда из Санкт-Морица немного раньше нас и занялся хозяйством. Он нанял кухарку Марго и лакея Арнольда, молодого швейцарца, статного и элегантного и, как выяснилось потом, наделенного множеством талантов. Прежде всего, он великолепно украшал стол цветами. Когда в первый день по приезде я вошла в столовую, то даже вскрикнула от восторга. По краям овального стола лежали широкие синие ленты с бантами на концах и букетами алых роз, а весь стол был искусно убран цветами. Арнольд, одетый в безупречно сшитый фрак, ловко и элегантно подавал на стол. Марго оказалась очень хорошей кухаркой и кормила нас отменно, а вскоре научилась у русских поваров готовить наши блюда. Имея в своем распоряжении уютную виллу, отличную кухарку и приятную прислугу, мы могли прекрасно отдохнуть. Великий князь Сергей Михайлович появился гораздо позже нас, только на Пасху.

Мы нередко посещали Монте-Карло, так как там у нас было много друзей. Нас с Андреем часто приглашали в гости, но нам нравилось оставаться на своей вилле и самим принимать посетителей.

В начале Страстной недели мы, как обычно, поехали в Канны, где Андрей и Вова говели в нашей прекрасной церкви. Мы остановились в только что построенном отеле «Карлтон». По окончании поста, после богослужения, я устроила в большой гостиной отеля традиционный прием. Пасхи и куличи я заказала в местной кондитерской «Румпельмайер», владельцем которой был немец из Мекленбурга. Одна-

ко он прекрасно приготовил куличи и пасхи, так как русская колония на юге Франции была многочисленной и богатой. Когда мы вернулись после богослужения в отель, столы стояли уже накрытыми к ужину, и мое внимание привлекли красивые рюмки из зеленого хрусталя, оправленного в серебро, и две серебряные вазы. Я удивилась, откуда в отеле столь шикарная сервировка, но оказалось, что это сувениры от великого князя Сергея Михайловича и Андрея.

На следующий день мы возвратились на свою виллу, где нам так славно жилось до самого отъезда в Россию.

Мы с Андреем планировали осенью снова приехать в Кап-д'Эль, так как оказалось, что жить в снятой вилле и вести хозяйство самим гораздо дешевле, чем останавливаться в отеле. Однако вилла «Морла» была уже занята. Нужно было подыскивать что-нибудь новое.

Тот же агент, что снял для нас «Морла», предложил посмотреть другие виллы, сдававшиеся внаем и выставленные на продажу. Он уверял нас, что за очень умеренную цену можно приобрести прекрасный дом. Мысль о покупке пришлась мне по душе. Мы осмотрели несколько вилл, и среди них была одна, которую мы уже видели в прошлом году, но тогда она мне не понравилась. Я помню, что за нее просили 200000 франков, но там не было центрального отопления, и некоторые комнаты требовали ремонта. Приглашенный нами архитектор оценил затраты на него вместе с подключением центрального отопления в 20000 франков. Я предложила за виллу 180000 франков, заключив, что вместе с ремонтом это и составит 200000 франков. Владелец не согласился, и до покупки дело не дошло, однако агент меня утешил, сказав, что, возможно, он продаст виллу за предло-

женную цену, только нужно подождать. На случай заключения сделки мы оставили агенту соответствующие инструкции относительно ремонта и расходов, подсчитанных архитектором.

В начале июня мы возвратились в Россию. Андрей настолько окреп за зиму, проведенную в Санкт-Морице, что решил вернуться на службу и одновременно принять участие в юбилейных торжествах дома Романовых, сначала в Костроме, а потом в Москве.

Где-то в середине лета мы получили от агента из Кап-д'Эль сообщение, что владелец виллы готов ее продать за предложенную мною цену, 180000 франков. Андрей тут же купил виллу на мое имя, а агенту мы послали распоряжение приступить к ремонту.

Мы стали думать, как назвать нашу виллу, и после долгих размышлений наконец приняли решение. Мое уменьшительное имя было «Маля». Если прочесть его справа налево, то получается «Ялам». Вот так мы ее и назвали. Легко представить мою радость по поводу того, что я стала владелицей удобной и уютной виллы. Она находилась в очень живописном месте, на склоне горы, с чудесным видом на море. Дом был превосходно обставлен, особенно столовая, гостиная и моя спальня.

То лето я, как всегда, провела в Стрельне. Один случай так крепко засел у меня в памяти, что и сейчас я помню все до мельчайших подробностей, потому что пережила тогда страшные минуты страха и отчаяния.

Стоял прекрасный, тихий летний день, море было гладким, словно зеркало, и не чувствовалось даже слабого ветерка. Мой сын и его гувернер решили воспользоваться чудесной погодой и поплавать на нашей лодке-платформе, на корме которой можно было установить мотор. Именно это и сделал мой

электрик, а потом они втроем отправились на прогулку. Мотор взревел, и лодка помчалась по воде. Проводив их, я вернулась домой, где меня ждала массажистка. Но едва я легла на кушетку в спальне и начался сеанс массажа, как вдруг кругом все потемнело, поднялся страшный ветер и затрещали сломанные ветви деревьев. А Вова был в море! Такие внезапные бури на Балтике очень опасны, и каждое лето газеты сообщали о многочисленных бедах, приносимых ими. Прервав сеанс массажа, я побежала на дамбу. В этот момент ветер утих, снова засияло солнце, и все успокоилось. Я пристально всматривалась в морскую даль, но там ничего не было видно. Я с ужасом подумала, что, должно быть, они утонули, так как лодки нигде не было, а отплыли они совсем недавно. Я позвонила в стрельнинскую гавань, где находилась спасательная станция и откуда во время шторма велись наблюдения за морем, чтобы при необходимости оказать своевременную помощь. Однако спасатели сказали, что не видели никакой лодки. Я была дома одна и, охваченная отчаянием, не знала, что делать и к кому обратиться за помощью. Упав на колени и задыхаясь от рыданий, я стала молить Всевышнего, чтобы он спас моего сына...

Я совсем обезумела от горя, как вдруг зазвонил телефон, и губернёр Вовы сообщил, что они живы и здоровы, находятся в Михайловке и ждут, пока им дадут повозку, чтобы вернуться домой. Переход от не знающего границ отчаяния к бурной радости был таким стремительным, что я лишь плакала от счастья и благодарила Господа за то, что он внял моим молитвам.

По случаю траура я в то лето не танцевала в Красном Селе и не посещала премьер. Однако директор

театра, полковник Княжевич, сообщил мне, что великий князь Дмитрий Павлович очень огорчен моим отсутствием и просил передать, что на следующем представлении надеется встретить меня в театре. Желая доставить ему удовольствие, я поехала в Красное Село, но в зрительный зал не пошла, и мы весь вечер просидели в моей артистической уборной, проводя время за беседой.

У себя на даче я не устраивала больших приемов, но ко мне часто навевывались гости, чтобы поиграть в покер. Обычно они приезжали к чаю и оставались на обед, а потом засиживались до поздней ночи. Бывал у меня и великий князь Дмитрий Павлович, а также уланы, среди которых было много моих друзей и знакомых. Помню, как-то раз они просидели у меня до самого утра, а на следующий день великому князю Дмитрию Павловичу, дежурному флигель-адъютанту, нужно было присутствовать на смотре двух кавалерийских полков, которым покровительствовали великие княгини Ольга и Татьяна Николаевны. Он едва успел добраться до Петергофа, и мы все боялись, что он опоздает на парад. Я поехала посмотреть на этот парад вместе с сестрой и бароном Цедделером. С замиранием сердца я ждала выхода императора, чтобы посмотреть, есть ли в его свите Дмитрий Павлович. Но все закончилось хорошо, и я могла облегченно вздохнуть. Обе великие княгини прекрасно выглядели в мундирах, проезжая верхом перед своими полками.

Летом в окрестностях Стрельны часто проводились маневры, и если случалось так, что уланы располагались поблизости биваком, я посылала за ними машину, и они приезжали ко мне на обед, а утром их снова отвозили в лагерь. Сколько прелести было в наших невинных забавах!

Осенью, когда жизнь у нас замирала до начала зимнего сезона и все разъезжались, я отправилась в

Кап-д'Эль, но теперь уже на свою собственную виллу «Ялам».

Когда мы были здесь весной и еще жили на вилле «Морла», мой лакей Арнольд по какому-то случаю подарил мне ручного белого голубя, который спокойно сидел на корзине с прекрасными цветами, хотя и не был привязан, и доверчиво смотрел на меня. Когда я села за утренний кофе, голубь перелетел с корзины на стол и стал есть крошки из моих рук. Он совсем не боялся и преспокойно прогуливался по скатерти. Днем он летал по саду, но когда хотел есть или спать, возвращался в дом. Потом он даже стал садиться мне на голову. Я так его любила, что забрала с собой в Россию, так же как и моего нового лакея Арнольда. В Петербурге голубь поселился в оранжерее, где было окно и он мог свободно вылетать на волю. Однако на ночь он всегда возвращался домой. Летом он отправился вместе с нами в Стрельну, где тоже жил на свободе. Голубь настолько здесь освоился, что стал спать на моей кровати вместе с моим любимым фокстерьером Джиби. Когда произошел переворот и мне пришлось спешно покинуть дом, голубь остался в оранжерее. С собой я его взять не могла, так как не знала, сумеем ли мы с сыном добраться до безопасного места. Потом прислуга рассказала мне, что когда большевики заняли дом, мой любимый ручной голубь, ведомый каким-то непонятным инстинктом, вылетел в окно и больше не вернулся.

К нашему приезду в Кап-д'Эль ремонт виллы «Ялам» еще не был завершен, и мы остановились в отеле «Эдем». Для дома нужно было купить кое-какие мелочи, а мне хотелось въехать в него, когда все уже будет готово и приведено в порядок.

Наконец, мы переехали, и я радовалась, как дитя, что живу вместе с Андреем на собственной вилле. К нам вернулась наша прежняя кухарка Марго, а

лакея Арнольда и своего любимого голубя я привезла с собой. Переезд прошел весело, и мы его славно отметили.

Как часто бывает, несмотря на то, что вилла была большой, нам не хватило комнат для адъютанта и врача Андрея. Гаража для машины тоже не было. Однако мне принадлежал прилегавший к вилле скалистый участок земли, и, посоветовавшись с архитектором, я решила построить там дом с комнатами для гостей и некоторых слуг, а внизу устроить гараж и помещение для шофера. Мы уже жили на вилле, когда начались работы по выравниванию участка. Из окон было видно, как рабочие пробивали шурфы для динамита, а потом взрывали скалы. После закладки взрывчатки слышался сигнал трубы, и все разбегались в укрытия, а через пару минут раздавался взрыв. Если он был удачным и отваливался большой кусок скалы, все хлопали в ладоши.

Мебель для нового дома я привезла из Ниццы. Все гостиные были превосходно обставлены. В Ницце, у Дюма, я также заказала обстановку для спальни Андрея. Кровать, шкафчик для белья, письменный стол, туалетный столик, круглый ночной столик, два стула и кресло — все это было сделано в стиле эпохи Регентства. Впоследствии эту мебель перевезли в Париж.

Проведя с Андреем два счастливых месяца, я возвратилась в Россию, а он снова отправился на всю зиму в Санкт-Мориц, так как состояние его легких все еще вызывало опасение. Нам было грустно расставаться, но я надеялась приехать к Андрею на Рождество Христово.

33. ГОДЫ 1913–1914

По возвращении из Кап-д'Эль я принялась за работу и стала усиленно заниматься, чтобы после окончания траура вернуться на сцену. Часовня, которую я решила поставить на кладбище Сергиевского монастыря над могилой матери, была закончена осенью; гроб перенесли из церкви и поместили в склеп под красивой и светлой часовней. По этому случаю была отслужена панихида по покойной.

На католическое Рождество я поехала к Андрею в Санкт-Мориц, чтобы вместе провести праздник. Вову я с собой не взяла, чтобы не прерывать его учебу. Вместе со мной последовал Миша Александров и фокстерьер Джиби. Я провела в Санкт-Морице почти две чудесные недели. Утром я брала уроки катания на лыжах, а потом мы отправлялись на санные прогулки. Сани были запряжены парой лошадей, а Миша Александров садился в маленькие санки, которые привязывали сзади к большим. Здесь все так делали, и Мишу это страшно забавляло. Но как-то раз мы задремали в санях, а когда оглянулись, то оказалось, что маленькие санки пусты. Вероятно, Миша вывалился из них где-то по дороге, и никто этого не заметил. Мы не могли сразу вернуться и начать поиски, так как зимой проторенные дороги очень узкие. Нам нужно было доехать до перекрестка и только оттуда вернуться назад. Наконец, мы нашли Мишу далеко в снегу. Санки подскочили на ухабе, и Миша, не успев даже крикнуть, очутился в сугробе. Иногда мы отправлялись пешком в лес, проваливаясь в снег, как и наш фокстерьер, которому это доставляло огромное удовольствие. Мы возвращались домой замерзшие и промокшие до нитки, но быстро ото-

гревались, сидя у елки со стаканчиком хорошего вина. По традиции елка стояла в углу гостиной.

Я с грустью покидала Санкт-Мориц, где чудесно провела время, но нужно было спешить домой, чтобы успеть к православному Рождеству и провести праздник с Вовой.

Я всегда собирала на елке детей его возраста. Разумеется, все получали подарки, а иногда устраивались и представления. В тот год я пригласила известного клоуна Дурова с его дрессированными зверями, которых привезли ко мне в дом. Среди них был даже огромный слон. Слона закутали в клетчатый плед, чтобы он не замерз. Когда его вводили в дом, пришлось открыть не только саму дверь, но и боковые створки. До начала представления слона спрятали в вестибюле перед гостиной.

Елка стояла в конце гостиной, со стороны оранжереи, а перед ней расставили стулья для детей. Для выступления «артистам» отвели свободную часть гостиной. Сначала Дуров показал своих дрессированных собачек и других зверюшек, а потом объявили перерыв, во время которого принесли огромную кровать и поставили рядом с ней ночной горшок. После этого в гостиную вошел огромный слон и стал изображать, как готовятся ко сну, воспользовавшись перед этим ночным горшком. В этом и заключался главный сюрприз для детей. Восторг маленьких зрителей не поддавался описанию. А в заключение сам Дуров стал показывать разные фокусы. После представления гости пошли к столу, и праздник удался на славу.

2 февраля 1914 года состоялся бенефис кордебалета, где я выступила в «Талисмане», который очень любила.

9 февраля был бенефис Николая Легата, посвященный двадцатилетию его работы на императорской сцене. Он выбрал по этому случаю балет «Эс-

меральда», в котором блистательно исполнял роль Грингуара.

Мне и в голову не приходило, что в тот день император может приехать в театр: он жил в Царском Селе и в городе бывал редко, тем более вечером. О его появлении мы узнали перед самым началом спектакля. Готовясь выйти на сцену, я встала за кулисами, откуда была видна царская ложа, а когда увидела, что в нее вошел император, мой любимый Ники, меня охватило волнение, описать которое я просто не в силах. Я не верила своему счастью: Ники наконец-то увидит меня в «Эсмеральде». Сколько лет я об этом мечтала! Тогда я была единственной исполнительницей этой роли, и никто другой даже и не пытался за нее браться.

Весь день перед «Эсмеральдой» я проводила в постели и отдыхала, принимая только самых близких друзей, да и то до пяти вечера. Потом в моей комнате выключали свет, и я в полумраке входила в образ Эсмеральды.

В этом балете я всегда танцевала с большим чувством и вдохновением, глубоко переживая судьбу несчастной героини. Но в тот вечер, впервые выступая в этой роли для Ники, я вложила в нее всю свою душу. Сцену на балу, когда Эсмеральда танцует с Грингуаром перед Фебом и его невестой, я исполняла так проникновенно, как будто от этого зависела моя собственная судьба, а мои глаза застилали слезы. Я чувствовала, что в тот вечер среди зрителей были люди, которые меня понимали и переживали эту драму вместе со мной. Жаль только, что я не могла узнать, какое впечатление произвела моя игра на Ники, так как великому князю Сергею Михайловичу пришлось уехать и в театре его не было, а ведь именно ему Ники всегда рассказывал, что он думает по поводу той или иной моей роли.

Директор, видевший, какой успех выпал на мою долю, и знавший, что в среду я должна выехать на юг Франции, попытался уговорить меня остаться и танцевать в «Спящей красавице», которую собирались показать в новой редакции, с новыми костюмами и декорациями. Я отказалась, несмотря на то, что мне очень хотелось еще раз выступить перед императором. После «Эсмеральды» я не стремилась появиться в другом балете, а кроме того, Ники любил меня в «Спящей красавице» в прежней постановке, и кто знает, понравилась ли бы я ему в последней версии этого спектакля.

В среду, 12 февраля, я, как и собиралась, поехала в Кап-д'Эль, а Андрей отправился из Санкт-Морица во Флоренцию, чтобы заняться делами, связанными с сооружением памятника Александру II, так как он являлся председателем комитета по созданию этого монумента.

Мы встретились в Кап-д'Эль и с большим удовольствием остановились на своей вилле. Дом внизу уже был полностью достроен, и в результате нашего упущения там не было только центрального отопления. Но в те благословенные времена все делалось очень быстро, и через четыре дня мы уже были с отоплением.

Нижний дом был двухэтажным, наверху находилось шесть жилых комнат, из которых четыре, с видом на море, были предназначены для гостей: адъютанта фон Кубе, доктора Маака и камердинера Леднева. В двух других помещениях, с окнами под потолком, жила прислуга. Здесь также было два туалета, а внизу находился большой гараж и комната шофера, а еще прачечная и котел центрального отопления. Когда все было готово, мы попросили своего старого друга, отца Григория Остроумова, освятить виллу. Он совершил богослужение и окропил дом

святой водой. Это было настоящее новоселье. Потом я всех пригласила на праздничный завтрак, и гости записали свои имена в новый альбом, заказанный специально для виллы «Ялам». Мы сохранили его на память. На первой странице рукой Андрея было написано: «27-го февраля (12 марта) 1914 года. День освящения виллы». Среди подписавшихся был протоиерей Григорий Остроумов, Вова, я, Андрей, Георгий Пфлюгер, Георгий Маак и фон Кубе.

Главным лицом на вилле стала моя любимая экономка Людмила Румянцева, которая до этого служила костюмершей в театре и помогала мне одеваться перед выступлениями. Потом она стала работать у меня и прожила у нас до самой смерти, до 1951 года. У Вовы было два гувернера: Георгий Адольфович Пфлюгер, считавший себя русским, и француз Шерден, а также личный лакей Кулаков. Андрей взял с собой адъютанта Федора Федоровича фон Кубе, врача Георгия Георгиевича Маака и камердинера Леднева. Кроме того, со мной приехал лакей Арнольд, белый ручной голубь и фокстерьер Джиби. На кухне священнодействовала наша кухарка Марго.

Чуть позже, 16(29) марта, ко мне присоединился брат, Филипп Леде, а 26 марта(8 апреля) — великий князь Сергей Михайлович, которого задержали в Петербурге служебные дела.

В первых днях апреля, во время православной Страстной недели, мы, как обычно, поехали в Канны, где Андрей говел в православной церкви. В том году не было традиционного приема по случаю окончания поста, и мы прямо из церкви вернулись на автомобиле в Кап-д'Эль, где нас уже ждал роскошный стол. Марго все так вкусно приготовила, что о лучшем нельзя было и мечтать. По случаю Пасхи Арнольд продемонстрировал свое мастерство во всей красе. Утопавший в цветах стол был украшен пи-

санками и маленькими цыплятами. В ту ночь к нам присоединился адмирал Зеленый, наш старый друг.

Мой сводный брат Филипп Леде жил в доме для гостей. Нас всех страшно смешил его педантизм, но особенно забавно он выглядел во время игры в винт. Он очень возбуждался, громко комментировал каждый ход и ругался, если, не дай Бог, кто-то с ним не соглашался. Филипп был героем многих анекдотов, так как фон Кубе и Маак все время его поддразнивали, зная его вспыльчивый характер.

Мой любимый голубь всегда участвовал в семейных праздниках. Когда мы спускались к утреннему кофе, он уже прохаживался по столу, пробуя пирожные, а когда я садилась на свое место, он вскакивал мне на голову да там и сидел до конца трапезы.

Той весной на вилле «Ялам» гостили: Александр Крупенский, Александр Иванов, Людмила Ушкова и ее брат фон Цайдлер, К. Рагуса-Сущевский, Катя Облакова; Н. Джонсон, впоследствии погибший в Перми вместе с великим князем Михаилом Александровичем; Ф. Мельцер, владелец мебельной фабрики; певец А. Давыдов, Михаил Искрицкий, Сергей Головощапов, знаменитый конезаводчик, а также Михаил Лазарев с женой Евгенией, Миша Александров (Долгорукий) и Дмитрий Гинзбург, сотрудник Дягилева.

В день рождения Андрея, 2 (15) мая, к нам приехал Константин де Тур. Он в свое время был гувернером сына княгини Юрьевской, а потом стал у нее служить кем-то вроде секретаря. Его сопровождала Мари Мокур, к которой много лет проявлял интерес великий князь Алексей Александрович. Вероятно, в те времена она была очень хороша собой. Андрей рассказывал, что она ежегодно передавала великому князю поздравления через Митю Бенкендорфа, который вручал их во время новогоднего

ужина у великого князя Владимира Александровича. В моем альбоме есть и ее автограф.

Тот последний довоенный сезон был очень интересным и веселым. Нас часто приглашали на званные обеды в Монте-Карло, Ниццу и Канны.

Пятого мая мы отправились в обратный путь через Париж, с сожалением покидая виллу, где нам так хорошо жилось. Однако мы собирались вернуться сюда осенью. И действительно, мы вернулись, но только не все и не осенью, как планировали, а через шесть лет, пережив все ужасы первой мировой войны, большевистского переворота и бегства из родной страны, чтобы провести остаток дней на чужбине.

Незадолго до нашего отъезда Андрей решил прикупить часть соседнего парка, примыкавшего к вилле, где можно было построить для Вовы теннисный корт и маленькую крепость. Земельный участок был очень хорошим и, что самое главное, ровным, тогда как все сады здесь были расположены террасами. Участок мы купили, а строительство корта и крепости поручили управляющему.

При отъезде у нас оказалось так много багажа, что поезд, который стоял тут всего минуту, пришлось задержать на пять, а может быть, и больше, чтобы погрузить все сундуки. На прощание мы сфотографировались на ступеньках спального вагона. Этот снимок сохранился у меня до сих пор.

В Париже мы задержались на несколько дней, чтобы заказать модные туалеты и купить подарки, а потом, наконец, отправились домой, в Россию.

34. ГОДЫ 1914—1915. ВОЙНА

Возвратившись в Россию, я с месяц оставалась в своем доме в Петербурге, а потом переехала на дачу в Стрельну, где началась обычная летняя жизнь с многочисленными приемами, особенно по воскресеньям.

Празднование дня рождения Вовы 18 июня начиналось по традиции за утренним кофе. Вова знал ритуал наизусть и не допускал никаких отступлений. Торжество начиналось с утреннего туалета, когда Вова надевал свой военный мундир со всеми орденами и лентой, а также пристегивал саблю. Кофе подавали в его маленьком домике, до которого Вова ехал на автомобиле, хотя он и находился совсем рядом с дачей. Автомобиль он вел сам. По приезде в домик он сразу же начинал осматривать подарки, которых было великое множество, а потом мы все пили кофе и делали общий снимок на память. В том году из всех полученных подарков ему больше всего понравилась сидевшая в корзинке маленькая свинка йоркширской породы, с голубым бантом на шее. Ее подарил Андрей, а Вова назвал ее Машкой. Хрюшка была очень забавной, ходила за сыном по пятам и очень быстро у нас освоилась. Мой фокстерьер Джиби полюбил Машку, которая была почти одного с ним роста, и повсюду за ней бегал — к огромной радости гостей и к моему неудовольствию. На следующий год Машка принесла 12 прелестных поросят.

На Вовины именины, 15 июля, я давала на даче праздничный прием, который оказался последним. В тот день приехало множество гостей, и дети устроили большое представление с корридой. Главным режиссером и автором декораций был сын моей

экономки Капа Рубцов. На площадке для крокета построили ложу испанского короля и королевы, украшенную цветами, гирляндами и флажками, а также сарай, где находился грозный бык. Представление началось с прибытия королевской четы. В роли короля выступил Вова, одетый в генеральский мундир, а рядом с ним была королева в накинутой на плечи испанской шали. Когда королевская чета заняла места в ложе, в центре арены появился тореадор — Капа Рубцов в соответствующем костюме. Подойдя к королевской ложе, он отвесил поклон, а затем, по условному знаку, дверь сарая распахнулась, и на арену выбежал бык, который тут же атаковал тореадора. Тореадор сначала вонзил в него маленькие бандерильи, а затем достал из-под плаща шпагу и после нескольких попыток пронзил ею быка. Он замертво рухнул на землю, однако неожиданно развалился на две половины, в каждой из которых находилось по мальчику. В сценарии этого не было предусмотрено. Один из ребят изображал голову с передними ногами, а другой — заднюю часть быка. Не считая данного инцидента, зрелище удалось на славу.

Этим праздником закончилась наша мирная, веселая и беззаботная жизнь.

В начале лета еще ничто не предвещало надвигающихся грозных событий, обернувшихся долгой и кровавой войной.

В первых числах июля приехал с официальным визитом король Саксонии. Несмотря на то, что вскоре после этого в Сараево был убит наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд, в Кронштадт, как и было условлено, прибыла английская эскадра под командованием адмирала Битти. Не был отменен и визит в Россию президента Французской республики. Пуанкаре прибыл 7(20) июля, был торжественно принят императором и после трехдневного пребывания отправился в обратный путь.

Во время его визита в Красном Селе состоялся большой парад.

На следующий день после отъезда Пуанкаре жизнь в столице и Красном Селе вернулась в свое обычное русло. Состоялись конные состязания между офицерами, и победителям в стрельбах и фехтовании вручили награды, в лейб-гвардии кавалерийском полку прошел традиционный обед, а в театре — спектакль.

На том представлении, последнем в Красном Селе, я в изумительном костюме исполняла свой коронный номер, «Русскую». Разве могла я тогда подумать, что в последний раз выступаю в присутствии императора? Танцевала я превосходно и сама это чувствовала, а интуиция никогда меня не обманывала. Уверена, что я произвела на Ники хорошее впечатление, и эта мысль и по сей день является для меня большим утешением.

При отъезде из театра император выглядел грустным и озабоченным. Во время первого антракта пришла тревожная весть о скором начале войны. Мы все были удручены, но все же надеялись, что удастся избежать вооруженного конфликта. Что всем нам готовила судьба? Я опасалась за жизнь близких и дорогих мне людей, особенно Андрея, который должен был идти на войну. Не боялась я только за сына, который был слишком мал для призыва в армию.

Когда император появился в театре и направился к месту в первом ряду, офицеры встретили его приветственными криками «ура!». В зале запели гимн, который тут же с подъемом подхватила вся публика. Пение перемежалось возгласами «ура!». Занавес был опущен, и мы, артисты, могли только догадываться о том, что происходит в зрительном зале.

На следующий день была объявлена частичная, а потом и всеобщая мобилизация, а через два дня началась война...

У меня было много друзей и знакомых среди военных, но лучше всего я знала офицеров лейб-гвардии уланского полка, которому покровительствовала императрица Александра Федоровна и который был расквартирован в Петергофе, недалеко от Стрельны. Уланы бывали у меня довольно часто, а летом — почти каждое воскресенье. Уланский полк должен был отправиться на фронт одним из первых, и все мои знакомые офицеры приехали в Стрельну, чтобы попрощаться.

Я их всех благословила образом Божьей матери Ченстоховской, который достался мне в наследство от отца. Это была его любимая икона, с которой он никогда не расставался, всегда брал с собой в дорогу и непоколебимо верил в ее чудотворную силу. После смерти отца икона перешла ко мне, так как я была его любимицей. Чтобы не повредить икону, я заказала у Фаберже рамку из серебра и с тех пор не расстаюсь с нею. Это она хранила нас с Вовой во время революции, уберегла в Кисловодске и спасла от неминуемой смерти от рук большевиков.

Я благословила этой иконой всех знакомых офицеров, свято веря, что она поможет им уцелеть. Однако один из моих знакомых, молодой улан Горский, не успел приехать, и мы с ним попрощались только по телефону. Он погиб в самом начале войны, 6 августа, под Каусхеном. Узнав, что гроб с его телом привезли в Петербург, я отправилась на Варшавский вокзал, где с трудом отыскала на боковом пути товарный вагон с телами погибших во время первого сражения. Стоя над его гробом, я горько плакала, скорбя по несчастным жертвам этой страшной бойни. Меня никто не видел, и можно было не скрывать слез.

Великий князь Дмитрий Павлович одним из первых должен был отправляться на фронт вместе со своим полком. У него не было времени появиться в Стрельне, чтобы проститься, поэтому он попросил

меня приехать в город и благословить его дома. Какой же грустной и тяжелой была минута, когда он опустился на колени для благословения... Никто тогда не знал, доведется ли нам когда-нибудь встретиться вновь...

В конце сентября отправился на фронт и Андрей. Я была в полном отчаянии, хотя он рисковал жизнью меньше других, так как из-за слабого здоровья служил при штабе Северо-Западного фронта. В то время мы жили надеждой, что ни одна из сторон не сможет выдержать длительных боев, и все скоро закончится.

Во время инспекционной поездки по Сибири великий князь Сергей Михайлович заболел суставным ревматизмом и, вернувшись дней за десять до начала войны, был вынужден соблюдать постельный режим. Сначала он находился у себя на даче, в Михайловке, но потом его перевезли в Петербург. Болезнь, осложнившаяся воспалением легких, протекала очень тяжело, и какое-то время врачи опасались за его жизнь. Он лечился почти полгода, и я почти каждый день навещала его и развлекала, как могла, стараясь оказать ему моральную поддержку. В то время он был главным инспектором артиллерии, в которой разбирался как никто другой. Он посвятил артиллерии всю свою жизнь и, не щадя сил, заботился о ее модернизации, поэтому вынужденное бездействие во время войны было для него нестерпимым. Во время болезни его дважды навещал император.

После переезда из Стрельны я не стала наводить в доме порядок, как делала это каждый год. Все безделушки, украшавшие комнаты, остались в коробках, ящиках и шкафчиках.

Вскоре стало ясно, что Петербургу ничто не угрожает и все военные действия будут происходить вдали от столицы. После этого жизнь стала возвра-

щаться в обычную колею, но ни радостного настроения, ни приемов уже не было.

Когда опасность высадки десанта миновала, в Петербуге стали открывать новые госпитали для все увеличивавшегося потока раненых. Они были не только военными, но и частными. Я тоже решила организовать небольшой госпиталь и нашла для этого подходящее здание недалеко от моего дома, на Каменноостровском проспекте. Сам госпиталь разместился на втором этаже, а внизу находились помещения для обслуживающего персонала. Устройство госпиталя заняло много времени, и он открылся только в декабре 1914 года. Я не жалела средств на его оборудование. Здесь было две операционных и три палаты для раненых, на десять мест каждая. Я пригласила лучших врачей, которые приходили ежедневно. Постоянный персонал состоял из старшей сестры, двух медсестер и двух санитарок, а также повара Сергея, начинавшего у меня поваренком.

В день освящения госпиталя сюда приехали разные должностные лица, включая губернатора Петербурга, князя Оболенского, и А. Половцева, уполномоченного Красного Креста. Приехали также инспекторы санитарной службы и многие мои знакомые. После освящения было заказано угощение.

Пару дней после открытия госпиталь стоял пустым, но неожиданно поздним вечером нам сообщили о прибытии раненых. Весь персонал и врачи, разумеется, были на месте. Я очень волновалась, так как с той минуты брала на себя ответственность за жизнь людей. Один из них находился в очень тяжелом состоянии и той же ночью умер. Я страшно переживала и, когда началась агония, хотела послать за врачом, но мне отсоветовали это делать, так как он только что уехал к больному, оставив все необходимые предписания. Врач уже ничем не мог помочь

этому раненому, а в его помощи нуждалось слишком много людей. И все же я была очень подавлена, так как надежда умирает последней, и мне все время казалось, что если бы доктор был на месте, то, возможно, несчастного удалось бы спасти.

Я никогда не присутствовала на операциях и не видела, как накладывают повязки, а поэтому и здесь ничем не могла помочь. Однако я делала все, что умела, и изо всех сил старалась скрасить раненым пребывание в госпитале. Я посылала подарки их семьям, а как-то раз устроила настоящее представление и станцевала для них вместе с Орловым и Стуколкиным «Русскую», которую исполняла в Красном Селе.

Во время войны я несколько раз выезжала из Петербурга на гастролы в разные города.

Первую поездку организовал Соколовский, который повез в Ревель всю труппу. Ему удалось заказать для меня прекрасный салон-вагон, выложенный карельской березой в стиле ампир. Этот вагон назывался «вьяльцевским», потому что в нем разъезжала по России знаменитая певица Вьяльцева. С нами последовал и барон Готш. После успешного выступления мы сразу же отправились в обратный путь. К нашему поезду прицепили вагон-ресторан, где мы весело провели время за ужином, а потом все пришли в мой вагон и веселились до самого утра. В Ревеле я танцевала свое знаменитое *ra de deux* с Владимировым, который закончил училище в 1911 году. Он был по-настоящему талантлив и являлся прекрасным партнером.

Вскоре после возвращения из Ревеля известный антрепренер Резников предложил мне выступить вместе с Владимировым в Гельсингфорсе. Попытка

оказалась удачной, и я добилась огромного успеха. Стояла зима, и море было покрыто льдом. Морские офицеры, присутствовавшие на спектакле, предложили мне осмотреть стоявшие на рейде корабли. У меня сохранилась интересная фотография: я с офицерами стою в лодке, а вдали виднеются корабли. После Гельсингфорса Резников назвал следующий город — Киев. Местная публика встретила меня очень холодно, вероятно, чтобы выразить таким образом свое недовольство тем, что я до сих пор не приезжала сюда, как это делали другие танцовщицы. Мой партнер Владимир использовал здесь гораздо большим успехом, чем я. Киев был очень ревнивым к чужой славе, он считался вторым после Петербурга городом, здесь был прекрасный театр, и все ведущие артисты как бы считали своим долгом непременно появиться на этой сцене.

Потом Резников организовал большие двухнедельные гастроли по России. Мы должны были выступить в Москве, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Баку и Тифлисе. Со мной поехал Владимир, тенор Виттинг, который пел в перерывах между танцевальными номерами, чтобы дать мне возможность переодеться и отдохнуть, а также дирижер Лачинов. Путешествовать в военное время было очень сложно. В каждом городе следовало ехать со всем багажом в гостиницу, а после представления быстро возвращаться в поезд. Все это было очень утомительно. Однако великий князь Сергей Михалович дал мне на время гастролей свой салон-вагон, очень большой и приспособленный для длительных поездок. Посреди вагона находилась просторная гостиная, а рядом помещалась моя спальня и ванная комната. По одну сторону вагона располагался буфет, где, в случае необходимости, мой лакей Арнольд мог приготовить обед. За буфетом находилось его купе, а в самом конце —

багажное отделение. Напротив гостиной было четырехместное купе, в котором разместились Владимиров, Виттинг и Лачинов. В следующем двухместном купе поселились моя горничная и Наташа Рубцова, дочь моей экономки. Последнее купе занимал кондуктор. Пасха в тот год выпала на 22 марта, а наши гастроли начинались сразу после нее, в первых числах апреля, в Москве, где я выступала в частном театре Зимина. Я не сомневалась в успехе, так как в Москве меня хорошо знали и любили. Мои предположения оправдались.

И в Киеве на сей раз все было иначе. Вероятно, киевляне оценили то, что я так быстро вернулась, и приняли меня очень тепло.

Во время гастролей мы постоянно жили в салоне-вагоне. По прибытии на станцию его ставили в тупик. В театр я брала только то, что требовалось для выступления. Было даже забавно возвращаться после представления в вагон, как к себе домой. Там нас ждал обильный и вкусный ужин, заказанный в вокзальном буфете. Нам ни о чем не нужно было беспокоиться.

В нужное время вагон прицеплялся к поезду, и мы отправлялись в другой город, отдыхая в удобных постелях, а утром Арнольд подавал кофе. Вот так, без всяких забот, мы разъезжали по России.

После Киева мы выступали в Харькове, где Владимиров заболел ангиной. Из-за этого нужно было отменить представление в Ростове, куда мы прибыли поздним вечером. Вокзал был заполнен людьми, пришедшими нас поприветствовать. Я кланялась, стоя у окна, откуда открывался вид, напоминающий Венецию, — повсюду была вода. Это вышел из берегов Дон, который при свете месяца выглядел сказочно прекрасным.

Следующая остановка была в Баку, нефтяном

центре России и городе миллионеров. Перед началом спектакля я выглянула в щелочку в занавесе, чтобы посмотреть на публику. На дамах были дорогие вечерние туалеты и множество драгоценностей. В Баку мне оказали великолепный прием, хотя я на это и не рассчитывала. После представления меня пригласили на ужин в лучший ресторан. Когда я вошла в зал, меня встретили аплодисментами. Перед отходом поезда братья Маиловы прислали мне в вагон великолепную икру со своих складов, известных всей России.

Последним местом гастролей был Тифлис. Для выступлений в Тифлисе я выбрала танцы, которые, по моему мнению, должны были понравиться местной публике, в том числе «Танец индийского мотылька», который мы исполняли с Владимировым. Я не ошиблась в выборе — успех был огромным.

Тифлис мне очень понравился, хотя и не удалось осмотреть весь город, но то, что я видела, было прекрасно. Два офицера отвезли меня в загородный ресторан на берегу Куры, чтобы я послушала игру на зурне и посмотрела народные танцы.

Тифлис устроил мне трогательные проводы. Когда вагон прицепили к поезду и подали к перрону, я уже не могла выйти, так как весь коридор был забит людьми, пришедшими со мной попрощаться. Два симпатичных офицера, сопровождавших меня в ресторан, знали, что я не люблю сладостей, и принесли огромную круглую плоскую корзину с фруктами и свежей зеленью. В Тифлисе такие корзины называются «табахи» и имеют такое же символическое значение, как «хлеб-соль» в России. Полученные в подарок букеты расставили на задней наружной платформе, а часть занесли в вагон.

Людям, толпившимся в коридоре вагона, я бросала цветы через головы тех, кто стоял впереди, так как

подойти к ним я не могла. На обратном пути на одной из станций мне подарили мешок сушеной рыбы.

Жаль, что на Тифлисе закончилось наше замечательное турне по России. То, что мы ехали в собственном вагоне, придавало нашему путешествию особую прелесть. Мы чувствовали себя как дома и ни о чем не беспокоились: ни о билетах, ни о том, что можем опоздать к поезду. Из Тифлиса мы вернулись прямо в Петербург, нигде не задерживаясь в дороге. Деньги, заработанные во время турне, я пожертвовала комитету имени великой княгини Ольги Николаевны, за что получила от нее благодарность и памятную медаль.

Несмотря на всеобщее угнетенное состояние, вызванное войной, я старалась не поддаваться депрессии и даже подбадривала других, убеждая их, что дела обстоят вовсе не так плохо, как кажется. За это друзья называли меня «лучиком», а Владимир Лазарев — «чудо-девицей».

Летом того года, желая развлечь раненых и дать им возможность подышать свежим воздухом, я стала возить их по очереди на свою дачу в Стрельне. Для этой цели мне выделили государственный грузовик. Раненых сопровождала медсестра. Я была счастлива, что могу скрасить им жизнь.

Вова всегда радовался возможности провести день с ранеными. Он внимательно следил за развитием военных действий и знал обо всех крупных сражениях. Если среди раненых солдат были участники этих сражений, Вова засыпал их вопросами. Он часто приходил в госпиталь и играл с ранеными в шашки.

35. ГОД 1916

Каждый год после отпуска, перед началом театрального сезона, я устраивала себе проверку и приглашала на репетицию сестру и пару близких друзей, чтобы они честно сказали, могу ли я, по их мнению, продолжать выступления на сцене. Разумеется, с каждым годом моя техника становилась все более совершенной, а сама я набиралась опыта. Но иногда случается так, что в конце своей карьеры балерина никак не может понять, что лучше уйти в зените славы, чем продолжать выступления до тех пор, пока ее не покинут силы, и тогда у зрителей о ней останутся далеко не самые лучшие воспоминания.

Когда перед спектаклем я оставалась дома одна, то часто задавала себе вопрос: зачем я продолжаю выступать, уже заслужив признание и известность, и не лучше ли проститься с балетом прямо сейчас? И все же я чувствовала непреодолимую тягу к танцу, а каждый выход на сцену был для меня способом творческого самовыражения. В театре я была счастлива и, позабыв обо всем не свете, жила чувствами своих героинь.

Особенно хорошо я танцевала в последние два года, когда стала выступать с Петром Владимировым. На сцене он был воплощенным вдохновением и увлекал этим партнершу. Мы вместе выступали в «Лебедином озере» и достигли такого взаимопонимания в танце, какого мне не удалось достигнуть ни с одним другим партнером. Он прекрасно поддерживал меня во второй картине первого акта, подбрасывая и подхватывая на лету, словно пушинку, заставляя замирать от восторга весь зал, так как в то время это было новшеством. Балет «Талисман» всегда был моим козырем и гарантировал полный успех. Когда со

мной стал выступать Владимир, эта постановка выиграла еще больше. Он производил фурор в роли Гения Вихря, выбегая из-за кулис и неся меня на руках. Известный критик Юрий Беляев писал, что Владимир влетает на сцену, предлагая меня зрителям, словно бокал шампанского.

Я всегда волновалась и нервничала перед выступлением, даже когда ожидала своего выхода. Я боялась потерять славу, добытую за долгие годы работы. Но при первых звуках музыки я бросала вызов публике и снова была на вершине счастья.

Уже четверть века я выступала на императорской сцене и решила попросить разрешения на бенефис с тем, чтобы полученные от него деньги передать Российскому театральному обществу, осуществлявшему свою деятельность под покровительством императора. Его председателем был великий князь Сергей Михайлович, а вице-председателем — Молчанов. Собранные средства были предназначены для семей артистов, ушедших на фронт.

Для бенефиса я выбрала балет «Талисман» и назначила очень высокие цены на билеты. Несмотря на это, все они были распроданы, а многие денежные поступления значительно превышали их стоимость. В результате собранная сумма составила 37 тысяч рублей, что по тем временам было очень много. В тот вечер я пять раз повторила коду из последнего акта, установив рекорд. Я поместила в печати объявление с просьбой не приносить на бенефис цветы, так как шла война. Но, несмотря на это, цветов было море. Одна дама, сидевшая в кресле под моей ложей, громко выразила свое возмущение по этому поводу, на что мой сын достаточно резко ответил: «Она того стоит». Заступничество Вовы, которому в ту пору едва исполнилось 13 лет, всех очень тронуло. Мой бенефис состоялся 23 февраля. Зрители подарили мне огромную хрустальную вазу для

крюшона в массивной серебряной оправе работы Фаберже. К ней прилагался такой же массивный ковш. В тот же вечер за ужином я разливала им крюшон. Этот ковш сохранился у меня до сих пор. Я наткнулась на него в одном из магазинов в Кисловодске, и мне его вернули.

Семнадцатого апреля 1916 года я впервые решилась станцевать Жизель, хотя прекрасно отдавала себе отчет в том, что этот балет не для меня. Но я была такой тоненькой и воздушной, что решила рискнуть. Главной моей целью был сбор денег на нужды санитарных организаций великой княгини Марии Павловны. Я рассчитывала (и не ошиблась) на то, что многие придут посмотреть на меня в «Жизели» из простого любопытства. И действительно, сбор от спектакля был очень солидным. Я получила от великой княгини Марии Павловны фотографию с дарственной надписью. Разумеется, я не была такой Жизелью, как Павлова, которая осталась непревзойденной в этой роли, но и мне удалось получить свою долю успеха у публики, оценившей мое бескорыстное желание помочь раненым. Зато поклонники Павловой и мои враги, а таких было немало, сразу же на меня набросились. Но я уже давно привыкла к подобным выпадам, а потому меня это ничуть не задело.

Поездка на фронт

Весной 1916 года я решила поехать на фронт с подарками для солдат. Мой дорогой друг Александр Викторов, работавший в Красном Кресте и по долгу службы часто бывавший на фронте, пообещал организовать мне поездку на позиции одного из корпусов в районе Минска, так как был знаком с местным комендантом. Я попросила Владимирову меня сопровождать, и мы отправились в путь втроем. На фронте

наступило временное затишье. До Минска мы доехали поездом и заночевали в маленькой обшарпанной гостинице. Темная и почти пустая столовая оставила гнетущее впечатление. Номера тоже были грязными и плохо освещенными. Об остальном лучше умолчать — таким все казалось примитивным и запущенным.

На следующее утро нам прислали повозку и офицера для эскорта. Стояла чудесная солнечная погода, и наш путь проходил по лесу и полям. Повсюду виднелись следы недавних боев, воронки от снарядов и кресты на свежевыкопанных могилах. В штабе меня встретил сам командир корпуса, который уступил мне и моим спутникам превосходную двухкомнатную землянку. В одной комнате расположилась я, а в другой — Виктор и Владимир. Мы приехали в штаб к вечеру, и перед ужином я вручила подарки солдатам, размещенным здесь же, в бараке. После этого был подан вкусный ужин. Обилие и разнообразие блюд так меня поразило, что я спросила сидевшего рядом офицера, каким образом все это удалось достать на фронте. На что он мне ответил, что при желании достать можно абсолютно все.

Барак, в котором мы ужинали, с одной стороны был открытым и соединялся с площадкой под навесом, на которой расположился оркестр. Один из офицеров великолепно станцевал кекуок, а я не могла себе простить, что не захватила костюм и ноты, чтобы исполнить для солдат «Русскую». Под конец вечера я так устала, что едва держалась на ногах. Во время поездки на мне было скромное платье и высокие ботинки.

Утром следующего дня мы поехали осматривать передовую. По дороге мне сначала показали заграждения из колючей проволоки, а потом батарею на краю леса и стоявшую отдельно дальнобойную пуш-

ку, так тщательно замаскированную, что ее не было видно даже вблизи. Рядом с ней лежал неразорвавшийся снаряд, который охранял часовой, следивший за тем, чтобы его никто не трогал. Потом мы подъехали к церкви, сильно пострадавшей при обстреле. Вокруг нее виднелись многочисленные воронки от снарядов. Офицеры объяснили мне, что во время обеда, примерно с двенадцати до двух, немцы отдыхают и не стреляют, а значит, в данный момент нам ничто не угрожает. Видя мой интерес, молодые военные хотели подойти со мной еще ближе к линии фронта, чтобы я посмотрела окопы неприятеля, но командир корпуса категорически это запретил. В утешение мне позволили пойти за церковь, откуда было хорошо видно немецкого солдата, невозмутимо прохаживающегося по противоположному берегу реки.

С линии фронта мы возвратились в штаб корпуса в два или три часа дня и попрощались с нашими любезными и гостеприимными хозяевами, поблагодарив их за сердечный прием.

В театральном сезоне 1916-1917 года я, по просьбе дирекции, с тяжелым сердцем согласилась выступить на сцене, но это больше не приносило мне радости. И зрители, и артисты жили в мучительном предчувствии надвигавшейся грозы.

Лето я, как всегда, провела на даче, но часто приезжала в город, чтобы навестить своих раненых и, по мере сил, помочь им.

Почти каждое воскресенье я привозила на дачу выздоравливающих солдат. После обильного и вкусного завтрака они проводили у меня весь день, гуляя по саду и отдыхая на полянках. Вова все время был рядом, очень привязался к ним и всячески старался им угодить.

Раненых в Петербург стали привозить все меньше, и госпитали пустовали. Прошел слух, что раненых будут эвакуировать вглубь страны, так как там меньше проблем с транспортировкой. Содержание подобного учреждения требовало существенных затрат, даже если там никого не было. Поэтому в декабре я решила закрыть свой госпиталь.

Эта новость сильно опечалила моих раненых и весь персонал. Мне тоже было нелегко принять такое решение, так как я вложила в это предприятие всю свою душу. Самой тяжелой минутой стало закрытие госпиталя. По этому случаю состоялось богослужение, и все присутствовавшие плакали, так как госпиталь просуществовал почти два года, за которые обслуживающий персонал прекрасно сработался, и расставание было очень тяжелым. После богослужения я в последний раз обошла все палаты, прощаясь с ранеными, которых в тот же день распределили по другим госпиталям. За мной следовал весь персонал. Старший санитар в каждой палате обращался к раненым со словами: «Ну, братцы, я первый, а вы за мной». Потом он становился на колени и начинал бить поклоны. Все раненые, следуя его примеру, тоже становились на колени, кто как мог. Многие были на костылях и в бинтах, но на колени становились все. Так было в каждой палате. Это так засело у меня в памяти, что даже сейчас, предлагая что-нибудь сделать вместе, я говорю: «Я первая, а вы за мной». После богослужения раненых развезли по госпиталям, но наша связь не оборвалась, и от многих из них я получала благодарственные письма.

Повара Сергея я послала в ставку к великому князю Сергею Михайловичу, чтобы он обслуживал его немногочисленный штаб, состоявший из нескольких адъютантов и доктора Маака, который в свое время был с Андреем в Санкт-Морице. С начала войны доктора Маака призвали в армию, и он служил в по-

левом госпитале лейб-гвардейской стрелковой бригады и едва не попал в плен. Потом он долго болел дизентерией, а по выздоровлении был переведен в ставку.

В ночь с 16-го (29) на 17 (30) декабря 1916 года в Юсуповском дворце князь Феликс Юсупов убил Григория Распутина, заманив его к себе под каким-то предлогом.

Я никогда не видела Распутина ни вблизи, ни издали и не имела ничего общего ни с ним, ни с его окружением. У меня не было собственного мнения об этом человеке, хотя в то время о нем говорили очень много.

Многие, и я в том числе, считали, что намеренное приближение Распутина к царской семье чревато опасными последствиями. И все же его убийство было роковой ошибкой. Многие достойные доверия люди подтверждали тот факт, что Распутин несколько раз спасал жизнь наследника престола, останавливая кровотечение. Все надежды, связанные с исцелением сына, императрица возлагала на Распутина, тогда как медицинские светила продемонстрировали свое полное бессилие перед болезнью царевича Алексея. Смерть Распутина лишила императрицу последней надежды, и это было самым ужасным и мерзким результатом преступления.

Большим горем стало для нас известие о том, что в убийстве был замешан великий князь Дмитрий Павлович, которого сразу же выслали в Персию. Его втянули в это дело, чтобы бросить тень на всю царскую семью. Присутствие Пуришкевича, человека ультраправых взглядов, как бы оправдывало в глазах князя эту преступную аферу. Однако он не принимал личного участия в убийстве.

Когда несколько лет спустя, уже в эмиграции, мы

встретились с Дмитрием Павловичем в Париже, он с омерзением вспоминал ту роковую ночь в Юсуповском дворце и избегал всяческих контактов не только с теми, кто устранял Распутина, но и вообще с людьми, с которыми тогда имел дело, желая забыть обо всем, что произошло.

Многие, включая и самих участников убийства, считали, что со смертью Распутина все изменится в лучшую сторону, зло, окружавшее престол, исчезнет, а вредное влияние на императора прекратится, и Россия, наконец, с облегчением вздохнет в преддверии счастливого будущего. Но как же они все ошибались! Может быть, некоторые именно на это и рассчитывали. С того трагического дня все стало стремительно двигаться к роковому финалу.

36. ЯНВАРЬ—ИЮЛЬ 1917 ГОДА

Для своего бенефиса хор выбрал оперу «Немая из Портики», и ко мне обратились с просьбой исполнить роль Фенеллии, над которой я работала вместе с Михаилом Михайловичем Фокиным, отступившим от общепринятой концепции и предложившим новую и оригинальную интерпретацию этой роли. Оперу ставили на императорской сцене впервые, и об этом много говорили в театральном мире. Некоторые считали, что «Немая из Портики» приносит несчастье, и в подтверждение своих слов приводили разные примеры. Один из них особенно запомнился. Тогда «Немую» ставили в Петербурге в частном театре, а партию Фенеллии танцевала балерина Гримальди. Это было осенью, но я еще жила на

даче. Гримальди пригласила меня на спектакль, так как хотела, чтобы я посмотрела ее выступление. Представление прошло успешно, после чего я вернулась в Стрельну, а на следующее утро прочла в газетах, что ночью театр сгорел дотла!

17 января 1917 года, в день бенефиса, всем его участникам было не по себе. На сцене совершалась революция, горел дворец, и все было озарено отблесками пламени, как бы предупреждая, что и нас ждет такая же участь, но уже не на театральной сцене, а в жизни. И действительно, не прошло и месяца, как свершилась революция.

На следующий день после представления, 18 января, Андрей по совету врачей отправился на лечение в Кисловодск. Он собирался провести там неделю пять, а к 1 марта возвратиться на фронт, так как на то время были запланированы важные военные операции.

Следующий спектакль, в котором я принимала участие, состоялся 29 января. Это был прощальный бенефис Любы Егоровой, расстававшейся со сценой после двадцати лет работы на ней. В последнем действии я танцевала свою любимую «Русскую». За кулисами находился Фокин, и когда я закончила выступление, он подошел ко мне и сказал, что никогда не видел подобного исполнения этого танца. Похвала Фокина была мне очень приятна.

2 февраля графиня Матильда Ивановна Витте, получив высочайшее позволение, устроила благотворительное представление в пользу Дома труда инвалидов войны, которым руководила специальная комиссия Высшего совета под покровительством Ее Величества императрицы Александры Федоровны. Графиня Витте попросила меня помочь ей организовать и провести это мероприятие. Я охотно согласилась, так как графиня всегда была со мной очень любезна, и решила привлечь наших лучших артис-

тов. Я никогда не отказывала им в подобных просьбах и сейчас рассчитывала на их поддержку.

После переговоров был решен вопрос с программой.

Мария Кузнецова исполняла арию из второго действия оперы «Манон», а потом несколько испанских танцев. Лидия Липковская спела арию Розины в сцене урока из третьего действия оперы «Севильский цирюльник», а Дмитрий Смирнов — арию Ленского из сцены перед дуэлью. Мы с Фокиным выступили в его балете «Карнавал»: я — в роли Коломбины, а он — Арлекина. Кроме того, мы танцевали первый акт «Дон-Кихота», а Тамара Карсавина — вальс.

Так как никто не хотел входить первым, я решила начать благотворительный вечер балетом «Карнавал». Вопреки традиции, все приехали задолго до начала спектакля, и театр наполнился до отказа элегантной великосветской публикой. Фокин остался очень доволен моим исполнением роли Коломбины. Я впервые танцевала этот балет в Петербурге, по желанию самого Фокина.

Представление удалось на славу, и графиня Витте пришла в восторг и от него, и от полученных сборов. Это было мое последнее появление на императорской сцене Мариинского театра, в котором я в общей сложности проработала 27 лет после окончания училища.

После представления графиня Витте устроила у себя дома ужин, на который пригласила всех ведущих артистов, принимавших участие в спектакле, а также ряд лиц, принадлежавших к высшим кругам общества. Мы сидели за круглыми столами, и я заняла место за одним из них в центре зала. Моим соседом был Стас Поклевский, бывший в то время послом в Румынии.

Я была глубоко тронута сердечностью и любовью графини Витте, которую считали женщиной

умной и интересной. Андрей хорошо знал супругов Витте и высоко ценил их обоих, особенно графа, который как-то всю зиму учил его политической экономии. Кажется, это было в то время, когда в России начали вводить золотую валюту, что вызвало множество споров и возражений.

Каждый день приносил все более тревожные вести. Сначала это были только слухи, передаваемые из уст в уста, и казалось трудным определить, так ли плохо обстоят дела в действительности или же это паникерские настроения, распространяемые среди народа. Но в первой половине февраля генерал Галле, комендант Четвертого полицейского управления на Петербургской стороне, находившегося на Каменноостровском проспекте в доме № 65, позвонил и настоятельно порекомендовал мне с сыном на время покинуть столицу. По его мнению, в городе каждую минуту могли начаться беспорядки, а мой дом, находившийся в самом начале Каменноостровского проспекта, мог подвергнуться разрушению в первую очередь. Я сразу же поняла, что слухи не были беспочвенными и, не медля, последовала его совету, выехав в Финляндию, в санаторий Рауха, недалеко от Иматры. Мы провели там почти неделю, с 8-го по 15 февраля. Сопровождал нас Петр Владимиров. В Финляндии все было спокойно, погода стояла чудесная, и мы совершали санные и пешие прогулки. Все это хорошо успокаивало нервы. Обитатели санатория оказались симпатичными людьми, и мы приятно провели время, а 15 февраля генерал Галле сообщил мне, что в Петербурге все спокойно и можно возвращаться, что мы сразу же и сделали. И действительно, на первый взгляд казалось, что жизнь в городе вошла в свое обычное русло. Сестра стала надоедать мне с просьбой устроить, наконец, обед для друзей и знакомых. Поддавшись на ее уговоры, 22 февраля я устроила обед на 24 персоны. По это-

му случаю я достала свои прелестные безделушки, сложенные в сундуки и коробки еще с самого начала войны. У меня было много изделий работы Фаберже, среди них целая коллекция цветов из драгоценных камней, золотая елочка, ветви которой были покрыты мелкими бриллиантами, имитирующими иней, много мелочей, украшенных эмалью, розовый родонитовый слон и золотые рюмки. Словом, всего было так много, что я даже позвонила сестре и пожаловалась на то, что у меня нет места для этих вещей. За свои опрометчивые слова я была жестоко наказана, так как через несколько дней у меня все украла, и расставлять уже было нечего.

Обеденный стол был украшен ландышами в серебряных вазах, подаренных мне москвичами. Десерт подавали на прелестных позолоченных тарелочках с позолоченными столовыми приборами. Этот сервиз был точной копией сервиза Екатерины II, находившегося в Эрмитаже. Я получила его в подарок от Андрея и сейчас опасалась, что в последнюю минуту неожиданно придет 25-й гость, которому не хватит позолоченной тарелочки и столового прибора. К обеду стол был сервирован лиможским фарфором, который Андрей привез из Франции, а рыбу подавали на привезенных из Дании тарелках с изображением различных рыб. Под каждым прибором лежала салфетка из настоящих кружев.

Войдя в столовую, гости онемели от восхищения, что доставило мне огромное удовольствие, так как я сама продумала каждую мелочь. Обед прошел удачно, все блюда были вкусными и предлагались с соответствующими винами. После обеда мы играли в баккара, и гости долго не расходились. Это был мой последний прием в Петербурге.

На следующий день, 23 февраля, моя экономка стала пересчитывать хрусталь и столовое белье, как она обычно делала после больших приемов. В этот

момент прибежал кто-то из моих людей, насмерть перепуганный, и сказал, что по Большой Дворянской движется огромная толпа. Началось то, чего мы все так боялись и ждали — уличные погромы. Толпа прошла мимо моего дома, но на сей раз все обошлось благополучно. В последующие три дня еще теплилась надежда, что все успокоится и придет в норму. Двадцать пятого февраля я рискнула посетить Александринский театр, где на бенефисе Юрьева показывали «Маскарад» Лермонтова в постановке Мейерхольда. На улице было тихо, и я съездила в театр и вернулась домой без всяких приключений.

На следующий день, 26 февраля, в воскресенье, снова позвонил генерал Галле, сказал, что ситуация в городе очень тревожная, и посоветовал вынести из дома все, что только можно. В течение всего дня он поддерживал со мной связь, сообщая, что происходит в городе. Он по-прежнему говорил, что положение серьезное, но выражал надежду, что «если нарыв прорвется, то наступит выздоровление». Его совет спасти все, что можно, пока еще есть время, поставил меня в трудное положение. Пройдя по дому и осмотрев ценные вещи, я не знала, что вывозить и куда, так как вокруг уже всюду бушевала вырвавшаяся на волю стихия. Я не держала в доме крупных и самых ценных бриллиантов, а хранила их у Фаберже. В комнатах находились только дорогие красивые вещицы, но их было великое множество, даже не считая столового серебра.

В понедельник, 27 февраля, стало ясно, что, вопреки надеждам генерала Галле, «нарыв не прорвался» и на мирный исход событий рассчитывать не следует. С каждым часом положение становилось все более опасным. Все ценное, что попало мне под руку, я сложила в небольшую сумку, чтобы на всякий случай подготовиться к бегству.

В тот вечер, когда мы сели обедать вместе с Во-

вой, его губернатором Георгием Пфлюгером и двумя танцовщиками, Петром Владимировым и Павлом Гончаровым, никто не мог думать о еде. Целый день раздавались единичные выстрелы, но теперь уже стреляли рядом с моим домом. Все понимали, что нужно как можно скорее покинуть дом, пока сюда не ворвалась разъяренная толпа. Я надела самый скромный костюм, черное бархатное пальто, отделанное мехом шиншиллы, и накинула на голову платок, чтобы не привлекать к себе внимания. В спешке я чуть было не забыла о своем любимом фокстерьере Джиби, смотревшем на меня огромными испуганными глазами. Он чувствовал, что что-то случилось, и все куда-то бегут, совершенно не обращая на него внимания. Кто-то взял его на руки, кто-то схватил сумку с драгоценностями, и мы бросились прочь из дома, но куда? Было уже восемь вечера, а я не имела понятия, где поблизости можно укрыться. Вдруг я вспомнила о Юрьеве, артисте нашей драматической труппы. Я не сомневалась, что он не откажет мне в убежище, хотя бы на первое время. Мы все кинулись к его дому, находившемуся совсем рядом, в самом начале Каменноостровского проспекта. Юрьев жил в доме Лидваля, на пятом этаже. Здесь мы и провели, не раздеваясь, первые три дня. Несколько раз сюда приходили вооруженные солдаты и через квартиру Юрьева вылезали на крышу в поисках пулеметов. Они угрожали нам, говоря, что мы ответим головой, если их найдут на крыше. С окон тоже пришлось все убрать, чтобы проходящей толпе не померещился пулемет, так как в этом случае по окнам сразу же открывали огонь.

Мы сидели в коридоре, подальше от окон, опасаясь, что в нас может попасть какая-нибудь шальная пуля. Все эти дни еду нам приносили из моего дома оставшиеся верными до конца слуги. Предали меня только двое: экономка Рубцова и коровница Катя,

которая, воспользовавшись переворотом, украла мои вещи. Это меня не особенно удивило, ведь она была простой крестьянкой, а вот предательство Рубцовой больно задело за живое.

Я поддержала Рубцову после смерти ее мужа, декоратора Николая Рубцова, которого все мы хорошо знали и любили. Супруги преуспевали и устраивали у себя пышные приемы: Рубцов украшал дворец великой княгини Ольги Александровны. Вдова же осталась без средств к существованию, и я взяла ее к себе в качестве экономки, предоставив ей прекрасные комнаты в своем доме и согласившись на то, чтобы она жила здесь вместе с детьми. Покойный Рубцов часто играл с нами в покер, и в память о нем мы решили после каждой игры откладывать определенную сумму в пользу его вдовы. К моменту переворота эта сумма составила 20 тысяч рублей, что по тем временам было очень много. И вот эта самая Рубцова, которой не только я, но и все мои друзья помогали от чистого сердца, встретила революционеров с распростертыми объятиями и заявила: «Входите, входите, пташка упорхнула». Это случилось на следующий день после моего бегства из дома, который заняла какая-то банда во главе с грузином Агабабовым. Он стал устраивать в моем доме обеды и заставил повара готовить для его гостей, которые упивались моим шампанским. Оба мои автомобиля, разумеется, были реквизированы.

Через три дня на квартиру к Юрьеву пришел мой брат Юзеф, и мы решили переселиться к нему. Ценности я оставила у Юрьева, так как нести их через город было опасно. Взяв на руки собачку, я вместе со всеми отправилась к брату пешком, так как другого средства передвижения у нас не было. День стоял морозный и ветреный, особенно холодно было на Троицком мосту. В своей легкой одежде я промерзла до костей, пока мы добрались до квартиры

брата, находившейся на Литейном проспекте, в доме № 38 на углу Спасской улицы.

Оказавшись, наконец, у него, я расплакалась, давая выход всему, что накопилось во мне за эти дни.

Больше всего я переживала за Вову, опасаясь, что его у меня отнимут, но, к счастью, никто не знал, где мы скрывались все эти дни. Солдаты, время от времени врывавшиеся в квартиру Юрьева, даже не подозревали, кто я такая, а иначе нас с Вовой постигла бы страшная участь.

Я перебралась к брату 1 марта, накануне своих именин, но и здесь меня не покидало чувство тревоги. Я постоянно прислушивалась к доносившимся с улицы звукам, замирая от страха, когда мимо дома проезжал грузовик. Мне казалось, что он непременно остановится перед нашим подъездом, а это означало обыск, арест, а может быть, и нечто более страшное.

На следующий день до нас дошла весть об отречении императора. Трудно было вообразить что-либо более ужасное. Это казалось настолько невероятным, что просто не укладывалось в голове, и мы все еще тешили себя надеждой, что это известие окажется ложным. Почему он отрекся от престола, и что заставило его так поступить? Потом пришла еще одна печальная весть — об отречении великого князя Михаила Александровича... А потом к власти пришло Временное правительство... Все казавшиеся незыблемыми принципы один за другим превращались в ничто, а вокруг продолжались аресты, пожары, грабежи, на улицах убивали офицеров... Это революция собирала свой кровавый урожай.

Через пару дней после того, как я остановилась у брата, позвонил мой сторож и сказал, что разворачивают мой дом. Я побоялась пойти туда сама и попросила сестру и Владимирову, чтобы они вместе сходили и узнали, что происходит. Они позвонили в

дверь, которую открыл какой-то солдат растерзанного вида, с винтовкой в руках. Проводив их в дежурное помещение, он предложил им сесть и спросил, в чем дело. Сестра сказала, что ей стало известно о разграблении дома, но солдат ответил, что не понимает, о чем идет речь. По его мнению, все осталось на прежнем месте. Потом он пригласил сестру и Владимирову в столовую, где на полках еще стояли золотые рюмки. Однако из дальнейшего разговора выяснилось, что городская милиция вывезла какие-то сундуки в резиденцию губернатора. Владимиров сразу же отправился к губернатору и объяснил ему, в чем дело, а тот пригласил к себе мою сестру. Владимиров отправился в театр «Аквариум», чтобы выяснить судьбу моих вещей, а сестра остановила проезжавшие мимо крестьянские сани и кое-как добралась до резиденции губернатора. Новый губернатор города любезно принял ее у себя в кабинете, а потом выдвинул ящик письменного стола и вынул оттуда мой золотой венец, полученный в подарок от зрителей. «Вы узнаете эту вещь?» — спросил он у сестры. Разумеется, она сразу узнала. Затем он показал ей сундуки и ящики, составленные в соседней комнате. Все они были вывезены из моего дома. Сестра сказала, что сторож сообщил ей о разграблении дома, на что губернатор ответил, что уже приняты соответствующие меры по охране оставшегося имущества. Однако в конце концов он так ничего и не сделал.

Впоследствии мне вернули золотой венец и ящики с серебром. Венец я сдала на хранение в Кредитное товарищество вместе с другими ценными вещами, которые удалось вынести Арнольду. Одиннадцать ящичков я поместила в Азовско-Донской банк, директором которого был Каминка, мой хороший знакомый и сосед по даче в Стрельне. По сей день у меня хранится квитанция, выданная банком. Как-то, уже в

эмиграции, я встретила Каминку, который заверил меня, что ящики надежно спрятаны, и их никто не найдет. Он даже выразил надежду, что мне их скоро вернут.

Как я уже говорила, лучшие мои украшения и драгоценности хранились у Фаберже, однако после переворота он попросил все забрать, опасаясь обыска и конфискации лежавших в сейфе драгоценностей. Вскоре именно так и случилось. Эти ценности и все, что мне удалось вынести из дома, я сложила в отдельный ящик и сдала в Государственный кредитный банк на Фонтанке, дом № 74Б, причем умышленно занизив их стоимость, чтобы меньше платить за хранение. Я находилась в стесненном материальном положении и не могла потратить крупную сумму. Директор Кредитного банка был удивлен такой низкой оценочной стоимостью, так как, по его подсчетам, драгоценностей было не меньше, чем на два миллиона рублей. Я сберегла квитанцию Кредитного банка, подтверждающую, что ценности могут быть выданы только лично мне или моей сестре.

Через пару дней после моего ухода из дома ко мне пришел знакомый офицер Берс, назначенный комендантом Петропавловской крепости, и предложил нам с сыном переехать в крепость, обещая выделить нам отдельные комнаты. Он пытался убедить меня в том, что там нам будет спокойно и нас оградят от распоясавшегося сброда. Однако мне вовсе не улыбалась жизнь в таких условиях, а кроме того, я боялась, что в случае очередного переворота и смены коменданта о нас могут попросту забыть. Страшно представить, что бы тогда с нами стало!

Немного придя в себя, я стала думать, к кому обратиться за помощью. В первое время я скрывала место своего пребывания, и друзья потеряли меня из виду. Теперь я решила о себе напомнить и в первую очередь обратилась к Николаю Платоновичу Караб-

чевскому. Как известный адвокат, он имел большие возможности, а кроме того, у него были прекрасные отношения с Керенским. Я вспомнила его слова: «Умоляю, убейте кого-нибудь, чтобы я мог вас защищать! Не сомневаюсь, суд вас оправдает». Я решила, что сейчас самый подходящий момент за меня заступиться, тем более что я никого не убивала. Я позвонила Карабчевскому, уверенная в том, что он поможет и замолвит за меня словечко перед Керенским. Однако результат был совершенно неожиданным. Николай Платонович заявил, что сейчас заступаться за Кшесинскую неудобно и опасно и стал говорить что-то еще в том же духе. У меня не было желания это выслушивать, и я положила трубку, думая о справедливости мудрой старой поговорки насчет того, что друг познается в беде.

К счастью, вскоре ко мне пришел Владимир Пименович Крымов, издатель и редактор популярного журнала «Столица и усадьба». Он был моим давнишним другом, мудрым, талантливым и честным человеком, придерживавшимся твердых принципов как до переворота, так и после него. Он часто бывал у меня и знал Андрея, который также его очень ценил и уважал за ум, искренность и доброжелательность. Когда я рассказала ему о своем положении, он, не колеблясь, продиктовал мне письмо на имя Керенского, и мы тотчас поехали в министерство юстиции. В письме я сообщила свой адрес и номер телефона. Как только я вернулась домой, мне сразу же позвонил сам Керенский и любезно обещал все устроить, а также дал мне свой номер телефона и сказал, что я могу звонить ему в любое время дня и ночи, если мне потребуется помощь. Должна признаться, что меня тронуло участие Керенского, которого я не знала и никогда не видела, а он меня и тем более. По сравнению с ответом Карабчевского такая любезность не только тронула меня до глубины

души, но и придала некоторую уверенность. Наконец-то я почувствовала почву под ногами.

Еще один мой большой друг и почитатель, Михаил Александрович Стахович, назначенный генерал-губернатором Финляндии, также меня навестил и был готов на все, чтобы меня поддержать.

Мой верный друг Викторов доказал свою преданность не только словом, но и делом. Покидая квартиру Юрьева, я оставила там сумку с драгоценностями и попросила Викторова принести ее мне. Он отправился к Юрьеву, чтобы выполнить мое поручение. Однако я не попросила захватить спрятанную у Юрьева фотографию Ники с дарственной надписью. Покидая свой дом, я взяла этот снимок, а потом вложила его в какой-то журнал, лежавший на столе у Юрьева, думая, что в случае обыска там его не найдут. Уходя от Юрьева, я умышленно не взяла снимок с собой, так как это было опасно. Когда я попросила Викторова принести сумку, то не могла сказать ему о фотографии, не желая подвергать его опасности при возможном задержании на улице. До сих пор не понимаю, как я могла оставить в чужом доме этот самый дорогой для меня подарок.

Я уже не помню, сколько времени прошло с ухода Викторова, но, к моей радости, он благополучно вернулся вместе с сумкой, которую нес какой-то солдат. Потом он объяснил, что ноша была слишком тяжелой, и он обратился за помощью к встречному солдату, тем более что на самом Викторове был мундир, похожий на солдатский. Кроме того, он решил, что никто не обратит внимания на то, что несет простой солдат.

Живя у брата, я рискнула съездить в Таврический дворец, чтобы подать прошение об охране моего дома. Я собиралась передать его в одно из посольств и обошла все дворцовые залы и комнаты в поисках лица, отвечающего за такого рода дела. Везде было

черно от папиросного дыма, а на полу валялись бумаги и окурки. Среди этой невообразимой грязи шныряли какие-то ужасные надутые типы. Мне также запомнилась ныне покойная Александра Коллонтай, сидевшая на высоком табурете, заложив ногу за ногу и с папиросой в зубах.

Наконец, среди этой всей разношерстной толпы я нашла того, кого искала. Этот человек оказался довольно порядочным; говорили, что он меньшевик. Фамилии его я уже не помню, не то Белавин, не то Белявский. Он меня выслушал, и мы сразу же поехали ко мне домой, чтобы посмотреть, что там творится.

Войдя в дом, я онемела от горя при виде происшедшего. Прекрасная мраморная лестница, покрытая красным ковром, была завалена книгами, в которых копались какие-то женщины. Когда я стала подниматься по лестнице, они закричали, что я топчу книги. Тут уж я не стерпела и ответила, что в своем собственном доме могу ходить, где захочу. Меня проводили в кабинет на нижнем этаже, и человек, встреченный мной в Таврическом дворце, любезно предложил мне посидеть в кресле, которое я раньше так любила. Один из солдат оказался человеком честным, и когда мой провожатый поинтересовался, почему они так надолго задержались в моем доме, солдат вместо ответа показал на окно, из которого был прекрасно виден Троицкий мост и набережная. Именно это и было для них самым важным. Я сразу же поняла, что имею дело с большевиками, замышляющими очередной переворот. Они хотели удержать выгодную позицию для полного обзора и обстрела моста.

Мой провожатый посоветовал мне позвонить домой и сообщить семье, где я нахожусь. Я попросила соединить меня с квартирой брата и поговорила с Вовой, которого попыталась успокоить и убедить в

том, что меня окружают порядочные люди и мне ничего не угрожает. Потом мне предложили подняться наверх, в спальню. То, что я там увидела, было просто чудовищно. Великолепный ковер, привезенный из Парижа, был залит чернилами, а всю мебель вынесли вниз. Из модного шкафа вырвали дверцу вместе с петлями и вынули все полки, а в шкаф поставили винтовки. Я быстро вышла из спальни, не желая смотреть на такое варварство. В моей ванне было полно окурков. В этот момент ко мне подошел студент Агабабов, который первым обосновался у меня в доме. Он, как ни в чем не бывало, предложил мне вернуться и сказал, что освободит комнаты сына. Я ничего не ответила, считая его слова верхом наглости. Гостиная также представляла собой отталкивающее зрелище. Рояль фирмы «Бехштайн», сделанный из красного дерева, неизвестно зачем перенесли в оранжерею и втиснули между двумя колоннами, сильно их повредив. Тогда-то я и узнала о судьбе своего любимого голубя. Сторож рассказал, что в тот день, когда я ушла из дома, голубь вылетел в окно, и больше его не видели. А ведь до этого он всегда возвращался вечером в оранжерею, где жил. Какой-то внутренний инстинкт подсказал ему, что нужно покинуть это место.

С тяжким сердцем я еще раз простилась со своим домом.

Вновь я его посетила вместе с поверенным в делах Шессеном, Владимировым и Павлушей Гончаровым. Я все еще пыталась вернуть себе особняк. Нас встретил тот самый солдат, который здесь был в прошлый раз и вел себя очень любезно. Он проводил нас в малую гостиную, обставленную в стиле Людовика XVI и, показав на стоящие на полу ящики для серебряной посуды, сказал: «Вот видите, все на месте». Но впоследствии я узнала, что ящики и коробки были пустыми, а все серебро украли.

За мной все время следовали по пятам два матроса, которые тихо переговаривались между собой. Шедший рядом с ними Владимиров вдруг быстро приблизился ко мне и шепнул на ухо, что нужно немедленно уходить. Я тут же последовала его совету, не сомневаясь, что у него были на то веские причины. Выйдя на улицу, он объяснил, что случайно подслушал разговор матросов, которые обсуждали меня. Я вообще невысокого роста, а в черном пальто и платке казалась еще меньше. И вдруг Владимиров услышал, как один из матросов сказал своему товарищу: «Слушай, мы-то думали, что встретим здоровенную бабу, а эту замухрышку можно здесь и прикончить». Владимиров был абсолютно прав, когда предложил мне немедленно покинуть дом.

Несмотря на все старания, вернуть его не удалось, и я решила обратиться лично к Керенскому и поехала к нему в министерство юстиции. Принял он меня очень любезно, усадил в кресло, а потом объяснил, что вернуть дом невозможно, так как это приведет к кровопролитию и только осложнит дело. Впоследствии я убедилась, что он и в самом деле ничем не мог помочь.

Друзья поддержали меня в трудную минуту, и от этого стало легче на душе. Иметь надежных друзей — большое счастье.

Я прожила у брата почти три недели, но понимала, что долго так продолжаться не может. Ведь у него была своя семья — жена и дети, — а тут приходилось уделять внимание мне. Нам выделили самую хорошую комнату и отдавали все лучшее, отрывая от себя.

Сначала я хотела переселиться к сестре, жившей на Английском проспекте в доме № 40, но, пробыв у нее три дня, мы остановились у моей близкой подруги Лили Лихачевой, которая жила на Офицерской улице в доме № 39. У нее мы тоже провели три дня и, в конце концов, переехали к Владимирову, который

предоставил мне свою квартиру на Алексеевской улице в доме № 10. Она была маленькой, но удобной. Мы с Вовой заняли спальню Владимирова. Как страшно не иметь своего угла и искать приюта в других домах, зная, что стесняешь хозяев...

Людмила и Арнольд постоянно нас навещали и снабжали едой. Арнольд был гражданином Швейцарии и остался жить в моем доме, стараясь вынести из него все, что только можно, и вернуть мне. Людмила переехала к матери, но часто бывала у меня и умудрилась передать мне много обуви. Она босиком пробиралась в гардеробную, надевала мои туфли и уходила. Людмила рассказала, как, наткнувшись на флаконы с духами, солдаты разбили их об умывальник, а великолепное батистовое постельное белье разорвали в клочья. Даже коровница Катя отдала мне черную бархатную юбку, которую расставила в боках, так как была полнее меня. Узнав, что мне покровительствует сам Керенский, она испугалась и принесла юбку, которая впоследствии сыграла немаловажную роль в моей жизни. Она также принесла детскую фотографию императора Александра III с его братом, великим князем Владимиром Александровичем. На фотографии великий князь был очень похож на Вову, и Катя подумала, что это портрет Вовы.

У Владимирова мне жилось спокойно. Первая волна революции спала, и в городе, казалось, установился мир. Но это впечатление оказалось обманчивым. После окончания Великого поста мой повар Денис принес мне традиционное пасхальное угощение. В трапезе приняли участие Борис Романов и Леля Смирнова. Пасха в тот год выпала на 2(15) марта.

Однажды меня навестил Семен Николаевич Рогов, журналист и знаток балета. Во время войны он был мобилизован и отправлен в резервный батальон и ходил в военном мундире. Постоянно общаясь с

солдатами, он хорошо изучил обстановку в армии и знал, какие настроения там преобладают. Он пришел ко мне со странным и неожиданным предложением выступить в театре Консерватории, где организовывалось представление для солдат его полка. По правде говоря, меня удивила такая необычная затея, так как выступать перед солдатами для меня было полнейшим безумием. Однако Рогову удалось меня убедить в том, что этот замысел не такой уж безумный, а его предложение серьезное и продуманное. Он говорил, что гораздо лучше согласиться добровольно, так как сейчас такие концерты организуются повсеместно, и артистов силой заставляют принимать в них участие. Рогов добавил, что не стоит дожидаться, когда мне прикажут это делать. В конце концов, он меня уговорил, заверив, что я ничем не рискую, а мое появление на сцене будет встречено с энтузиазмом, после чего я смогу спокойно ходить по городу, а не прятаться, как сейчас. Мне привезли из дома русский национальный костюм, так как гардероб мой пока еще был цел, и по указанному номеру в шкафу нашли все необходимое.

Вечером, в день представления, я сидела загримированная и ждала вестей из театра. Мой поверенный в делах Шессен, Владимиров и Павел Гончаров отправились туда раньше, чтобы выяснить обстановку и решить, можно ли мне приехать. Несмотря на заверения Рогова, что мне ничто не угрожает, друзья хотели убедиться в этом лично и, смешавшись с толпой солдат, стали прислушиваться к их разговорам. Они сразу определили, что солдаты настроены по отношению ко мне враждебно, и известили об этом меня, попросив повременить с выездом. Однако когда они объяснили солдатам, что речь идет о выдающейся танцовщице и что они будут в восторге, увидев мое выступление, их мнение резко изменилось. После этого за мной послали Рогова.

В театр приехало много наших артистов балета. Они стояли за кулисами и сильно нервничали и беспокоились по поводу предстоящего торжества. Как потом выяснилось, Рогов тоже боялся, хотя и убеждал всех в том, что никакой опасности нет. Несмотря на слой грима, я была бледной, как мел, и нетрудно понять, почему. Я боялась выйти на сцену, но больше всего переживала за Вову, которого оставила одного, не зная, что меня ждет.

Дрожа от страха, я стояла за кулисами, но, в конце концов, все же решила выйти на сцену. То, что было потом, описать трудно. Весь зал встал и встретил меня громом аплодисментов. Мне устроили такую овацию, что оркестру пришлось прекратить играть, так как ничего не было слышно. По словам Рогова, все это длилось примерно четверть часа, и только потом я смогла начать выступление. После исполнения «Русской» мне снова устроили овацию, и танец пришлось повторить. Если бы у меня хватило сил, можно было бы исполнить «Русскую» и в третий раз. Восторженные солдаты бросали на сцену шапки, а у стоявших за кулисами на глаза навернулись слезы, настолько стремительным был переход от неуверенности и страха к восторгу, охватившему весь зал. Домой я вернулась усталая, но в приподнятом настроении, потому что сдержала обещание, и все закончилось благополучно. И лишь немногие знали, чего мне это стоило.

Это было мое последнее выступление в России, моя лебединая песня.

Случилось так, что в последний раз я танцевала на сцене театра Консерватории, где дебютировала много лет назад, когда тут еще находился Большой театр.

Первого мая в городе ожидалась беспорядки, спровоцированные большевиками. Мне было страшно оставаться с Вовой в квартире Владимирова, и

поэтому я с радостью воспользовалась приглашением сиамского посла Визана и на несколько дней переехала к нему. Посольство находилось на Адмиралтейской набережной в доме № 6. Вместе со мной переехала и сестра с мужем, и мы прогостили там два дня. Сестра очень волновалась за своего мужа, которого уже однажды арестовали, но вскоре освободили. Теперь она опасалась, что мужа снова арестуют. Посол Визан был моим давнишним другом, часто ко мне приезжал и в то тревожное время не боялся поддерживать со мной отношения.

Вскоре после этого мне вернули одну из машин, реквизированных в начале переворота. Я ее тут же продала, чтобы получить хоть немного денег, пока ее снова не отняли.

В начале июня Сергей Михайлович вернулся из ставки в Петроград. В виде исключения его попросили в частном порядке по-прежнему руководить Главным управлением артиллерии. Всем великим князьям пришлось после революции оставить службу в армии. В связи с этим Сергей Михайлович отправился в Могилев еще три месяца назад. Расставание с любимой артиллерией было для него тяжким ударом.

В Петрограде ему вернули маленький автомобиль, которым обычно пользовались его подчиненные. Благодаря этому мы могли ездить на прогулки. Однажды я увидела свой второй автомобиль, в котором сидели какие-то люди. Мне показалось, что они меня узнали, и мы поспешили уехать.

Как-то раз мы с Вовой в сопровождении Арнольда выбрались в Царское Село. Он пригласил нас на завтрак к своему приятелю, имевшему там небольшой пансионат. После завтрака мы осмотрели его хозяйство: курятник, сад, огород и прочее. Прогулка эта закончилась трагически. Джиби, которого я взяла с собой, чем-то отравился и той же ночью умер у

меня в постели. На обратном пути и в течение всего вечера Джиби чувствовал себя нормально, а ночью стал крутиться, и я решила, что он ловит блох, и попыталась его успокоить. А утром, когда я проснулась, Джиби был уже мертв.

Потеря любимой собаки, моего верного друга на протяжении девяти лет, была для меня большим горем. Помню, как-то ночью я расплакалась, а Джиби вскочил мне на грудь и посмотрел своими умными глазами, как будто понимая, что я чувствую. Мы с Вовой отвезли его на машине в Стрельну, чтобы похоронить в саду, где он так любил бегать. Солдаты, квартировавшие на моей даче, проявили к нам сочувствие и даже помогли выкопать и засыпать яму. Когда ее закапывали, я заплакала, а кто-то из солдат сказал: «Наверное, хорошая была собака, если хозяйка так убивается».

До этого я уже бывала на даче. В доме все было перевернуто вверх дном, а большая часть мебели вывезена. Однако солдаты всегда встречали меня хорошо и смотрели за Вовой во время прогулок по саду. Их командир даже предложил, чтобы Вова жил в своем маленьком домике, гарантируя ему полную безопасность.

Я хотела доставить в город свое пианино из шведской березы, а также вещи, которые не успели растащить, и обратилась за помощью к солдатам, которые охотно погрузили все на телегу. Раньше в ней перевозили растения с дачи в городскую оранжерею. Они попросили меня сфотографироваться на память. В то время большая часть солдат еще не была втянута в омут революции. Как оказалось, среди них встречалось много порядочных людей.

18 июня, на Вовин день рождения, мы все решили поехать в Финляндию, в имение Николая Александровича Облакова, воспитателя мальчиков в Императорском Театральном училище и близкого друга

Петра Владимирова. Кроме Вовы, со мной поехал сам Владимиров и великий князь Сергей Михайлович. Имение находилось недалеко от станции Белоостров. Мы развлекались там три или четыре дня, а потом вернулись в город. После того, что мы пережили, жизнь в имении Облакова была для нас моральным и физическим отдыхом.

В Петербурге я оставалась еще месяц. По мере стабилизации положения становилось все яснее, что мы потеряли абсолютно все: дом, имущество... Однако другим было еще хуже.

Как-то, проезжая мимо своего дома, я увидела Александру Коллонтай, прогуливающуюся по моему саду в моем же горностаевом манто. Говорили, что она носила и другие мои вещи, но я не знаю, правда это или нет.

37. ИЮЛЬ—ДЕКАБРЬ 1917 ГОДА

Прошел уже почти год, как мы расстались с Андреем, и я очень по нему соскучилась. Из его писем я знала, что переворот почти не затронул Кироводск, и после нескольких тревожных дней жизнь там вернулась в обычное русло, установился относительный покой и порядок. Многие семьи покинули Петербург и устремились на Кавказ, главным образом, в Минеральные Воды, Пятигорск, Ессентуки и Кироводск, где, помимо прекрасного климата и целебных вод, были достаточно сносные условия жизни. Уехал граф Коковцев с супругой, графиня Карлова со всей семьей, Шереметьевы, Воронцовы и многие другие. Туда же подались и представители финан-

совых кругов. Все считали, что оставаться в Петербурге опасно, так как в любую минуту могут снова начаться беспорядки, за которыми последуют аресты.

Я хотела быть рядом с Андреем, а кроме того, увезти Вову как можно дальше от столицы и поселиться с ним, хотя бы временно, в тихом и безопасном месте. Потеряв дом в Петербурге и дачу в Стрельне, я скиталась по чужим углам, чувствуя, что мое присутствие всех стесняет. Надежды на то, что в ближайшем будущем обстановка изменится к лучшему, не было. Разумеется, я собиралась осенью вернуться в Петербург, думая, что к этому времени мне вернут дом. Я собиралась начать новую жизнь, правда, пока еще не знала, какую именно, так как у меня возникло много проблем. Вскоре после переворота великий князь Сергей Михайлович вернулся из ставки Верховного главнокомандующего и был снят с должности. Великий князь сделал мне предложение, но совесть не позволила мне его принять, ведь Вова был сыном Андрея. К великому князю Сергею Михайловичу я испытывала безграничное уважение за его преданность и была благодарна за все, что он для меня сделал в течение всех этих дней, но я никогда не чувствовала к нему такой любви, как к Андрею. Это была моя душевная трагедия. Как женщина, я была душой и телом предана Андрею, но чувство радости от предстоящей встречи было омрачено угрызениями совести из-за того, что я оставляла Сергея одного в Петербурге, зная, что ему угрожает большая опасность. Кроме того, мне было тяжело разлучать его с Вовой, которого Сергей безумно любил, хотя и знал, что тот не был его сыном. Со дня рождения Вовы он отдавал ему каждую свободную минуту, заботился о его воспитании, когда я во время театрального сезона была занята на репетициях и выступлениях и не имела времени для занятий с сыном, как мне того хотелось. Большинство людей не представ-

ляет, сколько приходится работать прима-балерине и в каком напряжении она живет. Вова тоже упрекал меня за то, что я редко бываю дома.

Все это меня очень печалило, но мысль о безопасности сына и непреодолимое желание поскорее встретиться с Андреем заставили меня принять окончательное решение об отъезде в Кисловодск, где я собиралась оставаться до тех пор, пока мне не вернут дом. Никто не мог предвидеть последовавшего развития событий, и мы по старой привычке продолжали строить планы на будущее.

Я взяла разрешение на поездку в Кисловодск, так как путешествовать без него по России было опасно. Кроме того, оно подтверждало, что его обладатель не преследуется за сотрудничество с прежним режимом и не находится в розыске. Я обратилась с просьбой к главе Временного правительства Керенскому и вскоре получила нужный документ от министра юстиции Павла Николаевича Переверзева. Мне позволялось не только свободно передвигаться по всей России, но и выбирать себе место жительства без каких-либо ограничений.

Когда мы отъезжали от Николаевского вокзала, я увидела великого князя Сергея Михайловича, одетого в штатское. Он одиноко стоял на перроне в своем длинном плаще и провожал медленно удалявшийся поезд взглядом, исполненным тоски и боли. Мы расставались с ним навеки...

Я выехала из Петербурга 13 июля, в четверг. Меня сопровождала преданная горничная Людмила Румянцева и слуга Иван Курносков, который демобилизовался перед самым отъездом и захотел вернуться ко мне. Я взяла его для Вовы, так как его прежний слуга сбежал в первые же дни революции. Мне удалось занять двухместное спальное купе в международном вагоне, где мы разместились с Вовой и Людмилой. Иван нашел себе место в том же вагоне.

Сначала мы ехали хорошо, но за Москвой наш вагон стали штурмовать толпы убежавших с фронта солдат, которые ни с чем ни считались, заявляя, что наступила свобода и каждый может делать все, что захочет. Солдаты толкались в коридорах и вламывались в купе, что было просто невыносимо.

В Кисловодск мы приехали 16 июля в десять вечера, на следующий день после именин Вовы. Андрей снял нам комнаты в доме Щербинина, дочь которого была замужем за офицером Добрынским. Впоследствии Щербинины часто бывали у меня в Капд'Эль. Дом был летним и одноэтажным, все комнаты располагались анфиладой, а кроме того, имели по обе стороны выход на галерею: с улицы и со двора. У каждого из нас была своя комната. Дом находился на Эмировской улице. Оставив вещи, мы сразу же пошли с Андреем и его адъютантом фон Кубе на ужин в грузинский ресторан Чтаева. После долгой и утомительной дороги ужин в садовой беседке казался нам удивительно вкусным и приятным. Издали доносились звуки музыки, светил-месяц, и, наконец, после стольких тяжелых испытаний мы снова были вместе. Радость от встречи с Андреем была так велика, что я сразу же позабыла обо всех невзгодах.

Мы хорошо устроились в доме Щербининых, хотя на какой-либо комфорт рассчитывать не приходилось. Ели мы с Вовой в ресторанах, так как в доме готовить было невозможно, но все же утром Иван подавал нам кофе.

В Кисловодске в это время отдыхал Михаил Фокин с женой, и 21 июля мы с Андреем ходили к ним на чай. Все говорили и думали только об одном: что делать? Остаться здесь или вернуться? Как будут развиваться дальнейшие события?

29 августа приехала сестра с мужем. Они поселились в соседнем флигеле. А 21 сентября прибыл из Петербурга великий князь Борис Владимирович

с Леоном Манташевым. Вместе с ними вернулся и фон Кубе, уезжавший на некоторое время.

Вскоре стало ясно, что о возвращении в Петербург не может быть и речи. Дом мне отдавать не собирались, и никто не знал, будет ли это когда-нибудь сделано. А события приняли такой оборот, что лучше было остаться в Кисловодске. Я стала подыскивать себе жилье на зиму, так как у Щербинина не было отопления. К счастью, я нашла прекрасный дом в Вокзальном переулке. Он принадлежал инженеру Белаевскому и был хорошо обставлен. Кроме того, при нем был небольшой сад. Хозяева занимали часть дома, отдельную от нашей. Я сразу же наняла кухарку, и мы стали готовить у себя. Несмотря на привычку к роскоши, я не могла нарадоваться, что после стольких скитаний имею, наконец, собственный угол. От этой мысли мне становилось как-то легче на душе. Я переехала на новое место 3 декабря, вместе со мной поселились и сестра с мужем.

Еще до переезда меня навестил находившийся на лечении в Сочи Владимир, который также остановился у меня. Ему захотелось покататься верхом, но прогулка имела печальные последствия, так как Владимир упал с лошади, очень сильно ушибся и сломал себе нос. Потом он долго лежал, весь забинтованный, а приплюснутый нос остался у него на всю жизнь.

Устроив как-то свою жизнь, я стала писать великому князю Сергею Михайловичу и уговаривать его приехать в Кисловодск, так как меня удручала мысль о том, что в Петербурге ему грозит опасность. Однако он все откладывал отъезд, так как хотел вначале вернуть мне дом, а кроме того, собирался переправить за границу драгоценности, доставшиеся мне от матери, и поместить их на хранение в банк на мое имя. Однако из этого ничего не вышло, так как британский посол, к которому он обратился за помощью,

ответил отказом. Великий князь также хотел спасти мебель из моего дома и перевезти ее на склад Мельцера, что, вероятно, ему удалось, но наверняка я не знаю. Однако все его старания, в конце концов, оказались напрасными.

Петр Владимиров, вылечившийся после падения, возвратился в декабре 1917 года в Петербург, пообещав мне перед отъездом помочь великому князю Сергею Михайловичу. Обещание свое он исполнил. Владимиров рассчитывал вскоре вновь оказаться в Кисловодске, но потом понял, что приехать не может, так как не хочет оставлять великого князя, которого он пытался отправить в Финляндию. Этот замысел не осуществился, потому что документы были оформлены на одного Сергея Михайловича, без сопровождающего, а он болел и не мог ехать один. Кроме того, великий князь, как и остальные члены царской семьи, не хотел ухудшать положения императора. После устройства всех моих дел он собирался приехать в Кисловодск, но было уже слишком поздно, так как к власти пришли большевики, а дезертиры просто вышвыривали пассажиров из вагонов, чтобы поскорее добраться до дома. Поездки по России стали невозможными.

Когда до нас дошла весть о большевистском перевороте и первых действиях большевиков (конфискация банков, сейфов и всего имущества «буржуев»), мы поняли, что превратились в нищих.

Рухнули надежды получить свой дом назад и возвратиться в Петербург. А кроме того, я лишилась возможности отыскать самое дорогое для меня — письма Ники и его последнюю фотографию с дарственной надписью, которую я оставила на квартире у Юрьева.

Письма Ники я сложила в шкатулку и отдала на хранение своей верной подружке Инкиной, вдове ар-

тиллериста. Ее дочь Зоя дружила с моим сыном и часто бывала у нас. Доверяя ей шкатулку, я считала, что она будет в безопасности, так как Инкиной не грозили ни обыски, ни репрессии. Я также надеялась, что оставшаяся у Юрьева фотография долежит до лучших времен. Даже после всего случившегося я тешила себя надеждой, что смогу вернуть памятные для меня вещи.

Волна большевизма, захлестывающая Россию, докатилась до Кисловодска уже в начале 1918 года. До этого мы жили относительно спокойно и беззаботно, хотя и здесь случались грабежи и обыски.

Оказалось, что в Кисловодске у меня много друзей и знакомых. Мы стали ходить друг к другу на чай, обед или поиграть в карты, чтобы хоть как-то развлечься. Сидеть дома в одиночестве в это неспокойное время было очень тоскливо. Кроме того, местные власти время от времени объявляли комендантский час и запрещали появляться на улице с девяти вечера до восхода солнца. Волей-неволей приходилось оставаться в гостях до утра. Мы пользовались этим предлогом, чтобы не расходиться слишком рано.

Когда было решено, что мы остаемся в Кисловодске, Вова стал учиться в местной гимназии. Обучение там велось на высоком уровне, учителя были прекрасными, и Вова успешно продолжал свое образование. У него было много друзей среди ровесников. Молодежь любила резвиться в огромном парке. Вероятно, они там сходили с ума, и Вова, случалось, приходил домой в разорванной одежде, что приводило Ивана в ужас.

38. ЯНВАРЬ—ДЕКАБРЬ 1918 ГОДА. КИСЛОВОДСК — БЕГСТВО — АНАПА

У

же в январе большевизм дал о себе знать и в Кисловодске. До тех пор до нас доходили только слухи о том, что делается в столицах и крупных городах. Мы надеялись, что волна революции докатится до нас еще не скоро, однако не было сомнений, что эта чаша нас не минет и впереди всех ждут суровые испытания.

Первым городом в районе Минеральных Вод, оказавшимся в руках большевиков, стал Пятигорск. Как и в Петрограде, здесь начались аресты офицеров, стали закрываться банки и твориться безобразия. Так было везде, где к власти пришли большевики. Заняв Пятигорск, они вскоре появились и в Кисловодске. Произошло это неожиданно и, я бы сказала, незаметно.

27 января у меня обедали близкие друзья, всего человек десять. В десять вечера к нам явился с обыском отряд красноармейцев. Обыск был поверхностным, а вели себя солдаты вполне прилично. Было непонятно, зачем они вообще сюда пришли. Может быть, хотели посмотреть, как живут в Кисловодске буржуи? Правда, они сказали, что должны конфисковать оружие, но у меня в доме его никогда и не было. Андрей, как и многие другие, носил черкеску с кинжалом. Услышав, что ищут оружие, он быстро снял кинжал и спрятал в прихожей. Однако один из солдат заметил, что у него нет кинжала, и спросил, куда он исчез. Опередив Андрея, я тут же ответила, что кинжал находится в прихожей. Солдаты хотели забрать даже маленький детский кинжальчик Вовы, но тут вмешался мой верный Иван и стал стыдить солдат, говоря, что нельзя обижать мальчика. Нако-

нец нас оставили в покое. Минут через пятнадцать после их ухода один из солдат тихонько вернулся и сказал, что нам нужно разойтись по домам, иначе это все может плохо кончиться. Разумеется, гости тут же разошлись. Нас удивил и растрогал этот поступок. Кем был тот человек, и что заставило его нас предостеречь? Об этом мы так и не узнали и больше никогда с ним не встречались.

Тридцатого апреля в Кисловодск приехала казначейская комиссия во главе с комиссаром Булле, вероятно, латышом по национальности. Его прислали из Москвы, чтобы взыскать с находившихся в Кисловодске «буржуев» контрибуцию в размере 30 миллионов рублей. Нас всех вызвали в «Гранд-Отель», где заседала комиссия. В тот день я была совсем больна и едва держалась на ногах. Среди пришедших было много моих друзей и в их числе одна еврейка, Ребекка Марковна Вайнштейн, которая очень меня полюбила. Заметив мое состояние, она по собственной инициативе обратилась к комиссару Булле и сказала ему, что в зале находится Матильда Кшесинская, которая очень больна. Она добавила, что я являюсь одной из первых жертв революции, потеряла свой дом и имущество, а потому платить контрибуцию мне нечем. Булле сразу же подошел ко мне и любезно спросил о здоровье. Услышав, что мне плохо, он сказал, чтобы я немедленно отправлялась домой, и приказал дать мне машину и сопровождающего. С этого часа меня не беспокоили по поводу контрибуции.

Вскоре у меня на даче появилось двое большевиков, одного из которых звали, кажется, Озол, а другого — Марцинкевич. Озол сразу же стал вынимать из кармана свои ордена и другие награды и рассказывать, что во время войны он был ранен и лежал в полевом госпитале имени великой княгини Ольги Николаевны. Он явно хотел произвести на

меня впечатление. Марцинкевич, молодой, красивый и статный, ходил в простой черкеске и вел себя безупречно. Они попросили меня принять участие в благотворительном спектакле в пользу местных раненых. Видимо, выражение моего лица было столь красноречивым, что слова уже не потребовались. Это предложение меня не только удивило, но и возмутило до глубины души. Они оба стали меня убеждать, говоря, что среди тех, в чью пользу организуется сбор денег, многие сохранили прежние взгляды и что все понимают мое нежелание выступить перед самими большевиками и никогда не стали бы обращаться ко мне с подобной просьбой. Они даже предложили доставить из Петербурга мои костюмы, когда я сказала, что без них не смогла бы танцевать, даже если бы и захотела это сделать. Разумеется, я отказалась от выступления, но согласилась продавать билеты, а в день представления — программки и шампанское. Я считала, что категорический отказ от их мероприятия мог навлечь на меня неприятности, исходившие если не от этих двоих, то от их товарищей. Я понимала, что нужно всячески стараться избегать конфликтов с местными властями. Когда Озол попрощался, Марцинкевич под каким-то предлогом задержался, вероятно, желая поговорить со мной с глазу на глаз. И действительно, он сказал, чтобы в случае каких-либо осложнений я сразу же обращалась к нему. Это было очень трогательно со стороны большевика.

Вскоре после их визита в курзале состоялся какой-то концерт или спектакль, на котором я присутствовала. Увидев меня, Марцинкевич сразу же подошел и на глазах у всех поцеловал мне руку.

Благотворительный спектакль, в котором мне предлагали выступить, прошел нормально и даже произвел на меня самое благоприятное впечатление с точки зрения порядка и хорошей организации.

Организаторы приветствовали меня, как в прежние времена, и держались подчеркнуто почтительно. После окончания они предложили проводить меня до дома, но я была вместе со старым другом Константином Молостовым, бывшим офицером-кавалеристом. Потом я несколько раз встречалась с Марцинкевичем, который казался очень печальным. Создавалось впечатление, что он не одобряет новый режим, которому служит. Во время нашей последней встречи в «Гранд-Отеле» он сказал, что куда-то уезжает вместе с отрядом. С тех пор я его не видела и ничего о нем не слышала.

Примерно в то же время, весной 1918 года, Лидия Алексеевна Давыдова решила устроить представление для детей, чтобы доставить им хоть немного радости и отвлечь от грозных политических событий в России. Мероприятие носило также благотворительный характер, а сбор от него должен был пойти в пользу выздоравливающих раненых.

Лидия Алексеевна Давыдова считалась в Кисловодске важной особой. Сама необычайно красивая, она имела четырех очаровательных дочерей.

Супруг Лидии Алексеевны, Евгений Федорович Давыдов, был крупной фигурой в области финансов, как и его братья. Старший, Виктор Федорович, являлся директором Российско-Азиатского банка, а второй брат, Леонид Федорович — директором департамента в министерстве финансов. Лидия Алексеевна и ее муж располагали большими средствами и жили на широкую ногу.

Лидия Алексеевна пригласила принять участие в детском спектакле и моего сына, предложив ему главную роль в сказке «Калиф-Аист». Мне это не слишком понравилось, так как я не замечала у Вовы никакого сценического таланта и боялась его провала. Однако, видя его рвение, я дала согласие. На первых

репетициях я не присутствовала, но на репетицию в курзале пришла, чтобы посмотреть, как сын справляется со своей ролью.

К своему огромному удивлению и радости, я убедилась, что у Вовы все идет прекрасно, и, вернувшись домой, стала проходить с ним роль и объяснила, как нужно правильно говорить и вести себя на сцене, а также показала ему пару жестов. Потом вместе с горничной Людмилой мы принялись за шитье костюмов. По роли Вова сначала был калифом, потом аистом, а затем снова становился калифом, меняя при этом головной убор. В роли калифа он носил чалму, а потом надевал бутфорскую голову аиста. Костюм удался на славу.

Перед спектаклем я немного загримировала Вову. Мы очень переживали и волновались, но все прошло успешно, артисты оправдали надежды зрителей и были награждены заслуженными аплодисментами и криками «браво». Зал был переполнен, а Вова даже удивил меня своей игрой.

Главный курьез этого вечера заключался в том, что среди публики одновременно находились член императорской семьи великий князь Борис Владимирович и представители новой большевистской власти в лице комиссара Булле, Лещинского и Марцинкевича, которые сидели в соседней ложе.

Большевики занимали Кисловодск не сразу, а постепенно, шаг за шагом. Они приезжали на броневиках, а потом исчезали, и в городе наступало относительное затишье, продолжавшееся до очередного налета. Во время спокойных периодов мы по-прежнему ходили друг к другу в гости и играли в карты, так как никому не хотелось сидеть в одиночестве. Если можно было вернуться ночью домой, то мы так и делали, хотя с каждым днем это становилось все

более опасным, и я дважды едва не поплатилась за свою беспечность. В первый раз я возвращалась вместе с Молостовым, когда на улице было уже совсем темно. Вдруг кто-то крикнул: «Стой!» — и из темноты вышел солдат с винтовкой в руках. Когда мы объяснили ему, что возвращаемся домой, солдат сказал, чтобы мы убирались прочь, а не то он выстрелит нам в спину. Мы ускорили шаг, думая лишь о том, чтобы поскорее скрыться в темноте. В другой раз меня провожал домой Маринов, очень милый собеседник, наш партнер в карточной игре. Он был владельцем магазина канцелярских принадлежностей и считался богатым человеком. Было раннее утро, и солнце еще не взошло. Мы спокойно прошли мимо вокзала и направились по виадуку к Вокзальному переулку, где находился мой дом. На другой стороне виадука, справа от дорожки, на лавочке сидели два каких-то подозрительных типа в кожаных куртках. Когда мы прошли мимо, мне показалось, что они встали со скамейки и пошли за нами. У меня в руках была коробочка с жетонами для игры в карты, которые во время ходьбы позвякивали. От страха сердце было готово выскочить у меня из груди, и я боялась оглянуться, зная, что такие встречи не сулят ничего хорошего. Дойдя до калитки, я попрощалась с Мариновым и вошла в дом, а он пошел дальше. Не успела я переодеться, как вдруг раздался звонок, и моя горничная пошла открывать дверь. На пороге стоял Маринов, окровавленный и в разорванной одежде. Едва он отошел от моего дома, как те два типа напали на него, сняли с рук перстни, отняли портсигар и портфель с деньгами и жестоко избили, так как Маринов оказал сопротивление. Вид у него был ужасный. После этих двух случаев я стала избегать ночных прогулок, даже если меня провожали.

Ночью у меня в доме несколько раз под различными предлогами проводили обыск. А однажды крас-

ноармейцы ворвались среди бела дня и потребовали у нас паспорта. Я отдала им свой паспорт и в достаточно резкой форме заметила, что он у меня настоящий и что я являюсь танцовщицей императорских театров. Один из солдат взял паспорт и стал рассматривать, а я заметила, что он держит его вверх ногами. Вырвав у него из рук документ, я сказала, что неграмотный там все равно ничего не прочтет. Иван, раздосадованный приходом незваных гостей, быстро их выпроводил.

В следующий раз, 7-го или 8 июня, ко мне снова ранним утром явились с обыском. Я очень испугалась, как это часто бывает в такие моменты, но встретила красноармейцев спокойно и с достоинством. Я боялась, что они перепугают Вову, который еще крепко спал, и предупредила, чтобы они не входили к нему в комнату. А еще я заявила, что у меня давно все отняли, и теперь в моем доме нечего взять. Однако они ничего из вещей не тронули и, казалось, искали какого-то человека. Потом мне сказали, что обыски прошли по всему Кисловодску, так как большевики охотились за великим князем Михаилом Александровичем, который, по их сведениям, убежал из Перми и скрывался на Кавказе. Предполагали, что он в Кисловодске.

Во время обысков забирали все ценное, и поэтому люди стали прятать деньги и драгоценности, полагаясь на свою изобретательность. Однако нужно было часто переносить тайники из одного места в другое, так как солдаты, обнаружив ценности в одной из квартир, уже знали, где их искать в следующем доме. Например, деньги часто приклеивали под выдвижной ящик, но солдаты это быстро обнаружили и стали проверять все ящики. Я хранила их в верхней части окна, но для этого нужно было вынимать раму. Драгоценности я спрятала в ножке кровати, спустив их туда на ниточке, чтобы при необходимости

ти быстро вынуть. Многие держали их в банках изпод гуталина, но солдаты и это быстро раскусили и сразу же совали туда пальцы.

Несколько раз ко мне приходил какой-то сумасшедший, который непременно хотел со мной увидеться и все время обо мне расспрашивал. Как только он являлся, я пряталась, а горничная Людмила отвечала, что меня нет дома. Встретив Людмилу на улице, он пытался у нее узнать, как я выгляжу. Людмила сразу же поняла, что это опасно, и описала ему нашу кухарку, высокую, полную и рыжеволосую женщину. Сумасшедший был очень доволен и, встретив кухарку, бросился к ней со словами: «Ах, наконец!» Однако он быстро понял, что его обманули. Как-то раз он пришел к нам в дом, когда я с сыном, сестрой и ее мужем, бароном Цедделером, сидела за чаем. Это было в день его именин, 30 августа. Он подошел к барону и стал с ним разговаривать, возможно, зная, что тот является мужем моей сестры. Я очень испугалась, что он меня узнает, и сжалась в комочек, чтобы сумасшедший принял меня за девочку. Прикрыв лицо шляпой, я наклонилась к Вове и стала что-то тихо ему говорить. К счастью, он меня не узнал.

А как-то раз ко мне явился какой-то мужчина в сопровождении солдата. Он был одет в тиковую рубашку с черным галстуком и назвал себя анархистом. Пока солдат рыскал по комнатам, мужчина стал любезно рассказывать, в каких местах не стоит прятать ценности, упомянув в их числе банки с гуталином и заметив, что солдаты хорошо знают, что многие скрывают там бриллианты. Увидев Вову, он спросил у барона Цедделера, не является ли тот сыном императора. Анархист явно питал к нам какую-то симпатию и дал несколько полезных советов. После этого барон Цедделер как-то встретил его вдрызг пьяного. Разговорившись с анархистом, он узнал, что тот разочаровался в деле, которому служил.

Вот в таких тяжелых условиях мы жили день за днем, не зная, что нас ждет даже в ближайшие часы. Из Пятигорска приезжали броневики с какой-то очередной бандой, а это означало новые обыски, грабежи и аресты.

14 июня рано утром послышались отдаленные выстрелы, которые вскоре уже раздавались совсем близко от города, со стороны вокзала. Прошел слух, что казаки атаковали Кисловодск и разбили большевиков, обратив их в бегство. К радости местных жителей, какие-то казаки действительно проехали по улицам, но вскоре все успокоилось, и воцарилась мертвая тишина. Нигде не было видно ни казаков, ни большевиков, и никто не знал, что происходит на самом деле. Ясно было одно: если это и были казаки, то они сбежали, а мы снова попали в руки большевиков. Именно так и оказалось. По Кисловодску стали кружить банды красноармейцев, арестовывая всех, кого подозревали в симпатиях к казакам. Уже потом мы узнали, что это была вылазка партизанского отряда Андрея Шкуро, единственной целью которого являлось ограбление финансового ведомства большевиков и добыча оружия для своих людей. В конце концов, Шкуро это удалось, но после его ухода на город обрушились страшные репрессии.

Два дня спустя большевики устроили обыск в доме Семенова, где жила великая княгиня Мария Павловна со своими двумя сыновьями, великими князьями Борисом и Андреем. Они изъяли все оружие, имевшееся в доме, сабли и кинжалы. По окончании обыска предводитель большевиков приказал забрать великого князя Бориса и полковника фон Кубе, адъютанта великого князя Андрея. Они уже выходили из дома, когда один из солдат сказал командиру, что не забрали второго великого князя, на что тот ответил, что Андрея арестовывать не нужно, так как он умный и добрый. Андрей и правда был добрым и

очень воспитанным человеком, но и его брат был таким же добрым и никому не причинил зла. Убитая горем великая княгиня сидела вместе с Андреем на балконе и смотрела на тропинку, по которой вели арестованных, с ужасом думая, что уже никогда не увидит своего сына Бориса. После налета казаков следовало ждать возмездия. Четыре часа они просидели на балконе в тоске и тревоге. Борис и фон Кубе вернулись только в час ночи и рассказали, что их спасло вмешательство какого-то молодого студента, выступавшего в роли не то судьи, не то следователя, не то прокурора. Сначала они долго ждали, пока кто-нибудь обратит на них внимание, а когда их, наконец, провели в комнату, где сидел студент, он поинтересовался, за что же их задержали. Великий князь Борис и фон Кубе ответили, что не имеют об этом ни малейшего понятия. Студент тотчас вызвал командира отряда, производившего обыск, но тот тоже не мог дать никаких объяснений. Студент освободил их и выдал пропуск, так как ночью запрещалось ходить по городу.

До марта, пока Сергей Михайлович был в Петербурге, я достаточно регулярно получала от него письма, из которых стало известно, что примерно 20 марта ему и другим великим князьям, живущим в Петербурге, было приказано покинуть столицу. После его отъезда письма стали приходить редко и нерегулярно. Сначала Сергей Михайлович жил в Вятке, а потом в Екатеринбурге, откуда я получила несколько почтовых открыток и письмо. Многие наши письма тоже дошли до него. После долгого перерыва в конце июня от него пришла телеграмма, отправленная 14 апреля, на день рождения Вовы. Мы получили телеграмму дня за два до трагической гибели великого князя. Из нее мы поняли, что великий князь находится в Алапаевске. Это была его последняя весточка. Вскоре по радио передали, что Сергей и дру-

гие члены царской семьи, находившиеся вместе с ним под арестом в Алапаевске, были похищены белогвардейцами. К несчастью, это сообщение оказалось сфальсифицированным, но поначалу никому и в голову не пришло, что можно совершить такое вероломство. Мы радовались, что все они спасены. Почти через год, когда Сергея уже давно не было в живых, мы получили несколько почтовых открыток и даже одну телеграмму, которые задержались в пути.

Уже в первые дни июля по Кисловодску прошел слух о гибели императора и всей его семьи в Екатеринбурге, а продавцы газет бегали по городу с криками: «Убийство царской семьи!» Однако подробностей никто не знал, и все это было настолько ужасным, что казалось просто невозможным. Все мы надеялись, что это лишь слухи, намеренно распространяемые большевиками, а на самом деле императору и его семье удалось спастись бегством. Эта надежда еще долго теплилась в наших сердцах.

До сих пор у меня в ушах звучат голоса продавцов газет и эхо, разносившееся во все стороны.

Потом наступили страшные дни. 7 августа ко мне пришла Лидия Алексеевна Давыдова и сказала, что ночью арестовали великих князей Бориса и Андрея и куда-то их увезли вместе с остальными задержанными. Она также сказала, что уже приняты все необходимые меры, а я должна сидеть тихо, так как и надо мной нависла опасность. И действительно, они оба вернулись на следующий день к вечеру. Это было 8 августа. Однако их посадили под домашний арест, а у дома поставили часовых.

Потом я узнала, что произошло. В ночь с 6-го на 7 августа дом Семенова, в котором они жили, был окружен красноармейцами. Они также вошли внутрь. У дверей спален великих князей поставили часовых, чтобы те не могли общаться между собой. После обыска красноармейцы приказали Борису и

Андрею следовать за ними. Полковник фон Кубе в последнюю минуту обратился с просьбой, чтобы ему позволили их сопровождать. Никто в доме не знал, куда их повели. Сначала решили, что их забрали в городской совет депутатов, но потом выяснилось, что их доставили на вокзал и посадили в охраняемый вагон. Туда же привели и генерала Бабича, бывшего атамана войска Кубанского, прокурора петербургской судебной палаты Крашенинникова, а также князя Шаховского. Как потом рассказывал Андрей, когда все уже были в вагоне, солдаты стали говорить, что в Кисловодске также находится Кшесинская и что надо бы арестовать и ее. Арестованных отвезли в Пятигорск, сначала в совет депутатов, а потом в общежитие для местных властей, где всех поместили в одной комнате. Ночью в тюрьму перевели фон Кубе, Крашенинникова и князя Шаховского, а потом вывели генерала Бабича, которого уличная толпа буквально разорвала на части.

На следующий день Давыдова встретила в Пятигорске с Борисом и Андреем и сообщила им, что приняты все необходимые меры по их освобождению и поэтому им не о чем беспокоиться. Давыдова, лично знавшая комиссара Лещинского и часто принимавшая его у себя в доме, сразу же обратилась непосредственно к нему с просьбой сделать все, чтобы освободить Андрея и Бориса. Она даже предложила ему свои драгоценности в обмен на услуги, однако он от них отказался и обещал по мере возможности выполнить ее просьбу.

Лещинский пришел к нам около часа дня, представился членом Директории и сказал, что ночью едва спас пленников от расстрела, которого требовал городской совет депутатов. Однако Лещинскому удалось убедить его в бессмысленности кровопролития. Он обещал Борису и Андрею, что их выпустят в тот же день, и сказал, что зайдет к ним в пять вечера.

«Разумеется, если мне удастся вас освободить», — добавил он. О том, что произойдет, если ему это не удастся, лучше было не задумываться. В такой вот ужасной неопределенности они и просидели с часа дня до пяти вечера. Перед уходом Лещинский предупредил, что не доверяет местным красноармейцам, поэтому вызвал из Кисловодска комиссара с охраной, чтобы перевести их из Пятигорска в Кисловодск. В пять часов Лещинский, как и обещал, пришел в общежитие в сопровождении конвоя горцев. Ему с трудом удалось вывести Андрея и Бориса, так как красноармейцы не хотели их выпускать без разрешения городского совета депутатов. Однако решительность горцев и их внушительное количество сыграли свою роль. Лещинский усадил Бориса и Андрея в отдельные, поджидавшие на улице пролетки и в сопровождении своего конвоя отвез на вокзал и первым же поездом лично отправил в Кисловодск. Часовые из числа горцев остались охранять дачу, а Лещинский попросил великих князей не выходить из дома, не ручаясь за их безопасность. На улице их могли задержать и снова арестовать. Он также обещал освободить фон Кубе, который, действительно, вернулся на следующий же день.

Потом Лещинский еще раз приехал к Борису и Андрею и посоветовал им скрыться в горах, считая, что пятигорский совет депутатов снова отдаст приказ об их аресте, и тогда уже помочь им будет очень трудно. Чтобы устроить побег, он выдал им фальшивые документы, в которых говорилось, что Борис и Андрей едут по делам совета депутатов.

13 августа Борис, Андрей и фон Кубе тайно бежали в горы, в Кабарду. Они отправились в путь на бричке, запряженной парой лошадей, и скрывались в горах до конца сентября. Долгое время я вообще ничего о них не слышала, так как они скитались по

разным аулам, и только остановившись в доме Кононова, смогли передать нам весточку через надежного человека. Я же утешалась тем, что им удалось избежать опасности, а это было важнее всего.

До нас стали доходить слухи, что в окрестностях Кисловодска произошли казачьи восстания против большевиков, однако точно никто ничего не знал. И вот, наконец, наступил долгожданный день: Шкуро во второй раз атаковал Кисловодск, теперь уже с большим отрядом казаков. Мы вздохнули с облегчением, так как большевики куда-то сразу исчезли. Однако обстановка была неопределенной, и я это чувствовала. Я хорошо помню день 22 сентября, когда мы с сыном отправились на прогулку. Дойдя до «Гранд-Отеля», мы послушали последние новости и вернулись домой. В городе все было спокойно. Но не успели мы войти в дом, как ворвался хозяин и взволнованно закричал: «Что вы тут делаете? Разве вы не знаете, что казаки отступили и все убегают из города?» Он посоветовал нам скорее идти к «Гранд-Отелю», где находился сборный пункт. Упаковав самое необходимое, мы последовали его совету. От «Гранд-Отеля» нас направили к месту, где уже стояли грузовики. Наняв один из них, мы отправились на Пятницкий базар, где собрались все беженцы. Здесь Шкуро сказал, чтобы все разошлись по домам, так как тревога оказалась ложной, и большевиков отбросили от города. Мы были счастливы, что можем вернуться домой, но держали вещи наготове, чтобы быстро собраться в случае очередной тревоги.

На следующий день, 23 сентября, уже к вечеру, вернулись великие князья Борис и Андрей вместе с полковником фон Кубе. Они приехали верхом в сопровождении представителей кабардинской знати,

которые охраняли их в дороге. За то время, что братья скрывались в горах, у них отросли бороды, и многие принимали Андрея за императора. И действительно, они были очень похожи.

Через два дня снова была тревога, и снова пришлось убежать. Буквально в последнюю минуту за нами прислали грузовик, в который сели мы с сыном, сестра с мужем, Зина, ставшая впоследствии женой Бориса, и ее подруга. Мы снова направились в сторону Пятницкого базара, туда же приехали в повозке Борис и Андрей. Повозку они уступили моей сестре с мужем, Андрей пересел в наш грузовик, а Борис с Зиной и ее подругой перебрались в еще один грузовик, который нам удалось добыть на рынке. По совету Шкуро весь поток беженцев направился в сторону Тамбиевского аула. Это зрелище было удручающим. Люди ехали на чем попало, а некоторые шли пешком, неся остатки своего имущества. Мы не знали, что творится вокруг нас и где сейчас находятся большевики. У всех было только одно желание — поскорее оказаться как можно дальше от них.

На середине пути к Тамбиевскому аулу наша колонна подверглась обстрелу артиллерии большевиков. Шрапнель разрывалась у нас над головами, и всех охватила паника. Одни гнали лошадей вперед, а другие съезжали на обочину, чтобы укрыться от снарядов. Во всей этой неразберихе обезумевший от страха военный врач вдруг стал залезать в наш грузовик и пытался лечь на живот, не понимая, что нам и самим тесно. Несмотря на весь трагизм ситуации, это выглядело комично.

К вечеру колонна беженцев добралась до Тамбиевского аула, однако из-за возникшей в дороге паники все перемешалось, и пришлось долго искать своих. Мы заночевали в ауле. Я и Вова легли спать в грузовике, перекусив тем, что принес Андрей. Здесь

же появился и сам Шкуро вместе со своим штабом, что сразу подняло настроение беженцев. Некоторые даже хотели продолжить путь ночью, хотя после наступления темноты это было очень рискованно. Мы все были уверены, что находимся под охраной большого отряда казаков. Шкуро отдавал приказы своему штабу, куда-то звонил по телефону и говорил таким тоном, как будто за ним стояла большая сила. Уже потом мы узнали, что он блефовал, имея лишь горстку казаков. Однако ему удалось сбить с толку большевистских шпионов, и в пути нас не достигли.

На следующий день мы направились к станции Бекешевской и благополучно туда добрались, хотя и с долгими остановками. Однако оставаться в Бекешевской было небезопасно, и поэтому нас отправили дальше, в Балтапашинск. Насмерть перепуганные, мы отправились в путь ночью. Ночные поездки по степи очень неприятны и опасны, дорог там нет, колею едва видно, и можно легко заблудиться и приехать совсем не туда, куда надо. Все думали лишь о том, как бы не сбиться с пути.

К восходу солнца мы добрались до Балтапашинска. Когда совсем рассвело, все стало казаться уже не таким страшным. По мере приближения каждый думал о своем: я мечтала о ванне, а фон Кубе о рюмке коньяка. Наши мечты почти осуществились. Правда, ванны не было, но мы вымылись в бане, а фон Кубе удалось добыть две бутылки коньяка.

Шкуро занял Кисловодск с небольшим казачьим соединением, которое не устояло бы перед наступлением большевиков. Поэтому ему пришлось маневрировать, чтобы избежать сражения. Мы со всех сторон были окружены отрядами большевиков, следовавших за нами по пятам, не рискуя, однако, нападать. В Кисловодске Шкуро с помощью теле-

графа смог связаться с основными частями Добровольческой армии и получил сведения о том, что ему на подмогу идет большой отряд генерала Покровского. Объединившись, войска Шкуро и Покровского представляли собой серьезную силу, с которой большевикам приходилось считаться. Эта новость нас безумно обрадовала.

В день прибытия отряда Покровского все высыпали на улицу и собрались на площади у церкви. Отряд произвел на нас огромное впечатление: впереди несли штандарты лейб-гвардии Его Императорского Величества, которые поблескивали серебряными лентами в лучах солнца. Старшие по званию казаки, служившие в лейб-гвардии, были одеты в мундиры прежних лет. Все были вне себя от счастья, что большевиков выгнали из станицы, и в наших сердцах снова затеплилась надежда на возвращение старого доброго времени. Люди падали на колени и крестились, плача от радости.

По случаю прибытия Покровского временный комитет беженцев устроил обед, на который пригласили великих князей Бориса и Андрея. Это было значительным событием в нашей кочевой жизни. Мы волновались, как пройдет обед с оркестром, торжественными речами и большим количеством военных. Наш приятель Родион Востряков, или просто Родя, прибежал к нам раз за разом, докладывая о том, что происходит. Он стучал в окно условным стуком, а на вопрос «Кто там?» отвечал: «Ваш Родя». И тогда мы открывали дверь.

Здесь, в Балтапашинске, нам пришлось стать свидетелями расправы над большевиками. Однажды на площади у церкви стали строить какое-то сооружение, оказавшееся виселицей, на которой собирались повесить большевиков. Мой сын с друзьями пошел на речку и должен был возвращаться через площадь.

Андрей последовал за ними и провел домой окольными путями еще до начала казни. Я, разумеется, из дома не выходила, но сестра с мужем пошли посмотреть на это жуткое зрелище, за что я очень рассердилась на них обоих.

Наконец-то мы вздохнули с облегчением, чувствуя себя в безопасности. Теперь перед нами стоял вопрос, куда направиться, чтобы переждать время до установления полного порядка на Северном Кавказе. Многие остановили свой выбор на Новороссийске, а некоторые — на Екатеринодаре или Туапсе. Генерал Покровский посоветовал великой княгине Марии Павловне ехать с сыновьями в Анапу, где и провести зиму. Он уверял, что там прекрасные условия и очень спокойно. Кроме того, город расположен у самого моря, и в случае чего можно сесть на корабль и спастись бегством. Он также пообещал все организовать и дать до Анапы эскорт из числа своей охраны. Маршрут был определен точно: из Балтапашинска до станицы Лабинской мы должны были доехать на грузовиках, а потом поездом до Туапсе, где нас будет ждать корабль, который доставит в Анапу.

Вместе с великой княгиней в Анапу решила отправиться большая группа беженцев в надежде добраться под защитой эскорта до Туапсе или Новороссийска.

В Балтапашинске мы были со 2-го по 19 октября, а потом снова отправились в путь. Первый ночлег был запланирован в станице Попутной. Эта местность совсем недавно была освобождена от большевиков, и еще за день до нашего приезда они совершили вылазку. Так что ночью мы спали не слишком спокойно. На следующий день мы добрались до станицы Лабинской, где были кирпичные дома вполне современного вида. Семья, в которой мы останови-

лись с сестрой и Зиной, была многочисленной, встретили нас радушно, угостили чаем и вкусно накормили. После чая хозяйская дочка, желая меня развлечь, принесла иллюстрированные журналы, в одном из которых была фотография моей статуэтки, сделанной князем Паоло Трубецким. Девочка стала объяснять, что это статуэтка знаменитой балерины Кшесинской. Я едва не расплакалась и сказала ей, что это моя статуэтка. Дело в том, что хозяевам не называли наших имен. Потом пришли Борис и Андрей. Мне кажется, хозяева были обеспокоены нашим присутствием, опасаясь, что после нашего отъезда придут большевики и расправятся с ними.

В тот же день, но уже поздним вечером, наконец, подали поезд, и мы отправились на станцию. Вагоны находились в довольно плачевном состоянии, обивка с кресел была сорвана, но мы кое-как устроились, радуясь, что скоро всем нашим мытарствам придет конец. Мы не жаловались на отсутствие удобств, так как к этому времени уже ко всему привыкли.

Всю ночь мы были в пути, а 21 октября рано утром добрались до Туапсе, где на вокзале нас встретил жандарм в мундире, и многие бросились к нему с поцелуями, так как никто не ожидал его здесь увидеть.

Наконец-то после долгой дороги в нашей жизни наметилась какая-то определенность. Вечером подали вполне приличный ужин. До отхода судна было еще много времени, и мы с Зиной пошли на городской рынок, мечтая о том, что скоро будем гулять по Парижу.

Придя на пристань, мы увидели готовый к отплытию корабль. Он был маленьким, грязным и очень старым рыбацким катером, хотя и назывался «Тайфун». Он казался таким маленьким, что мы засомневались, смогут ли все беженцы разместиться на его борту.

Многие считали, что великая княгиня Мария Павловна не захочет путешествовать на такой посудине, и поэтому мы не спешили с посадкой. Но великая княгиня, приехав на пристань, любезно поздоровалась с капитаном, поджидавшим ее у трапа, и, как ни в чем не бывало, поднялась на палубу, а потом на мостик, где уселась в кресло и стала наблюдать за посадкой. Увидев это, все сомневавшиеся устремились на корабль, следуя примеру великой княгини. На судне имелось только три каюты для капитана и офицеров, которые те отдали в распоряжение великой княгини.

Нас, беженцев, собралось 96 человек, и мы расположились на палубе, так как другого места для пассажиров не оставалось. Разместились, кто как смог.

Путешествовать морем было опасно, так как береговые огни были погашены из-за военного положения. Это затрудняло ориентацию, а о том, чтобы зайти ночью в порт, не могло быть и речи. Большую угрозу представляли глубинные мины, которыми кишело Черное море. В такой обстановке наш корабль не зашел в Новороссийск, так как было еще темно, и капитан решил взять курс прямо на Анапу, куда мы прибыли в пять утра. Однако пришлось ждать рассвета, и только в семь утра мы зашли в порт и пришвартовались к причалу. Мы сошли на берег, вынося с собой скромный багаж. Вместе с нами сошел и эскорт генерала Покровского. После этого корабль отошел от причала и взял курс на Новороссийск, где должны были сойти остальные беженцы. Это было 22 октября (4 ноября) 1918 года.

39. ОКТЯБРЬ 1918 – МАРТ 1920 ГОДА. АНАПА – КИСЛОВОДСК – КАП-Д'ЭЛЬ

Ранним утром город еще спал, а на пристани никого не было. Мы уселись на вещах и стали ждать, что нам пошлет судьба. Ситуация была не из приятных. Конечно, город освободили, но, как это нередко случалось, в тылу у Добровольческой армии остались банды, скрывавшиеся в лесах и горах. Они часто нападали на освобожденные города, а сил для борьбы с ними не хватало. На разведку отправился офицер Мяч, которого генерал Покровский прислал для охраны великой княгини. Он должен был найти коменданта города и узнать, как здесь обстоят дела, а также подыскать жилье для великой княгини и всех нас.

Бывшая крепость Анапа находится в 30 верстах от устья реки Кубань, к северу от Новороссийска, на восточном берегу Черного моря. Основателем крепости был Абдул Хамид, по приказу которого она была построена в 1781 году при участии французских инженеров. Впоследствии, во время войн с Турцией, Анапа несколько раз переходила из рук в руки, а с 1860 года окончательно вошла в состав России, но перестала быть крепостью. В последние годы Анапа стала курортом, и там построили санаторий.

Более часа мы ждали возвращения Мяча, который принес нам хорошие новости и сообщил, что в городе все спокойно и нам ничто не угрожает. Нам предложили остановиться в местной гостинице «Метрополь». Кроме сына, со мной были сестра с мужем, Зина Рашевская, будущая жена Бориса, ее подруга француженка Мари, а также очень симпатичный и порядочный офицер из свиты великого князя Бори-

са Владимировича, капитан Хаников, который был ранен во время последней войны и потерял глаз.

Гостиница «Метрополь» была более чем скромной и простой, а кроме того, изрядно пострадала при большевиках. В особо плачевном состоянии находились туалеты, но комнаты оказались приличными, не слишком грязными и довольно сносно обставленными. Мы кое-как устроились, радуясь тому, что имеем крышу над головой. В городе было электрическое освещение, но оно отключалось в десять вечера, а потом жизнь продолжалась при свечах, которые мы покупали в церкви, так как больше их нигде не продавали. На ночь я вставляла свечку в умывальник, чтобы чувствовать себя в безопасности, потому что очень страшилась темноты.

Однако потом жить в гостинице стало очень неприятно. В соседней комнате умер отец хозяина, а я ужасно боялась покойников и не спала по ночам. По давнишней традиции, после заупокойного молебна всех угощали кутьей, которую ели из одной ложки, что было негигиенично и совсем неаппетитно. Я сделала вид, что пробую кутью. Когда покойника похоронили, я немного успокоилась.

Ко всем нашим несчастьям добавилось еще одно: Вова заболел «испанкой», и я очень беспокоилась, так как не знала, смогу ли найти в таком захолустье врача. На мое счастье, в Анапе в то время жил знаменитый придворный врач Купчик из Петербурга. Я обратилась к нему за помощью, и впоследствии он лечил всех нас.

Вместе с нами в свите великой княгини в Анапу приехал Владимир Лазарев, с которым я когда-то познакомилась на одном из балов-маскарадов. Он часто меня навещал, и мы вместе вспоминали старое доброе время. Теперь наша жизнь была полна печали, и все развлечения остались в прошлом. Володя

Лазарев был очень милый и рисовал удивительные маленькие иконки. Одну из них я до сих пор храню на память.

Наш день начинался с утреннего кофе. Его мы ходили пить в маленькую греческую кофейню, стены которой были увешаны портретами греческой королевской семьи. По дороге мы с аппетитом съедали еще горячие лепешки — чуреки. Нам подавали так называемый кофе по-гречески, который готовился очень просто: кофе, молоко и сахар кипятятся вместе, и из всего этого получается довольно вкусный напиток, только с гущей. В будние дни мы пили по одной чашке, а в воскресенье и по праздникам позволяли себе роскошь выпивать по две.

После кофе мы отправлялись на прогулку и прежде всего шли на пристань, чтобы посмотреть, не был ли какой-нибудь корабль, а также чтобы узнать последние новости. Потом шли на базар, где продавалось много красивых и дешевых вещей из серебра.

В первые дни мы завтракали и обедали в прекрасном ресторане «Симон», где был замечательный повар, но так как денег у нас было мало, мы не могли позволить себе подобные расходы и стали есть в маленьком пансионате, ежедневно заказывая одно и то же блюдо, дешевое и сытное. Только Вова питался более качественно и вкусно.

У меня было всего два наряда, один из которых назывался визитным, так как я его надевала очень редко и только в особых случаях, а другой состоял из блузки и черной бархатной юбки, той самой, которую в первые дни революции украла коровница Катя, а потом мне вернула. От долгого ношения юбка вытерлась на коленях, а бархат порыжел.

Великие князья Борис и Андрей Владимировичи поселились вместе с матерью в доме богатого казака,

но каждый день приходили к нам на чай и поиграть в карты. К чаю обычно подавали закуску, которую очень любил Борис — консервированные раковые шейки.

По городу бродило множество бездомных собак, которых я из жалости стала подкармливать, чем могла. Вскоре все они узнавали мой голос и прибегали по первому зову. У каждой собаки была своя кличка!

Всю жизнь я делала массаж, чтобы сохранить фигуру, и очень страдала, когда после переворота была лишена этой возможности. У меня всегда была прекрасная массажистка, так как в этом отношении я была очень привередлива. В Анапе я совершенно случайно нашла опытную массажистку-еврейку, женщину очень приятную и интересную. Она эмигрировала в Америку по политическим мотивам, а после переворота вернулась в Россию вместе с другими политэмигрантами. Фамилия ее была Блюм. Сначала она делала массаж за символическую плату, а потом и вовсе бесплатно. Не знаю, почему, но она прониклась ко мне искренней симпатией, хотя у нас были совершенно противоположные политические взгляды. Во время массажа мы все время спорили, и каждая старалась доказать свою правоту. В конце концов, мне удалось привлечь ее на свою сторону, после чего мы подружились еще больше. Она подарила мне горшочек с каким-то цветком и заверила, что благодаря ему мне во всем будет везти. Я берегла это растение и взяла его с собой в Кисловодск, а потом и в Кап-д'Эль. Со временем оно превратилось в тонкую длинную веточку, которую нужно было подвязывать, но потом погибло. Сначала Блюм ни за что на свете не хотела встречаться с Андреем и всячески его избегала, однако потом это прошло, и она стала одинаково хорошо относиться к нам обоим. Мы расстались с ней большими друзьями, а уже в Кисло-

водске получили от нее маленькую телеграмму, в которой она поздравила нас с успехом Добровольческой армии. Разве это не удивительно, если учесть, что Блюм была политической эмигранткой, сторонницей Ленина и ученицей Плеханова, которого знала лично?..

Нас всех очень обрадовала дошедшая до Анапы весть об окончании войны. Однако мы смогли облегченно вздохнуть лишь тогда, когда флот союзников форсировал Дарданеллы, а в Новороссийск пришли английский крейсер «Ливерпуль» и французский — «Эрнест Ренан». Это случилось 10 (23) ноября. В тот день мы впервые почувствовали, что не оторваны от всего света.

К концу года, перед Рождеством Христовым, в Анапу прибыл командир английской военной базы в России генерал Пул в сопровождении генерала Хартмана. Вся Анапа была поражена этим неожиданным визитом. Генерал Пул приехал, чтобы передать великой княгине Марии Павловне предложение английского правительства относительно ее отъезда за границу. Великая княгиня отклонила его, заявив, что здесь ей ничто не угрожает, а Россию она покинет в самом крайнем случае, когда другого выхода не будет. Генерал отнесся к ее отказу с пониманием и высказал предположение, что Андрей мог бы вступить в ряды Добровольческой армии, но великая княгиня была категорически против, заявив, что в России не было случая, чтобы члены царской семьи принимали участие в гражданской войне. Генерал Пул также отнесся к этому с пониманием.

Весной 1919 года, после долгих поисков, я нашла две комнаты: одну для себя и Вовы, а другую для сестры с мужем. Мы поселились в доме приходско-

го священника Темномерова. Его старший сын, ровесник Вовы, оказался симпатичным и талантливым юношей.

Как-то раз он устроил для нас представление, выступив в роли иллюзиониста, а на Пасху вылепил из масла бюст императора. И все было бы хорошо, если бы нас не мучили полчища клопов, с которыми каждый вечер нужно было вести настоящее сражение. Одолевали нас и тараканы, они были менее докучливыми, чем клопы, но столь же малоприятными.

В марте Борис и Зина сообщили нам о своем намерении покинуть Россию и в конце месяца уехали за границу. Борис пытался убедить великую княгиню в необходимости отъезда, но она ответила отказом, а решение сына ее сильно опечалило.

После занятия Кисловодска частями Добровольческой армии я вызвала оттуда свою горничную Людмилу и Ивана. Каким-то чудом им удалось спасти почти все, что мы оставили, покидая город. Привезенные ими вещи оказались очень кстати, так как за полгода мы совершенно обносились. Ивана я сразу же уступила великой княгине, у которой не было мужской прислуги. Он оставался у нее на службе до нашего отъезда во Францию.

29 марта до нас дошел слух о том, что к Анапе приближается какой-то военный корабль. Мы боялись, что он принадлежит большевикам, которые в то время заняли Крым. И сразу же побежали на пристань, чтобы выяснить, в чем дело. Но на горизонте виднелись лишь клубы дыма, а флаг рассмотреть было невозможно. Уже в последнюю минуту мы выяснили, что это английский крейсер. Он бросил якорь вдалеке от берега и спустил на воду моторную шлюпку с вооруженными офицерами и матросами. Когда шлюпка причалила к берегу, из нее выпрыгнули на причал два матроса с винтовками, готовые в любой

момент открыть стрельбу. За ними вышли два офицера, которые стали осматриваться по сторонам, не совсем понимая, что им делать. Им на помощь пришла мисс Кон, прекрасно говорившая по-английски и предложившая свои услуги в качестве переводчика.

Оказалось, что один из офицеров был командиром крейсера: его прислал адмирал Сеймур, командовавший английской эскадрой в Черном море. Адмирал предложил великой княгине Марии Павловне и Андрею выехать в Константинополь на случай, если над Анапой нависнет угроза. Командира крейсера сразу же проводили к великой княгине, которой он передал предложение адмирала. По словам Андрея, присутствовавшего при их разговоре, великая княгиня попросила передать адмиралу Сеймuru искреннюю благодарность за то, что он прислал корабль. Однако она вновь сказала, что пока не видит причины отъезда из России и считает своим долгом оставаться здесь до конца. Капитан был тронут ее ответом и полностью согласился с ней. Было условлено, что в случае опасности его уведомят об этом через Новороссийск, где базировался английский корабль, с которым можно было связаться по телеграфу. В этом случае корабль через двое суток прибудет в Анапу. Все было оговорено и решено, какой именно корабль вызывать.

Крейсер носил название «Монтроз», а командовал им капитан Голдсмит. Он пригласил великую княгиню на крейсер на чашечку чая, но она отказалась, сославшись на больные ноги, из-за которых ей было бы трудно подняться на палубу. Однако Андрей вместе со свитой великой княгини решил посетить крейсер, воспользовавшись приглашением капитана. По дороге капитан рассказал, что ни адмирал, ни он сам не знали, в чьих руках находится Анапа. Вот почему крейсер бросил якорь далеко от берега

и выслал на разведку шлюпку с вооруженными матросами. В это время все орудия на крейсере были направлены в сторону порта. Вместе с Андреем на крейсер отправились княгиня Голицына, придворная дама великой княгини, и Лазарев. Капитан пригласил также учителя английского языка и его сына.

Легкий крейсер «Монтроз» имел водоизмещение 2500—3000 тонн и был спущен на воду в 1918 году. Он развивал скорость до 43 узлов и был снабжен самыми совершенными приборами для обнаружения подводных лодок, а также мощными орудиями, которые могли сбивать самолеты. Трапов, ведущих на нижнюю палубу, не было, а на верхней палубе виднелись только большие круглые люки с надписями, указывающими, куда они ведут. Внутри корабля можно было попасть по почти отвесным лестницам, укрепленным на стальной трубе. Мужчины кое-как справились с этим, а дамам пришлось очень трудно. Гости спустились в люк с надписью «Каюта капитана». Рядом были люки с надписями «Каюта офицеров», «Офицерская столовая», «Машинное отделение». Капитанская каюта была прекрасно обставлена. В просторном кабинете, служившем одновременно и столовой, находились огромный письменный стол, мягкие, обитые кожей кресла и книжный шкаф. На видном месте стоял сейф с секретными документами. Капитан объяснил, что в случае опасности он должен сбросить сейф за борт, чтобы документы не попали в руки врага. Рядом с кабинетом располагалась уютная спальня с настоящей кроватью, ванной и туалетом. За спальней был буфет, где стояли шкафы с посудой и хрусталем. Все было шикарным и очень красивым. Гостям подали чай, и все насладились давно забытым комфортом.

Капитан отозвал Андрея в сторону и спросил, верит ли он в то, что царская семья погибла в Екатеринбурге. Андрей ответил, что ничего об этом не

знает, но надеется, что императору и его близким удалось спастись. О спасении царской семьи ходило столько вполне правдоподобных слухов, что мы невольно им верили. Уже потом мы узнали, что большевики из боязни всеобщего возмущения скрывали убийство императора и его семьи, а сами распускали слухи о том, что их похитили «белые бандиты».

В мае, когда весь Северный Кавказ был окончательно освобожден от большевиков, мы решили вернуться в Кисловодск. Возвращение организовал все тот же генерал Покровский, приславший офицера и десять казаков из своей охраны для сопровождения великой княгини и Андрея на пути в город.

24 мая (6 июня) мы покинули Анапу, где провели семь месяцев. В Анапе не было железной дороги, и мы поехали в повозках до станции Туннельной, где нас уже поджидали заранее подготовленные вагоны, в которых мы и разместились. Теперь нужно было ждать, пока подадут паровоз. Не помню точно, когда мы отправились в путь. На каждой остановке в дверях вагона становились часовые, чтобы никто не мог войти. В Кисловодск мы приехали 26 мая в три утра. По пути все время случались какие-то осложнения, и только благодаря вмешательству офицера, присланного генералом Покровским, мы доехали так быстро. Без его помощи нам пришлось бы стоять по несколько часов на каждой узловой станции. В Кисловодске я поселилась в том же доме, что и до отъезда.

Жизнь шла вполне нормально и беззаботно, однако это напоминало пир во время чумы. Добровольческая армия победоносно продвигалась вперед, и мы все были уверены, что со дня на день будет взята Москва и мы вернемся домой. Мы тешили себя этой надеждой до осени, а потом стало ясно, что дела

обстоят не так, как бы всем хотелось. Белые отступали.

В начале декабря заболел сыпным тифом полковник фон Кубе, наш верный друг, на деле доказавший свою преданность Андрею. Он жил в доме, который снимали великая княгиня и Андрей, и его присутствие представляло большую опасность для всех остальных, однако никто не захотел отдать фон Кубе в госпиталь. Болезнь продолжалась около двух недель, и, несмотря на все старания, спасти его не удалось. Фон Кубе умер ранним утром 20 декабря (2 января). Его смерть была большим ударом для Андрея. Более десяти лет фон Кубе прослужил у него адъютантом. Это был человек порядочный и великодушный, и все друзья и знакомые оплакивали его. Похоронили его на местном кладбище, со всеми воинскими почестями и оркестром, а над могилой мы смогли поставить только белый деревянный крест с датами рождения и смерти: 29 октября 1881 г. — 20 декабря 1919 г. Ему едва исполнилось 38 лет.

Буквально за день до Рождества Христова до нас дошли тревожные новости относительно военной обстановки, и мы сразу же приняли решение покинуть Кисловодск и перебраться в Новороссийск, откуда, в случае опасности, было легче попасть за границу. С болью в сердце Андрей и его мать наконец решились покинуть Россию.

Не стану описывать последние дни в Кисловодске, дорожные приготовления и панику, охватившую весь город. Мы не слишком хорошо знали, каким образом и когда сможем уехать, будущее было покрыто мраком, на сердце давил тяжкий груз, а нервное напряжение достигло предела.

Наконец после бесконечных хлопот все кое-как

устроилось, и 30 декабря около 11 вечера мы отправились на вокзал, где военное командование приготовило для нас два вагона — один первого класса и по тем временам вполне приличный, а другой — третьего класса. В первом классе поехала великая княгиня и Андрей, а в вагоне третьего класса расположились мы с сыном и остальные беженцы. Половину нашего вагона занимала прислуга великой княгини и кухня. Мой Иван предусмотрительно прихватил из дома маленькую печку, установил ее в вагоне, отвел трубу, и его жена всю дорогу нам на ней готовила. Мою сестру, заболевшую тифом перед самым отъездом, поместили в вагоне первого класса, в купе, которое уступил Андрей.

Всю ночь поезд стоял на вокзале, и только на следующий день в 11 утра мы, наконец, отправились в путь. До последней минуты в наш вагон рвались другие беженцы, умоляя забрать их с собой. На других станциях царила такая же паника, и у всех было только одно желание: убежать от большевиков.

К трем часам дня мы добрались до Минеральных Вод, где по неизвестной причине простояли до утра. В нашем поезде, в салоне-люкс, ехала жена Шкуро. Вагон был ярко освещен, и там виднелся богато накрытый стол.

Вот так мы и встретили новый 1920 год. Когда стала приближаться полночь, ехавшая в нашем вагоне семья Шапошниковых раздобыла где-то бутылку шампанского, и мы, грязные и измученные, отметили на деревянных скамейках наступление Нового года, стараясь подбодрить друг друга, хотя на душе у всех было тяжело. Вера в Добровольческую армию и ее бездарных командиров лопнула, словно мыльный пузырь.

Только в три часа утра 1 (14) января 1920 года мы снова тронулись в путь, а 4 (17) января в девять утра

после бесконечных перипетий, наконец, добрались до Новороссийска.

В Новороссийске мы в течение шести недель жили в вагоне, пока нам все-таки удалось выехать. Осложнений возникало очень много: то не было корабля, то он не подходил по размеру или же шел только до Константинополя, то на нем кто-то заболел тифом или же капитан требовал непомерно высокую плату. Наступили холода, подул норд-ост, и обогреть вагон стало невозможно. Люди забирали на топливо телеграфные столбы, которые в огромном количестве лежали около путей. Свирепствовал сыпной тиф, и риск заразиться был очень велик, особенно на вокзале, куда приходили санитарные поезда с ранеными и умершими в дороге. Время от времени до нас доходили слухи о смерти кого-либо из знакомых. К счастью, меня посетил генерал Тихмев, в ведении которого находилась железная дорога. Увидев, в каких кошмарных условиях мне придется жить, он выделил для меня прекрасный салон-вагон, где мы расположились с большим комфортом. Сиденья здесь раскладывались на ночь, а туалет был чистым. Одним словом, нам это место казалось настоящим дворцом. Здесь даже было электричество. Правда, возникали сложности с едой, так как снабжение в городе было отвратительным. Только один раз Андрею удалось получить разрешение на покупку продовольствия в английской столовой. Он принес нам замечательные бисквиты и какао, что было в то время большой редкостью.

Мы встретили здесь много знакомых, живших, как и мы, в ожидании отъезда. Все сначала добиралось до Константинополя, получали там визы и ехали дальше.

Как-то раз я отправилась в город и встретила погребальную процессию. Хоронили молодого гра-

фа Воронцова-Дашкова, умершего от тифа. На телеге стоял скромный гроб, за которым шла красавица-вдова, графиня Ирина из семьи Лазаревых. Убогая процессия и горе вдовы произвели на меня тягостное впечатление, которое осталось в моей памяти и по сей день.

Мы медлили с отъездом, так как не находилось подходящего парохода, следовавшего прямо во Францию или Италию. Все шли только до Константинополя, где нужно было сходить на берег, жить в гостинице, оформлять визу и снова ждать парохода. Великая княгиня хотела ехать без пересадки в Константинополе. Комендант английской военной базы в Новороссийске тоже советовал немного подождать, пока не найдется подходящее судно. Наконец, нам дали знать, что прибывает английский пароход, который затем возьмет курс прямо на Венецию. Мы понимали, что более удачной возможности нам не представится. Вскоре прибыл и пароход «Семирамида», принадлежащий итальянской компании «Триestino-Ллойд».

13 февраля 1920 года мы поднялись на борт, покинув русскую землю. Правда, мы еще находились в российских водах, но уже на палубе итальянского судна. После всего пережитого каюта первого класса казалась нам верхом роскоши. Чистое постельное белье, удобные кровати, ванна, туалет, парикмахер — всего этого мы были лишены много месяцев. Придя впервые на обед в столовую, мы просто не поверили своим глазам: столы были накрыты чистыми скатертями, на которых стояли столовые приборы. Словом, всего этого мы не видели с незапамятных времен. Когда элегантно одетые официанты стали подавать обед, состоявший из множества вкусных блюд, мы просто остолбенели — так велик был контраст с тем, что мы недавно пережили. Если до-

бавить к этому ощущение полной безопасности, то можно себе представить наше настроение. Нас смущали только лохмотья, в которые мы были одеты, но другой одежды никто не имел.

Мы шесть дней ждали отплытия парохода, а в это время полным ходом шла погрузка.

Не обошлось и без пары забавных сцен. Пароход стоял у пристани, и, естественно, особой качки не было. Однако на море всегда немного качает, и люди, страдающие морской болезнью, это чувствовали. Во время первого обеда, на котором присутствовала великая княгиня, некоторые дамы и их дочери, страдающие морской болезнью, под разными предлогами стали просить разрешения удалиться к себе. В этот момент великая княгиня, не признававшая морской болезни, заявила, что от нее страдают только горничные и что она является результатом дурного воспитания. Тогда дамы стали говорить, что забыли в каюте платок или что-нибудь еще, лишь бы уйти из-за стола. Некоторые просто предпочитали оставаться у себя в каютах, а других слова великой княгини навсегда излечили от морской болезни.

Через шесть дней «Семирамида» покинула Новороссийск. Это было 19 февраля (3 марта), как раз в годовщину отмены крепостного права Александром II в 1861 году.

В порту стояло много кораблей, и поэтому выйти из него оказалось довольно сложно. Вокруг светились сотни огней, и это зрелище было очень красивым. Мы медленно покидали порт и, наконец, оказались в открытом море. Огни Новороссийска постепенно исчезали вдаль, и вскоре пароход погрузился в ночную тьму, тихо покачиваясь на волнах. Мы шли вдоль берега по маршруту: Новороссийск — Поти — Батуми — Трабзон — Гиресун — Орду — Стамбул — Инеболу — Константинополь.

Я быстро познакомилась с нашим капитаном, человеком в годах, кажется, чехом по национальности. Его звали Грегор Бразванович. У меня сохранилась его фотография с дарственной надписью, сделанная на пароходе. Он часто приглашал меня на капитанский мостик, что было проявлением особой симпатии, так как пассажирам входить туда запрещалось. Он навещал меня и в каюте.

Когда мы приближались к Босфору, капитан пригласил меня на мостик, чтобы я посмотрела, как корабль будет входить в пролив при восходе солнца. По его словам, это было незабываемое зрелище. Когда я пришла, солнце еще не взошло, и было совсем темно, а когда начало светать, мы оказались в густом утреннем тумане и ничего не видели вокруг себя. Вдруг из тумана появилась огромная глыба, оказавшаяся английским дредноутом, который также держал курс на Босфор. Он прошел совсем близко, и рядом с этим морским гигантом наш пароход показался крошечной шлюпкой. Из-за плохой видимости вход в Босфор не произвел на меня особого впечатления.

28 февраля (12 марта), войдя в Босфор, мы бросили якорь в специально отведенном месте, где корабли стояли на карантине. Всех пассажиров и членов экипажа перевезли на баркасах на берег, группами по 15 человек поместили в дезинфекционные камеры и попросили раздеться.

40. МАРТ 1920 – ФЕВРАЛЬ 1929 ГОДА. В ЭМИГРАЦИИ

И так, 12 (25) марта 1920 года, в четверг, после шестилетнего отсутствия я снова вернулась на свою любимую виллу «Ялам» и начала новую жизнь эмигрантки.

Разумеется, я была счастлива, что нахожусь у себя дома, где сохранилось много мелких, но дорогих моему сердцу вещей. И все же в душе моей осталась боль утраченного. Мне было приятно снова видеть кухарку Марго и Арнольда, который умудрился вывезти многие фотографии и альбомы, напоминавшие мне о замечательном и безвозвратно ушедшем времени. Арнольд и сам был фотографом-любителем и привез свои снимки, сделанные у меня на даче.

Я приехала в Кап-д'Эль без гроша в кармане, поэтому сразу пришлось заложить виллу, чтобы рассчитаться с прислугой и старым садовником Ботеном, который все эти годы терпеливо ждал моего возвращения и следил за домом и садом. Нужно было также купить себе одежду, так как у меня осталось лишь два старых платья, а Воле вообще не в чем было выйти в люди.

По возвращении мы встретились с великой княгиней Анастасией Михайловной, которая к тому времени овдовела и жила на своей вилле «Фантазия» в Эзе, недалеко от нас. Это была одна из самых очаровательных женщин, которых мне довелось встретить. Кроме того, она отличалась удивительной добротой, любила жизнь и всегда оставалась милой и доброжелательной. Анастасия Михайловна очень привязалась к моему сыну, и когда он, еще до войны, заболел в Каннах, несколько раз его навещала, а после

выздоровления пригласила к себе на чай на виллу «Венден».

Мы все радовались этой встрече и часто ездили на виллу «Фантазия», а великая княгиня бывала у нас. Иногда Вова навещал Анастасию Михайловну один, так как ей очень нравилось его общество. Потом она со смехом рассказывала, как Вова съел все, не оставив ни крошки. Вова не любил танцевать, а великая княгиня обожала танцы и настаивала на том, чтобы он им научился и мог бывать у нее на приемах. Мы часто говорили о судьбе членов царской семьи, которые остались в Алапаевске, в далекой Сибири, в окрестностях Екатеринбурга. Там находился в заочении и ее брат, великий князь Сергей Михайлович. С болью и горечью я думала, что если бы он уступил моим просьбам и вовремя уехал, то, возможно, был бы сейчас с нами.

На Золотом берегу мы также встретились с великим князем Борисом Владимировичем и Зиной. Уехав за границу, они поженились и теперь жили в Ницце. В Буае жил Гавриил Константинович, который вскоре после переворота женился на Нине Нестеровской.

Встретила я здесь и Лину Кавальери, которую Вова некогда назначил командиром своего обезьяньего войска. Она вышла замуж за тенора Мураторе и жила с ним на великолепной вилле у самого берега моря. Как-то раз мы побывали у них на обеде.

Вскоре после приезда мой старый испытанный друг, Рауль Гюнсбург, пригласил нас на завтрак в «Отель де Пари» вместе с писателем Уилли. Тогда же я встретила с Дягилевым, жившим в этом же отеле. Завтрак в обществе Рауля Гюнсбурга прошел весело, так как у него в запасе всегда было множество тем для разговора.

Через несколько дней после нашей первой встре-

чи Дягилев приехал ко мне и предложил участвовать в следующем сезоне в Париже. Мне тогда было 48 лет, но я находилась в прекрасной форме и могла с успехом танцевать. Я была польщена этим приглашением, но ответила отказом. После того как прекратили свое существование императорские театры, у меня пропало желание выступить.

Я получила письмо от Лалоя, секретаря директора парижской Оперы господина Руше. В письме он просил меня о встрече, чтобы от имени директора передать приглашение на выступление в следующем сезоне. Это предложение для меня было тоже очень лестным, но я отказала и Руше по той же причине, что и Дягилеву, — разумеется, поблагодарив за оказанную мне честь.

Очень обрадовал меня неожиданный визит Тамары Карсавиной. Как всегда красивая и элегантная, она прекрасно выглядела. Я оставила ее у себя на обед, ведь мы не виделись столько лет!

Императрица Евгения жила в Кап-Мартен, на своей вилле «Корсика». Она очень полюбила ныне покойного отца Андрея, великого князя Владимира Александровича, еще с тех пор, когда тот совсем молодым человеком сопровождал в 1867 году своего отца во время поездки в Париж на Международную выставку и едва не стал жертвой покушения, совершенного Березовским. В течение многих лет они часто встречались в Париже в отеле «Континенталь», где останавливались императрица и великий князь с супругой. Она также знала и Андрея, который был ей представлен еще совсем молодым. Узнав о приезде великой княгини Марии Павловны, императрица сразу же пригласила ее с Андреем на завтрак на свою виллу «Корсика». Андрей рассказывал, что онемел

от изумления, когда императрица вошла в гостиную, где все ее ждали: трудно было поверить, что этой энергичной улыбающейся женщине уже 94 года. Для каждого у нее нашлось приветливое слово, она спрашивала о событиях в России, называя по именам белых генералов и политиков, демонстрируя при этом незаурядную память и осведомленность. У императрицы был сильный и звучный голос, а также замечательный слух. Она ела то же, что и все остальные, и жаловалась на врачей, пытавшихся навязать ей строгую диету. Императрица быстро и свободно двигалась, а ее компаньонка сказала Андрею, что после завтрака она не отдыхает, а отправляется на прогулку. Императрица Евгения с большим удовольствием говорила о предполагаемой поездке в Испанию и о встрече, которую ей там устроят. Она наверняка прожила бы еще пару лет, если бы не операция по поводу ухудшения зрения, на которой она настаивала вопреки советам врачей. Те опасались не самой операции, а послеоперационного периода, и оказались правы. Операция прошла удачно, но вскоре императрица умерла.

Недалеко от моей виллы жил испанский маркиз Пассано, который до этого провел долгие годы в России. Он отличался очень высоким ростом и длинной черной бородой. Маркиз был женат на дочери Салтыкова-Щедрина. Мы часто гостили на их вилле «Люмьер», где устраивались великолепные обеды. Маркиз с супругой тоже часто нас навещали — либо без всякого повода, либо при желании поиграть в карты.

Вскоре в Кап-д'Эль приехала Сима Астафьева, первая жена моего брата Юзефа. Она прибыла из Лондона и остановилась у меня. В 1901 году мы вме-

сте путешествовали по Италии и ныне вспоминали, как она влюбилась в Петрония. Потом Сима очень неудачно вышла замуж и быстро разошлась, а теперь жила в Лондоне. Она стала первой из русских, открывших там школу танца, и это имело большой успех. Среди ее воспитанников был Антон Долин, которого пригласил Дягилев, а также Алиса Маркова, также начинавшая у Дягилева. Оба они сделали блестящую карьеру. Впоследствии Сима часто навещала меня.

Летом 1920 года мы с Андреем на десять дней уехали в Париж и остановились в скромной гостинице «Отель д'Альб» на углу Елисейских полей и улицы, названной впоследствии в честь Георга V. Этой гостиницы уже нет, а на ее месте стоит огромный многоэтажный дом.

Как-то раз маркиз Пассано, тоже находившийся в то время в Париже, пригласил нас в ресторан «Шато де Мадрид» на окраине Булонского леса, где в жаркий день приятно пообедать в саду. И как же мы радовались, когда совершенно неожиданно встретились с великим князем Дмитрием Павловичем, который тоже пришел в ресторан вместе с друзьями!.. Он тоже был рад встрече, так как в последний раз мы виделись в конце 1916 года, когда его выслали из Петербурга в связи с убийством Распутина. Он заключил меня в объятия и стал целовать, не обращая внимания на окружающих. Выглядел он прекрасно и очень элегантно. На следующий день великий князь пригласил нас в загородный ресторан «Арманвиль», а после завтрака мы отправились к нему в отель и потом уже встречались каждый день вплоть до самого отъезда из Парижа.

Летом, наконец, приехала Лиля Лихачева с мужем и детьми — двумя сыновьями и дочерью. Последний раз мы виделись в Константинополе. Она ос-

тановилась у меня, в нижнем доме для гостей. С ее приездом наша домашняя жизнь значительно оживилась.

В конце концов, Андрей получил телеграмму из Контрксевия, в которой сообщалось о тяжелой болезни Марии Павловны. Его просили немедленно выехать к матери. Андрей знал, что великая княгиня отдыхает в Контрксевиле. Она верила в целебную силу здешних вод и ездила туда еще до войны. Однако мы понятия не имели о ее болезни, и эта весть стала для нас ударом. Андрей немедленно выехал и провел месяц у постели матери. Поначалу положение было тяжелым, но когда дело пошло на поправку, он вернулся домой. Во время пребывания Андрея в Контрксевиле между нами завязалась очень нежная переписка. Именно в эти дни исполнилось 20 лет со дня нашей первой встречи. Андрей, разумеется, много писал о болезни матери, но наряду с этим говорил о своих чувствах ко мне и о нашей будущей жизни, которую нужно было устраивать. Перечитывая его письма того времени, которые я сохранила, и вспоминая то, что я ему отвечала, можно подумать, будто мы в тот момент были молодыми влюбленными, только что повстречавшимся на пороге своей новой жизни. И действительно, мы тогда во второй раз пережили нашу идиллию. Я часто возвращаюсь к этим дорогим для меня письмам, читая которые обливаюсь слезами, оплакивая золотые дни счастья, безвозвратно канувшие в вечность.

Через два дня после возвращения Андрей снова получил срочную телеграмму, в которой его просили приехать к матери. Вызвали также его сестру и братьев. На сей раз я его сопровождала, так как не хотела оставлять одного в тяжелую минуту.

Когда мы появились, положение великой княгини было безнадежным, а дни сочтены. Она обрадо-

валась приезду Андрея и все время звала его по имени. Даже теряя сознание, она шептала имя сына и пыталась что-то сказать о Вове. Она очень страдала в последние дни, но почти до самого последнего момента находилась в сознании. Рано утром 24 августа (6 сентября) 1920 года она тихо угасла. Ее смерть стала тяжелой утратой для Андрея, ведь только он один из всех сыновей неотлучно находился рядом с матерью после отъезда Бориса из Анапы.

Великую княгиню похоронили в маленькой церкви, построенной на ее средства в парке, недалеко от отеля «Суверен», где она всегда останавливалась. Ее отпевал отец Остроумов, как всегда на лето приехавший в Канны и живший там при местной церкви. На похороны пришло много людей, проводить Марию Павловну в последний путь приехал ее единокровный брат Генрих Нидерландский. Местные власти назвали одну из улиц именем великой княгини, и это название сохранилось и по сей день.

После выполнения всех формальностей в Контрксевиле мы уехали в Париж и остановились на время в отеле «Лотти».

Здесь Андрей узнал, что в Париже находится судебный следователь по особо важным делам Соколов, которому адмирал Колчак поручил расследование по делу об убийстве императора и его семьи в Екатеринбурге, а также о гибели членов царской семьи в Алапаевске. Соколов был единственным человеком, который мог пролить свет на то, что на самом деле произошло в Екатеринбурге и Алапаевске, и сказать, есть ли надежда, что кому-то удалось уцелеть. Андрей попросил Соколова прийти к нему в отель и пригласил Гавриила Константиновича с супругой, так как в Алапаевске пропали три его брата.

Соколов подробно рассказал о проведенном им дознании, но не оставил нам ни малейшей надежды

на то, что в Екатеринбурге кто-то уцелел. Андрей задал этот вопрос из-за упорных слухов о том, что царская семья спаслась и скрывается в месте, известном императрице Марии Федоровне. Соколов решительно опроверг эти слухи, несмотря на то, что не нашли ни тел убитых, ни свидетелей убийства, без чего сам факт убийства не мог быть окончательно подтвержден. И все же результаты расследования говорили о том, что все пленники, содержащиеся в доме Ипатьева, без сомнения, погибли, а их тела были сожжены в лесу. Со временем заключение Соколова полностью подтвердилось.

Что касается членов царской семьи, сидевших в заточении в Алапаевске, то факт их убийства был очевиден, все тела были найдены, судебно-медицинскими экспертами проведено вскрытие и опознание, в доказательство чего Соколов показал нам фотографии. Во время судебно-медицинской экспертизы был составлен подробный перечень вещей, найденных при останках погибших. Разговор с Соколовым был для нас очень тяжелым, так как он лишил нас всякой надежды на то, что кому-то из членов царской семьи удалось спастись.

Андрей попросил Соколова прислать ему все материалы расследования в Алапаевске, и тот исполнил его просьбу. Почти всю ночь мы переписывали эти важнейшие документы и храним их до сих пор.

Все мелкие вещи, обнаруженные около трупов, адмирал Колчак переслал великой княгине Ксении Александровне, которая сразу же передала их ближайшим родственникам. Я получила то, что было найдено у тела великого князя Сергея Михайловича: маленький золотой медальон с изумрудом посередине. Внутри была моя фотография, достаточно хорошо сохранившаяся, а под ней виднелась выгравированная по кругу надпись: «21 августа — Маля —

25 сентября». В медальон была впаяна 10-копеечная монета 1869 года. В этот год родился великий князь, а медальон я подарила ему много лет назад.

Кроме того, мне передали миниатюрный золотой брелок в форме картофеляины на цепочке. В юности великий князь вместе с Воронцовыми и Шереметьевыми организовал так называемый «картофельный кружок». Происхождение этого названия неизвестно, но оно часто фигурирует в дневнике императора, когда он еще был наследником престола.

Не оставалось и тени сомнения, что великий князь Сергей Михайлович был убит.

Мы часто обсуждали с Андреем вопрос о супружестве. Речь шла не только о нашем счастье, а прежде всего о положении Вовы, который после заключения брака становился законным сыном Андрея. И все же мы решили не вступать в брак без разрешения главы дома Романовых великого князя Кирилла Владимировича, так как в этом случае наш союз был бы недействительным, а я и сын лишились бы права на имя и титул.

Андрей отправился к своему брату в Канны, чтобы получить у него официальное разрешение на наш брак. Великий князь Кирил Владимирович и его супруга Виктория Федоровна не только не были против, но и сказали, что это само собой разумеется, если мы любим друг друга.

Они сочли своим долгом помочь нам и определить положение Вовы. Кирил Владимирович возвратил мне родовое имя Красинских, которое уже носил мой сын, и даровал нам обоим княжеский титул. Он также попросил Андрея, чтобы тот сразу же после венчания представил меня Виктории Федоровне.

Венчание было назначено на 17 (30) января 1921 года в церкви в Каннах, так как мы хотели, чтобы нас обвенчал старый друг и духовник Андрея, отец Григорий Остроумов. Венчание состоялось в четыре часа пополудни. Свидетелями были: муж моей сестры, барон Александр Логинович Цедделер, граф Сергей Платонович Зубов, полковник Владимир Петрович Словицкий. Кроме свидетелей и сына, в церкви никого не было.

Из церкви мы с Андреем и Вовой поехали в отель, где жили великий князь Кирилл Владимирович с супругой, великой княгиней Викторией Федоровной. Они приняли меня как жену Андрея, а Вову — как нашего сына. Они оба были очень любезны со мной и с тех пор постоянно дарили нас своим расположением. Я чувствовала, что понравилась им и что они не жалеют о данном разрешении и ничего не имеют против нашего брака.

После венчания мы все отправились в Кап-д'Эль на праздничный обед, а мой Арнольд по этому случаю великолепно украсил стол цветами. Помимо свидетелей, мы пригласили на обед маркиза Пассано с супругой, а также Лию Лихачеву с мужем и старшим сыном Борисом. Вот так замечательно мы отпраздновали нашу свадьбу.

В день свадьбы Андрей записал в дневнике: «...Чудесно провели вечер. Наконец-то исполнилась моя мечта, и я очень счастлив».

Как и было условлено, вскоре после венчания я получила от начальника канцелярии великого князя Кирилла Владимировича официальный документ, подтверждающий дарование мне титула княгини Красинской.

В 1935 году великий князь Кирилл Владимирович в целях упорядочения морганатических браков, заключенных после переворота, решил дать морга-

натическим супругам представителей дома Романовых, а также их детям, рожденным от этих браков, титул и фамилию светлейших князей Романовых, к которой каждый должен был добавить другую фамилию по своему усмотрению. Мы с сыном взяли вторую фамилию «Красинские». Однако многие не подчинились этому рескрипту, предпочитая называться только князьями Романовыми. Андрей хотел, чтобы Вова носил фамилию рода, от которого он произошел, и со времен войны он стал называться Романовым.

После свадьбы я была принята королевой Дании Александриной, дочерью великой княгини Анастасии Михайловны и двоюродной сестрой Андрея. Она часто приезжала в Канны и, зная, как ее мать любила Вову, всегда относилась к нам сердечно и доброжелательно.

Затем я была представлена королеве Румынии Марии, которая в то время отдыхала в Ницце, в своем замке «Фаброн». Когда мы приехали втроем, оказалось, что королева и ее сестра, великая княгиня Виктория Федоровна, еще не вернулись с прогулки, и нас стали развлекать две дочери великой княгини, Мария и Кира. Они предложили осмотреть их комнаты. Кира показала нам свою коллекцию серебряных миниатюр и мебели, а Вова и Андрей пошли посмотреть, как купают маленького великого князя Владимира. Вскоре вернулась с прогулки великая княгиня Мария, которая была очень красива. Я знала ее по многочисленным фотографиям, но впервые увидела близко и была совершенно ею очарована. Казалось, мы знакомы с ней много лет. Во время визита присутствовала сестра королевы, великая княгиня Виктория Федоровна.

Чуть позже, в Париже, меня приняла в отеле «Риц» королева Греции Ольга. Несмотря на преклонный

возраст, она была очаровательна. По причине близорукости она пользовалась лорнетом. Во время переворота в Греции она была изгнана из страны и долго скиталась, но теперь, когда прежняя власть была восстановлена, могла вернуться домой, что ее очень радовало.

Андрей написал великой княгине Ольге Александровне о нашем бракосочетании и просил передать это известие императрице Марии Федоровне, жившей в то время в Дании. В очень теплом ответном письме великая княгиня сообщила, что императрица не возражает против нашего супружества и желает нам счастья.

Наш старый друг Павел Александрович Демидов устроил на своей вилле торжественный обед по случаю нашего бракосочетания. Потом мы часто бывали у него, и непременно в день именин его супруги Елизаветы Федоровны, в девичестве Треповой. Потом они продали виллу в Ницце, а за купленный на эти деньги жемчуг приобрели новую, в окрестностях Ниццы, и назвали ее «Ла перль» («Жемчужина»). У него жил дальний родственник Миша Сумароков, некогда лучший теннисист в России.

В годовщину смерти великой княгини Марии Павловны Вова, Андрей и я поехали в Контрксевиль, куда прибыл и великий князь Кирилл, а также княгиня Екатерина Голицына и А. Савинский, приехавший во Францию вместе с великой княгиней и оставшийся с ней до ее последнего дня.

Через год после смерти матери Андрея траур кончился, и мы стали устраивать приемы на своей вилле.

Мы очень любили принимать у себя великую княгиню Анастасию Михайловну, которая была воплощением жизнерадостности. Мы подбирали гостей, которые ей нравились и любили потанцевать после

обеда. Эти обеды проходили очень весело. Арнольд замечательно украшал стол и устраивал всякие сюрпризы. Во время танцев он гасил свет, а в саду зажигал бенгальские огни, освещая ими комнату для танцев. Это было очень красиво. Мы часто ездили с великой княгиней в Монте-Карло, в ее любимый ресторан «Карлтон», чтобы выпить по бокалу вина и потанцевать.

Ныне покойный король Швеции Густав любил торжественные приемы, и мы всегда приглашали его на обеды в пользу русской школы в Ницце, которой покровительствовал Андрей. На эти обеды мы приглашали Ваву Яковлеву, которая хорошо пела. Дягилев любезно разрешил своей труппе выступать на таких мероприятиях. Устраивалась также лотерея, в которой разыгрывалась одежда лучших фирм, таких как «Шанель», «Молине», «Маппин и Уэбб», «Кук», «Маке». Кроме того, разыгрывались духи, ящик шампанского и множество различных безделушек. Король Густав великодушно приобрел несколько билетов, и ему невероятно повезло. Он выиграл три лучших приза: прекрасное пальто от Молине, ящик шампанского и что-то еще. Он был в восторге и все приговаривал, что теперь у него есть великолепные подарки для внушек. Во время обеда я сидела рядом с королем, а адмиральша Макарова напротив него.

2 (15) февраля 1922 года на своей вилле «Жорж» в Ницце умерла светлейшая княгиня Екатерина Михайловна Юрьевская, в девичестве Долгорукая, морганатическая вдова императора Александра II. Ей было около 74 лет. Она была придворной дамой императрицы Марии Александровны, а ее роман с императором начался примерно в 1867 году в Париже, когда тот приехал на выставку, и продолжался до конца его жизни. После трагической смерти императора она выехала за границу и осталась там жить,

но время от времени приезжала в Петербург, где имела огромный дворец. Вся царская семья поддерживала с ней самые лучшие отношения и всегда навещала. Несомненно, это была значительная личность второй половины XIX века. О ней много говорили, но она никогда не играла никакой роли в политической жизни, оставаясь в тени императора как его подруга, а в последний год жизни Александра II, с 6 июля 1880 года — как его морганатическая жена. После нашей свадьбы мы хотели нанести ей визит, но то ее не было в Ницце, то она болела. Так мы и не увиделись. Узнав о ее кончине, мы сразу же отправились на ее виллу вместе с великой княгиней Анастасией Михайловной и присутствовали на церемонии погребения на кладбище в Ницце.

Княгиня Юрьевская сохранила у себя на вилле немало памятных вещей императора Александра II, письма, а также множество безделушек, которые, к сожалению, потом были проданы на аукционе ее наследниками. Ее единственный сын Георгий, или Гого, как его называли, умер в 1913 году, старшая дочь Ольга вышла замуж за герцога Мехренберга, а младшая, Екатерина, сначала вышла замуж за князя А. Барятинского, а потом — за князя Сергея Оболенского, живущего сейчас в Америке.

Три недели спустя, 26 февраля (11 марта) 1922 года, нас постигла тяжелая утрата: на своей вилле «Фантазия» скончалась великая княгиня Анастасия Михайловна. Никто не ожидал, что она умрет так скоропостижно. За два дня до смерти мы видели ее веселой и жизнерадостной. Ее старая преданная горничная Ольга сказала, что великая княгиня внезапно занемогла и попросила нас немедленно приехать. Когда мы появились, она была уже без сознания, но смотрела на нас широко открытыми глазами. Не знаю, узнала ли нас великая княгиня, но никакого знака она нам не подала. Личный секретарь вели-

кой княгини приложил к ее губам зеркало, чтобы узнать, жива ли она. Потом она глубоко вздохнула и отошла в мир иной. Мы все встали на колени у ее кровати и начали молиться. Мы сами закрыли ей глаза. Вова впервые в жизни видел смерть и никак не мог поверить, что его любимая подруга, с которой он веселился еще пару дней назад, так неожиданно умерла. Это стало для него тяжким ударом, так как великая княгиня питала к нему большую симпатию с тех пор, когда он был еще ребенком. В последние два года она привнесла в мою жизнь столько тепла и радости... Через два часа из Канн приехал молодой Лидз с женой Ксенией, племянницей покойной, и отцом Остроумовым, который едва не испустил дух от бешеной езды, так как Лидз гнал автомобиль словно безумный.

На следующий день из Парижа приехал великий князь Александр Михайлович, брат усопшей... Старшая дочь великой княгини, королева Дании Александрина, также прибыла на похороны. Я осталась с ней на пару дней на вилле «Фантазия» и помогла привести в порядок вещи покойной. Она любезно предложила Андрею взять все семейные миниатюры и русские книги. А Вова королева предложила выбрать на память то, что он захочет. Сын попросил брошь с рубинами, которую он подарил когда-то Анастасии Михайловне.

Гроб с останками великой княгини перевезли в Канны, в православную церковь, а потом отправили в фамильный склеп в Мекленбурге. Вова позднее заказал бронзовый венок, который мы отослали в Мекленбург, на могилу великой княгини.

У великой княгини было трое детей: сын, великий герцог Мекленбург-Шверинский, умерший в 1945 году, дочь Александрина, королева Дании, которая умерла в 1952 году, и дочь Сесилия, вышедшая замуж за немецкого наследника престола.

41. МОИ ВСТРЕЧИ

Совершенно случайно в вестибюле театра в Монте-Карло я встретила Виржинию Дзукки. Прошло 13 лет с того дня, когда я в последний раз видела ее в Петербурге, но я сразу же ее узнала, и мы радостно бросились друг другу в объятия. В юности именно она была моим кумиром, благодаря ей я стала балериной и всегда об этом помнила. Потом Виржиния Дзукки поехала ко мне, и мы вместе вспоминали минувшие дни, когда она была так знаменита в России. Это свидание оказалось последним — вскоре я узнала, что Дзукки умерла.

Как-то раз, завтракая в отеле «Кларидж» в Ницце, я встретила Айседору Дункан. Если бы мне заранее не сказали, что это она, я бы ни за что ее не узнала: так сильно она изменилась. Мы встретились как две старые подруги и были очень рады. Вскоре после этого она погибла в Ницце, задушенная собственной шалью, закрутившейся вокруг колеса.

В то время в Монте-Карло жила знаменитая леди де Бейт, выступавшая на сцене под именем Лили Лонгтри. Она когда-то была придворной дамой королевы Англии Александры, отличалась удивительной красотой и была возлюбленной короля Эдуарда VII. Потеряв все состояние, она оставила двор, стала актрисой и выступала в пьесах Шекспира, пользуясь огромным успехом. На ее вилле хранилось множество памятных вещей, оставшихся со времен жизни при дворе, а также связанных со сценической карьерой Лили Лонгтри. Ее личные воспоминания были просто захватывающими.

В Ницце я познакомилась со знаменитым драматургом Анри Кэном и его женой, в девичестве Жирадон. Они оба были у нас на ужине, и Кэн на-

писал мне в альбом несколько очаровательных стихов. Потом они пригласили нас на свою виллу «Клод», и Кэн сказал, что угостит нас своим фирменным блюдом — мясом, тушенным в бургундском вине. Это было удивительно вкусно. Его брат Жорж Кэн служил в свое время хранителем музея Карнавале, где было собрано все имеющее отношение к французской революции.

За те три года я очень часто встречалась с Яном Решке, знаменитым тенором. Он и его брат Эдуард, обладатель замечательного баса, были в 80-е годы кумирами петербургской публики, а более удачного выступления, чем их дуэт в «Ромео и Юлии», трудно представить.

Решке происходили из богатой и знатной польской семьи. Ян Решке жил на прекрасной вилле в Ницце, был гостеприимным хозяином и устраивал роскошные завтраки. Он давно не выступал на сцене и давал уроки вокала. После завтрака к нему всегда приходил кто-нибудь из учеников и пел, а он делал ему замечания, что было для нас интереснее всего. Прежде всего он требовал от певца, чтобы тот понимал, что поет, и умел правильно передать это голосом. У Решке был великолепный аккомпаниатор, англичанин мистер Уэбб, наделенный феноменальной музыкальной памятью. Он играл, не глядя в ноты, почти все оперы Вагнера, повергая в изумление даже самого Решке.

Решке был интересным собеседником, и мы очень любили у него бывать. Он тоже часто приезжал к нам в гости на завтрак.

Жизнь четы Решке была омрачена смертью сына госпожи Решке от первого брака, погибшего на войне в 1918 году, уже в самом ее конце, в дни заключения мира. Она очень тяжело переживала свое горе, при ней постоянно находился доктор, и она все время твердила, что в любую минуту может умереть от

инфаркта. В столовую она приходила бледная, а рядом шел врач, поддерживавший ее под руку. Ян Решке умер в 1925 году. Жена его пережила.

В Ницце на собственной вилле «Оливетто» жила княгиня Мария Радзивилл, в девичестве Браницкая, дочь знаменитой графини Марии Браницкой. Белая Церковь — имение Браницких, находившееся под Киевом, — славилась обширными владениями и памятниками старины. Княгиня Радзивилл была более известна под ласкательным именем «Бишетт». Вместе с ней жил ее сын Леон Радзивилл с женой Ольгой, в девичестве Симолен. Бишетт часто приглашала нас в гости, сама приезжала к нам и сделала запись в моем альбоме.

18 июня (1 августа), когда Вове исполнился 21 год, мы были в Париже. Мы решили устроить по случаю его совершеннолетия праздничный обед, на который пригласили самых близких друзей: графа Михаила Граббе, Павла Демидова, графа Сергея Зубова с супругой и Лору Голд, очаровательную американку. Всего нас собралось восемь человек. Обед мы заказали в ресторане «Шато де Мадрид».

Сама не знаю, как случилось, что мы опоздали на обед, и гостям пришлось нас ждать. Естественно, мы чувствовали себя очень неловко. Когда мы сели за стол, граф Зубов рассказал мне, что потерял в саду запонку работы Фаберже, которую очень любил и берег как память. Он думал, что уронил запонку за столом, но там ее не оказалось. Я посоветовала ему дать про себя обещание пожертвовать небольшую сумму Св. Антонию в Падуе, а потом рассказала, как когда-то в Стрельне во время сбора грибов потеряла брошь, подаренную мне Ники. Потерю я обнаружила уже дома, но вспомнила совет нашего старого друга Мити Бенкендорфа и сразу же решила сделать пожертвование в пользу бедных Св. Антонию в Падую. Потом я побежала в сад, на то самое место, где соби-

рала грибы, и вспомнила, как Вова прыгнул мне на плечи, когда я наклонилась за грибом. Не сомневаясь в чудотворной помощи Св. Антония, я сунула руку в густой мох и у самых корней нащупала пальцами свою пропажу. На следующий день я выслала деньги в Падую. Граф Зубов сказал, что последует моему совету, уверовав в помощь Св. Антония. Не успел он это произнести, как один из официантов принес ему потерянную запонку. Граф очень обрадовался и не знал, как меня благодарить.

После торжественного обеда мы всей компанией поехали в ресторан «Кавказский», где к нам присоединился великий князь Дмитрий Павлович. Мы заказали отдельный кабинет, где можно было слушать музыку и видеть зал, где танцевали посетители.

Все с большим удовольствием приняли участие в нашем семейном торжестве.

Осенью 1923 года, 21 октября, ко мне на виллу явился Карабчевский с женой. Когда мне доложили об их приходе, я очень удивилась. Если бы он приехал один, возможно, я бы его не приняла, но мне не хотелось обижать его супругу. Краса и гордость русской адвокатуры представлял собой жалкое зрелище, когда, войдя в гостиную, едва не бросился мне в ноги, умоляя простить его за то, что отказал мне в помощи в трудную минуту. Старик показался мне жалким и убогим, как и многие другие после переворота. И все же я подумала про себя, что его покаяние было слишком запоздалым. Желая искупить свою вину передо мной, Карабчевский обратился с просьбой позволить ему записать мои воспоминания, так как мы были хорошо знакомы, но я отклонила это предложение.

Во время одной из поездок в Париж я посмотрела выступление Александра и Клотильды Сахаровых, убедившись воочию в их феноменальности. Я послала им цветы и сказала несколько теплых слов по по-

воду их танца и вот что услышала в ответ: «Позвольте нам выразить хотя бы малую долю благодарности за ту огромную радость, что вы нам доставили. Похвала такой великой и несравненной артистки, как вы, будет для нас лучшим стимулом в стремлении к дальнейшим успехам».

Потом я еще раз видела Сахаровых. Их стилизованные танцы в сочетании с отточенностью каждого жеста и движения, а также замечательные костюмы, несомненно, представляли собой нечто исключительное и свидетельствовали об отменном вкусе и большом таланте.

В ноябре 1925 года я приняла православие, а в следующем году говела на Пасху и причащалась вместе с Андреем и Вовой. Несмотря на то, что с рождения я была католичкой, меня всегда тянуло к православной вере, и я часто ходила в русскую церковь, а в школе посещала уроки закона Божьего, которые вел отец Пигулевский, ставший впоследствии учителем Вовы. У нас обоих сохранились о нем самые светлые воспоминания.

В мае 1926 года по случаю окончания Великого поста я пригласила на свою виллу Корбут-Кубитовича, Дягилева, а также солистов его труппы: Сергея Лифаря, Бориса Кохно, Тамару Карсавину, Петра и Федора Владимировых и еще нескольких человек. Мы все собрались у меня, а оттуда на автомобилях поехали в собор, находившийся в Ницце. После богослужения мы вернулись ко мне на ужин, и нас уже поджидал празднично накрытый стол с куличами, пасхами, писанками, ветчиной и прочей снедью. После ужина начались танцы. Сергей Лифарь, выпивший за ужином лишнего, стал ухаживать за Карсавиной, вызвав недовольство Дягилева, который, желая ути-

хомирить Лифаря, обратился к нему со словами: «Молодой человек, кажется, вы чересчур развеселились. Пора и по домам». И они оба уехали в Монте-Карло. В своей книге Сережа Лифарь описал эту пасхальную ночь.

Во время одной из первых поездок в Париж мне посчастливилось снова встретиться с Анной Павловой на благотворительном концерте в отеле «Кларидж». Она исполняла свои изумительные миниатюры. После концерта я подошла к ней, и мы обнялись. «Малюня, какое счастье снова вас видеть! Давайте снова вместе станцуем *gran pas* из «Пахиты», как тогда, в Петербурге. Здесь, в Париже, живут Карсавина, Трефилова, Седова, Егорова, Преображенская. Вы будете исполнять главную роль, а мы все станем на заднем плане. Получится замечательно!» — и это говорила Павлова, находившаяся в то время в расцвете славы... Меня ее слова тронули до глубины души. Павлова в очередной раз показала высочайший класс, так как была не только великой балериной, но и замечательным человеком.

После нашей встречи в эмиграции Анна Павлова приехала в Монте-Карло и часто гостила у меня на вилле. С ней было очень приятно проводить время. Как-то раз она пригласила нас и еще пару друзей на обед в игорный клуб. Обед прошел удачно, и мы все вспоминали доброе старое время, Мариинский театр, нашу артистическую жизнь. После обеда мы решили пойти в игорный зал. Павлова одевалась очень необычно и не носила платьев. Как правило, на ней была юбка, а вместо блузки она накидывала на плечи широкую шаль, заколотую булавками. Длинные кисти спадали ей на плечи, заменяя рукава. По натуре живая и очень нервная, Павлова обожала играть, но не полагалась на свою память и просила своих друзей постоять рядом и последить

за номерами, на которые она делала ставки. Ставки она делала очень быстро и по всему столу, а когда не могла до них дотянуться, хватала лопаточку и придвигала свою, сдвигая все остальные. Естественно, игроки протестовали, но, узнав ее, сразу же успокаивались, говоря друг другу: «Да ведь это та самая знаменитая Павлова». Павлова смущенно извинялась и пыталась все положить на прежнее место, сдвигая при этом кистями шали другие ставки. И так продолжалось весь вечер, но игроки только добродушно улыбались, пытаясь ей помочь. В конце вечера, проиграв все деньги, Павлова попросила у меня в долг тысячу франков. Потом она вернула их в очаровательном черном шелковом саше с золотой застежкой. Я бережно храню это саше как память о несравненной Павловой.

Когда Анна Павлова уезжала, мы все отправились в Ниццу, чтобы ее проводить. Знакомые предупредили, что при ее отъезде всегда бывает много суеты, и оказались совершенно правы. Сначала в вагон стали заносить огромное количество багажа, а Павлова, пересчитывая саквояжи, все время сбивалась и начинала считать заново. Провожающие старались ей помочь, что приводило к еще большей неразберихе, а сама Павлова то улыбалась, то сердилась. Наконец все кое-как утряслось, и провожающие облегченно вздохнули, но вдруг она вспомнила о клетке с птицей и бросилась на ее поиски, как будто эта клетка была для нее дороже всего на свете. К счастью, ее быстро нашли, и, успокоившись, Павлова покинула Ниццу, помахав нам рукой из окна.

Впоследствии я видела ее в Париже, когда она танцевала в «Жизели» в театре на Елисейских полях. В ее танце чувствовалась усталость, но спектакль был великолепным. Во второй картине, когда Жизель-Павлова с лилией в руке пробежала на пуан-

тах через сцену, казалось, что она не касается земли и парит в воздухе, словно неземное создание.

Вера Трефилова была первой из моих подруг, с которой я встретила в Париже. Узнав адрес Трефиловой, я сразу же поехала к ней в отель «Савой». Выглядела она удивительно молодо, и Дягилев стал сразу же ее уговаривать выступить у него в Монте-Карло. Трефилова давно не появлялась на сцене и не занималась, но к спектаклю подготовилась превосходно, и когда мы увидели ее в «Лебедином озере», то были поражены ее безупречным классическим танцем. В каждом жесте балерины чувствовалась наша школа с ее грациозными движениями и изящными позами. Одним словом, она показала такой высокий класс мастерства, какого здесь уже давно не видели и, вероятно, даже уже и не помнили. Трефилова была исключительно хороша в «Лебедином озере», своем лучшем спектакле. Впоследствии ни одна из балерин, выступавших в этом балете, не смогла соперничать с Трефиловой.

Любу Егорову я всегда любила, и после окончания училища она часто у меня бывала и иногда довольно долго гостила. Мы с ней были вместе в Вене в 1908 году. После неудачного первого замужества Люба повторно вышла замуж за моего большого друга князя Никиту Трубецкого. Будучи в эмиграции, она открыла балетную студию и превосходно там преподает. Могу смело сказать, что это лучшая балетная студия в Париже, доказательством чего являются Любины ученицы, которые иногда ко мне заходят. У них всех чувствуется прекрасная школа, ноги и руки поставлены как положено, а их танец

сохранил лучшие традиции русского искусства. Вместе с мужем, князем Трубецким, Егорова останавливалась у меня на вилле во время своих выступлений у Дягилева.

На юге Франции живет Юлия Николаевна Седова, которая часто бывает у меня вместе с двумя уже взрослыми дочерьми. Она основала в Каннах собственную школу.

28 апреля 1928 года меня навестила Зоя Инкина. Как я была счастлива, когда она позвонила накануне! Мне было радостно, что жива Вовина подруга детства, семью которой я хорошо знала. Я с нетерпением ждала ее прихода, надеясь, наконец, выяснить судьбу своей шкатулки с письмами Ники, которую я оставила ей перед отъездом на Кавказ.

Ее рассказ стал для меня страшным ударом. В их квартире часто устраивались обыски, а потом арестовали мать. Хранить письма стало опасно, и они были вынуждены их сжечь. На мою долю выпало много утрат: я потеряла состояние, дом, драгоценности, меня лишили счастливой и беззаботной жизни... И все же ни о чем я так горько не жалею, как об этих письмах. В течение десяти лет я мечтала, что когда-нибудь снова их увижу и буду перечитывать, воскрешая воспоминания о мечтах молодости. А теперь эта надежда рухнула, а я потеряла самую дорогую память, бывшую для меня святыней. Даже сейчас, когда прошло более 20 лет, при мысли о Зоинном визите боль и горечь переполняют мне сердце.

Мой брат Юзеф Кшесинский остался после переворота в Петербурге, но вплоть до начала войны я могла беспрепятственно с ним переписываться и посылать посылки с продуктами и одеждой через организацию Гувера, а потом и через другие агент-

ства. Он тогда был женат во второй раз на Целине Спрешинской и имел двоих детей: сына Романа и дочь Целину. Он не жаловался на судьбу и писал, что к артистам хорошо относятся, а он сам живет в своей прежней квартире. Однако мне хотелось, чтобы он с семьей приехал ко мне во Францию. Дягилев помог мне в этом деле, написав письмо, в котором предлагал брату выступить с его труппой. Мне удалось достать для него французскую визу и выслать денег на дорогу через Финляндию. Но он ответил, что хочет остаться в Петербурге и что у него все есть и он ни на что не жалуется. Но главное — он написал, что не хочет расставаться с дорогими его сердцу воспоминаниями, связанными с Петербургом. Брат также сообщил, что покинул сцену, но ему дали разрешение на бенефис, что очень его обрадовало. Дочь Юзефа, Целина, окончила балетное училище и выступала на сцене Мариинского театра. Судя по фотографиям, она была очень похожа на меня, и, как писал брат, в училище считали, что она напоминает меня манерой танца. Потом брат написал, что дочь вышла замуж за инженера, оставила сцену и уехала в Сибирь. А Ромичек, его сын, пропал без вести, но при каких обстоятельствах, Юзеф не сообщил. Последнее письмо я получила от него в самом начале 1940 года. Лишь много лет спустя я узнала, что мой бедный Юзеф и его третья жена умерли во время блокады в Ленинграде. Возможно, они погибли от голода и холода. Я не знаю, где его похоронили и есть ли у него вообще могила. Из-за долгого молчания брата во время войны я свыклась с мыслью, что его нет в живых, и все же известие о его смерти очень меня опечалило.

Дягилев обратился ко мне с просьбой показать Вере Немчиновой, как исполнялось «Лебединое озеро» на сцене Мариинского театра в Петербурге, и в

связи с этим я часто ездила в Монте-Карло и занималась с ней.

Живя на юге Франции, мы проводили три последних дня Страстной недели в Каннах, чтобы иметь возможность два раза в день ходить на богослужение в местную церковь. Андрей и Вова говели, а в субботу причащались. Мы также оставались на всеобщее богослужение, а потом возвращались домой в Кап-д'Эль и садились за пасхальный стол.

Я часто принимала у себя на вилле знаменитостей из эмигрантской среды, приезжающих в Ниццу. Бывала у меня Капитолина Николаевна Макарова, вдова адмирала Макарова, погибшего 13 апреля 1904 года в Порт-Артуре на броненосце «Петропавловск», который наткнулся на мину и затонул. На броненосце находился и великий князь Кирилл Владимирович, чудом спасшийся вместе с двадцатью матросами, тогда как вся команда насчитывала 880 человек. Приезжал ко мне и Александр Александрович Мосолов, который долгие годы был начальником канцелярии министерства Императорского двора, а потом стал послом в Румынии. Я их обоих очень любила за ум и энергию, которую они не утратили, несмотря на преклонный возраст. Как-то раз они были у меня на обеде, а потом вдруг захотели станцевать мазурку, как в прежние времена. И они ее действительно прекрасно исполнили, очень темпераментно и вдохновенно.

О Капитолине Николаевне Макаровой, или просто Капитолине, как ее все называли, ходило множество анекдотов, когда адмирал Макаров был комендантом порта в Кронштадте. Своей яркой индивидуальностью Капитолина затмевала мужа и всегда любила

быть на виду. Но делала она это с большим тактом и шармом, не рая при этом самолюбия супруга. Наоборот, в ее присутствии он только выигрывал. И все же лидером была она, и все это видели и признавали. Разумеется, это служило поводом для множества шуток в ее адрес, однако они были беззлобными и доброжелательными. Даже живя в эмиграции, Капитолина всегда вела себя с большим достоинством, как во время официальных церемоний, так и на церковных праздниках. Она всегда становилась впереди всех и первой подходила к кресту. Однажды английский адмирал пригласил ее на свой корабль на чашку чая. Капитолина приняла приглашение, но при условии, что ей будут оказаны такие же почести, какие отдавались ее покойному мужу как адмиралу Российского флота. На пристани ее ждала шлюпка с матросом, но Капитолина от нее отказалась и велела передать адмиралу, чтобы за ней прислали шлюпку под командованием офицера, что адмирал и сделал. Она любила повторять, что является вдовой адмирала Макарова, и никто не должен об этом забывать. В последний раз я видела Капитолину, когда она приехала из Парижа на юг Франции. Она по-прежнему держалась великолепно и с исключительным достоинством.

Александр Александрович Мосолов был уже человеком пожилым. В молодости он принимал участие в войне с Турцией в 1877—1878 годах, а потом возглавлял личную охрану герцога Александра Батенбергского, служил в конном полку и, наконец, стал начальником канцелярии министерства Императорского двора. Под старость он женился.

Здесь же, в Монте-Карло, я снова встретила своего старого друга Рауля Гюнсбурга, которого мы знали очень давно, когда он еще привозил в Петербург

французскую оперетту. Потом он был импресарио в Монте-Карло, а теперь являлся директором здешней оперы. Во время войны с Турцией он выступал в Бухаресте в опереттах и пел шансонетки. В своих мемуарах он писал, что потом стал санитаром русского Красного Креста. Собирая с поля боя раненых под Никоподем, он заметил, что неприятельское укрепление имеет плохую оборону, и, не долго думая, крикнул «ура!» и вместе с другими санитарями бросился в атаку. В результате в атаку поднялась вся первая линия, и Никополь был взят. Разумеется, он не утверждал, что взял Никополь, но считал, что содействовал этому. С тех пор он стал большим другом России, и в ответ на вопрос императора Александра III, чем его наградить за взятие Никополя, ответил: «Ваше Императорское Величество, протяните руку Франции». Впоследствии он принял деятельное участие в заключении мира между Францией и Россией и любил об этом рассказывать со всеми подробностями, за правдоподобность которых никто не мог бы поручиться. И все же его всегда было приятно послушать. Он относился с большой симпатией к великому князю Владимиру Александровичу и перенес ее на Андрея.

Еще в 1895 году Гюнсбург пригласил меня в Монте-Карло на пару выступлений, очень за мной ухаживал и, как и положено поклоннику, выстаивал под моим окном в отеле.

Гюнсбург часто угощал нас завтраком в «Отель де Пари», где всегда вкусно кормили и было очень весело. Он также приглашал артистов из своей оперной труппы и разных интересных людей из литературной и театральной среды. Он умел вести беседу и сам говорил умно и интересно. Кроме того, Рауль Гюнсбург был заправским поваром и придумывал различные блюда, а потом колдовал над их приго-

товлением. Для поднятия аппетита он рассказывал гостям о своих кушаньях, а также о винах из собственного погреба. Однако когда наступало время репетиций в Опере, он вставал из-за стола и ехал в театр, чтобы все держать под личным контролем. Гюнсбург сам сочинял музыку, а его оперы пользовались успехом.

У него была одна замечательная черта, которую ценили все артисты: он редко заключал контракты, но его слово значило больше любого контракта, и никто не мог пожаловаться, что Гюнсбург его нарушил.

Когда он выдавал дочь замуж, то за несколько дней до свадьбы пригласил нас на семейный обед, чтобы познакомить с женихом. Это был очень своеобразный прием. В столовой все шкафы были заставлены не сервизами, а бутылками. Когда мы сели за стол, хозяин спросил, что мы будем пить, и, повернувшись к ближайшему шкафу, открыл дверцу. Нашим глазам предстали ряды бутылок. Гюнсбург стал по очереди вынимать их, пока не нашел бордо, и тут же пояснил, что пить следует исключительно красное бордо. При этом нужно было видеть его лицо. Повеселились мы на славу! Блюда тоже отличались оригинальностью, и всякий раз хозяин нам объяснял, как они готовятся и какое вино к ним подходит. Но больше всего нас заинтриговал десерт. В глубокой посуде подали большой ананас, а перед этим — сахарницу с мелким сахаром и большой кухонный нож. Проверив, все ли на месте, хозяин вынул из буфета бутылку коньяка и приказал ее открыть. Потом он взял левой рукой ананас и стал очищать его от кожуры, оставляя черные глазки. Очистив ананас, он начал вилкой выдалбливать кусочки в тех местах, где находились глазки. Выдолбленные кусочки имели форму маленьких пирамидок, и Гюнсбург бросил их

в миску, куда также стекал ананасовый сок, так что ни одна капля не пропала зря. Наконец, он вылил в посуду большую часть коньяка и посыпал все сахаром. Десерт получился изумительным, но очень уж крепким. Хозяин предупредил нас, что нельзя пить сок стаканами, так как можно опьянеть, а вот кусочки ананаса в коньяке вреда не причинят. После обеда Рауль отозвал Андрея в сторону и попросил, чтобы тот от своего имени вручил его дочери купленный им самим подарок. Гюнсбург хорошо знал, что в данный момент Андрей не мог себе позволить купить что-то дорогое, а ему очень хотелось, чтобы невеста получила подарок из рук Андрея. Трудно было отказать старому другу, тем более что предложение Рауля шло от чистого сердца. Он пригласил дочь, и Андрей вручил ей подарок. Через пару дней мы присутствовали на свадьбе в синагоге.

Рауль Гюнсбург был нашим преданным другом, и мы всегда вспоминаем о нем с большой симпатией.

Великий князь Дмитрий Павлович часто навещал меня в Кап-д'Эль, а наша давнишняя дружба еще больше окрепла. Встречались мы теперь чаще, хотя и при совсем иных обстоятельствах. Обычно он приезжал на юг Франции весной или осенью и останавливался у знакомых. Как-то раз он заехал ко мне. Тогда он жил в Каннах, на вилле известного богача сэра Мортимера Дэвиса, чья жена славилась красотой. Слуга великого князя надеялся, что тот останется на ночь у меня на вилле, так как в Каннах он каждый вечер куда-то ходил и почти не спал. В это же время у меня отдыхали князь Эристов, князь Никита Трубецкой и полковник Кульнев. Вечером, после обеда, мы отправились в Монте-Карло в игорный клуб. Мы с Андреем возвратились рано, а Дмит-

рий Павлович пробыл там до утра вместе с моими гостями. Так что великому князю так и не удалось у меня выспаться, как надеялся его слуга.

Весной, когда мы с Андреем были в Париже, мы пригласили в ресторан «Арманвиль» великую княгиню Марию Павловну вместе с мужем, князем Н. Путягиным, великого князя Дмитрия Павловича, графа Н. Царнекау, а также полковника Кульнева. В последнюю минуту великого князя что-то задержало, но он обещал присоединиться к нам позже. После обеда мы поехали в модное кафе «Акация», чтобы выпить вина и потанцевать. Здесь к нам и присоединился Дмитрий Павлович, и мы все отправились в «Пале-Рояль», где в винном погребе находилось кабаре. Приехали мы рано, и там еще никого не было, а оркестр стал играть нам русскую музыку. Мы заказывали музыкантам все, что хотели, но потом появились две английские пары и начали заказывать американские мелодии, а мы по-прежнему просили исполнять русские. Англичане были очень недовольны, и тогда мы стали уговаривать великую княгиню что-нибудь спеть. Она долго отказывалась, но потом согласилась — при условии, что потом я станцую «Русскую». Когда мы все решили, великая княгиня превосходно спела романс «Калитка», а я станцевала «Русскую». Как только я закончила, оба англичанина поднялись из-за стола и, держа в руках бокалы с вином, подошли к нам. Став на колени, они попросили нас принять вино как знак восхищения нашим мастерством. Это было так трогательно, что потом мы весь вечер развлекались вместе.

Спустя около двух лет, 8 (21) ноября 1926 года, Дмитрий Павлович женился в Биаррице на мисс Одри Эммери, очаровательной американке, которую мы все очень полюбили. Мы познакомились с ней вскоре после их свадьбы, состоявшейся в Монте-Карло, в

«Отель де Пари», где они в то время жили. На следующий сезон они сняли виллу в Каннах, и мы часто бывали у них на обедах. Они представляли собой такую красивую и гармоничную пару, что смотреть на них было одно удовольствие.

С первого дня жизни в эмиграции нас беспокоила мысль о том, как обеспечить себе кусок хлеба. В России мы потеряли все, что имели, и приехали за границу нищими. Поначалу, заложив мою виллу, мы кое-как сводили концы с концами. После смерти великой княгини Марии Павловны Андрей получил свою долю драгоценностей, но с большой задержкой из-за каких-то формальностей, поэтому подходящий момент для того, чтобы обратить драгоценности в деньги, был упущен, а полученная сумма была гораздо меньше оценочной стоимости. Кроме того, нужно было еще заплатить налог на наследство.

Андрей надеялся продать свою недвижимость, находящуюся в Польше, но после установления новой границы та часть польской территории отошла к СССР, и его надежды рухнули.

Больше рассчитывать было не на что, и я решила открыть в Париже балетную студию, чтобы таким образом обеспечить нам троим средства к существованию. Я знала, что могу хорошо танцевать, а вот сумею ли научить этому других? В этом я уверена не была и временами сильно сомневалась на сей счет. Однако выхода не было, и я решилась.

Осенью 1928 года мы с Андреем поехали в Париж, чтобы подыскать себе жилье и подходящее место для студии. Чего я только не насмотрелась! Для себя я искала дом с садом, так как у меня были фокстерьеры, которым нужно было где-то бегать. Да и для всех нас сад был очень удобен. Найти квартиру,

где можно жить самим и разместить балетную студию, было очень трудно. Для этого требовалась либо очень большая квартира, что дорого стоило, либо две, расположенные поблизости.

После долгих и мучительных поисков я, наконец, выбрала квартиру для балетной студии в еще недостроенном доме и подписала контракт. Но для себя я так и не нашла ничего подходящего, и мой агент пришел в полное отчаяние, так как уже показал мне абсолютно все. В конце концов он сказал, что остался еще один небольшой дом, но нельзя ручаться, что он мне подойдет. Агент был почти уверен в том, что ехать туда не стоит, и все же мы решили осмотреть и этот, последний. Подъехав к вилле «Молитор», такси остановилось у ворот сада, в глубине которого находился небольшой трехэтажный особняк. Сад с высокими каштанами, густым кустарником и множеством цветов мне сразу понравился. Затем мы вошли в дом, где прежде находился пансионат. Комнаты на первом этаже были обставлены скромно, но со вкусом. Мы осмотрели весь дом. На всех трех этажах были ваннные комнаты и туалеты, что для Парижа большая редкость. Число комнат вполне отвечало нашим потребностям, а кроме того, здесь оказался еще и высокий подвал, где располагалась кухня и помещения для прислуги. День был солнечный, и дом с садом так пришлись нам по душе, что мы решили больше ничего не искать, считая, что здесь будет хорошо и нам, и нашим псам. А именно этого нам и хотелось.

Мы попросили агента немедленно начать переговоры с владельцем. Однако тот ответил нам отказом, так как не хотел сдавать дом иностранцам. Не помню уж как, но после долгих уговоров он, наконец, уступил, и мы договорились с его управляющим встретиться у нотариуса и подписать контракт. Когда мы

пришли к нотариусу и стали читать документ, управляющий с печальным видом сообщил нам о том, что этой ночью скончался владелец дома. Правда, он тут же добавил деловым тоном, что уполномочен подписать контракт за усопшего. Андрей не стал оспаривать полномочий управляющего, но все же предпочел отложить подписание до тех пор, пока не найдутся наследники, так как было как-то неудобно заключать контракт с покойником. Через пару дней все формальности были улажены и контракт подписан.

Устроив все дела в Париже, мы вернулись в Кап-д'Эль, чтобы упаковать вещи и отослать их в Париж. Я собиралась уехать в Париж в конце года и открыть балетную студию уже зимой, но мне не хватило денег на переезд и ремонт дома. После нескончаемых хлопот и суеты нам, в конце концов, удалось покинуть Кап-д'Эль 22 января (4 февраля) 1929 года, а на следующий день мы уже были в Париже и поселились в доме № 10 на вилле «Молитор», округ XVI. Телефон 34-38 уже был установлен.

В связи с моим переездом в Париж злые языки стали распускать слухи, что я проиграла все свое состояние в Монте-Карло. А правда заключается в том (и я никогда этого не отрицала), что я всю жизнь любила играть, но никогда не делала высоких ставок, особенно в казино, даже в те времена, когда имела достаточные средства и могла себе это позволить. Как и все игроки, я иногда проигрывала, но это были небольшие суммы, а вовсе не те миллионы, о которых так много говорили и которых у меня не было.

42. ГОДЫ 1929—1954. ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В ПАРИЖЕ

После переезда в Париж на постоянное жительство я прежде всего занялась устройством балетной студии. Однако это было сопряжено с большими расходами, а мне всегда не хватало денег. Если и удалось что-то сделать, то только благодаря поддержке друзей, среди которых почетное место отводится Ивану Ивановичу Махонину. Он был женат на Наталье Степановне Ермоленко-Южиной, исполнявшей на императорской сцене весь вагнеровский репертуар. Сам Махонин был хорошим скрипачом и меломаном, а также прекрасно пел. Будучи заядлым театралом, Махонин знал всех известных артистов и музыкантов. Меня он знал и любил еще с тех пор, когда я работала в Мариинском театре, а теперь оказал неоценимую помощь в моем новом начинании.

Устройство и оборудование студии заняло более двух месяцев. Нужно было заказать и закрепить перекладки для упражнений, провести свет, покрасить стены, а также купить необходимую мебель. Все было готово только к концу марта, и мы обратились к митрополиту Евлогию с просьбой освятить балетную студию.

Год назад, уже сняв помещение и явившись договариваться насчет ремонта, я встретила в воротах дома митрополита Евлогия, и мы одновременно воскликнули: «Какими судьбами?» Митрополит рассказал, что приходил навестить одну русскую семью, жившую на верхнем этаже, а я поведала ему о своих планах заняться преподаванием танца. Митрополита заинтересовала моя идея, и, прощаясь, он просил

пригласить его на освящение студии. Поэтому я к нему и обратилась. Освящение состоялось 13 (26) марта 1929 года. На торжество я пригласила только самых близких друзей, которые помогли мне подобрать подходящее место и проявили интерес к моему новому делу.

6 апреля я начала занятия и дала первый урок. Моей первой ученицей стала Татьяна Липковская, сестра Лидии Липковской, нашей знаменитой оперной певицы. Таня, как мы все ее называли, стала моим талисманом и принесла счастье. В память об этом ее портрет и сейчас висит в студии на прежнем месте, а в списках учениц она числится под первым номером.

Время для открытия было выбрано неудачно: учебный год подходил к концу, и все уже занимались у других учителей. Вот почему с апреля по июнь ко мне записалось немного девушек. Однако благодаря этому обстоятельству я смогла проверить свои педагогические возможности. Убедившись, что смогу преподавать, я стала ждать осени в надежде на новых учениц.

В 1929 году у Сергея Павловича Дягилева был весенний сезон в Париже, проходивший с 22 мая по 12 июня в театре Сары Бернар. Он навестил меня, и мы долго беседовали в нашем саду. С ним всегда было очень интересно разговаривать. Потом Дягилев уехал на летний сезон в Лондон, в «Ковент-Гарден», а мы отправились в Руан, где неожиданно получили известие о его смерти. Это случилось в Венеции, 19 августа 1929 года. Дягилеву было всего 57 лет.

В лице Дягилева я потеряла замечательного друга. Не считая давней короткой размолвки, он всегда относился ко мне так, как в первые дни нашего зна-

комства, и всегда знал, что я искренне люблю его и ценю его дружбу.

Несомненно, Дягилев был выдающейся личностью и самобытным талантом. Он великолепно разбирался в искусстве и литературе, любил и понимал балет. О балете мы с ним разговаривали часами, и мне хорошо известны его взгляды на этот вид искусства. Заслуги Дягилева в данной области огромны. Именно он познакомил Европу с русским балетом, русской музыкой и сценографией.

Поначалу Дягилев действительно представил Европе настоящий русский, а по правде говоря, императорский балет, так как он повез в Париж труппу, состоящую исключительно из артистов императорских театров, а также взял у этих театров костюмы и декорации. Такую роскошь не могла себе позволить ни одна частная труппа. Его первым балетмейстером был Михаил Михайлович Фокин, великолепные постановки которого навсегда останутся в истории балета. Однако со временем репертуар сезонов Дягилева заметно изменился. Он по-прежнему ставил и классические спектакли, и новые, в хореографии Фокина, но наряду с этим были и такие, которые бы не нашли себе места не только на императорской сцене, но и ни в одном русском частном театре. Споры относительно достоинств этих балетов продолжаются и по сей день. Кроме того, после первой мировой войны русских балерин и танцовщиков стало значительно меньше, и труппа Дягилева пополнялась за счет иностранных артистов, а чтобы, как говорится, «не потерять лицо», им давали русские имена. Так что балет перестал быть русским, и осталось лишь одно название.

Незадолго до смерти Дягилева я спросила его, как он, такой тонкий знаток и ценитель русского балета, мог предлагать публике совершенно, на мой

взгляд, возмутительные постановки. Не хочу предавать гласности ответ Дягилева, так как наша беседа носила конфиденциальный и доверительный характер. Скажу только, что он дал мне понять, что это не зависело ни от его вкуса, который остался прежним, ни от его желания. Решающую роль здесь сыграли совсем другие обстоятельства. Я с радостью убедилась, что мой старый друг не изменил своих взглядов на искусство и просто был вынужден показывать такие ужасные спектакли.

Осенью 1929 года я впервые за годы эмиграции повстречалась с князем Сергеем Михайловичем Волконским. Прошло 28 лет с того дня, как он оставил должность директора Императорских театров в связи с нашим конфликтом по поводу злополучных фирм костюма к балету «Камарго». Мы встретились в каком-то театре во время антракта и едва не бросились друг другу в объятия, как будто между нами ничего не произошло. С того дня мы стали большими друзьями и часто виделись, так как князь охотно посещал мою студию, чтобы посмотреть на занятия. Он также часто заходил и ко мне домой, всегда с букетиком цветов в руках. В то время он писал рецензии на новые постановки и фильмы, и его критические заметки были очень глубокими и отличались прекрасным стилем. Как-то раз речь зашла о нашей давней размолвке, и я рассказала, что произошло на самом деле, добавив, что нисколько не виню в этом его лично. Вся ответственность за нашу ссору лежит на людях, стремившихся настроить его против меня. Если бы он в то время знал всю правду, то никогда не поступил бы так, как поступил. На множестве примеров я доказала ему, что всегда уважала распоряжения руководства и даже могла бы служить

в этом примером для других. Князь полностью со мной согласился и признался, что вся история была представлена ему в совершенно ином свете. Волконскому сказали, что Кшесинская назло ему не хочет надеть фижмы и что это лишь каприз избалованной прима-балерины. Теперь князь переживал, что поверил сплетникам вместо того, чтобы вызвать меня, ведь это было очень просто сделать, и тогда никакого конфликта попросту бы не произошло.

Однако прошлое было предано забвению, и мы стали друзьями. Князь был человеком чрезвычайно эрудированным, знатоком в вопросах музыки, а также прекрасным пианистом и драматическим актером с замечательной дикцией. Он часто и с большим успехом принимал участие в любительских спектаклях.

Однажды мы с ним заговорили о мимике и сценических движениях. По мнению князя, эти дисциплины преподавались неправильно, и поэтому артисты часто делают жесты, не соответствующие словам. Он говорил, что нужно научить их свободно владеть своими руками, чтобы во время декламации они не мешали актеру. Я попросила князя прочитать несколько лекций в моей студии, на что он охотно согласился, и 28 ноября 1929 года провел занятие для учениц и нескольких приглашенных девушек. Темой его занятия были танцевальные, мимические и музыкально-мимические движения. Лекция сопровождалась наглядными примерами.

Князь Волконский потом года два приходил ко мне в студию и полностью одобрял мою методику преподавания. Он написал об этом в известной статье после выступления моих учениц 21 апреля 1935 года.

Вскоре князь женился на одной американке, с которой уже давно был знаком. Мы все радовались,

что на склоне лет он не останется в одиночестве, так как в последние годы жилось ему очень тяжело. После венчания они уехали в Америку. В декабре 1937 года до нас дошло известие о его смерти. В ответ на соболезнование от меня и Андрея вдова прислала нам письмо с благодарностью и сообщила, что незадолго до кончины ее муж вспоминал нас обоих и наше доброе к нему отношение. Я была спокойна, зная, что князь отошел в мир иной, помирившись со мной.

В год открытия студии Анна Павлова, выступавшая в то время в Париже, попросила у меня разрешения посетить занятия. Разумеется, я предупредила учениц, что в такой-то день к нам приедет Павлова и что все должны присутствовать и поприветствовать ее. Мне очень хотелось, чтобы девушки, не имевшие возможности посмотреть Павлову на сцене, увидели ее здесь. Ее встретили с цветами, и она просидела у нас весь урок, а потом поцеловала меня, сказав: «А я-то думала, что это просто фантазии, но теперь вижу, что вы и правда хороший педагог».

Это был последний раз, когда мы виделись с Павловой. Вскоре она уехала в турне со своей труппой, а в январе 1931 года, когда тяжело больной Андрей лежал в больнице и его жизни угрожала опасность, я получила известие о том, что Анна Павлова серьезно заболела в Гааге. Ее постоянным врачом был доктор Залевский, который в то время лечил Андрея. Муж Анны, Дандре, прислал мне телеграмму с просьбой прислать доктора Залевского, так как ее состояние было крайне тяжелым. Я решила, что не имею права отказать, тем более что у Андрея были и другие врачи. Залевский выехал в Гаагу 20 января и пробыл там три дня. Разумеется, истинную причи-

ну отъезда врача я от Андрея утаила, чтобы не беспокоить его.

Однако, несмотря на все старания и приезд Залевского, спасти Анну не удалось, и она умерла 23 января. Андрей очень ее любил, и мы скрыли от него это скорбное известие. Мы не давали ему газет, и о смерти Павловой он узнал только через несколько месяцев, натолкнувшись на давнюю газету с сообщением.

Тело Павловой перевезли в Лондон и после отпевания в местной церкви предали кремации, а прах захоронили на кладбище Голдерз Грин.

Много лет спустя я была в Лондоне и жила вблизи дома Павловой. Как-то, проходя мимо, я зашла в расположенный здесь же парк и посмотрела на пруд, в котором когда-то плавал белый лебедь Джек, увековеченный на фотографии с Павловой. Я также зашла в дом под названием «Айви Хаус», где она жила, а потом сходила на кладбище, которое находилось рядом. На могиле лежали только белые цветы, а табличка содержала просьбу не класть каких-либо иных. Было видно, что чья-то любящая рука заботится о могиле, так как цветы были свежими и красиво уложенными. Я пришла сюда, чтобы поклониться праху великой русской балерины, которую любит и помнит весь мир. В Лондоне мне показали в одном из парков место, где собирались поставить ей памятник.

Думая об Анне Павловой, я вспоминаю отзыв Сергея Маковского о ее исполнении заглавной роли в балете «Жизель»: «Жизель-Павлова пленительна и воздушна, словно луч, и легка, как пушинка. Что тут еще сказать? Анна Павлова никогда не поражала техникой, но покоряла одухотворенностью. И раньше не было смысла подробно анализировать ее исполнение (погрешностей всегда имелось достаточно), ею нужно лишь восхищаться, не обращая

внимания на законы хореографии, так как это настоящий талант от Бога». Спектакль, на который была написана рецензия, состоялся в театре на Елисейских полях 9 мая 1930 года.

Анна Матвеевна Павлова закончила Императорское Театральное училище 1 июня 1899 года. Родилась она 31 января (12 февраля) 1882 года в Санкт-Петербурге.

В последние годы Вера Трефилова постоянно болела, но продолжала давать уроки танца, хотя по вечерам ее мучила лихорадка, и температура доходила до сорока градусов. Однако весть о том, что ей совсем плохо и она находится в больнице, стала для меня неожиданностью. Я навещала ее почти ежедневно, хотя мне было очень трудно подниматься по больничным лестницам. Я привозила Вере цветы, которые доставляли ей радость. Она так изменилась, что, придя в больницу в первый раз, я долго не могла ее найти и заглядывала во все палаты. И только когда сиделка сделала мне знак рукой, я поняла, что здесь лежит Вера. Перед отъездом в Дакс для лечения ноги я пошла проститься с Верой и принесла ей букет роз, который она прижала к лицу, жадно вдыхая аромат.

Когда настала минута прощания, я наклонилась к ней, и она, обняв меня за шею исхудавшими руками, стала благодарить за внимание, так как никто из прежних коллег не проявил к ней такой сердечности. Я знала, что больше мы не увидимся, но все же, желая ее приободрить, стала говорить, что по возвращении непременно ее навещу, а она к этому времени обязательно поправится, и мы еще вместе повеселимся. Как сейчас помню, это было 7 июля 1943 года, в среду. На следующий день я уехала в Дакс, а 11 июля

Вера умерла. Разумеется, я не могла присутствовать на похоронах, но попросила Сергея Лифаря положить на ее могилу венок от моего имени.

Когда в 1939 году я почти две недели провела вблизи Эвиана, то съездила в Женеву и хотела повидать Вацлава Нижинского, который находился в соседнем санатории. Все попытки вернуть ему рассудок оказались напрасными. Не помогло даже то, что Дягилев привез его в театр на балет «Петрушка», а потом привел на сцену, где Нижинский встретился с Карсавиной. Он никого не узнавал и не мог общаться с окружающими. И все же я надеялась, что меня он узнает. Ведь я первая выбрала его своим партнером, когда он только закончил учебу. Он об этом всегда помнил и относился ко мне с трогательной симпатией. Но мне не удалось его увидеть, так как стремительное развитие событий и война вынудили меня раньше срока покинуть Эвиан и вернуться в Париж.

Нижинский умер в Англии, и много лет спустя его вдова Ромола рассказала мне, что незадолго до смерти наступило такое значительное улучшение, что Вацлав стал почти нормальным и вспоминал прежние времена, часто повторяя мое имя: «Маля, Маля». Это навело меня на мысль, что, вероятно, Нижинского можно было вылечить, и я очень переживала, что не смогла навестить его тогда, в Швейцарии. Не смогла я присутствовать и на его похоронах в Лондоне.

Большим утешением для меня стало участие в церемонии перенесения его останков в Париж. Третьего июня 1956 года из Англии привезли гроб с его телом и похоронили на кладбище Монмартр-Нор, где покоится прах знаменитого танцовщика Гаэтано Вестриса. Чтобы оказать Нижинскому последние почести, собралось множество людей, над его моги-

лой было произнесено немало речей, в которых вспоминались его выступления в парижской Опере, где он и стал знаменитым.

Прощаясь с Нижинским, я положила на гроб букет цветов и стала горячо молиться за моего милого и талантливого партнера и незабвенного друга.

До войны Фокин часто приезжал в Париж из Америки, где он постоянно жил из-за постановок, которые ему заказывали Рене Блюм и Ида Рубинштейн.

Я всегда с радостью принимала его у себя, была его страстной поклонницей с тех пор, как он начал ставить свои спектакли в России, и считала его выдающимся балетмейстером. Его хореографические композиции являются ценнейшим вкладом не только в русский, но и в мировой балет. Никогда не утратят своей прелести такие его творения, как «Эрос», «Ра de deux», «Рондо-каприччиозо», которые он поставил для меня, а также «Вальс» Крейслера, «Бабочки», «Шехерезада», «Петрушка», «Сильфиды», «Видение розы», «Половецкие пляски» из оперы «Князь Игорь», «Вакханалия» Глазунова или «Умирающий лебедь», поставленный для Павловой. Это бессмертные шедевры Фокина, которые и в дальнейшем будут пользоваться огромным успехом и вызывать живейший интерес.

Фокин внес много нового в искусство танца, сохранив при этом верность классическим традициям. Он никогда не опускался до акробатических трюков и не заставлял артистов кувыряться по сцене и носить друг друга на закорках. В его балетах выдержано классическое чувство меры. Некоторые постановки Фокина невозможно восстановить без него самого, и они безвозвратно утрачены.

Когда Фокин у меня в студии работал с одной из учениц, я с большим интересом следила за его методикой преподавания.

Перед отъездом в Америку Фокин подарил мне на память старинный сундучок с хрустальными рюмками для ликера.

В конце концов, наши пути разошлись. Руководствуясь самыми добрыми побуждениями, я решила помирить Фокина с некоторыми его оппонентами и с этой целью устроила ужин, на который пригласила Фокина и тех людей. Но это его задело, и, возможно, он на меня обиделся.

Я всегда питала к Фокину искреннюю симпатию, и мне жаль, что я не смогла объяснить ему истинную цель того ужина. Теперь я хочу попросить у него извинения за невольно причиненную неприятность.

Я уже не помню, где и когда впервые встретила с Сергеем Лифарем. Возможно, я увидела его в труппе Дягилева вскоре после его приезда из России, в январе 1923 года. Но более близко мы познакомились на Пасху в том же 1923 году, когда он вместе с Дягилевым появился в Кап-д'Эль. Тогда у меня собралось много друзей, в том числе и танцовщики из труппы Дягилева.

Много лет спустя, когда я уже поселилась в Париже, а Лифарь стал балетмейстером в парижской Опере, он часто ко мне заходил, и я его искренне полюбила за доброе сердце, ум и несомненный талант танцовщика и балетмейстера. Я стала относиться к нему как к члену семьи. Казалось, и он ко мне привязался и все время называл «своим золотком». После пасхального ужина в 1926 году я стала каждый год приглашать его к себе на Пасху. Если же

Лифарь в этот момент отсутствовал, он обязательно звонил и поздравлял с праздником, где бы в это время ни находился, даже когда летел самолетом из Австралии. Лифарь часто повторял, что мы с великим князем заменили ему родных, и именно так и представлял нас своим знакомым. Наша дружба продолжается до сих пор.

Уже завоевав себе прочное положение в парижской Опере, он часто приглашал меня на спектакли, особенно на свои новые постановки. После представления я обычно шла в его уборную, где всегда толпился народ, а потом мы вместе направлялись в ближайший ресторан в окружении его друзей.

Лифарь пришел к Дягилеву, не имея никакой подготовки, и очень быстро стал знаменитым танцовщиком. А через два года он занял в труппе ведущее место. Справедливости ради следует заметить, что такое достижение было результатом не только упорного труда, но и огромного таланта.

Лифарь был неподражаемым Альбертом в «Жизели», эту роль он репетировал с Петром Владимировым. Его партнершей выступала Ольга Спесивцева. Разумеется, ее нельзя сравнить с Павловой, и все же она была по-своему очаровательна.

Среди множества балетов, поставленных Лифарем в парижской Опере, одни были более удачными, а другие — менее. Однако у него было множество совершенно замечательных спектаклей, которые я с удовольствием посмотрела бы еще раз. Часто они получались менее удачными из-за спешки при подготовке, а иногда подводили либретто или музыка, которые не нравились Лифарю, но были ему навязаны.

Лифарь завоевал себе в Опере очень прочное положение как балетмейстер, и это являлось огромным достижением, поскольку он был иностранцем. Кроме того (и это одна из его величайших заслуг), он

возвысил балет и поставил его на один уровень с оперой. До того балет всегда показывали после оперы, и дирекция театра не верила Лифарю, утверждавшему, что публика придет смотреть сам балет, и опасалась, что билеты не будут распроданы. Но вопреки всем опасениям театр был переполнен, а все билеты сразу же расхватали. Сначала показывали несколько одноактных балетов, а потом их заменил один, состоящий из нескольких актов. Теперь в парижском театре для балета отведен отдельный день, как у нас в России, и его уже не показывают в нагрузку к опере.

А теперь я хочу сказать несколько слов о книге Лифаря «История русского балета от основания до наших дней», изданной в Париже в 1950 году. Если бы то, что там написано, появилось под другим заголовком, я бы вообще не стала этим заниматься. О балете пишут разное, и реагировать на все просто не стоит. И все же эти слова в названии книги — «История русского балета» — обязывают автора быть честным и объективным в оценках. Отдельные места в этой «Истории» требуют пояснения, так как пройдут годы, и нас, артистов императорского балета, так много сделавших для расцвета нашего искусства, уже не будет на свете, а эту книгу станут считать истинной историей русского балета, хотя в действительности там отражено лишь субъективное мнение автора.

Что касается меня, то уже на первых страницах мое имя появляется рядом с именем другой танцовщицы, окончившей училище раньше меня, но добившейся признания гораздо позже. Я отношусь к ней с уважением, так как своим успехом она обязана кропотливому труду. И все же намеренное сопоставление наших имен не дает четкого представления ни об одной из нас, так как у каждой танцовщи-

цы есть свои особенности, отличающие ее от остальных.

В книге дважды высказывается предположение, что якобы Павлова и Карсавина в начале своей карьеры представляли для меня опасность и могли меня затмить и вытеснить со сцены. Так вот: никто — ни Павлова, ни Карсавина и никакая другая балерина — не затмили и не вытеснили меня в течение всей моей артистической карьеры. Каждая из нас шла своим путем. Что касается меня, то прямо со школьной скамьи я оказалась на самой вершине русского балета, что и отмечено прессой тех лет.

Далее автор «Истории» утверждает, что у зарубежной публики и критики я пользовалась меньшим успехом, чем та, другая танцовщица. И тут он совершенно прав. Арнольд Гаскелл пишет, что Павлова была более известна за границей, чем я. Однако по сравнению с ней за границей я выступала очень редко. Павлова сразу же по окончании училища стала ездить в турне по всему свету, а о том, какой ценой далась ей слава, она пишет сама. Мне же всегда нравилось жить в России, и покидала я ее неохотно. В свое время я отказалась от очень выгодного предложения уехать в Америку. Но уж если я соглашалась на зарубежные гастроли, то всегда танцевала с неизменным успехом. Мое появление в Вене в 1903 году, когда зрители и пресса устроили мне овацию, и даже сам император после 15-летнего перерыва пришел в театр, стало явлением из ряда вон выходящим, и о нем говорила вся Вена. Мои выступления в парижской Опере в 1908 году, когда балет еще не имел особой популярности и показывался после оперы, были приняты так восторженно, что после первого сезона, во время которого у меня даже не было рекламы, директор сразу же пригласил меня на следующий. Много лет спустя директор Оперы, Губер, с огромным уважением говорил о моем парижском

триумфе в «Корригане» и вариациях из «Дочери фараона»; сам он тогда исполнял соло на флейте. И, наконец, в 1911 году, когда в Лондоне я танцевала у Дягилева, мои вариации вызвали такую зависть Нижинского, что он устроил Дягилеву сцену. Я имею право гордиться своими выступлениями, получившими высокую оценку в международной печати.

Обо всем этом автор «Истории» умалчивает или же недвусмысленно подчеркивает, что если я снискала на русской сцене более громкую по сравнению с другими танцовщицами славу, то лишь потому, что была всемогущей в театре. Позволю себе заметить, что для того, чтобы добиться успеха на сцене и получить всеобщее признание, одного всемогущества явно мало. Для этого нужно обладать талантом от Бога, выделяющим балерину среди остальных и возносящим ее на пьедестал на зависть недоброжелателям.

В подтверждение своих слов я хочу привести отрывок из статьи Александра Плещеева, которую мне недавно прислали из Америки. Она была написана по случаю моего прощального бенефиса, состоявшегося 4 февраля 1904 года:

«Щедро одаренная природой Кшесинская занимает особое место на современной русской сцене, а также на сцене европейской, где блистает, пожалуй, только одна Замбелли. С точки зрения таланта, ближе всего к Кшесинской находится замечательная московская балерина Роставлева. Остальные же не идут с ней ни в какое сравнение. Они талантливы и по-своему хороши, но в большинстве своем их искусство односторонне: они преуспели либо в танце, либо в мимике. Щедрее остальных природа одарила мадемуазель Павлову 2-ю, но ее звездный час еще впереди».

Плещеев, бывший свидетелем начала и развития всей моей карьеры, мог объективно оценить то, что я принесла на сцену. Он даже не упоминает имени

той танцовщицы, с которой Лифарь сравнивает меня в своей «Истории» и которая якобы могла меня затмить.

И, наконец, еще одна мелочь, которую, однако, следует рассматривать как попытку редактора лишний раз меня уколоть: в «Истории» не нашлось отдельной страницы, чтобы поместить мою фотографию.

Я так подробно пишу о неточностях, встречающихся в труде Лифаря, потому что хочу, чтобы мое имя стояло на том месте, которое я действительно занимала в истории русского балета, а не на том, которое мне отвел автор книги.

Мне было неприятно читать такие необоснованные утверждения в книге своего друга, к которому я относилась и отношусь с искренней симпатией.

Через год после открытия студии, в 1930 году, я почувствовала сильную боль в бедре, из-за которой ночью не могла сомкнуть глаз. Мой врач Залевский предположил, что это воспаление седалищного нерва. Однако несмотря на все прописанные им лекарства боль не проходила, и я едва передвигалась. В конце концов, меня отвезли к рентгенологу, чтобы точно установить причину боли. Доктор Залевский и вызванный им хирург Гаттелье, изучив снимок, пришли к выводу, что проводить занятия в студии мне нельзя. Они считали, что я должна оставить работу, так как при любом резком движении был риск упасть и уже больше не подняться.

Такой диагноз оказался для меня равносителен смертному приговору. Ведь я открыла студию только весной прошлого года, и с ней были связаны все мои надежды на обеспечение приличной жизни семье. И вдруг мои планы в одно мгновение рухнули. Я объяснила врачам, что для меня значит такой диагноз, и попросила еще раз меня обследовать. Однако

они остались при своем мнении и очень переживали, что их заключение так меня огорчило.

Я привыкла стойко переносить удары судьбы и никогда не сдаваться. Я сразу же известила о своей болезни сына, находившегося в то время на юге Франции, и одновременно послала в Ниццу рентгеновский снимок своему давнишнему другу, хирургу Кожину, который лечил меня еще в России, и попросила его высказать свое мнение.

29 сентября 1930 года я получила телеграмму от Вовы: «Молюсь за тебя Божьей матери. Вова».

Почти в одно и то же время пришли письма от Вовы и доктора Кожина. Вова написал письмо 29 сентября и указал время — 2.30.

Дорогие папочка и мамочка!

Я только что помолился перед чудотворной иконой за вас обоих, за себя и за всех нас. Верю всей душой, что Богородица услышит мои молитвы и пошлет нам спасение, радость и счастье, а тебе, любимая мамуля, скорого выздоровления. Это письмо и конверт я окропил святой водой. Перекреститесь ими, и ты, мамочка, сразу выздоровеешь. Я мысленно тебя перекрестил и благословил.

Пресвятая Богородица, спаси нас. Да хранит вас Господь.

Любящий вас Вова.

Доктор Кожин написал, что, изучив снимок, он пришел к иному, нежели парижские доктора, выводу. По его мнению, неподвижность мне была абсолютно противопоказана, и он рекомендовал, несмотря на боль, продолжать работу в студии. Зная мою энергичность и силу воли, Кожин был уверен в скором выздоровлении.

Эти два письма меня буквально окрылили. Нисколько не сомневаюсь в том, что меня исцелила вера, и свершилось чудо. Я поехала в студию и для начала

оперлась больной ногой о перекладину. Боль была адской, но я выдержала и с тех пор стала давать уроки, как и прежде.

Я настолько поправилась, что через шесть лет, в 1936 году, выступила в лондонском театре «Ковент-Гарден», где с большим успехом исполнила свою любимую «Русскую».

Но меня поджидало еще одно испытание. Перед Рождеством 1930 года Андрей серьезно заболел гнойным плевритом, и у него начался отек легких. После домашнего консилиума, в котором, кроме нашего врача, участвовал профессор И. Алексинский, хирург Гаттелье, а также доктора Клод и Клер, было решено немедленно отправить Андрея в больницу. Три месяца он находился между жизнью и смертью. Врачи потеряли всякую надежду и прямо мне говорили, что спасти Андрея может только чудо. В это же время Вова заболел корью, а меня к нему не пускали, чтобы инфекция не передалась Андрею.

Мы пригласили самых известных врачей в Париже. Кроме того, Андрея лечили профессора Дюваль и Безансон.

Я тогда жила в больнице, в палате Андрея, а утром шла в студию на занятия, чтобы вечером снова возвратиться в больницу. Не могу описать того, что я тогда перенесла.

Все друзья и знакомые каждый день справлялись о здоровье Андрея, и я постоянно видела трогательные доказательства их заботы. Братья Андрея, великие князья Кирилл и Борис, а также сестра, великая княгиня Елена, вместе с мужем и дочерьми часто навещали его. На удивление заботливым оказался великий князь Дмитрий Павлович, который не только почти ежедневно приходил к Андрею, но и привозил все, что врачи разрешали ему есть и пить. Во время тяжелой болезни он оказывал Андрею серьезную моральную поддержку.

Перед Пасхой Андрея перевезли домой, но он еще долго лежал в постели. Летом мы провели месяц в Эвиане, в маленьком, но очень приятном пансионате. На свежем воздухе Андрей стал быстро поправляться, и мы могли вместе ходить на прогулки по окрестным полям и лесам.

По возвращении из Эвиана мы поехали в Марли-ле-Руа. Здесь, у Робера Бьенэме, директора знаменитой парфюмерной фабрики, отдыхал великий князь Гавриил Константинович с супругой. Несколько раз туда же приезжала великая княгиня Ксения Александровна.

Свой второй учебный год я начала 3 января 1929 года. Число учениц быстро росло, хотя я не давала никакой рекламы. После первых уроков я поняла, что смогу преподавать. Особенно увлекательными были занятия с новичками. С замиранием сердца я наблюдала, как шаг за шагом они начинают меня понимать, а через месяц-другой уже свободно выполняют то, чему я их научила.

С каждым учебным годом число моих учениц увеличивалось, а в 1933-1934 и 1934-1935 годах их было уже более ста. Раздевалка оказалась для них мала, а узкие лестницы, ведущие в зал, занимали слишком много места. Я стала подумывать о расширении студии. К счастью, вскоре освободилась соседняя квартира, и я ее сняла, после чего мы поставили дверь, соединившую ее со студией, а лестницу в зале убрали, так как точно такая же была в соседней квартире. Теперь у меня было две раздевалки и большая гостиная. Работы, связанные с перестройкой студии, заняли все лето и закончились только к началу 1935-1936 учебного года.

Зная и высоко ценя дружеское расположение митрополита Евлогия, я попросила его снова освя-

тить расширенную и обновленную студию. Он сразу же согласился, и богослужение с участием церковного хора было назначено на 7 декабря 1935 года.

На торжество я пригласила Нину Рафаловну, супругу Гавриила Константиновича, Нину Алексинскую, князя Сергея Волконского, княгиню Тамару Эристову, Лидию Чистякову, князя Никиту Трубецкого, полковника Кульнева, Бориса Расторгуева и всех моих учениц. После молитвы и освящения студии митрополит обратился к девушкам с трогательной речью о том, что каждый вид искусства угоден Богу. Он рассказал легенду о бедном танцовщике, у которого не было ничего, чтобы принести в дар изваянию Божьей матери, как это делали богачи, приходя помолиться и попросить заступничества Царицы небесной. У танцовщика же было только его искусство, и он решил принести его в дар Богородице. Однако он знал, что никто не позволит ему танцевать в церкви, поэтому нужно было сделать так, чтобы об этом не узнали. Ночью он пробрался в церковь, прихватив с собой костюм и все необходимое для выступления, встал перед статуей Богородицы и начал представление. Наступило утро, монастырь пробудился ото сна, и первые монахи пришли на утреннюю молитву. С удивлением они смотрели на бедного артиста, который был так поглощен танцем, что ничего не видел вокруг себя. Возмущенные монахи бросились к танцовщику, чтобы его остановить, но, к своему изумлению, увидели, что мать Божья протянула к нему руку и поклонилась, как бы благодаря за представление.

Этот рассказ произвел огромное впечатление на всех, но особенно тронул моих учениц.

После богослужения подали закуски, вино и сладости.

Смерть великой княгини Виктории Федоровны

2 марта 1936 года в Аморбахе, в Германии, у своей дочери, герцогини Марии Лайнинген, скончалась великая княгиня Виктория Федоровна.

Она заболела еще в начале февраля, сразу по приезде, и хотя ее состояние было серьезным, никто не думал, что все закончится так трагически. Даже мы, ее близкие, не отдавали себе отчета в том, что тяжкие переживания, заботы и злобная клевета так подорвали ее силы, что она не сможет справиться с болезнью. Она умерла в 59 лет.

Ее смерть была для нас тяжелым ударом. До конца жизни я буду оплакивать покойную. С того дня, когда вместе со своим супругом, великим князем Кириллом, великая княгиня благословила наш брак, она всегда была неизменно любезна и дружелюбна со мной и очень полюбила Вову. Сколько раз я бывала у нее в гостях, когда она приезжала в Париж! Она очень интересовалась моей работой и часто приходила в студию со своими дочерьми и сестрой Беатрис, испанской инфантой. Впервые посетив студию, великая княгиня обратилась к моим ученицам с такими словами: «Вы должны быть счастливы и гордиться тем, что занимаетесь у такой выдающейся танцовщицы, как ваша учительница». Меня ее слова очень тронули.

В день ее смерти митрополит Евлогий отправил первое заупокойное богослужение в соборе на улице Дарю в Париже. Собралось много народу, хотя мы сообщили эту скорбную новость лишь небольшому числу близких людей.

Через два дня Андрей с Вовой поехали на похороны, состоявшиеся 6 марта в Кобурге.

В день их приезда герцог Кобургский устроил в своем замке семейный обед, на котором присутство-

вали Андрей и Вова. Вову поразила средневековая крепость с воротами под мрачным арочным сводом, стоявшая на высокой и крутой горе. Комнаты для гостей были уютными и хорошо обставленными, но зал, в котором подавали обед, остался таким же, как и сотни лет назад: голые стены, окна в глубоких амбразурах и множество старинного оружия на стенах. Здесь находился военный музей и хранились семейные реликвии.

После заупокойного богослужения в церкви гроб с телом великой княгини поместили в фамильный склеп герцогов Кобургских, где уже была похоронена мать покойной, сестра императора Александра II и супруга герцога Кобургского.

На похороны приехали королева Румынии Мария и герцогиня Гогенлохе, сестры покойной, а также греческая королева Елизавета, великий герцог Мекленбург-Шверинский и все семейство Лайнинген. Присутствовал также болгарский царь Фердинанд, поселившийся в Кобурге после отречения.

На следующий день после похорон царь Фердинанд устроил в своей старинной крепости семейный завтрак, после которого вынул из стоящей на столе вазы букетик фиалок, присланных из Болгарии, и вручил его Андрею и Воле с просьбой передать цветы мне от его имени, хотя мы никогда с ним не встречались. Я была очень тронута подобным выражением симпатии и храню этот букетик до сих пор. Фердинанд очень любил Андрея, который дважды гостил у него в Софии. Он обожал все таинственное. У Андрея сохранилось несколько писем Фердинанда, которые он всегда клал в два конверта с различными знаками и указаниями, как и где их передавать.

Андрей также был в прекрасных отношениях с его сыном, царем Борисом, вступившим на престол

после отречения отца. Андрей сопровождал царя Бориса во время его визита в Россию. В память о тех днях Борис всегда присылал Андрею в Париж болгарские сигареты со своей монограммой и так же, как и его отец, всячески подчеркивал свое дружеское расположение.

Из всех иностранных коронованных особ самым верным и сердечным другом Андрея был сербский король Александр. Андрей познакомился с ним в России, где Александр воспитывался, но сблизились и подружились они во время официального визита Андрея в Софию и Белград. Тогда они обменялись портсигарами. У Андрея этот портсигар хранится до сих пор, а у короля Александра он пропал во время войны. Всякий раз, приезжая в Париж, Александр приглашал Андрея к себе, а когда в 1931 году Андрей серьезно заболел, король дважды выделял ему значительную материальную помощь.

Арнольд Гаскелл

Среди множества дружеских контактов, завязавшихся после приезда во Францию, самое большое значение в моей жизни имеет знакомство с Арнольдом Гаскеллом. Познакомились мы с ним случайно. Это произошло в 1925 году, в Монте-Карло. Представляя нас друг другу, Дягилев сказал обо мне: «Вот достойный меня противник». Гаскелл был в то время совсем молодым, невысоким и щуплым, но очень энергичным человеком. Он был очарован сценой и страстно увлекался балетом.

Арнольд Гаскелл пишет, что полюбил русский балет смолоду и сохранил ему верность на всю жизнь.

Наша следующая встреча состоялась в Париже, уже после того, как я открыла студию. Его привел

ко мне не кто иной, как сам князь Волконский. Гаскелл признался, что его это очень позабавило. Князь ушел из-за меня с должности директора Императорских театров в результате одного из самых нелепых недоразумений во всей истории балета, но финал этой трагикомедии оказался удивительно симпатичным.

Потом мы часто встречались. Гаскелл приезжал из Лондона и бывал почти на всех балетных спектаклях труппы Блюма и де Базиля. Мы ходили в театр и за кулисы, чтобы повидаться с артистами, а потом все вместе шли ужинать.

Арнольд Гаскелл любил бывать у меня в студии и наблюдать, как я занимаюсь с ученицами. В своей книге «Балетомания» он описывает собственные впечатления, а в конце в изящной и очень точной форме передает содержание нашего разговора о моей методике преподавания танца.

Арнольд Гаскелл является тонким знатоком балета и прекрасно осведомлен обо всех нюансах закулисной стороны театра и повседневной жизни артистов. Он даже объехал вокруг света с труппой де Базиля, чтобы самому увидеть условия, в которых работают артисты. Он также является автором серьезных исследований о балете, таких как «Балетомания», «Дягилев», «Танцуя во всем мире». Помимо прекрасного стиля, Гаскелл отлично знает материал, с которым работает, а все приводимые им факты и даты всегда точны.

Он очень много сделал для развития танца, особенно в Англии. В то время в Англии еще не было собственного балета, и потребовались большие усилия, чтобы убедить публику в том, что балет является таким же искусством, как опера или драма, а не только развлечением. В этом также велика заслуга Дягилева, организовавшего в Лондоне балетные сезоны, пользовавшиеся огромным успехом.

Создательницей английской балетной школы

является Нинетт де Валуа, которой был присвоен почетный титул кавалерственной дамы*. Танцуя у Дягилева, она ознакомилась с достоинством императорских балетных школ и пришла к выводу, что нужно создать собственную школу балета. Лишь в результате многолетних трудов Нинетт де Валуа и Арнольду Гаскеллу удалось добиться для балета достойного и заслуженного места в королевском театре «Ковент-Гарден».

Я дважды посещала в Лондоне балетную школу Нинетт де Валуа — в самом начале ее существования, в 1936 году, и в 1951-м.

Арнольд Гаскелл, внесший значительный вклад в ее создание, пригласил меня в Лондон, чтобы я посетила школу и провела общий показательный урок на сцене «Вик-Уэллз Балет». По словам Гаскелла, этот урок вдохновил «Вик-Уэллз Балет» на разработку пятилетнего плана создания национальной балетной школы по русскому образцу.

В 1951 году, когда я посетила школу во второй раз, она сделала такой прогресс, что напомнила мне нашу, русскую. Сюда принимали учеников и учениц разного возраста, что обеспечивало труппе постоянный приток свежих сил. Учителями были танцовщики из труппы «Вик-Уэллз», что гарантировало преемственность традиций и связь между настоящим, прошлым и будущим. С чувством глубокого удовлетворения я убедилась, что преподавание опирается на классическую основу. Разумеется, не обошлось и без споров: одни доказывали, что новые направления требуют новой методики и отступления от классики, а другие, и в их числе Арнольд Гаскелл, Нинетт де Валуа и я, остались при мнении, что классическая школа дает больше возможностей. Ее привержен-

* Кавалерственная дама — титул жены баронета или женщины, имеющей орден Британской Империи (*прим. переводчика*).

цы могут исполнять абсолютно все, как классику, так и современные танцы, тогда как танцовщики, придерживающиеся новых методик, не умеют танцевать классический репертуар. Английская балетная школа «Сэндлерз Уэллз» пошла своим путем и добилась огромных успехов. За прошедшие годы она выпустила две постоянные труппы: одна из них выступает в королевском театре «Ковент-Гарден», а другая гастролирует по Англии и за рубежом. В Америке эти артисты получили заслуженное признание.

Год от года наша дружба с Арнольдом Гаскеллом становилась все крепче, и я много раз получала доказательства его доброго отношения, и не только в книгах, где он много обо мне писал, но также и в жизни. Он направлял ко мне, как сам говорил, «на дошлифовку», наиболее талантливых учеников, что было очень для меня лестно. Следуя их примеру, ко мне стали обращаться ученики не только из Англии, но и из Америки. Сейчас многие из них открыли собственные студии, а некоторые организовали небольшие балетные труппы.

Арнольд Гаскелл однажды подарил мне на память очаровательную серебряную статуэтку Марии Тальони.

Первая поездка в Лондон. 13—23 июля 1936 года

Василий Петрович Базиль, или полковник де Базиль, как его называли, решил во время своего балетного сезона в «Ковент-Гарден» устроить нечто вроде юбилейного представления, в котором должны были участвовать я, Преображенская, Егорова и Волынин. Преображенская и Егорова не дали согласия, а Волынин потребовал такой высокий гонорар, что де Базиль сам отказался от его участия. В результате

из предполагаемых в программе осталось только мое выступление.

Я предложила станцевать «Русскую». Рисунок кокошника набросала по памяти моя горничная Людмила, восстановив эскиз Соломки. Она же сделала и выкройку, так как в свое время была швеей в мастерской императорских театров. Кокошник удался на славу, и все им восхищались. Костюм Людмила тоже воспроизвела по памяти. Шить его любезно согласилась госпожа Каринская. Часть работы решено было сделать в Париже, а часть — уже в Лондоне, чтобы к моему приезду все было готово.

Утром 13 июля я, Вова и Андрей выехали в Лондон. Уже перед самым отходом поезда в вагон влетел запыхавшийся Лифарь, который в последнюю минуту тоже решил отправиться в Лондон, чтобы посмотреть мое выступление. Мы переправлялись через пролив во время шторма, поэтому опоздали почти на час и вместо пяти вечера прибыли в шесть. На вокзале «Виктория» меня встретили с цветами де Базиль, Таня Рябушинская и Давид Лизин. Конечно же, было сделано много снимков. Прямо с вокзала меня повезли в отель «Савой» на встречу с прессой, а Андрей с Вовой отправились с вещами в отель «Уолдорф», где для нас были заказаны номера. После встречи с журналистами я поехала к Каринской на примерку костюма, который был скроен, но работы оставалось еще очень много. Вечером мы все вместе поехали в театр «Альгамбра», где выступала труппа Блюма. В основном там показывали балеты в постановке Фокина, который вместе с женой присутствовал на всех спектаклях. В течение недели, проведенной в Лондоне, я несколько раз была на балетах Блюма, а после их окончания мы встречались с Фокиным на ужине. Нас также пригласил на ужин в отеле «Савой» Арнольд Гаскелл.

Утром 14 июля я приехала в «Ковент-Гарден» на репетицию с оркестром, после чего снова отправилась к Каринской на примерку. Я пришла в ужас, увидев, что костюм совершенно не готов. Правда, он был сшит, но ни узоров, ни вышивки я не обнаружила, а ведь на вечер уже было назначено выступление! Каринская заверила меня, что все будет готово в срок, но я тем не менее попросила Андрея, чтобы он днем заехал к ней еще раз и посмотрел, в каком состоянии находится костюм. Возвратившись от Каринской, он сказал, что почти все уже сделано и осталась какая-то мелочь. Но оказалось, что там все было по-прежнему, а Андрей просто не хотел меня расстраивать. Золотых узоров на сарафане не было, но сын Каринской сказал, что это пустяк, и за десять минут нарисовал узор, перевел его на парчу, вырезал и горячим утюгом прикрепил к ткани. Каринская сдержала слово — в театре меня ждал готовый костюм. И все же я до сих пор не понимаю, как ей удалось это сделать.

Театр «Ковент-Гарден» был заполнен до отказа, а у кассы висело написанное красными буквами объявление: «Все билеты проданы». Василий де Базиль позаботился о рекламе, и поэтому о моем участии в представлении писали во всех газетах.

Великий князь Дмитрий Павлович, находившийся в это время в Лондоне, тоже захотел побывать на спектакле. Он сидел в ложе вместе с Андреем, Вовой и Лифарем. Дмитрия Павловича мое выступление взволновало больше всех, и в последнюю минуту он не выдержал и отвернулся от сцены, а потом спросил у Лифаря, можно ли на меня смотреть или лучше не надо. Только после этого он повернулся к сцене и стал наблюдать за моим танцем. Когда я закончила, зрители устроили настоящую овацию, и меня вызывали на сцену восемнадцать раз, что в Англии случается крайне редко, так как здешняя пуб-

лика гораздо сдержаннее, чем в России или во Франции. Вся сцена была заставлена цветами, и казалось, что на нее накинули яркий ковер.

Через два дня Андрей получил очень любезное письмо от румынской королевы Марии, поздравившей меня с огромным успехом. Она очень сожалела, что не смогла присутствовать на спектакле по причине траура, объявленного английским двором из-за смерти короля Георга V.

После спектакля полковник Брюс Отли устроил у себя дома прием, куда пригласил всех известных знатоков балета, а также представителей высших кругов английского общества.

Арнольд Гаскелл дал в мою честь ужин в доме своей матери. Гостям были предложены закуски и водка, как это принято в России. В тот день он подарил мне серебряные рюмочки для водки, сделанные в русском стиле. На приеме у меня не было времени их рассмотреть, но, вернувшись в отель, я увидела, что на каждой рюмке выгравирована буква. Я стала складывать буквы, и после нескольких попыток у меня получилась надпись: «На память». Как признался потом Гаскелл, ему это и в голову не пришло, и мое открытие было для него полной неожиданностью.

Однажды нас с Андреем пригласила на чай в дамский клуб очаровательная миссис Генри Вильерс, которая видела мое выступление. Она приветствовала меня словами: «Вчера мне выпала честь пить чай с королевой Марией, а сегодня — с королевой русского балета».

Евдокия Яковлевна Тонконогова, в доме которой мы в течение трех недель гостили в 1935 году, пригласила нас на обед в «Савой». Ее дочь Ксения три года занималась у меня в студии.

Я также повидалась с племянником, сыном моего брата Юзефа от первого брака. Он жил с женой в доме ее бабушки, и мы дважды их навестили. Во

время войны дом разбомбили, но, к счастью, наших родственников в то время там не было.

В общей сложности я провела в Лондоне десять дней и прекрасно повеселилась, а 22 июля вернулась в Париж.

Это было мое последнее выступление на сцене, мне тогда исполнилось 63 года.

Летом 1937 года, во время Всемирной выставки, в Париж приехал из Лондона балет «Сэндлерз Уэллз» и показал несколько спектаклей в театре на Елисейских полях. С того времени, как я дала показательный урок для артистов английского балета, из них была сформирована прекрасная постоянная труппа с богатым репертуаром. В Париж приехала и Нинетт де Валуа, ставшая директором английской труппы, а также балетмейстер Фредерик Эштон. Эти люди были пионерами английского балета.

Среди молодых артистов было много моих учениц, и я радовалась их успеху.

15 июня состоялось торжественное открытие гастролей английского балета, на котором присутствовал президент Франции и английский посол, а также жившие в Париже англичане. Весь зал был заполнен парижской элитой.

Желая выразить свое восхищение и признательность, я пригласила почти всю труппу к себе на ужин, который состоялся 19 июня. Всего нас собралось человек тридцать, среди них были мои хорошие знакомые и бывшие ученицы. На ужине присутствовали: Нинетт де Валуа, Фредерик Эштон, Роберт Хэлпмен, Гарольд Тернер, а также Марго Фонтейн, Памела Мэй, Джун Брей, Мэри Хонер, Молли Браун, Гвинет Мэтьюз, Энн Срайсер, Элизабет Миллер и другие. Я также пригласила Сережу Лифаря. Гости сидели за маленькими столиками, и все было очень мило и весело. Во время ужина мы несколько раз сфотографировались.

Федор Иванович Шаляпин

В первые годы работы студии у меня занимались две дочери Федора Ивановича Шаляпина — Марина (с 10 октября 1929 года) и любимица отца и самая младшая в семье Даша (занималась с 8 ноября 1930 года).

Мы с Шаляпиным познакомились еще в России, когда оба выступали на императорской сцене. Он звал меня «Малюткой», но с его семьей я не была знакома. В эмиграции, в Париже, когда его дочери начали посещать мою студию, он стал приходить ко мне вместе с женой, Марией Валентиновной.

Однажды Шаляпин попросил меня станцевать для него «Русскую». Я никогда не любила выступать в частных домах, но Шаляпин просил так, что отказать ему было невозможно. Я согласилась, поставив условие, что он споет. Мы заключили договор. Марина обещала исполнить вальс, который разучила со мной. На обеде у Шаляпина присутствовала мой аккомпаниатор Д. Васмундт, а также Поль Бонкур и Филипп Бертело с женой. Он в то время был генеральным секретарем министерства иностранных дел.

После обеда, состоявшегося 1 февраля 1930 года, началась художественная часть, которую открыл хозяин дома, спевший один из романсов. Я станцевала «Русскую» в вечернем платье, а Марина — вальс. Шаляпин пришел в восторг и не знал, как меня благодарить за радость, которую я доставила ему и гостям. Поль Бонкур осыпал меня изысканными комплиментами. Потом мы с ним подружились и приезжали к нему в Пломбьер, где он проходил курс лечения.

Шаляпин часто приглашал нас на обеды. А после оперных спектаклей, в которых он пел, мы приходили к нему в уборную, и он без всяких церемоний звал нас к себе на ужин. У него всегда было много гостей, великолепный стол и вина. Гости с интере-

сом слушали анекдоты, которые мастерски рассказывал Шаляпин. Иногда он вспоминал о начале своей карьеры, когда пел в церковном хоре и выезжал с концертами в провинцию, а также о своих приключениях, которых в его жизни было великое множество. Шаляпин обожал рассказывать о пирушках в трактирах, когда он требовал очередную бутылку вина, бросая под ноги трактирщику пустую. Федор Иванович уверял нас, что жена терпеть не может, когда он демонстрирует этот трюк. Желая подразнить супругу, он хватал пустую бутылку и бросал ее в угол столовой со словами: «Маша, подавай следующую!» И тут раздавался укоризненный голос Марии Валентиновны: «Федя, как тебе не стыдно...»

Однажды в отсутствие родителей Марина и Даша пригласили нас к себе на завтрак по случаю приезда из Англии их старшей сестры Мартуси, вышедшей замуж за англичанина. Все три сестры показали себя отличными хозяйками, угостили нас блинами и всячески развлекали. Было очень весело, а Мартуся рассмешила нас до слез. Потом Шаляпин сказал, что она отличалась веселым нравом и своеобразными манерами.

С виду здоровый, Шаляпин страдал сахарным диабетом. Говорили, что ему нельзя употреблять спиртное, но он любил выпить. В последние годы он занемог, и мы узнали, что состояние его значительно ухудшилось. Он угасал прямо на глазах.

12 апреля 1938 года, в половине шестого вечера, Федор Иванович Шаляпин скончался. В восемь вечера мы пришли в его дом на первое заупокойное богослужение. На следующий день богослужение состоялось в церкви на улице Дарю. Я не смогла присутствовать на похоронах, так как еще раньше друзья пригласили нас в Антиб, и 14 апреля мы поехали к ним.

Участие в русско-японской войне сильно подорвало здоровье великого князя Кирилла Владимировича, но до недавнего времени поводов для тревоги не было, и ничто не предвещало скорой трагедии. Из-за длительного пребывания в холодной морской воде после затопления «Петропавловска» великий князь до конца жизни страдал от болей в ногах в результате нарушения кровообращения. Кроме этого, он очень тяжело переживал смерть жены, что еще больше подорвало его здоровье. Несмотря на это, он поехал на свадьбу дочери, великой княгини Киры, с прусским герцогом Людвигом-Фердинандом. После венчания, состоявшегося 12 мая в Потсдаме, он возвратился к себе на виллу в Сен-Бриа, где его так часто навещали Андрей и Вова.

Все лето он хорошо себя чувствовал, и мы, как и в прошлом году, уехали в Корере, где Андрей лечился от бронхита. Неожиданно состояние здоровья великого князя резко ухудшилось, о чем нас уведомил 19 сентября его личный секретарь. На ноге появились признаки гангрены, и местный врач опасался, что придется прибегнуть к ампутации. Великий князь попросил своих братьев Андрея и Бориса срочно выехать в Сен-Бриа. Вызвали также и его старшую дочь, великую княгиню Марию, герцогиню Лайнинген, и великого князя Владимира, находившегося в Лондоне.

Через два дня Борис и Андрей выехали в Сен-Бриа вместе с русским хирургом Овенем и застали брата в таком ужасном состоянии, что сразу же решили перевезти его в Париж. На следующий день его поместили в американский госпиталь в Париже. Знаменитый профессор де Мартель также подтвердил признаки гангрены, однако на операцию не решился, опасаясь за сердце больного. У профессора

была надежда спасти великого князя, не прибегая к хирургическому вмешательству.

К тревоге за здоровье дорогого нам человека прибавилось беспокойство по поводу неблагоприятной политической ситуации. Гитлер угрожал войной, и во Франции призывали на военную службу резервистов. Все это роковым образом повлияло на здоровье великого князя. К счастью, тогда война не началась, но ему стало еще хуже. Великий князь Кирилл Владимирович скончался 12 октября, в канун своего 60-летия.

На похороны съехалась почти вся семья. В них также принял участие представитель президента Франции. Все это свидетельствовало о большой любви к великому князю Кириллу. Все русские, независимо от сословия, приходили отдать последний долг покойному. Круглые сутки у его гроба стоял почетный караул, и два раза в день отправлялось заупокойное богослужение, а в церкви все время толпился народ.

Последнее богослужение состоялось 14 октября, а потом еще два дня гроб находился в церкви. После выполнения всех формальностей гроб великого князя Кирилла перевезли на катафалке в Кобург. Его похоронили в фамильном склепе рядом с супругой, великой княгиней Викторией Федоровной.

Для меня смерть Кирилла Владимировича стала страшным ударом. Мы были знакомы почти сорок лет, со дня коронации в Москве, в 1896 году. Вместе с братом Борисом они почти ежедневно бывали у меня в гостинице в Москве, а потом навещали в Петербурге и Стрельне. Великий князь был очень красивым и элегантным, а также отличался прекрасными манерами и воспитанием. Мы всегда сохраняли добрые отношения, хотя потом встречались реже, так как он часто надолго уезжал, а после русско-японской вой-

ны и брака с великой княгиней Викторией Федоровной несколько лет жил за границей.

Вторая мировая война

По окончании 1938-1939 учебного года, который был очень напряженным из-за большого числа учениц (всего их было 150), я решила поехать в Э-ле-Бэн, чтобы немного подлечиться и набраться сил перед следующим учебным годом.

Здесь я снова встретилась с Сахаровыми, выступавшими в казино. Они оба были великолепны, как всегда.

По окончании лечения мы с Андреем поселились в имении родственников одного из моих учеников. Имение находилось в окрестностях Эвиана, у Женевского озера. Там было очень красиво. Дважды мы ездили в Женеву. Сюда же приехал и Вова, который часть лета провел на берегу океана. Однако пробыли мы там недолго.

Вскоре над нами снова нависла угроза войны, и всех охватила паника. Люди стали разъезжаться по домам. Мы тоже решили вернуться в Париж, и 25 августа уехали в переполненном поезде. На станциях мы наблюдали дикие сцены, когда вагоны буквально брали штурмом.

В Париже обстановка была еще более напряженной, и с каждым днем неизбежность войны становилась все более очевидной. Как и в прошлом году, когда Гитлер захватил Чехословакию, Франция стала готовиться к войне. На улицах было темно, завывали сирены, приучая людей к сигналам воздушной тревоги. Резервистов снова призвали в армию, и улицы опустели. Почти полностью остановилось движение автобусов, а метро работало с перебоями. Людей предупредили о возможности воздушных налетов и

применения отравляющих газов. Нам приказали носить противогазы, которые удалось раздобыть с большим трудом. Сидя на месте, в них еще кое-как можно было дышать, но при ходьбе мы просто задыхались. Домашних животных советовали сажать в ведра и накрывать мокрыми тряпками. Жителям столицы рекомендовали немедленно покинуть ее.

1 сентября немцы вторглись в Польшу. Война неотвратимо приближалась, Англия и Франция объявили всеобщую мобилизацию. Мы решили на некоторое время уехать в Везине, находившийся в окрестностях Парижа.

Мы подыскивали виллу, где поселились вместе с друзьями. Уехали мы 3 сентября, сразу после того, как Англия и Франция объявили войну Германии. Наняв два такси, мы погрузили самое необходимое и прихватили с собой любимую собаку, кота и канареек. На следующий день после нашего отъезда в Везине с самого утра завывали сирены, и мы, как и полагалось, спустились в подвал, где просидели три часа. Но никакой бомбежки не было, и после отбоя тревоги мы снова отправились спать. Потом еще несколько раз объявляли воздушную тревогу, но она все время оказывалась ложной, и вскоре мы к этому привыкли. Но звук сирены всегда вызывал у нас сильное беспокойство.

Через три-четыре недели после начала войны я стала подумывать об открытии студии. Нужно было работать, чтобы заработать на жизнь. Поначалу ученицы разбежались, как и большинство парижан, но постепенно люди стали возвращаться в Париж. Почти каждый день я ездила туда поездом, а вечером возвращалась в Везине, увязая в снегу. Как назло, зима была суровая, а доставать уголь становилось все труднее.

Наша вилла была уютной, теплой, и жилось нам, в

общем, неплохо. В воскресенье к нам приезжали знакомые, и почти каждый день кто-то приходил на обед.

На фронте было тихо, и, проведя четыре с половиной месяца в Везине, мы решили вернуться в Париж, что и сделали 19 января.

До весны, по словам французов, велась «странная война», но 10 мая немцы напали на Францию. Правда, правительство скрывало реальное положение вещей, но мы с самого начала подозревали, что произошло что-то страшное. А в конце месяца уже всем было ясно, что надвигается катастрофа. Всех охватила паника, и люди снова побежали из Парижа, оставаясь в котором стало опасно.

Мы решили поехать в Биарриц, к великому князю Борису Владимировичу и его жене Зине, которые давно нас приглашали. Однако сделать это было непросто. Как отправить багаж, купить билеты, а главное, сесть в поезд? На вокзалах толпились десятки тысяч людей. После утомительных хлопот нам удалось преодолеть все трудности и достать два купе в спальном вагоне. Не хочу и вспоминать, как мы сели в поезд. У кондуктора мы достали бутылку шампанского и выпили ее с огромным удовольствием после всех переживаний того ужасного дня. Мы выехали 11 июня, а уже на следующий день с большим опозданием прибыли в Биарриц.

При мысли о всех ужасах того времени я благодарю Господа за то, что он спас нас от кошмара, ставшего уделом миллиона беженцев, убежавших из своих домов под обстрелом вражеских самолетов:

Через три дня после нашего приезда в Биарриц немцы заняли Париж, а 22 июня маршал Петэн подписал акт о капитуляции. 27 июня немцы вступили в Биарриц. В городе было полно беженцев, и у всех нас разрывалось сердце при мысли о том, что Фран-

ция, которую мы искренне полюбили, была оккупирована врагами.

Постепенно жизнь возвращалась в прежнее русло, и мы начали подумывать о возвращении в Париж и об открытии студии, так как у нас не было средств к существованию. Прожив в Биаррице три с половиной месяца, которые прошли тихо и спокойно, мы в конце сентября вернулись домой. Сразу же стали появляться мои ученицы, хотя их было значительно меньше, чем перед войной. В оккупированном Париже было грустно, и все же мы радовались, что снова живем дома.

Зима прошла спокойно, но с наступлением весны все чего-то ждали. Что-то должно было произойти, вот только когда и где?

22 июня 1941 года немцы перешли границу нашей родины. Узнали мы об этом за утренним кофе и были убиты страшной новостью. Что будет с нашей несчастной Россией, и что будет с нами? Вова давно считал, что война между Россией и Германией неизбежна, и прекрасно понимал, что случится с Россией, если, не дай Бог, победят немцы.

Ни своего титула, ни отношения к немцам сын никогда не скрывал и хорошо осознавал, что его ждет в случае войны. Он был готов к испытаниям, которые ждали его впереди, и не таил этого от нас.

Утром он пошел в церковь в Клиши, которую очень любил, а потом отправился к другу в Везине, куда его пригласили на целый день. Не успел он выйти из дома, как к нам явилась немецкая полиция, чтобы его арестовать. Я объяснила, что сына не будет весь день, и полицейские ушли. Однако один из них снова вернулся и сказал, что на следующий день Вова нужно быть на площади Бово, где, как мы узнали, находилось одно из отделений гестапо.

После богослужения Вова позвонил и, узнав, что

случилось, решил приехать домой и обо всем нас расспросить. Перед этим он зашел позавтракать в ресторан, владелица которого, мадам Гриффон, была нашей соседкой. Чтобы отметить вступление России в войну, она устроила праздничный завтрак с отборными винами. Прислуга тоже не могла сдерживать своей радости. Заехав домой, Вова отправился к своим друзьям, чтобы отдать им какие-то распоряжения на случай своего ареста, в неизбежности которого он несколько не сомневался. Затем он уехал в Везине и вернулся домой уже к полуночи.

Ни прятаться, ни убежать Вова не собирался, чтобы не подвергать нас риску, так как в этом случае явиться в гестапо приказали бы уже нам.

На следующий день, рано утром, Вова сам пошел в гестапо. Предчувствуя самое худшее, мы долго смотрели ему вслед, осеняя крестным знамением, пока он не скрылся за воротами нашей виллы «Молитор». Весь день мы провели в мучительном ожидании и обзвонили всех знакомых, пытаясь выяснить судьбу сына. Таким образом мы узнали, что в городе арестовано очень много русских, однако нас утешили, сообщив, что их куда-то вывозят для регистрации, а потом освободят. Ходили и другие слухи, из которых следовало, что арестованных сажают в поезда и отправляют в неизвестном направлении. Более точных сведений получить не удалось, и мы испугались за Вову еще больше. Только через четыре дня нам повезло встретиться с одним русским, чудом освободившимся из немецкого лагеря, который рассказал нам, что Вова находится в Компьене вместе с другими арестованными и их держат в казармах за колючей проволокой. Он утверждал, что к арестованным относятся хорошо и даже прилично кормят. Он также сообщил просьбу Вовы передать ему белье и предметы туалета, так как, уходя из дома, он взял с

собой только три пачки сигарет и две плитки шоколада. Навещать арестованных пока не разрешали, и посылку нужно было передать в комендатуру лагеря.

30 июня на машине одного из знакомых мы с Андреем поехали в Компьен и передали караульным все, что просил сын, а также немного еды. Нам пообещали отдать Вове посылку на следующий день, как раз в день его рождения. Та первая передача очень обрадовала сына, а потом мы стали посылать их регулярно или же сами навещали Вову. Через некоторое время всем арестованным стали пересылать передачи, и проблем с едой у них не было.

Свидания разрешили только с 1 августа. Несколько раз мы навещали Вову. Держался он мужественно и с достоинством и все время убеждал меня, что причин для беспокойства нет. Все, кто возвращался из лагеря, отзывались о нем с большим уважением и говорили, что он оказывает серьезную моральную поддержку другим заключенным. Однако время шло, и многие узники вернулись домой к началу октября, а Вова, несмотря на все наши старания, по-прежнему находился в лагере, и никто не знал, почему. Сам Вова не верил, что его освободят, и смирился с этой мыслью, но для нас такое положение было невыносимым. Мы не без оснований боялись, что Вову оставят заложником и вышлют в Германию. Значительно позже мы узнали, что арест такого количества русских был вызван опасением, что после нападения Германии на Россию они вступят в ряды французского Сопротивления. А мы страшно переживали за судьбу нашего сына.

В один из приездов в Компьен мы познакомились с комендантом лагеря гауптманом Нахтигелем, офицером старой немецкой армии. К нацистской партии он не принадлежал. Он хорошо относился к заключенным и по мере сил стремился облегчить их

положение, а нескольким человекам даже спас жизнь. Все заключенные его любили. Иногда он устраивал нам свидания с сыном у себя в кабинете и давал возможность спокойно поговорить. В знак признательности мы подарили ему серебряную манерку. Когда после войны Нахтигалья арестовали американцы, все бывшие узники компьенского лагеря выступили в его защиту. По их просьбе Нахтигалья освободили.

Вова оставался в заключении в течение почти четырех месяцев. Как сейчас помню, что 20 октября в девять пятьдесят вечера зазвонил телефон. Можно представить мою радость, когда я услышала в трубке голос Вовы. Мы сразу же решили, что он звонит из Компьена, но кто ему это позволил? Сын сказал, что его освободили, и он уже находится в Париже на вокзале Гар дю Нор и вскоре будет дома. Потом он положил трубку. Не могу передать охватившего нас с Андреем счастья! Вова находился в лагере 119 дней, и по случайному совпадению именно таким был его лагерный номер. По чьему приказу и почему его освободили, навсегда осталось для нас тайной. Вова снова был дома, но покоя мы не чувствовали, по-прежнему дрожали от страха за сына и боялись, что его опять арестуют. В таком страхе мы прожили три года.

За годы войны мы потеряли троих очень близких нам людей.

5 марта 1942 года в Давосе, в Швейцарии, внезапно скончался великий князь Дмитрий Павлович. Известие о его смерти дошло до нас только через шесть дней. Незадолго до войны он поехал в Швейцарию лечиться от туберкулеза. Он практически выздоровел и уже собирался покинуть санаторий, но неожиданно началось воспаление почек, и через неделю он умер. И по сей день мы оплакиваем безвременную кончину Дмитрия Павловича, которому было

всего 50 лет. Нам он всегда казался счастливчиком. У него была красивая и богатая жена и прекрасный сын. Но с женой он развелся, здоровье потерял и умер в полном одиночестве, вдали от родных и друзей. В память о нем остался только деревянный крест на горном кладбище в Давосе, указывающий место, где великий князь обрел вечный покой.

Полгода спустя 28 сентября в Сали-де-Беарн умер двоюродный брат Андрея, Александр Георгиевич Романов, герцог Лейхтенберг. Он давно болел, и его кончина ни для кого не была неожиданностью, но все же мы очень тяжело ее переживали. Я его давно и хорошо знала и любила. Это он купил у меня дом в Петербурге.

Но самое большое несчастье обрушилось на нас в 1943 году, когда скоропостижно и безвременно скончался великий князь Борис Владимирович, брат Андрея. Это случилось 8 августа. Во время обеда его жена Зина позвонила нам и сказала, что Борису очень плохо. Мы сразу же к ним поехали, но было уже слишком поздно, он умер перед самым нашим появлением. Андрей был убит горем и сказал: «Теперь моя очередь». Однако он прожил еще тринадцать лет.

Несмотря на оккупацию и всевозможные трудности, на заупокойное богослужение собралось множество людей, в том числе и важные лица Парижа. О том, чтобы перевезти гроб с останками в Контрксевиль, не могло быть и речи, и великого князя похоронили в склепе под церковью.

Борис был благородным человеком и одним из самых обаятельных людей, с которыми мне когда-либо доводилось встретиться. Его невозможно было не любить, и все его просто обожали. Он любил жизнь и всегда был душой общества. Многие люди и по сей день вспоминают о нем с большим сочувствием.

В начале 1944 года Вова должны были делать очень сложную операцию. Оперировал его профессор Бержере, и все обошлось благополучно, но Вова пролежал в больнице целый месяц. Мне было крайне тяжело ездить к нему в Нейи, так как транспорт работал очень плохо, а кроме того, в то время у меня началось воспаление суставов ног, принявшее острую форму.

Военные события развивались, и 6 июня союзники высадились в Нормандии, был взят Рим, а русская армия приближалась к границам Германии. На Гитлера было совершено покушение, но каким-то чудом ему удалось уцелеть. На всей территории Франции проводились массовые аресты и казни заложников, и мы жили в постоянном страхе за Вову. По мере приближения союзников бомбежки становились все чаще, а сирены завывали почти без перерыва. Наш район сильно пострадал от налетов, так как бомбы все время падали рядом с домом.

11 августа мы узнали из сообщений по радио, что войска союзников двинулись на Париж. Всех интересовало, как поступят немцы: станут обороняться в Париже или отойдут к своей границе? Мы опасались, что они взорвут исторические памятники и здания. Как потом стало известно, именно это немцы и хотели сделать. За время оккупации они укрепили отдельные районы города, построили бункеры с пулеметными гнездами, и поэтому уличные бои казались неизбежными. Однако, к счастью, обошлось без этого кошмара, и 17 июня немцы начали уходить, эвакуируя свои учреждения и вывозя имущество. Стали закрываться банки, почтовые отделения и магазины, куда-то исчезла полиция, и город казался вымершим. Метро не работало, и приходилось пере-

двигаться пешком. Французское Сопротивление вышло из подполья, а в ответ немцы проводили массовые казни и аресты. 22 июня уже была слышна отдаленная канонада, а в городе раздавались винтовочные выстрелы. 24 июня мы весь день пребывали в нервном напряжении, ожидая вступления войск союзников. Однако лишь в десять часов вечера по радио сообщили, что передовые отряды французской армии вошли в Париж. Сразу после этого зазвонили колокола во всех церквях и соборах, люди высыпали на улицы, обнимая друг друга и поздравляя с победой. Повсюду распевали «Марсельезу». Тогда мы все пережили незабываемые мгновения. На следующий день по улице Мишель-Анж, находившейся рядом с нашим домом, в город вошла одна из частей знаменитой танковой дивизии генерала Леклерка. Невозможно описать то, что творилось на улицах! Солдат забрасывали цветами и угощали шампанским, а самые ловкие забирались на танки и целовали освободителей. После четырех лет оккупации все, наконец, облегченно вздохнули. Однако не обошлось и без инцидентов: с крыш домов кто-то стрелял по солдатам. Неизвестно, были ли это провокаторы или немецкие мародеры, но солдатам приходилось открывать ответный огонь, в результате чего были невинные жертвы.

25 августа генерал де Голль торжественно въехал в столицу через Триумфальную арку и по Елисейским полям направился к городской ратуше. Через три дня после этого в Париже появились американцы. Война еще не закончилась, но сражения велись вдалеке от Парижа, и для нас настало более или менее спокойное время.

Сразу же после освобождения Парижа к нам со всех концов света стали приходить письма, телеграм-

мы и посылки. Всех интересовала наша судьба, и это было очень трогательно.

С первых же дней осени дела в студии пошли хорошо, и учениц становилось все больше. В декабре приехала Диана Гулд, жена нашего знаменитого скрипача Менухина. Я ей очень обрадовалась, она была одной из моих любимых учениц. Она привезла с собой небольшую труппу, которая должна была развлекать солдат.

27 февраля 1945 года к моей студии подъехал военный грузовик с труппой балета «Сэдлерз Уэллз» во главе с Нинетт де Валуа. Всего их было 20 человек, одетых в военную форму. Они хотели засвидетельствовать мне свое почтение. Я была очень рада встрече с двумя бывшими ученицами, Марго Фонтейн и Памелой Мэй. Несмотря на то, что в то время достать духи было очень трудно, я их все же раздобыла и подарила каждой по флакону. Английская балетная труппа должна была выступить в театре на Елисейских полях.

Многие мои прежние ученицы приехали из Англии и Америки, чтобы меня навестить. Среди них была одна из моих любимиц, Ширли Бридж.

Война подходила к концу. 2 мая русские войска заняли Берлин, а за два дня до этого соединились с союзниками на Эльбе. Германия капитулировала.

8 мая сирена взывала в последний раз, оповещая о победоносном завершении войны.

Второй приезд в Лондон

В мае 1950 года в Лондоне была основана Федерация русского классического балета. Ее создали 15 балетных школ, целью которых было сохранение основных канонов русского классического танца и обучение с помощью методики, разработанной в императорских балетных училищах.

Через одну из моих бывших учениц, Барбару Вернон, Федерация обратилась ко мне с просьбой взять над ней шефство, на что я охотно согласилась, так как ее цели были близки моему сердцу. Мне пришлось по душе идея продолжения традиций русского балета в английских школах танца. Это гарантировало балетному искусству солидную базу, что давало прекрасные результаты. Организаторы просили меня приехать на неделю в Лондон в мае 1951 года, чтобы принять участие в первом общем собрании членов Федерации. Кроме того, я должна была дать несколько показательных уроков, присутствовать на выпускных экзаменах и вручить выпускникам свидетельства со своей подписью.

21 мая я приехала в Лондон, где меня встретила Барбара Вернон со своим мужем Джоном Грегори и группой учениц. Разумеется, мы фотографировались, и было много цветов. Пятилетняя ученица Барбары Вернон, Виктория Даббит, вручила мне прелестную статуэтку Майкла Морриса.

С вокзала меня повезли в отель, расположенный напротив Кенсингтонского дворца и парка. Отель был старомодным, но симпатичным, и вечером я встретилась с репортерами и фотографами. В моем номере было полно цветов, которые присылали каждый день, и среди них букет сирени от Тамары Карсавиной. Я очень люблю сирень, потому что она напоминает мне о России.

На следующее утро, 23 мая, я присутствовала на первом туре экзаменов, Большую радость мне доставила встреча с моей бывшей ученицей Ниной Таракановой, ныне миссис Маклин. После экзамена меня попросили провести урок характерного танца, а я в свою очередь обратилась с просьбой к Нине Таракановой, чтобы она сделала это вместо меня. Она великолепно справилась с этой задачей, но в конце я не

выдержала и тоже приняла участие в занятии как преподаватель.

После этого мы поехали к Арнольду Гаскеллу, который пригласил меня на завтрак вместе с Тамарой Карсавиной. Он жил на небольшой прелестной вилле. Легко представить себе мою радость от встречи с Тамарой! Мы сидели и вспоминали прежние времена. Здесь же присутствовал ее муж, мистер Брюс, очень приятный человек, с которым я познакомилась только сейчас. Жена Арнольда Гаскелла была русской, а ее сестра вышла замуж за Марка Алданова. Гаскелл не говорил по-русски, но все понимал, что облегчало нашу беседу на русском языке.

Вечером мы поехали на фестиваль балета Антона Долина и Алисы Марковой. С нами был и Арнольд Гаскелл. В первом же антракте мою ложу заполнили знакомые и репортеры. Одну из журналисток интересовал мой размер обуви и диета, которой я придерживаюсь. Меня просто засыпали подобными вопросами. В этот момент появился Арнольд Гаскелл в сопровождении известного балетного критика Сирила Бомона. Услышав вопрос журналистки о моих выступлениях в Лондоне, Бомон ответил ей: «Не спрашивайте об этом мадам Кшесинскую. Лучше я сам вам расскажу». А вот что написала после интервью журналистка: «Сирил Бомон рассказал мне, что последнее выступление мадам Кшесинской в Лондоне состоялось в 1936 году. Она тогда танцевала «Русскую» в театре «Ковент-Гарден», в сарафане и кокошнике, расшитом жемчугом. Когда она закончила танец, ее вызывали на сцену 18 раз. Господин Бомон сказал, что и по сей день помнит отточенное мастерство и очарование ее танца, недостижимые для танцовщиц, не имевших возможности вращаться в российских придворных кругах».

По окончании спектакля меня проводили на сце-

ну, где мы сфотографировались с Антоном Долиным, Алисой Марковой и всей труппой.

24 мая, в четверг вечером, у меня в отеле состоялось общее собрание членов Федерации, состоящей почти из одних женщин. Джон Грегори произнес торжественную речь, в которой говорилось о деятельности Федерации, а в заключение обратился со словами приветствия в мой адрес. Ответную речь я подготовила заранее и произнесла ее по-французски, а затем Андрей перевел ее на английский. Потом подали чай, и я смогла пообщаться с присутствующими с помощью Барбары Вернон, которая любезно согласилась быть моей переводчицей. Мне представили скульптора Майкла Морриса, статуэтку которого я получила в подарок по приезду.

На следующий день Арнольд Гаскелл предложил мне осмотреть балетную школу «Сэндлерз Уэллз», директором которой он являлся, а также попросил посетить несколько уроков. Школа произвела на меня самое благоприятное впечатление, а методика обучения была очень похожа на нашу. Преподавали здесь бывшие или работающие в труппе артисты, люди с большим опытом. После посещения школы Гаскелл пригласил на завтрак меня, Шуру Данилову и Алису Маркову. Мы ели те же блюда, которые подавались в тот день ученицам.

На следующий день, 26 мая, меня пригласила на чай Нина Тараканова. Я познакомилась с ее мужем, который является одним из директоров Британского музея. От нее мы поехали во Французский институт, где должно было состояться ученическое представление, организованное Барбарой Вернон и Джоном Грегори, директорами Школы русского балета. При входе меня встретила уже пожилая мисс Флора Фейрбрейн с букетом цветов и проводила в зал. Когда мы вошли, все встали и встретили меня аплодис-

ментами, которые умолкли лишь тогда, когда я подошла к своему месту в первом ряду и, повернувшись к публике, поблагодарила ее поклоном за теплую встречу. Все это было так неожиданно, что из глаз у меня брызнули слезы.

Представление было очень интересным, его участники показывали классические и характерные танцы. Конечно, многое было примитивным, но некоторые ученики и ученицы определенно имели блестящий талант, о чем я потом сказала им самим и их родителям. После окончания спектакля меня вывели на сцену, и я стала раздавать свидетельства со своей подписью ученикам и ученицам, успешно сдавшим экзамены. Когда все закончилось, мы еще долго не могли разойтись. Родители спрашивали о моих впечатлениях, а дети окружили меня, словно стая птичек.

Оказанный мне прием был таким трогательным, что я помню его до сих пор. Я не думала, что в Лондоне помнят о моих выступлениях в 1911-м и 1936 году и так горячо меня встретят.

После таких переживаний нам не хотелось возвращаться в отель, и мы с Андреем решили поужинать в «Савое» и за бокалом вина вспомнить прежние времена, так как мы часто здесь ужинали в 1911 году.

Мы были приятно удивлены, увидев за соседним столиком сидевшего в одиночестве Давида Лишина. Он тоже был рад встрече и пригласил нас за свой столик. Втроем мы прекрасно провели вечер. Жена Лишина, Таня Рябушинская, была у себя в номере вместе с дочерью, и после ужина мы поднялись наверх, чтобы взглянуть на маленькую Таню, а заодно и позвонили в Париж Вове.

В воскресенье 27 мая мы уехали в Париж. На вокзале нас провожали с цветами Нина Тараканова, Джон Грегори и Барбара Вернон.

На родине обо мне не забыли

В 1957 году мне предоставился случай убедиться в том, что, несмотря на политические неурядицы и долгие годы, прошедшие с тех пор, как я покинула Россию, мое имя там не забыли. Эта новость несказанно меня тронула и обрадовала.

В 1957 году началась наша переписка с директором музея Чайковского в Клину, под Москвой. В своем первом письме он сообщил, что в музее нет никаких материалов, связанных с моей артистической деятельностью, а его, в частности, интересовало мое участие в балетах Чайковского. Он просил меня выслать фотографии и написать воспоминания о том, как я работала над ролями в балетах нашего выдающегося композитора. Два года спустя он отправил мне поздравление по случаю 30-летнего юбилея моей студии и просил прислать воспоминания о моих знаменитых ученицах, а также сведения о методике преподавания танца в студии. Директор музея написал, что я занимаю почетное место в истории не только русского, но и мирового балета, а потому грядущие поколения не простят мне, если я не напишу мемуары, в которых расскажу о выдающихся танцовщиках и танцовщицах, с которыми мне довелось встретиться в жизни.

Идя навстречу его просьбе, я послала в музей не только балетные туфельки, в которых выступала в последний раз, но и костюм, в котором исполняла в 1936 году «Русскую».

Я любила и люблю русское искусство, и все, что касается балета, не может оставить меня равнодушной. Ведь танец определил всю мою жизнь и сделал меня счастливой.

В 1958 году московский Большой театр приехал на гастроли в Париж. Несмотря на то, что после смер-

ти мужа я нигде не бывала и проводила все время в студии или дома, по такому случаю я решила нарушить это правило и поехала в Оперу. На спектакле я плакала от счастья... Это был все тот же балет, что и сорок лет назад! Я его сразу узнала... В нем сохранилась душа и прежние традиции. Конечно, техника теперь стала гораздо совершеннее. Совершенствование техники, разумеется, достойно похвалы, но только при условии, что балетная труппа не ставит перед собой цели эпатировать публику акробатическими трюками, а стремится очаровать ее красотой танца. В России, как нигде в мире, удалось соединить технику танца с настоящим искусством. А это великое дело.

Мой сон

В Сочельник, перед Рождеством Христовым, я наряжала елку и, споткнувшись о диван, так неудачно упала, что сломала ногу. Меня отвезли в американский госпиталь, где сделали очень тяжелую и сложную операцию. В госпитале, в ночь с 16-го (29) на 17 (30) января я увидела необычный сон.

Мне приснилось, что я вхожу в наше Театральное училище в Санкт-Петербурге вместе со своими ученицами, но не вижу их, а, как это бывает во сне, только чувствую, что они рядом. Я объясняю им расположение помещений: вот здесь, направо, два больших зала, где мы занимались и репетировали, а в день выпускного спектакля присутствовал государь император с семьей; в конце коридора находится маленький театр, где я выступала перед окончанием училища, а вот отсюда выходила после представления императорская фамилия.

И вдруг я услышала крик: «Идут! Идут!» На мой вопрос, кто идет, мне ответили: «Царская семья».

— Как же могут идти те, кого уже нет в живых? — спросила я.

— Это идут их души. — ответил чей-то голос, а потом все хором запели: «Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробе живот даровав...»

Хор трижды пропел эти слова, а потом мы бросились вниз встречать императора у открытых настежь входных дверей. На улице была буря, и шел проливной дождь. Вдруг кто-то крикнул, что государь император и его семья не могут войти. Тогда мы побежали наверх и снова трижды пропели: «Христос воскрес из мертвых...» Стоя в длинном коридоре, мы ждали царскую семью, и снова кто-то крикнул, что они не могут войти, а мы опять бросились на третий этаж и запели: «Христос воскрес...» Я бежала вместе со всеми и думала, что, увидев императора Александра III, упаду перед ним на колени и стану целовать ему руки. Но после того, как хор запел в третий раз, я проснулась вся в слезах.

Когда я окончательно пришла в себя, перед глазами у меня промелькнула вся моя жизнь. Лежа на больничной койке, я всю ее переживала заново. Именно тогда я решила написать мемуары. Меня подталкивала к этому какая-то неведомая сила, и я уже в госпитале начала работать над ними.

До этого мне часто предлагали взяться за мемуары, но я все отказывалась, так как не хотела возвращаться к прошлому и бередить еще не зажившие раны. Кроме того, не сохранилось бесценных для меня писем, посланных мне наследником престола, которые явились бы доказательством того, что все мои воспоминания о Ники и первой любви — сущая правда.

В своей жизни я познала любовь и нежность, боль и отчаяние. Пришлось мне столкнуться и со злом,

которого было немало. И все же, когда я пишу о проявленной по отношению ко мне подлости, то не называю лиц, виновных в этом, так как не хочу ни с кем сводить счеты и говорить о ком-либо плохо. Лучше я расскажу о тех, кто сделал мне много добра.

Пасхальная ночь 1952 года

Из-за сломанной ноги я не могла пойти на пасхальную службу, и поэтому мы решили включить маленький радиоприемник и послушать трансляцию из церкви на улице Дарю, где праздничное богослужение отправлял митрополит Владимир.

Передача должна была начаться в девять вечера. У меня в комнате собрались Андрей, Вова, уже успевший побывать в церкви на улице Мишель-Анж, где служба закончилась раньше, моя сестра Юлия, Феля Дубровская-Владимирова, недавно приехавшая из Америки, а также работавшие у нас Иосиф Александрович и Елизавета Павловна Грамматиковы.

Пасхальный стол с куличами, пасхами и освященными яйцами стоял у меня в комнате, а сама я устроилась в кресле.

Как только началась трансляция из церкви, каждый зажег свою свечу. Диктор рассказывал по-французски о том, что происходит около церкви, окруженной многолюдной толпой, которая заполнила не только церковный двор, но и все ближайшие улицы. Наконец диктор сказал, что процессия выходит из храма, и в следующее мгновение мы услышали приглушенное пение, которое становилось все громче по мере того, как хор выходил. Шедшие вслед за хором несли хоругви, иконы и крест, а потом появился митрополит в окружении священнослужителей. Пение затихало, когда процессия двигалась вокруг церкви, а потом снова становилось громче, и можно

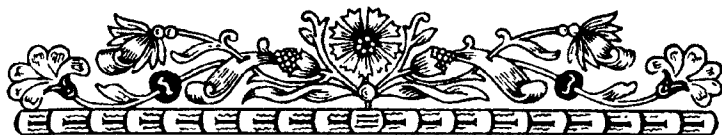
было разобрать каждое слово. Когда процессия вошла в церковь, а священнослужители собрались у алтаря, все затихло, и наступила напряженная тишина. Вдруг раздался красивый голос митрополита Владимира: «Христос воскрес!» И многоголосый хор ему ответил: «Воистину воскрес!» Мы тоже хором повторили: «Воистину воскрес!»

От волнения у нас на глаза навернулись слезы; и хотя мы находились далеко от церкви на улице Дарю, душой мы были вместе со всеми. Тысячи людей, разбросанных по всему свету, тоже могли духовно объединиться и помолиться вместе.

И тут я вспомнила свой сон. Как и тогда, я не видела, кто говорит и что происходит, и только слышала голос митрополита: «Христос воскрес!» и ответ верующих: «Воистину воскрес!» И я снова заплакала, как и тогда, во сне.

И вот я написала свои мемуары, а работая над ними, снова была счастлива и снова страдала.

Париж, 17 (30) марта 1954 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

17 (30) октября 1956 года внезапно скончался мой муж. Правда, в последние годы его здоровье сильно пошатнулось, и мы постоянно боялись за его жизнь, но в тот день не было никаких признаков близившегося конца. Он только что перенес грипп, который отнял у него много сил, но наш врач, навестивший мужа накануне, утверждал, что в ближайшее время ему ничто не угрожает, если не наступит неожиданное осложнение. В то утро Андрей сказал мне, что чувствует себя хорошо. Между двенадцатью и половиной первого он обсуждал с Вовой какие-то дела, а потом пошел к себе в кабинет, чтобы до завтрака написать письмо. Без четверти час он вдруг быстро вышел из кабинета и, направляясь в свою комнату, бросил на ходу: «У меня кружится голова». Это были его последние слова. Андрей успел только дойти до кровати и лечь, а через две минуты его не стало. Я сразу же позвала Вову, который был в своей комнате, и он еще застал отца живым.

Не могу выразить того, что я тогда пережила. Я никак не могла поверить, что всего верного друга жизни больше нет. Мы с Вовой заплакали и, опустившись на колени, стали молиться.

В семье Романовых мужчины редко жили дольше 70 лет. Только генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Михайлович, брат Александра II, дожил до 77-ми лет. Думаю, что Андрей пережил его почти на полгода благодаря постоянной заботе. Он был очень горд и счастлив, сознавая, что установил рекорд долголетия.

Господь послал ему легкую смерть. У него была светлая душа и доброе сердце. В те дни я могла убедиться в том, как его любили все: и русские, и французы, и люди других национальностей. Это было для меня большим утешением в горе.

В течение четырех дней Андрей был дома. У его гроба стоял почетный караул — офицеры и солдаты в мундирах старой русской армии. А я сидела рядом. Весь день приходили люди, чтобы отдать последний долг покойному, и дважды в день отправлялось заупокойное богослужение.

Наш маленький дом не мог вместить всех желающих, и люди стояли на лестнице и в саду. В день смерти Андрея на улице велись какие-то работы, и в течение 48 часов электричество было отключено, а дом освещался свечами. От этого на душе было еще тоскливее, но окружающее выглядело более торжественным.

Первую ночь я провела у гроба Андрея. Смерть еще не успела наложить на его лицо свой отпечаток, и казалось, что он спит. Не было только слышно его чудесного бархатного голоса. Андрея одели в мундир артиллерии конной лейб-гвардии, в которой он прослужил всю жизнь и которой командовал во время войны.

Великий князь Владимир, сын великого князя Кирилла, и его супруга, великая княгиня Леонида, едва узнав о смерти Андрея, сразу же приехали в Париж, и я им невыразимо благодарна за сочувствие и сер-

дечную заботу, которую они проявили по отношению ко мне в те тяжелые для меня дни.

Кроме них, на похороны прибыли великая княгиня Мария Павловна и княгиня Ирина Александровна, супруга князя Юсупова.

Глубокое и сердечное сочувствие выразили мне и великие княгини Ксения Александровна и Ольга Александровна, сестры покойного государя императора, а также сестра Андрея, Елена. Но больше всего, до слез, растрогало меня письмо Ольги Александровны. Ни одной из них уже нет на свете.

Отпевание состоялось 3 ноября в соборе Александра Невского в Париже. Отправлял его ныне покойный митрополит Владимир, а помогало ему почти все русское духовенство, живущее в Париже. Во время похорон собор, соборный двор и прилегающие к нему улицы были полны людей. Возможно, их было даже больше, чем на Пасху.

После богослужения гроб перенесли в нижнюю церковь, где он находился в течение двух месяцев, а потом поместили в склеп. Когда-нибудь останки Андрея будут перенесены в нашу церковь в Контрксевиле, выстроенную в 1912 году великой княгиней Марией Павловной, матерью Андрея, которая похоронена там вместе с сыном Борисом Владимировичем. Но я все откладываю решение этого вопроса: часто приезжать в Контрксевиль я не смогу, а посещения склепа с гробом Андрея и молитвы приносят мне облегчение.

Со смертью Андрея закончилась сказка, какой была наша с ним жизнь. У меня остался сын, который теперь стал единственным смыслом моего существования.

Когда я смотрю на великого князя Владимира, являющегося живым символом нашей династии и наследником русских царей, мне кажется, что передо

мной стоит император Александр III — так сильно они похожи.

И снова я слышу слова, сказанные мне Александром III в день выпускного спектакля: «Мадемуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета».

С почтением и благодарностью вспоминая слова Александра III, определившие всю мою жизнь, я и закончу свои воспоминания.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Семейные предания	9
2. Детство	14
3. Жизнь в доме	18
4. Жизнь в имении	21
5. Императорское Театральное училище	25
6. Первое вдохновение	32
7. Выпускной экзамен	34
8. Мой первый сезон в Красном Селе	41
9. На Императорской сцене	46
10. Счастливые дни	48
11. Сезон в Красном Селе	53
12. Начало самостоятельной жизни	59
13. Годы 1893 – 1894	67
14. Годы 1894 – 1895	73
15. Годы 1895 – 1896	78
16. Годы 1896 – 1897	83
17. Годы 1897 – 1898	90
18. Годы 1898 – 1899	95
19. Годы 1899 – 1900	100
Десятилетний юбилей	107
20. Годы 1900 – 1901	115
21. Годы 1901 – 1902	125
Рождение сына	130
22. Годы 1902 – 1903	132
23. Годы 1903 – 1904	139
24. Годы 1904 – 1906	145
25. Годы 1906 – 1907	151
26. Годы 1907 – 1908	158
27. Годы 1908 – 1909	164
28. Годы 1909 – 1910	172

29. Годы 1910 – 1911	180
Двадцатилетний юбилей	184
День моего рождения в Стрельне	191
Киевская трагедия	194
30. Лондонский сезон.	
Октябрь – ноябрь 1911 года	196
31. Годы 1911 – 1912	207
32. Годы 1912 – 1913	222
33. Годы 1913 – 1914	233
34. Годы 1914 – 1915. Война	240
35. Год 1916	251
Поездка на фронт	253
36. Январь – июль 1917 года	258
37. Июль – декабрь 1917 года	279
38. Январь – декабрь 1918 года.	
Кисловодск – бегство – Анапа	286
39. Октябрь 1918 – март 1920 года.	
Анапа – Кисловодск – Кап-д'Эль	306
40. Март 1920 – февраль 1929 года.	
В эмиграции	321
41. Мои встречи	336
42. Годы 1929 – 1954.	
Четверть века в Париже	355
Смерть великой княгини	
Виктории Федоровны	375
Арнольд Гаскелл	377
Первая поездка в Лондон.	
13 – 23 июля 1936 года	380
Федор Иванович Шаляпин	385
Вторая мировая война	389
Второй приезд в Лондон	400
На родине обо мне не забыли	404
Мой сон	405
Пасхальная ночь 1952 года	407
Послесловие	409

Литературно-художественное издание

МАТИЛЬДА КШЕСИНСКАЯ

Воспоминания

Ответственный редактор *А. Бушув*
Технический редактор *Ю. Коршунова*
Корректор *О. Храменко*

Подписано в печать 06.02.98
Формат 84×108¹/₃₂ Бумага газетная Печать офсетная
Гарнитура «Балтика» Усл. печ. л. 22,68 Уч.-изд. л. 16,19
Тираж 21 000 экз. Зак. 162

Фирма «Русич» Лицензия ЛР 040432
214016, Смоленск, ул. Соболева, 7

Издание выпущено при участии ООО «Сервег»
Лицензия ЛВ 34 от 29.08.97
220013, Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2

Отпечатано с готовых* диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати»
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79